

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ : ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

1941-1945

**THE GREAT VICTORY IN REALITIES OF THE MODERN EPOCH:
HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL SECURITY**

COLLECTED PAPERS

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

Правительство Свердловской области
Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Свердловская областная общественная организация
ветеранов войны, труда, боевых действий,
государственной службы, пенсионеров

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Сборник научных статей

Екатеринбург
Сократ
2020

Government of the Sverdlovsk region

Russian academy of sciences

Ural branch

Institute of history and archeology

Ural federal university

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Sverdlovsk regional public organization of veterans of war,
labour, military operations, civil service, and pensioners

**THE GREAT VICTORY
IN REALITIES OF THE MODERN EPOCH:
HISTORICAL MEMORY
AND NATIONAL SECURITY**

Collected papers

Yekaterinburg

Socrates

2020

УДК 94 (470.5)
ББК 63.3 (О) 62 Я4
В272

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. Сборник научных статей.

Екатеринбург: Сократ, 2020. 336 с.

ISBN 978-5-906350-72-5

В представленных в сборнике научных статьях в концептуально-теоретическом, историографическом и конкретно-историческом плане анализируются проблемы решения в экстремальных условиях Великой Отечественной войны вопросов оборонно-промышленного, институционально-политического, социально-экономического, военно-организационного и социокультурного характера.

Содержание статей расширяет базу военно-исторических знаний, способствует выработке научных критериев объективного осмысления и позитивного восприятия народного подвига в исторической памяти поколений. Опубликованные материалы направлены на улучшение деятельности системы патриотического воспитания населения, укрепление национальной безопасности Российской Федерации.

Сборник предназначен для широкого круга читателей, всех кто интересуется региональной, общероссийской и мировой историей.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20–09–20017

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. СПЕРАНСКИЙ,

доктор исторических наук, академик АВИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Н. Мельников, к.и.н. (ответственный секретарь),

Д. В. Бугров, к.и.н., М. И. Вебер, к.и.н., В. В. Запарий, д.и.н., В. А. Македонская, д.и.н.

А. С. Палкин, к.и.н., Г. В. Серебрянская, д.и.н., А. В. Федорова, д.и.н.

© Институт истории и археологии УрО РАН

© Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б. Н. Ельцина

© Коллектив авторов

ISBN 978-5-906350-72-5

UDC 94 (470.5)
BBK 63.3 (O) 62 Я4
B272

**THE GREAT VICTORY IN REALITIES OF THE MODERN EPOCH:
HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL SECURITY. Collected papers.**

Yekaterinburg: Socrates, 2020. 336 p.

ISBN 978-5-906350-72-5

The book contains papers that analyse the problems of solving military-industrial, institutional-political, socio-economic, military-organizational and sociocultural issues in the extreme conditions of the Great Patriotic war in a conceptual-theoretical, historiographical and concrete-historical way.

The content of the papers expands knowledge in military history, contributes to the development of academic criteria for unbiased understanding and positive reception of the national feat in the historical memory of generations. The published texts help to improve the system of patriotic education of the population and strengthen the national security of Russian Federation.

The book is for a wide range of readers, all who are interested in history of Russian regions, history of whole Russia and world history.

This work was supported by the RFFI
in the framework of the research project № 20–09–20017

EDITOR- IN-CHIEF

A. V. SPERANSKY,

Doctor of Sciences (History),

Member of the Academy of Military Historical Studies

EDITORIAL BOARD:

N. N. Melnikov, Candidate of Sciences (History) (executive secretary),

D. V. Bugrov, Candidate of Sciences (History), M. I. Weber, Candidate of Sciences

(History), V. V. Zapariy, Doctor of Sciences (History), V. A. Makedonskaya, Doctor

of Sciences (History), A. S. Palkin, Candidate of Sciences (History), G. V. Serebryanskaya,

Doctor of Sciences (History), A. V. Fedorova, Doctor of Sciences (History).

© Institute of history and archaeology, Ural
branch of Russian academy of sciences

© Ural federal university named after the
first President of Russia B. N. Yeltsin

© Team of authors

ISBN 978-5-906350-72-5

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам конференции Губернатора Свердловской области Е. В. КУЙВАШЕВА	10
--	----

Раздел I.

ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

СПЕРАНСКИЙ А. В. Война и мировая история: концептуально-теоретический аспект	12
МОЗОХИН О. Б. Организация партизанского движения в годы Великой Отечественной войны	20
МАКЕДОНСКАЯ В. А. Проблемы восстановления экономики в освобожденных районах Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны	25
СЕРЕБРЯНСКАЯ Г. В. Тыловые регионы России времен Великой Отечественной войны в новейшей отечественной историографии	30
РОМАНЬКО О. В. Военный коллаборационизм советских граждан в период Второй мировой войны: трансформация взглядов на проблему в контексте общественно- политических процессов	35
СУЛЕЙМАНОВА Р. Н. Война и общество: особенности мобилизации (региональный опыт).....	41

Раздел II.

В ТЫЛУ КАК НА ФРОНТЕ: ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА В ДЕЙСТВИИ

АРТЁМОВ Е. Т. От войны к миру: экономические приоритеты четвертой пятилетки	44
БЕДЕЛЬ А. Э., БОЧКАРЁВА И. А. Становление ядерно-оружейных работ в СССР в годы Великой Отечественной войны	49
ГОРБАЧЁВ О. В. Советская деревня в годы Великой Отечественной войны в зарубежной историографии.....	53
ДОЯР Л. В. Кривбасс на Урале: Победа, одна на всех	59
ЗАПАРИЙ Вас.В., ЗАПАРИЙ В. В. Решение задач инженерно-технической оптимизации в танковом производстве Урала периода Великой Отечественной войны.....	63
ЗУБКОВ К. И. Урало-Сибирский тыл Великой Победы в оценках американских союзников	68
КОВАЛЁВ С. Н. Ленинград и Урал в годы Великой Отечественной войны: военно- экономический аспект	73
МЕЛЬНИКОВ Н. Н. Кризис заготовительного производства в 1942–1943 гг. как сдерживающий фактор развития танковой промышленности СССР.....	78
МИХЕЕВ М. В. Железные дороги Урала и Сибири в свете косвенного ущерба для СССР от Второй мировой войны.....	81

ПЬЯНКОВ С. А., СУШКОВ А. В. Своевременный автомобиль: из истории производства ЗИС-5 в годы Великой Отечественной войны.....	85
СИМОНОВ М. А. Предвоенный генеральный хозяйственный план на 1943–1957 гг.: «контрольные цифры» и реальные результаты».....	90
ЧЕРНЫШЕВ К. А., ЧЕРНЫШЕВА Н. В. Миграции жителей Кировской области на Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	95
ШУМКИН Г. Н. Перечень сведений запрещенных к опубликованию как источник состояния историографии Великой Отечественной войны	100

Раздел III.

НАПЕРЕКОР НЕВЗГОДАМ:

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

АПОЛОВНИКОВ А. А. Спекулятивная торговля на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: причины и факторы.....	103
БАРАНОВ Е. Ю. Исторические источники о демографической трансформации в уральской деревне в 1940-е годы.....	109
БУГАЙ Н. Ф. Вопрос о территориях в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в условиях принудительных переселений и обеспечение безопасности государства. 113	
ВОРОБЬЕВ С. В. «Дорогой тов. Андрианов! Обращаюсь к Вам за помощью»: письмо товарища Сухова первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б).....	119
ГЛАВАЦКАЯ Е. М., ЗАБОЛОТНЫХ Е. А. Еврейская религиозная община Свердловска в годы войны.....	125
КЛИНОВА М. А. Стандарты материального потребления в отечественной газетной рекламе второй половины 1940-х годов	130
КОДИНЦЕВ А. Я. Судебная деятельность органов юстиции Югры в условиях военного времени.....	135
КОРНИЛОВ Г. Е. Структурные изменения населения Урала в условиях Великой Отечественной войны.....	141
МАЗУР Л. Н. Великая Отечественная война и крестьянская семья: социально-демографические последствия	146
ПАСС А. А., УСОЛЬЦЕВА Н. Л. Особенности применения закона от 7 августа 1932 года об охране социалистической собственности в условиях Великой Отечественной войны.....	151
ПОТЁМКИНА М. Н. Деятельность народных судов Челябинской области по пресечению экономических преступлений в годы Великой Отечественной войны ..	157
ТАБУЛДЕНОВ А. Н. О депортации народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны.....	161
ТАРАКАНОВ М. Ю. Трансформация демографической структуры населения города Нижний Тагил в условиях Великой Отечественной войны.....	166
УСОЛЬЦЕВА Н. Л. Экономическая преступность среди несовершеннолетних на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны.....	173

ЧЕРНЫШЕВА Н. В. Естественный прирост (убыль) населения Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны..... 177

Раздел IV.

В БОЯХ ЗА РОДИНУ: МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ ФРОНТОВИКОВ

- АННАОРАЗОВ Д. С. Славный воин, видный ученый, замечательный человек (Слово о Герое Советского Союза Пена Реджепове)..... 182
- ГОЛИКОВА С. В. Подарки фронтовикам от школьников: параллели между Великой Отечественной и Первой мировой войнами (на материалах Урала)..... 188
- ЖАНБОСИНОВА А. С. Дело НКВД-НКГБ Казахской ССР: немецкие агенты-парашютисты..... 194
- КРАСНОЖЕНОВА Е. Е. Военная повседневность в решениях городских комитетов обороны..... 199
- КОРОВИН В. В. От Урала до Курской дуги: участие 70-й армии в оборонительных боях на Тепловских высотах 203
- КУЗЬМИНЫХ А. Л. Борьба с диверсантами и дезертирами в Вологодской области в завершающий период Великой Отечественной войны 207
- РАХИМБЕКОВА А. К. Солдат Победы. В. С. Черников..... 211
- СМИРНОВ С. В. Деятельность советской разведки в Маньчжурии в преддверии Советско-японской войны 1945 г..... 217
- ФЁДОРОВА А. В. Эвакуированные военно-учебные заведения в условиях Отечественной войны (на материалах Чкаловской области)..... 221

Раздел V.

В ДУХОВНОМ ЕДИНЕНИИ: КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОБЕДЫ

- БУГРОВ К. Д. Память о свердловском сульфидине: И. Я. Постовский и Уральская химическая школа в региональной и национальной историографии Великой Отечественной войны..... 225
- ВОЛКОВ Е. В., САПРОНОВ М. В. Кинотеатры Челябинска в период Великой Отечественной войны: социальное пространство досуга или агитмассовой работы?..... 230
- ГОРБАЧЕВ О. В., МАЗУР Л. Н. Свердловск в годы Великой Отечественной войны: факторы развития человеческого потенциала..... 234
- ЖУРАВЛЁВА Н. С. «Урал в обороне: дневник писателя» М. С. Шагинян: особенности восприятия локуса 239
- ЛИПАТОВ В. А. Завещание ветерана (сборник-альбом участника Великой Отечественной войны Н. Я. Голубчикова)..... 243
- МОХОВ А. С., ШАМАНАЕВ А. В., КАПСАЛЫКОВА К. Р. «Их имена отныне будут неразрывно связаны с историей Херсонесского музея»: эвакуация культурных ценностей в Свердловск (1941 г.)..... 248

ПОСТНИКОВ С. П. Героическое наследие Великой Отечественной войны в памятниках истории и культуры Свердловска – Екатеринбурга	253
СОЛОПОВА О. А., СИБИРЯКОВ И. В. Урал в годы Великой Отечественной войны в отечественном и зарубежных военно-публицистических дискурсах: некоторые проблемы создания нового интернет-ресурса.....	256
ТИМОФЕЕВ Д. В. Актуализация исторической памяти как инструмент идеологической мобилизации: образы войны 1812 года в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.....	261
ТРОФИМОВ А. В. Образ Победы в газете «Уральский рабочий» (1946–1956 гг.)....	266
ФИЛАТОВ В. В. Финансово-хозяйственная деятельность высших учебных заведений в условиях Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского горно-металлургического института)	271
ЧЕРНЫШЕВА М. А. Уральский промышленный тыл в военно-публицистическом дискурсе Франции 1939–1945 гг. (на материале оцифрованных текстов онлайн-библиотеки Gallica).....	275

Раздел VI.

ЦЕНА ПОБЕДЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

ВАГИНА Т. С. Образ СССР в британском публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны: динамический аспект.....	279
ВЕЛЛИС М. В. Проблемы интерпретации Второй мировой войны в современной англоязычной историографии.....	284
КОШКАРОВА Н. Н. Ревизионистские теории как орудие информационно-психологической войны.....	289
КОРОЛЁВ П. И. Школьный педагог против фальсификации истории Великой Отечественной войны: современные реалии национальной безопасности РФ	293
ЛАНДГРАФ-ДИТЦ Д. Р. Советские (русские) мемориалы и военные кладбища Второй мировой войны в Германии	298
ЛОБАНОВ В. В. К вопросу о творческой компоненте формирования патриотизма в кадетской среде	301
ЛОЙКО А. И. История Великой Отечественной войны в семейных биографических эссе студентов Беларуси и Урала.....	306
МАЛЫШЕВА Е. М. Цена победы и уроки войны в современных реалиях национальной безопасности России	310
МАМЯЧЕНКОВ В. Н. Женщина из легенды: Лидия Лисовская, соратница Н. И. Кузнецова.....	316
МАРЧЕНКО К. А. Особенности военно-политического дискурса: роль личности в дискурсе Великой Отечественной войны	322
РЫБАКОВ С. В. Правда о войне на фоне старых мифов и новых фальсификаций... 326	

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ
Всероссийской научной конференции
(с международным участием)
«Великая Победа в реалиях современной эпохи:
историческая память и национальная безопасность»

Дорогие друзья, коллеги!

Приветствую участников научной конференции «Великая Победа в реалиях современной эпохи: историческая память и национальная безопасность»!

9 мая 2020 года наша страна отметила 75-летие Великой Победы. Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории каждой семьи в нашей стране. День Победы – это память о тех людях, которые ценой своей жизни отстояли свободу и независимость Отчизны. Он объединяет всех россиян чувством искренней благодарности и уважения к нашим ветеранам, к поколению победителей, к героической и славной истории Отечества.

За великую победу наша страна заплатила великую, немислимую цену.

Было разрушено 1700 городов, в руинах лежали 6 миллионов зданий, почти 27 миллионов советских граждан погибло в результате этой войны.

Победа в Великой Отечественной войне завоевывалась на полях сражений, но ковалась в тылу. Опорным краем державы стал Урал. Именно здесь было изготовлено 40 процентов оружия и боевой техники, две трети всех танков и самоходных установок, выпущенных за годы войны в стране. Именно эта мощная тыловая поддержка помогла переломить хребет фашизму.

В самый трудный час Свердловская область подставила Родине свое надежное, крепкое плечо. Из наших городов и сел ушли на фронт около семисот тысяч человек. Свою храбрость, отвагу и стальной уральский характер они не раз доказали в бою и покрыли себя неувядаемой славой.

В памяти уральцев навсегда останется героическая страница летописи Великой Отечественной войны – создание Уральского добровольческого танкового корпуса. Это был массовый трудовой и боевой подвиг уральцев, аналогов которому не знает мировая история. В самые сжатые сроки уральцы укомплектовали и оснастили крупное воинское соединение. Все необходимое для танкистов снаряжение было произведено напряженным трудом наших земляков. Уральские танкисты-добровольцы начали боевой путь на Курской дуге и дошли до Берлина и Праги, с честью выполнили наказ вернуться с победой, данный жителями края.

Мы в вечном, неоплатном долгу перед нашими фронтовиками и тружениками тыла. Ничто не забыто. Никто не забыт.

Нет и никогда не будет в мире такой силы, которая заставила бы нас отказаться от своей исторической памяти, отречься от своих корней. Подвиг народа священен. Он будет жить и вечным огнем гореть в наших душах и сердцах.

За 75 лет, минувших со дня Великой Победы, уже не стало многих из тех, кто смотрел в глаза смерти на фронте, нес бессонную трудовую вахту в глубоком тылу. Новые поколения, не знающие бед и лишений войны, должны сохранить память о подвиге своих предков, подаривших им эту счастливую жизнь.

Наша задача – не допустить пересмотра истории, искажения событий и фактов Великой Отечественной войны. Наши усилия и впредь будут направлены на то, чтобы историческая память стала ценностной основой нашего общества. Мы продолжим воспитывать у подрастающего поколения чувство гордости за свою страну на примерах ее героического прошлого, важнейшей частью которого является победа в Великой Отечественной войне.

Уверен, что научный форум, собравший специалистов по военной истории, экспертов и ученых, внесет достойную лепту в решение этой задачи.

Желаю всем участникам и гостям конференции интересной и насыщенной работы, плодотворных дискуссий, всего самого доброго.

*Губернатор Свердловской области
Е.В. Куйвашев*

Раздел I.

ПОБЕДА НАД ФАШИЗМОМ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 94(47)

А. В. Сперанский*

ВОЙНА И МИРОВАЯ ИСТОРИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье проанализирован феномен войн, имевших место в человеческой истории, показана природа возникновения военного противостояния между людьми, вскрыты причины и определена типология вооруженных конфликтов. Особый акцент делается на войнах и локальных конфликтах XX века, возникавших и развивавшихся при непосредственном участии России. Продемонстрирована роль Уральского региона, который мощью своей промышленности и доблестью воинских подразделений всегда помогал стране защищать государственную независимость, отстаивать национальные интересы, укреплять международный авторитет.

Ключевые слова: человечество, Россия, Урал, война, внутренние противоречия, международные отношения, теология, психология, враждебность, героизм.

Мировую историю невозможно представить без войн, так как с момента своего зарождения человечество вступило в перманентное состояние войны в котором, за редким исключением, находится в течение многих тысячелетий своего существования. К сожалению, враждебность в отношениях стала отличительной чертой общественного развития. Стремление одних людских групп организовать в нем полезное и результативное для себя социальное функционирование рано или поздно приводило к недоверию других, порождало яростную конфронтацию.

В эпоху первобытных обществ война не проявлялась в ее современном понимании. Но примитивный способ производства способствовал

---

* Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия; avspersansky@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

возникновению многочисленных межплеменных и межродовых столкновений, так как используемые орудия труда не давали возможности обеспечить даже минимальные потребности людей. Чтобы добыть средства к существованию, племена нападали друг на друга, отнимая у противника места охоты и рыбной ловли, пастбища и продукты питания. Враждебность между племенами и родами зиждилась также на их разобщенности, изолированности, обычаях кровной мести и т. п.

С оформлением государства, в период античности и Средних веков, военное противоборство приобретает политический смысл и начинает полностью соответствовать классической дефиниции, данной прусским военачальником, военным теоретиком и историком Карлом фон Клаузевицем [4] и повторенной основателем советского государства в России Владимиром Ильичем Лениным. Определение того, что «война есть просто продолжение политики другими» (именно насильственными) «средствами» [5, с. 224] четко показывает ее сущность и цели.

Политическое содержание войны становится еще рельефнее на этапе новой и новейшей истории. Ее возникновение определяется противоречиями эпохи, политическими задачами сражающихся социальных слоев и государств. Ход и исход войны становится напрямую зависим от действующего в воюющей стране политического режима, его идеологии, воздействующей на моральный дух народа, от имеющегося социально-экономического фундамента, наличия материального и военного потенциала, уровня развития науки и техники.

Война как инструмент достижения геополитических целей не исключается из арсенала международных отношений даже нынешними политиками. Хотя каждому из них доподлинно известно и понятно, что в условиях современного мира при наличии ядерного оружия конфликты между народами и странами чреватые полным уничтожением человечества.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что из пятидесяти пяти столетий мировой истории человечество прожило в мире лишь 300 относительно спокойных лет. За пять с половиной тысячелетий в рамках земной цивилизации произошло 15 тысяч больших и малых войн. Они нанесли человечеству колоссальный материальный урон, содействовали полному уничтожению высокоразвитых городов, государств и целых народов. В кровавых военных столкновениях, замешанных на непримиримой враждебности, было загублено 3,6 миллиардов человеческих жизней [7, с. 13, 14].

Осмыслить феномен войны, приносившей неисчислимые страдания нашей планете, люди пытались во все времена. Восходящий к античности конкретно-исторический подход отрицает наличие каких-либо универсальных причин возникновения войн и связывает их происхождение только с их локальным историческим контекстом. Теологическое объяснение, имеющее ветхозаветные корни, показывает войну как способ утверждения истинной религии, арену воплощения в реальную жизнь некоего божественного провидения, утверждающего правоту истинно верующих.

Война как проявление массового психоза представлена в умозаключениях З. Фрейда. Философ и его последователи понимают войну как результат проявления человеческих интуиций, в том числе инстинкта смерти, якобы базирующегося на человеческой потребности к саморазрушению. Уже упомянутый выше К. Клаузевиц и многочисленные приверженцы его воззрений выводят происхождение войн из международных споров и дипломатических противоречий. В противовес адептам прусского военного теоретика представители социологического направления (Э. Кер, Х.-У. Велер и др.) считают войну продуктом внутренних социальных условий и социальной структуры воюющих стран.

Стремление государств к расширению своих границ из-за недостатка «жизненного пространства» определяют главной причиной войн сторонники геополитического подхода (К. Хаусхофер, Дж. Киффер). В демографической теории, восходящей своими корнями к идеям английского экономиста Т. Р. Мальтуса, война возникает как функциональное средство уничтожения демографических излишков и восстановления баланса между численностью населения и количеством средств существования. Антагонизм между общечеловеческими ценностями, национальными и наднациональными интересами ведет к началу войны, по мнению адептов космополитической интерпретации. В информационной теории происхождение войны объясняется недостатком информации.

В рамках экономической теории преобладает утверждение о том, что война происходит в результате стремления имущих слоев к приумножению своих богатств за счет захвата новых источников сырья и энергии, рынков сбыта и дешевой рабочей силы. По сути, этот вывод полностью соответствует историко-материалистическому подходу, объясняющему, что войны способствуют укреплению власти господствующих классов и посредством апелляции к религиозным или националистическим идеалам, раскалывают и ослабляют мировую пролетариат.

Многообразный спектр толкований сущности происхождения войн приводит к серьезным проблемам в классификационном распределении войн, осложняющемся их типологическим взаимопроникновением. Однако, несмотря на то, что различные типы войны часто переплетаются друг с другом, более или менее стройная классификация войн возможна в соответствии с предъявляемым к ним критериям.

Определяющим критерием классификации войн являются цели. Основываясь на этом можно выделить захватнические, колониальные, религиозные, династические, торговые, национально-освободительные, патриотические и революционные войны. Каждая из них тоже отличается по характеру противоборствующих сторон (внешние и гражданские); по размаху боевых действий и количеству задействованных в них сил и средств (крупномасштабные и локальные); по способам ведения (наступательные, оборонительные, регулярные и партизанские); по месту проведения (сухопутные, морские, воздушные, береговые, крепостные, полевые и т. п.).

Кроме того, все войны имеют моральный критерий, позволяющий определить их справедливый или несправедливый характер. Достаточно утопичное понимание «справедливой войны», восходящее к античной философии, позволяет начать военные действия только ради защиты правопорядка после исчерпания всех мирных средств предотвращения конфликта, не причиняя страданий гражданскому населению. Особую актуальность эта идея, базирующаяся на необходимости «гуманитарных военных акций» для сдерживания эскалации насилия, приобретает в период новейшей истории человечества.

Важно отметить еще одну позитивную сторону войны, заключающуюся в том, что основываясь на известном изречении «хочешь мира, готовься к войне», человечество постоянно модернизировало свои вооружения. А это при всей парадоксальности и издержках обозначенного процесса придавало и придает научно-техническому прогрессу стремительное ускорение, обеспечивающее высокий уровень общего развития «планеты людей».

Если к высказанным положительным характеристикам войны добавить еще и неподдельный интерес людей к батальным сюжетам, высветить проблему героизации боевых действий, завораживающих нас величиим подвигов, гением полководцев, красотой мундиров и блеском оружия, то, к удивлению, обнаруживается ситуация, при которой пугающий образ «клячи войны», в человеческом сознании может неожиданно трансформироваться в фигуру «ретивого жеребца», готового резвиться на необъятных просторах земли пока существует человечество.

Особое место среди множества сражений и военных кампаний, имевших место в истории человечества, занимают войны двадцатого столетия. В этот период земная цивилизация пережила две мировые и более 400 средних и малых войн [3, с. 305], значительно отличавшихся от боевых столкновений предшествующих эпох масштабами охвата территории, размахом боевых действий, количеством задействованных в боевых операциях живой силы и военной техники. Если в предшествующие периоды баталии имели сравнительно узкую экономическую базу и велись, как правило, только профессиональными армиями, то в XX веке, они потребовали громадного напряжения экономики и людских ресурсов воюющих сторон. По данным статистики, в Первой мировой войне 1914–1918 гг. приняли участие свыше 1,5 млрд чел. [6, с. 314], во Второй мировой войне 1939–1945 гг. – 1,7 млрд [1, с. 192].

Войны двадцатого столетия отличались от боевых действий предшествующих периодов огромными людскими и материальными потерями, небывалыми прежде разрушениями и бедствиями. Только в Первой и Второй мировых войнах погибло более 60 млн чел. [2, с. 136, 218], тогда как в европейских войнах XVII в. общее число убитых и умерших от ран и болезней составило 3,3 млн чел., в XVIII в. – 5,4 млн, в XIX и начале XX вв. (до Первой мировой войны) – 5,7 млн чел.

Много раз военные испытания обрушивались и на нашу Родину. В XX веке Россия испытала поражение в Русско-японской войне, познала горечь неудач в Первой мировой войне, пережила трагедию революций и Гражданской

войны. В 1941–1945 гг. наша страна отразила агрессию фашистской Германии, участвовала в многочисленных локальных конфликтах послевоенных десятилетий.

В яростных схватках с врагами Россия всегда поддерживалась регионами, дававшими ей могучую силу непобедимых полков и всесокрушающую мощь боевого оружия. Одним из столпов, поддерживающих Отечество в борьбе с грозным противником, был Уральский регион, в чьей истории особое место занимает Великая Отечественная война. В эти трагические и героические годы в результате колоссального напряжения всех сил и возможностей Урал стал «опорным краем» СССР и «становым хребтом» его обороны. Здесь в результате «великого переселения на Восток» 830 предприятий и более 2 миллионов эвакуированных, был создан уникальный оборонно-индустриального комплекс, не имевший аналогов в мировой истории. На предприятиях Урала трудилась 1/5 всех промышленных рабочих страны, сумевших шестикратно превзойти довоенный уровень выпуска оборонной продукции, составившей 40 % от общесоюзных показателей. Уральская военная промышленность произвела 100 % самоходных артиллерийских установок, 67 % танков, превзойдя все немецкое производство бронемашин этого типа. На уральских заводах было изготовлено 75 % стрелкового оружия, не менее 50 % пушек и боеприпасов [9, с. 267, 268, 274].

За военный период на Урале было сформировано более 500 воинских частей и соединений. Выполнив роль кузницы боевых резервов, регион отправил на фронт более 2 миллионов солдат и офицеров, 600 тысяч из которых не вернулись домой, сложив голову на полях сражений. Бессмертной славы покрыли себя военнослужащие Уральского добровольческого танкового корпуса. Получив боевое крещение на Курской дуге, они громили фашистов на Украине и в Польше, участвовали в штурме Берлина и освобождении Праги. 35 танкистов-добровольцев были удостоены высшей награды СССР – звания Героя Советского Союза.

Всего этой высшей наградой Родины были отмечены более 1 000 человек, воевавших в частях и соединениях, сформированных Уральским военным округом. 278 Героев Советского Союза дала земля Башкирии; 110 – Удмуртии; 241 – Свердловской; более 170 – Челябинской; 153 – Оренбургской; более 100 – Пермской; более 80 – Курганской областей. Дважды удостоивались этого звания бесстрашные летчики М. П. Одинцов, Г. А. Речкалов, Г. Ф. Сивков, Е. М. Кунгурцев, К. А. Евстигнеев, М. Г. Гареев и отважные танкисты С. В. Хохлаков и В. С. Архипов. Уроженцами уральской земли были и крупные военачальники, прославившиеся громкими победами в годы Великой Отечественной войны. Среди них маршал авиации Ф. Я. Фалалеев, вице-адмирал Ф. С. Седелников, генералы Ф. И. Голиков, М. С. Шумилов, А. И. Родимцев и другие [2, с. 227, 228, 233, 236, 237, 239].

Великая Победа над фашистским агрессором приобрела всемирно-историческое значение, так как, заплатив страшную цену в 27 миллионов жизней, Советский Союз отстоял свою национальную независимость, спас

от «коричневой чумы» поработанные народы Европы. Эта была безоговорочная победа не только нашего государства и военного искусства, но и советской экономики, науки, культуры. Она усилила консолидацию советского общества, укрепила влияние СССР на международной арене, дала ему возможность создать крепкий блок союзных государств. В конечном итоге это обеспечивало национальную безопасность нашего государства, гарантировало советскому социуму возможность мирного созидательного труда [8, с. 14].

И после завершения военных действий вплоть до наших дней Уральский регион продолжает оставаться мировой кузницей по изготовлению различных видов вооружений и признанным центром подготовки высококвалифицированных военнослужащих. Оборонные заводы Урала оснащают армию первоклассным стрелковым оружием, высокоэффективной бронетехникой и мощной артиллерией. Значительно подняли планку конструкторской мысли в области стрелкового дела технические инновации М. Т. Калашникова, принесшие созданным им автоматам и пулеметам всемирную славу. Настоящими символами уральской оборонки и мощнейшим фактором сдерживания потенциального агрессора стали произведенные уральской оборонкой реактивные системы залпового огня и ракетно-зенитные комплексы. Успешно конкурируют с лучшими западными образцами танки, сделанные на нижнетагильском «Уралвагонзаводе».

Во втором пятидесятилетии «космического столетия» на основе масштабных научных открытий в Уральском регионе был организован мощный научно-производственный ракетно-ядерный комплекс, не имевший аналогов в мировой истории. На построенных комбинатах стали осуществлять производство расщепляющихся материалов, наладили сборку и выпуск серийных ядерных боеприпасов. В конструкторских бюро, возглавляемых замечательными учеными В. П. Макеевым, Н. А. Семихатовым, Л. В. Люльевым и др., были сконструированы инновационные типы ракет разнообразного базирования, способные прорвать противоракетную оборону противника и поразить любой неприязельский объект.

Во второй половине двадцатого столетия человечество сумело избежать новой мировой войны. Однако противоборство между ведущими мировыми державами продолжалось и приобрело характер системного противостояния. В возникшей холодной войне между Советским Союзом и Западом, возглавляемым Соединенными Штатами Америки, конфронтация явственно проявлялась во всех сферах человеческой жизнедеятельности: социально-экономической, общественно-политической, идеологической и социокультурной. Напряжение порой достигало кульминационного предела, порождая локальный военный конфликт. Война велась, как правило, второстепенными государствами, но лидеры мировой цивилизации завуалированно участвовали в ней, помогая противникам вооружением и военными специалистами. Во времена корейской, вьетнамской, в арабо-израильских столкновениях, ирано-иракском конфликте и других местах международной напряженности на практике

апробировалось новое советское и американское оружие, проверялись новые военные доктрины, разработанные в Москве и Вашингтоне.

В этих локальных конфликтах ограниченно участвовал и Уральский регион, направляя под завесой секретности в точки напряженности небольшие партии вооружений и отдельных военных специалистов. Своего рода исключением стала война в Афганистане (1979–1989 гг.). В ограниченном контингенте советских войск (ОКСВ) приняли участие 7 тыс. уральцев и 1,5 тыс. военнослужащих частей Уральского военного округа. Многие из них погибли на не гостеприимной афганской земле, получили серьезные ранения или оказались во вражеском плену. Более 4 тыс. уральских воинов за участие в боях и проявленные в них мужество и героизм были награждены орденами и медалями Советского Союза и Демократической Республики Афганистан [10, с. 10].

Таким образом, история показывает, что в XX веке война как самое радикальное средство борьбы за существование оставалась важнейшим фактором решения спорных проблем. Россия многократно участвовала в различных военных конфликтах, борясь за суверенитет, укрепляя международные позиции. Урал мощью своего военно-промышленного комплекса и эффективными действиями профессионально подготовленных воинских подразделений всегда помогал ей реализовывать поставленные цели.

К сожалению, и в XXI веке известное изречение Гераклита «война – отец всего» остается злободневным. По-прежнему в самом эпицентре международных противоречий находится Россия, подвергающаяся нападкам и угрозам со стороны своих геополитических соперников. Поэтому ее военно-технический потенциал как гарантия безопасности должен постоянно развиваться и крепнуть. Нужно демонстрировать свою оборонную мощь и постоянно помнить, что нападают лишь на слабых, на сильных – никогда.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война. 1941–1945 : Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
2. Военная история Урала. События и люди / под ред. А. В. Сперанского. Екатеринбург: Сократ, 2008. 318 с.
3. Военные доктрины и реформы России в XX веке. М.: Ветеран отчизны, 1997. 503 с.
4. Клаузевиц К. О войне. М.: Эксмо, 2007. 864 с.
5. Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. 5 изд., Т. 26. М.: Госполитиздат, 1961. С. 209–265.
6. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2001. 520 с.
7. Сахаров А. Н. «Священный союз»: опыт международного сотрудничества в первой половине XIX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 13–23.
8. Сперанский А. В. Урал и Великая Отечественная война: вопросы истории

в контексте национальной безопасности // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2005. С. 14–24.

9. Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 496 с.

10. Черный тюльпан. Книга памяти. Афганистан 1979–1989. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. 333 с.

A. V. Speransky

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

WAR AND WORLD HISTORY: CONCEPTUAL AND THEORETICAL ASPECT

The paper analyses phenomenon of wars that took place in human history and shows nature of military confrontation between people. It also reveals causes and defines typology of armed conflicts. The author focuses on wars and local conflicts of the twentieth century that arose and developed with direct participation of Russia. The paper also demonstrates role of the Urals: power of its industry and valour of its military units always helped Russia to defend state independence and national interests and to strength international authority.

Keywords: humanity, Russia, the Urals, war, internal conflicts, international relations, theology, psychology, hostility, heroism.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье рассматривается деятельность высших партийных и государственных органов СССР по организации и руководству партизанским движением в годы Великой Отечественной войны, которые на оккупированных и прифронтовых территориях сумели создать районные штабы по руководству партизанским движением. К концу войны это движение стало сплоченной и управляемой силой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизаны, ВКП(б), НКВД, ЦШПД.

Вооруженная борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков началась на оккупированной территории Советского союза в первые дни Великой Отечественной войны. 29 июня 1941 г. согласно директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) направленной партийным и советским организациям прифронтовых областей на территориях захваченных врагом предлагалось создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии.

После того как была оккупирована Прибалтика, почти вся Белоруссия и западная часть Украины, 18 июля 1941 г. вышло очередное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», которое потребовало от ЦК национальных компартий, обкомов и райкомов в захваченных и находящихся под угрозой захвата врагом областях и районах организовать подпольные коммунистические ячейки.

Необходимо отметить, что в начальный период войны НКВД предприняло попытки вместе с РККА поставить под свой контроль партизанское движение. 8 августа 1941 г. Л. П. Берия сообщил И. В. Сталину об организации НКВД партизанских отрядов и диверсионных групп в Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Молдавской ССР, Ленинградской, Мурманской, Калининской, Смоленской и др. прифронтовых областей. Учитывая, что опыт действий партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника давал большие результаты, руководство НКВД считало, что наряду с работой, проводимой в этом направлении фронтовым командованием Красной Армии и органами Разведупра, НКВД также следует в дальнейшем вести работу по организации партизанских отрядов и диверсионных групп². Согласие было получено,

* Мозохин Олег Борисович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории РАН, Москва, Россия; 7077707@bk.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00276 «Трудовая крестьянская партия» сборник документов».

² Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 470. Л. 18–21.

3 октября 1941 г. Особая группа НКВД СССР была преобразована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР, который стал непосредственно заниматься этой работой в тылу врага.

В это время приходит понимание, что только наличие специально подготовленного и оснащенного личного состава, специального вооружения может стать одним из решающих факторов, влияющих на масштабы диверсионной деятельности в тылу противника. П. К. Пономаренко (1-й секретарь ЦК КП Белоруссии), докладывая Сталину о постановке диверсионной работы в Белоруссии, предложил развернуть при фронтах и отдельных армиях 12–15 диверсионных школ с 10-дневным курсом обучения и использовать опыт войны в Испании, где существовали бригады диверсантов.

К концу года стала вестись работа по подготовке нормативных документов с целью регламентации деятельности партизанских формирований. 4 октября 1941 г. Пономаренко доложил Сталину разработанный совместно с работниками ЦК ВКП(б), НКВД и Политуправления проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению борьбы в тылу германских войск» и Инструкцию по вопросам организации подпольной партийной работы, партизанской борьбы и диверсий в тылу германских войск.

Оценивая деятельность партийных и государственных органов по созданию и руководству партизанскими отрядами в 1941 г., можно отметить большую организационную неразбериху. Этим вопросом занимались обкомы партии, областные управления НКВД, Политуправление, разведывательные подразделения РККА. Какая-либо координация по руководству партизанскими формированиями отсутствовала.

В начале 1942 г. НКВД вновь пытается взять инициативу в свои руки. Приказом НКВД СССР № 00145 от 18/20 января 1942 г. на базе 2-го отдела НКВД было создано 4-е Управление НКВД СССР для проведения разведки, совершения террора и диверсий в тылу противника под руководством П. А. Судоплатова. В его подчинение входила так же и широко известная Отдельная мотострелковая бригада Особого назначения (ОМСБОН).

В это же время Пономаренко усиленно продолжал заниматься организацией Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). Однако в конце января по решению ГКО эта работа была приостановлена. Связано это было с тем, что руководство НКВД вышло с предложением оставить диверсионную работу в тылу врага за собой. Однако ведомству вновь не удалось централизовать эту деятельность.

В очередной раз встал вопрос о создании ЦШПД при Ставке Верховного Главного командования. Наконец, 30 мая 1942 г. постановлением ГКО в целях объединения руководства партизанским движением в тылу противника и для дальнейшего развития этого движения он был создан. Была обозначена основная задача партизанского движения – дезорганизация тыла противника. В состав Центрального штаба партизанского движения были введены представители трех ведомств: начальник штаба – П. К. Пономаренко от ЦК ВКП(б), В. Т. Сергиенко от НКВД и Т. Ф. Корнеев от Разведупра НКО.

Постановлением были также образованы некоторые республиканские и областные штабы партизанского движения¹. Создание Центрального штаба партизанского движения сделало возможным планирование деятельности партизанских формирований и их взаимодействие с республиканскими, областными штабами партизанского движения и фронтами.

1 сентября 1942 г. у И. В. Сталина прошло совещание с командирами и комиссарами партизанских отрядов. После него вышли два очень важных для развития партизанского движения документа.

Первый – Постановление ГКО от 4 сентября 1942 г. об утверждении представленной Центральным штабом партизанского движения смете расходов по партизанскому движению на текущий год. Таким образом, решился вопрос о снабжении партизан оружием, радиостанциями, взрывчаткой и боеприпасами, питанием для раций и т. д.²

И второй – приказ НКО СССР от 5 сентября 1942 г., который определил основные задачи партизанского движения. Впервые партизанские действия стали рассматриваться как один из видов боевых действий вооруженных сил в тылу противника, которому отводилась стратегическая роль в вооруженной борьбе³.

6 сентября 1942 г. ГКО в целях усиления руководства партизанским движением в тылу противника и для дальнейшего его развития учредило пост Главнокомандующего партизанским движением, на который был назначен член Политбюро ЦК ВКП(б) маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. После своего назначения Ворошилов внес предложение о создании в тылу немецких войск регулярной партизанской армии⁴. Однако 19 ноября в интересах большей гибкости в руководстве партизанским движением и во избежание излишней централизации должность главнокомандующего была неожиданно упразднена⁵. Руководство партизанским движением вновь было возложено на ЦШПД.

Конец 1942 г. характеризуется повышением активности партизан. Из организованных школ выпускаются вполне подготовленные командиры партизанских отрядов, подрывники и радисты. На вооружении партизанских отрядов появляются радиостанции, специальные минно-взрывные средства. Создаются партизанские соединения, которые позволили приступить к осуществлению специальных действий в более крупном масштабе вначале в границах районов базирования, а затем и за их пределами способом рейда.

Несмотря на то, что ЦШПД объединял 1 083 партизанских отрядов с общей численностью 94 484 чел., попытки развалить его деятельность продолжались⁶.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 471. Л. 16–17.

² Там же. Д. 472. Л. 50–50об.

³ Там же. Д. 472. Л. 51–56.

⁴ Там же. Д. 472. Л. 57.

⁵ Там же. Д. 473. Л. 14.

⁶ Там же. Д. 473. Л. 13.

7 марта 1943 г. ГКО принял неожиданное решение. ЦШПД был расформирован. Руководство партизанским движением возлагалось на ЦК компартий союзных республик, обкомы ВКП(б) и соответствующие штабы партизанского движения¹. Однако чуть позже, 17 апреля, ГКО постановил восстановить ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандования, возложив на него обязанность руководства партизанским движением на оккупированных территориях. При этом было принято решение, что руководство партизанским движением на оккупированной территории Украинской ССР осуществляют ЦК КП(б) Украины и Украинский штаб партизанского движения без подчинения последнего Центральному Штабу партизанского движения².

По мнению П. К. Пономаренко, подобная непоследовательность по отношению к высшему органу управления партизанским движением была связана с сильным влиянием на некоторых членов ГКО тогдашнего руководства НКВД в лице Л. П. Берии, который всячески противился руководству партизанским движением каким-либо органом управления вне его ведомства.

Однако существует и другая более правдоподобная версия. Она связана с личным конфликтом между первым секретарем ЦК КП(б)У Н. С. Хрущевым, курировавшим деятельность Украинского штаба партизанского движения и первым секретарем ЦК КП(б)У П. К. Пономаренко. Амбициозный Хрущев стремился вывести Украинский ШПД из-под влияния своего конкурента, и это ему удалось. В данном случае неважно с помощью Берии или без.

Решением ГКО от 17 апреля 1943 г. Пономаренко поручалось разработать и внести на утверждение Ставки Верховного Главнокомандования положение о Центральном штабе партизанского движения, за разработку которого он уже неоднократно брался. 5 мая 1943 г. он направляет Сталину проект Положения о ЦШПД, однако форму законодательного акта оно так и не приняло.

На учете ЦШПД в это время состояло 1 116 партизанских отрядов и групп, а их численность составляла 181 392 чел. Кроме того, вышло в советский тыл и соединилось с частями Красной Армии: 47 бригад, 51 отряд и 14 групп общей численностью – 52 235 чел.³

13 января 1944 г. Постановлением ГКО СССР, учитывая, что большинство партизанских отрядов действует на территории Белоруссии и Украины, которые имели свои республиканские штабы партизанского движения, ЦШПД был окончательно расформирован. Руководство партизанским движением на оккупированной территории было возложено на соответствующие ЦК компартий союзных республик, областные комитеты партии и штабы партизанского движения. Впоследствии в связи с перемещением военных действий за пределы СССР республиканские штабы партизанского движения, оказавшиеся на освобожденной территории, также были расформированы⁴.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 474. Л. 14.

² Там же. Д. 474. Л. 43.

³ Там же. Д. 476. Л. 71.

⁴ Там же. Д. 476. Л. 72–77.

Партизанское движение в Великой Отечественной войне внесло значительный вклад в победу советского народа над фашистскими захватчиками. Возникнув в ряде случаев стихийно, впоследствии оно стало сплоченной и управляемой силой, оказывающей ожесточенное сопротивление оккупационному режиму. Оно охватило всю оккупированную территорию СССР и создало мощный фронт вооруженной борьбы в тылу врага. Впервые в истории войн партизанские силы под единым командованием проводили операции в тылу врага в тесном взаимодействии с соединениями Красной Армии.

Библиографический список

1. *Аязский Н. Ф.* и др. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Кучково поле, 2001. 464 с.
2. *Мозохин О. Б.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М.: Историческая литература, 2015. 691 с.
3. *Мозохин О. Б.* Партизаны Великой Отечественной. «Партизанское движение должно стать всенародным». Документы АП РФ о деятельности Центрального штаба партизанского движения. 1942–1943 гг. // Исторический архив. 2015. № 3. С. 3–19.
4. *Пережогин В. А.* Солдаты партизанского фронта. М.: ИРИ РАН, 2001. 282 с.
5. *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М.: Олма-Пресс, 2003. 383 с.

О. В. Mozokhin

Doctor of Sciences (History), Leading researcher at the Center of economic history of the IRI RAN (Moscow, Russia).

ORGANIZATION OF THE PARTISAN MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the activities of the highest party and state bodies of the USSR in organizing and leading the partisan movement during the great Patriotic war, which in the occupied and front-line territories managed to create district headquarters for the leadership of the partisan movement. By the end of the war, this movement had become a cohesive and manageable force.

Keywords: Great Patriotic war; guerrillas, the CPSU(b), the NKVD, CSPD.

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ В ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются социально-экономические последствия нацистской оккупации на территории РСФСР, а также восстановительный процесс в годы Великой Отечественной войны. В статье анализируются основные направления деятельности государственных и общественных организаций по комплексному решению экономических социальных проблем в военные годы в освобожденных районах, деятельность Комитета при СНК СССР по восстановлению народного хозяйства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социально-экономические последствия, освобожденные районы, проблемы организации и идеологического обеспечения восстановительного процесса, государственные и общественные организации, промышленность, немецко-фашистская оккупация, Комитет при СНК СССР по восстановлению народного хозяйства.

Война и временная оккупация немецко-фашистскими войсками части территории РСФСР нанесли ей тяжелейший урон. Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года Чрезвычайная Государственная Комиссия произвела учет ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками гражданам, колхозам, общественными организациями, государственным предприятиям и учреждениям и установила, что на территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, враг причинил огромный ущерб народному хозяйству и населению [9, с. 262].

На оккупированной территории РСФСР было уничтожено и разрушено 610 городов и рабочих поселков, 12200 промышленных предприятий [8, с. 197], в том числе крупнейшие машиностроительные и металлургические заводы, мощные электростанции, шахты Подмосковья и Ростовской области, нефтепромыслы Северного Кавказа. Разрушению подверглись предприятия легкой и пищевой промышленности. После освобождения оккупированных районов Российской Федерации здесь осталось лишь 13% имевшихся до войны промышленных предприятий [2, с. 514]. Немецко-фашистская оккупация территории Советского Союза характеризовалась систематическим и преднамеренным грабежом, который являлся важной составной частью «нового порядка». Немецкие статистические данные свидетельствуют о том, что вплоть до середины 1943 г. оккупанты увеличивали использование природных

* Македонская Вера Александровна – доктор исторических наук, профессор, начальник культурно-исторического центра «Наше наследие Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Москва, Россия; VAMakedonskaya@mephi.ru

богатств и промышленного потенциала оккупированной советской территории [11, с. 203].

На оккупированной территории РСФСР было уничтожено 13 тыс. км железных дорог, около 3 млн зданий [2, с. 514]. Общий ущерб от уничтожения и разграбления оккупантами имущества по освобожденным районам Российской Федерации составил 255 млрд руб.

Следует подчеркнуть, что в освобожденных от немецкой оккупации краях, областях и автономных республиках РСФСР значительно сократилось промышленное производство. Это произошло в результате эвакуации крупных заводов и фабрик, разрушения и уничтожения гитлеровскими захватчиками предприятий, а также за счет закрытия мелких производств.

К моменту освобождения районов РСФСР в них насчитывалось только 17% имевшихся здесь до войны промышленных рабочих [6, с. 252]. В народном хозяйстве республики в целом число рабочих и служащих в 1942 году уменьшилось почти на 30% по сравнению с довоенным временем. В последующие годы войны, начиная с 1943 г., численность постоянно восстанавливается и в 1945 г. составляла 19,6 млн человек, т. е. оставалось меньше довоенной на 2,6 млн чел [7, с. 384]. Эти процессы нашли свое отражение и в изменении численности рабочих и служащих в освобожденных районах, хотя они имели и свои особенности. Так, с 1943 г. происходил процесс восстановления рядов рабочего класса в республиках и областях, подвергшихся оккупации. Трудности были очень велики, прежде всего сказывались огромные людские потери.

Учитывая, что быстрое восстановление народного хозяйства, нормализация жизни в освобожденных районах имеет первостепенное экономическое, политическое и военное значение, государственные органы разработали и осуществили в ходе войны многообразный комплекс мер в рассматриваемом направлении. Проявляя заботу о судьбах советских людей, ЦК ВКП(б), ГКО, СНК СССР уже вскоре после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, положившего начало освобождению советской земли, приняли ряд постановлений, в которых определили основные направления восстановительных работ, пути и способы достижения намеченных целей.

Так, СНК СССР принял постановление «О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне» 29 декабря 1941 г., в котором намечалось возродить 27 угольных шахт, обеспечив их электроснабжением [10, с. 55]. Государственный Комитет Оборона решением «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии» 13 апреля 1942 г. предусмотрел введение в строй производственных мощностей целого ряда заводов, имеющих большое оборонное и народнохозяйственное значение [10, с. 66–67].

Следует отметить, что по мере освобождения временно оккупированной территории, трудовые ресурсы возрастали, расширялась сфера мобилизации городского и сельского населения. Так, масштабы производства по важнейшим экономическим районам в 1942–1945 гг. характеризуются следующими данными: только по четырнадцати краям, областям, автономным республикам

РСФСР было мобилизовано 2981,9 тыс. чел. [4, с. 354]. Пополнение новыми кадрами происходило как за счет внутренних трудовых ресурсов областей, так и за счет перемещения мобилизованных из одних областей в другие. Происходило территориальное перераспределение рабочей силы.

Как уже выше было отмечено, первые восстановительные работы в промышленности РСФСР начались уже в конце 1941 г., после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и освобождения Московской, Тульской областей, большей части Калининской области.

Изгнание немецко-фашистских оккупантов с Московской земли было в самом разгаре, когда 18 декабря 1941 г. бюро МК ВКП(б) и исполком Мособлсовета приняли решение «О мероприятиях по оказанию помощи населению районов, освобожденных от немецкой оккупации» [1, с. 45]. Оно наметило первоочередные мероприятия, направленные на восстановление нормальной жизни на этой территории. Партийным и советским органам было предложено немедленно приступить к восстановлению предприятий¹ и жилого фонда, наладить обслуживание населения. Выполнение этого решения было поставлено под строгий контроль, почти по всем заданиям устанавливались десятидневная отчетность.

Следует подчеркнуть, что в последующие годы войны вопросам возрождения пострадавших районов были посвящены десятки решений исполкомов и, первую очередь Мособлисполкома. Особое внимание уделялось восстановлению промышленности, сельского хозяйства, обеспечению пострадавших жильем, питанием, одеждой.

Государственные и общественные организации при восстановлении народного хозяйства освобожденных районов исходили из принципа максимальной целесообразности и степени важности ввода в строй предприятий тех или иных отраслей народного хозяйства. В этой связи исключительные трудности первого периода войны заставили сосредоточить основные ресурсы на возрождении Подмосковского угольного бассейна, имевшего большое значение в обеспечении топливом промышленности Центра [3, с. 18].

Когда в результате прорыва вражеской блокады Ленинграда, победы под Сталинградом и Курском, положившим начало массовому изгнанию гитлеровцев с советской земли, масштабы восстановительных работ значительно возросли, деятельности партии и советского государства в рассматриваемом направлении приобретает еще более целеустремленный и планомерный характер. Об этом, в частности, свидетельствовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [5, с. 427–465]. В данном документе содержалась всеохватывающая программа восстановительных работ, были определены пути и средства ее реализации, намечены меры по усилению воздействия партийных и советских органов на темпы восстановительного руководства возражением освобожденных районов при СНК СССР был создан специальный Комитет.

¹ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2287. Оп. 4. Д. 506., Л. 2.

Возрастающий объем восстановительных работ, расширение их географии поставили перед Комитетом немало неотложных организационных, финансовых, научно-технических, социально-бытовых и идейно-воспитательных задач, которые необходимо было решать в процессе восстановления. В течение 1943-го – май 1944 г. Комитет принимал решения по вопросам восстановления различных отраслей народного хозяйства, крупных промышленных центров и отдельных предприятий.

Значительный интерес представляют материалы заседаний Комитета. Соответствующие решения Комитета при СНК СССР не только ставили конкретные задачи организации восстановительных работ и определяли их объем, но и предусматривали максимально возможные в тот момент меры по созданию необходимых условий для восстановления. При этом первостепенное значение придавалось материально-техническому обеспечению восстановительных работ.

Таким образом, при организации помощи восстановления народного хозяйства освобожденных районов Комитет исходил из принципа максимальной целесообразности и степени важности ввода в строй предприятий тех или иных отраслей народного хозяйства. В первую очередь, восстанавливались те предприятия, которые, с одной стороны, могли бы способствовать наращиванию выпуска военной продукции, с другой – обеспечить дальнейшее развертывание восстановления освобожденных и прифронтовых районов страны.

Библиографический список

1. *Архитова Т. Г.* Советы Московской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: МГИАИ, 1989. 81 с.
2. *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны // Избранные произведения. 1931–1947. М.: Политиздат, 1979. 606 с.
3. *Зверев Б. И., Куманев Г. А.* О военно-экономической готовности СССР отражению фашистской агрессии // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 16–27.
4. История советского рабочего класса в 6-ти томах. Т. 3. Москва: Наука, 1984. 591 с.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). Т. 7. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. 574 с.
6. *Митрофанова А. В.* Рабочий класс Российской Федерации в годы испытаний // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М.: Мысль, 1974. 366 с.
7. *Митрофанова А. В.* Трудовой подвиг советского рабочего класса в годы Великой Отечественной войны // Великая победа советского народа, 1941–1945. М.: Наука, 1976. 648 с.
8. Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций РСФСР в тылу, 1941–1945 гг. Л.: ЛГУ, 1980. 287 с.
9. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М.: Воениздат, 1987. 302 с.

10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. 751 с.
11. *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991. 381 с.

V. A. Makedonskaya

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Cultural and Historical Center «Our Heritage», National Research Nuclear University «MEPhI» (Moscow, Russia).

**PROBLEMS OF ECONOMIC RECOVERY
IN THE LIBERATED REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The paper examines socio-economic consequences of the Nazi occupation in the territory of the RSFSR, as well as reconstruction process during the Great Patriotic war. The paper analyses the main activities of state and public organizations to solve complex economic and social problems during the war years in the liberated areas. The paper also analyses activities of the Committee of Sovnarcom of the USSR for restoration of national economy.

Keywords: The Great Patriotic war, socio-economy aftermath, liberated districts, problems of organization and ideological provision of recovery process, state and public organizations, industry, Nazi occupation, Committee of Sovnarcom of the USSR for restoration of national economy.

ТЫЛОВЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье прослежены тенденции и выявлены особенности развития новейшей отечественной историографии, перечислены труды отечественных ученых, посвященные отдельным Российским регионам военного времени. Указываются направления исследования и перспективы дальнейшего изучения истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: История, новейшая историография, направления исследования, Великая Отечественная война, тыл, регионы, история повседневности, труды ученых.

Великая Отечественная война – это эпохальное событие XX в. И как бы ни оспаривались фальсификаторами ее характер, итоги, значимость для дальнейшего послевоенного мироустройства в памяти народной оно останется на века. Об этом и должны позаботиться в первую очередь мы, профессиональные историки. Автор публикации ставит перед собой задачу охарактеризовать основные направления и обозначить перспективы дальнейшего исследования военного периода, дать краткий обзор трудов ученых, преимущественно монографий, вышедших в 2000-е гг.

Для анализа выбраны в основном работы, посвященные истории тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны¹. Но прежде всего хотелось бы обозначить некоторые тенденции, которые наметились в последнее время в отечественной историографии в целом в изучении проблем этого сложного, трагического и вместе с тем героического периода нашей истории.

Как известно, и об этом уже автор писала в своих более ранних работах, открытие архивных, ранее засекреченных фондов, дала возможность историкам переосмыслить, переоценить и заново ввести в оборот новые факты о войне [16, с. 157–68]. Если в 90-е гг. шел в основном процесс пересмотра точек зрения на ту или иную проблему, разворачивались бурные дискуссии на научных конференциях, давался отпор Суворову-Резуну и другим ревизионистам и фальсификаторам, то 2000-е гг. знаменовались разработкой таких

---

* Серебрянская Галина Владимировна – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ), Нижний Новгород, Россия; serebrianskaya55@yandex.ru

¹ Автор сознательно не указывает труды, посвященные Сибири и Уралу, так как думается, что они будут представлены на конференции учеными из данных регионов [Историографию автора по Сибирскому и Уральскому регионам см.: 16. с. 157–168].

ранее малоизученных проблем, как повседневная жизнь народа в годы войны. Появилось целое направление – история повседневности. Выходят как историографические, так и исторические работы на эту тему [7, с. 30–45; 14; 15, с. 340–345].

Среди работ общероссийского плана следует отметить труд «Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны», вышедший в Москве, в ИРИ РАН в 2019 г. [5]. В нем на основе разнообразных архивных документов, источников личного происхождения, опубликованных нормативных актов и статистических материалов исследован комплекс вопросов, связанных с обеспечением социальных и культурных запросов граждан военной поры. В монографии представлена государственная распределительная политика и стратегия выживания людей в тылу: введение продовольственных карточек; распределение товаров широкого потребления, оплата труда и доходы семей и многое другое. Две последние проблемы ранее были слабо изучены в советской и российской историографии [5, с. 39, 41].

Проблематика истории повседневности, как видим, многогранна и каждую грань можно рассматривать как отдельную научную проблему, что и происходит в настоящее время. К примеру, взаимоотношения социума и власти нашли отражение в монографиях историков, вышедших на Северном Кавказе, в Татарстане и других регионах России [6, 10].

Ученые также вновь обратились к проблемам эвакуации населения в тыловые регионы страны: масштабам, транспортировке, размещению, медицинскому обслуживанию, эвакуированным детям, трудностям и недостаткам. Большим научным достижением явился выход коллективной монографии «Побратимы», посвященной вкладу российских регионов в процесс эвакуации [11]. Издание вызвало широкий интерес не только у российской, но и международной общественности, о чем свидетельствуют публикации и отзывы в сети Интернет. Известные отечественные ученые и ученые из стран СНГ по-новому, с большей степени объективности, взглянули на события первых лет войны.

Следующее приоритетное направление исследования – это демография населения и последствия войны в данном процессе [4]. На региональном уровне уточняется статистика потерь, смертности, рождаемости, заключения браков в годы войны [12, с. 279–288; 20, с. 102–112]. В этом направлении издана монография, посвященная демографическим процессам, происходящим в Кировской области – одной из областей Волго-Вятского региона [19].

Особое внимание сегодня уделяется детям войны. Проблемы детства, сиротства и беспризорничества, и как они решались со стороны власти, общественных организаций [3]. Но и здесь еще имеются темы, которые практически не нашли должного отклика в работах историков. Это дети-эмигранты, эвакуированные в разные тыловые районы, в том числе и в Поволжье. Тема женщин тыловых регионов активно разрабатывается в Костроме [2].

Тесным образом с демографией населения связана проблема медицинского обслуживания граждан. В каждом отдельном тыловом районе были

свои особенности и трудности, связанные, прежде всего с распространением инфекций и ликвидацией эпидемических заболеваний. К сожалению, автор не обнаружила по этому направлению обобщающей работы в целом по России, созданной историками. Имеются лишь отдельные статьи в научных журналах [1, с. 36–43]. Но на региональном уровне труды историков были изданы [13]. В этом плане прежде всего преуспели ученые Урала и Сибири [8, с. 69–82; 16, с. 157–168].

Слабоизученными остаются еще такие категории населения, как инвалиды войны, люди, насильственно вывезенные как трудовой ресурс в Германию, и те, кто оказался в немецких концлагерях и вернулся домой. И еще одно новое направление новейшей историографии – урбанизация. В основном речь идет о состоянии и развитии городов военных лет [17, с. 123–128]. Однако по-прежнему сельскому населению историками уделяется гораздо меньше внимания, чем труженикам промышленности.

Все эти направления перспективны и для дальнейших исследований ученых, ибо не каждый тыловой российский регион изучен в равной мере. К сожалению, рамки статьи не позволяют автору глубже рассмотреть обозначенную тему, поэтому прошу прощения у тех ученых-историков, труды которых не указаны на этих страницах.

Библиографический список

1. *Араловец Н. А.* Здравоохранение России в годы Великой Отечественной войны // *Русская история*. 2019. Вып. 3. С. 36–43.
2. *Волкова Е. Ю.* Победа одна на всех: Роль женщин России в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ярославль: Изд-во ЯрГУ – Кострома: Из-во КГТУ, 2006. 206 с.
3. *Волкова Е. Ю.* Маленькие участники большой войны (Дети в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.). Кострома: Изд-во КГТУ, 2010. 156 с.
4. *Жиромская В. Б., Араловец Н. А.* Влияние войны на население в советском тылу // *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Гриф и К, 2010. 730 с.
5. *Зинич М. С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.
6. *Кабирова А. Ш.* Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011. 468 с.
7. *Козлов Н. Д.* Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкин*. 2014. № 2. Т.4. С. 30–45.
8. *Корнилов Г. Е.* История российских регионов периода Великой Отечественной войны: особенности современной историографической ситуации // *Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов* : сб. статей. Казань, 2015. С. 69–82.

9. *Красноженова Е. Е.* Социальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье. 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 141–147.
10. *Мальшиева Е. М.* Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. М.: Издательский дом «Вече», 2011. 492 с.
11. Побратимы / Отв. редактор Кантор Ю. З. М.: РОССПЭН, 2019. 951 с.
12. *Репинецкий А. И.* Демографическая ситуация в тыловых районах России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Известия Самарского центра РАН. Вып. 2. Т. 7. 2005. С. 279–288.
13. *Сакович Н. В.* Социальные проблемы тружеников тыла: организация здравоохранения в Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны : уч. пос. для вузов. Нижний Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2010. 100 с.
14. *Сенявская Е. С., Сенявский А. С.* Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы : в 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 3 : Победа. 2010. 360 с.
15. *Серебрянская Г. В.* Повседневность военного тыла в трудах отечественных историков начала XXI века // Великая Отечественная война – героическая и трагическая страницы в истории советского народа : Междунар. науч.-практич. конф. / Оренбург, 14–15 июня 2016 г. : сб. статей. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 340–345.
16. *Серебрянская Г. В., Сакович Н. В.* Современные направления историографии тыла Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. // Россия в условиях кризисов (XIX – XX вв.) : Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы, Оренбург, 20–21 апреля 2017 г. : сб. статей в 2 т. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2017. Т. 2. С. 157–168.
17. *Серебрянская Г. В., Гордин А. А., Сакович Н. В.* Здравоохранение тылового города в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (На примере Автозаводского района г. Горького) // Клио, 2017. № 9 (129). С. 123–128.
18. *Серебрянская Г. В.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны в творчестве М. С. Зинич // КЛИО. 2019. № 12 (156). С. 39–42.
19. *Чернышева Н. В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.
20. *Чернышева Н. В., Свинцова М. Н., Сакович Н. В.* Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 102–112.

G. V. Serebryanskaya

Doctor of Sciences (History), Professor, Nizhny Novgorod State Architectural and Construction University (Nizhny Novgorod, Russia).

**REAR REGIONS OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
(MAIN RESEARCH AREAS)**

The paper traces the trends and reveals the features of development of modern Russian historiography. The paper also lists publications of Russian researchers dedicated to certain Russian regions of wartime. The paper shows the main research areas and prospects for further study of history of the Great Patriotic war.

Keywords: history, modern historiography, research areas, Great Patriotic war, home front, regions, history of everyday life, academic publications.

ВОЕННЫЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В публикации проанализирована трансформация взглядов на проблему коллаборационизма советских граждан с военно-политическими структурами нацистской Германии, произошедшая за послевоенный период. Показана зависимость этих изменений от общественно-политического контекста. Выявлены специфика и основные тенденции влияния исторической памяти о коллаборационизме на общественные процессы в СССР и современных постсоветских государствах. Сделан вывод о научной актуальности этой проблемы и ее высоком конфликтогенном потенциале.

Ключевые слова: Вторая мировая война, коллаборационизм, историография, страны Балтии, Россия, Белоруссия, Украина.

Проблема коллаборационизма населения оккупированных государств с военно-политическими структурами нацистской Германии является одной из самых дискуссионных и неоднозначных страниц истории Второй мировой войны. В целом, с академической точки зрения, эта проблема изучена довольно неплохо. За прошедшие после окончания войны годы в научный оборот был введен значительный фактический материал, сделаны серьезные обобщения и разработана методология подобных исследований. Тем не менее актуальность изучения коллаборационизма имеет не только научный аспект. Несмотря на хронологическую отдаленность этих событий, память о них, отношение к ним очень сильно влияли и продолжают влиять на многие сферы жизни государства и общества, начиная с внешней политики и заканчивая межнациональными отношениями. Однако если сама проблема коллаборационизма изучается достаточно плодотворно, то его влиянию на современные общественно-политические процессы уделяется не так уж много внимания. Такое игнорирование очевидных фактов приводит к серьезным ошибкам как внутри государства, так и за его пределами. И пример Советского Союза, а позднее и постсоветских государств – самое яркое тому подтверждение.

Проблема коллаборационизма коснулась практически всех стран Европы, которые принимали участие во Второй мировой войне. И каждая из них

---

* Романько Олег Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, исторический факультет, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия; romanko1976@mail.ru

выработала свое отношение к тем, кто сотрудничал с нацистами. Нельзя сказать, что это отношение было постоянным и не менялось весь послевоенный период. В силу разных причин можно выделить три направления эволюции взглядов на коллаборационизм. Во-первых, если такие проявления в годы войны не были значительными, память о нем постепенно исчезает, становится неактуальной. Такое можно наблюдать, например, в Дании, Норвегии, Нидерландах или Бельгии. Там сейчас, если и вспоминают коллаборационистов, то в основном в связи с проблемой холокоста. Во-вторых, если в государстве меняется политическая система и к власти приходят идейные наследники коллаборационистов, то и отношение к ним меняется с точностью до наоборот. Здесь самый яркий пример – страны Балтии. И, в-третьих, проблема коллаборационизма может стать еще более актуальной, если с ней связаны определенные проблемы современного общества. Главным образом это касается национальных отношений, как в бывшей Югославии. В последнем случае еще можно отметить такой нюанс. К своим коллаборационистам отношение может быть терпимое или вовсе апологетическое, а к чужим, в особенности если они воевали на территории данного государства, – явно негативное [3; 5].

А что можно сказать об отношении к коллаборационизму на пространстве бывшего СССР? Здесь ситуация с учетом вышесказанного выглядит следующим образом. Память о сотрудничестве советских граждан с германским военно-политическим руководством не только не исчезла, а, наоборот, даже усилилась. Причем и качественно, и количественно. То же самое можно сказать и о влиянии этой памяти на некоторые аспекты жизни общества бывших советских республик. Результаты подобного влияния мы можем наблюдать каждый день. Чтобы понять это, надо проанализировать отношение к коллаборационизму в период СССР, в годы «перестройки» и на современном этапе, когда бывшие советские республики превратились в независимые государства.

В Советском Союзе отношение к коллаборационистам было негативным. На государственном уровне и в обществе те, кто сотрудничал с немцами в годы войны, однозначно подвергались осуждению. Конечно, например в историографии, этой проблеме не уделяли должного внимания, но и говорить, что проявления коллаборационизма вообще замалчивались, тоже нельзя. Во многих фильмах про войну, в художественной литературе, мемуарах неизменно присутствовал образ предателя, который наделялся самыми отталкивающими чертами. С другой стороны, широкое обсуждение этой проблемы тоже не допускалось. Коллаборационистов среди советских граждан, как теперь известно, было немало. Открытый разговор об этом на любом уровне привел бы к многочисленным вопросам. Хотя бы к таким: откуда в СССР появилось столько недовольных «родной народной властью»? Поэтому, если проблема коллаборационизма и возникала в том или ином виде, власти ее обычно сводили к уголовным проявлениям, классовой борьбе, эмигрантским проискам и настаивали на незначительном количестве «изменников родины». Особенно

пресекалось обсуждение национальной составляющей коллаборационизма, так как подобные разговоры могли поставить под сомнение «морально-политическое единство советского народа» в годы войны и «интернациональную дружбу» в послевоенный период [7, с. 6–8].

«Перестройка» многое поменяла в СССР и в жизни его граждан. Затронули эти изменения и восприятие проблемы коллаборационизма. От освещения этой проблемы в исторической литературе и до отношения к ней государства и общества. Именно в период «перестройки» в отношении коллаборационистов наметились две противоположные тенденции, которые в силу разного ряда причин продолжают существовать и сейчас. Во-первых, это старая советская точка зрения – отношение к коллаборационистам как к врагам. Во-вторых, совершенно новый для советского общества взгляд на них как борцов за свободу. А на место врагов, наоборот, были поставлены советские партизаны и Красная армия. В ряде советских республик вторая точка зрения наметилась еще в конце 1980-х гг. Существует она и сейчас [7, с. 8].

В 1991 г. Советский Союз распался, а его республики стали новыми независимыми государствами, пожелавшими иметь свою историю. В некоторых из них начался откровенный пересмотр значения и итогов Второй мировой войны, и в том числе изменилось отношение к коллаборационистам. И хотя эти изменения с разными вариациями имели место везде, в некоторых бывших советских республиках они происходили наиболее выпукло и заключались не только в спорах историков. Это Россия, Украина, Белоруссия и страны Балтии.

Проще всего охарактеризовать ситуацию в Латвии, Литве и Эстонии. Здесь апологетика коллаборационизма является частью государственной политики и идеологии, а осуждению подвергаются наоборот те, кто с ними воювал. И зачастую осуждаются не только морально. Так, всем еще памятен суд над советским партизаном В. Кононовым, которого власти Латвии обвинили в уничтожении мирных граждан. Правда умалчивается, что эти мирные граждане были полицейскими и противостояли партизанам с оружием в руках [6].

Очень интересная ситуация сложилась в Российской Федерации. Россия считает себя правопреемником СССР со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому на официальном уровне неизменно демонстрируется негативное отношение к тем, кто в годы войны встал под нацистские знамена. Таким же образом к коллаборационистам относится и значительная часть российского общества. Но есть и те, и их тоже немало, кто вполне сознательно занимается апологетикой любых антисоветских проявлений, в том числе и в период 1941–1945 гг. Только в России, в отличие от стран Балтии, этих людей считают не борцами за независимость, а участниками так называемого «антисталинского протеста», продолжателями Белого движения времен Гражданской войны 1918–1922 гг. и т.п. Иногда происходят попытки реабилитации тех коллаборационистов, которые были осуждены и казнены после окончания войны. Например, такое имело место в 2001 г. в связи с генералом А. Власовым и его подельниками, а в 2008 г. – с казачьими генералами (П. Краснов,

А. Шкуро, Т. Доманов и др.). Но Главная военная прокуратура неизменно отказывает в таких обращениях [1, с. 136, 409–414; 2, с. 467–557]. В принципе, не преследуется проколлорабионанистская точка зрения и в исторической науке, правда, заниматься этой темой становится труднее, чем раньше. Также можно указать еще на следующий момент. Российская Федерация постоянно выступает против реабилитации коллаборационистов в других постсоветских государствах, особенно в странах Балтии [9, с. 153–250].

Не будет преувеличением сказать, что отношение к проблеме коллаборационизма в Белоруссии полностью копирует советские реалии. Тем не менее и в этом государстве еще относительно недавно не все было так однозначно. После распада СССР у Белоруссии были все шансы пойти в данном вопросе по эстонскому или латвийскому пути. Правившая с 1991 г. элита вполне серьезно рассматривала себя как правопреемницу белорусского национального движения времен Второй мировой войны. Дошло до того, что они сделали государственной символикой флаг и герб, которые использовались во время оккупации. А некоторые белорусские историки стали активно разрабатывать темы, связанные с коллаборационистами. Понятно, что на страницах монографий и статей этих исследователей они представляли героями и борцами за свободу Белоруссии от «московского ига». Правда, продолжалось это относительно недолго. После прихода в 1994 г. к власти А. Г. Лукашенко ситуация опять поменялась. Коллаборационисты теперь оцениваются однозначно негативно. И большинство населения солидарно с такой государственной политикой. Апологетикой занимается только белорусская оппозиция, но ее точка зрения в данном случае является маргинальной и пока не воспринимается всерьез [7, с. 9–14].

Наконец, украинская ситуация отличается и от российской, и от белорусской, и от прибалтийской. И тут можно отметить несколько важных аспектов. Конечно, в этом государстве тоже есть силы, которые пытаются представить коллаборационистов борцами за независимость. И эти силы даже пользуются поддержкой части населения, главным образом на Западной и Центральной Украине. На Юго-Востоке Украины (и до марта 2014 г. – в Крыму) ситуация обратная – как в Белоруссии или России. Далее. Нельзя не отметить, что проблема собственно коллаборационизма на Украине очень тесно переплетена в общественном сознании с проблемой Украинской повстанческой армии. В целом, это сходные проблемы, но все же в своей основе – разные. Также следует отметить сильную политическую доминанту, когда дискуссии о коллаборационизме используют как один из инструментов по навязыванию «национально-сознательной» идеологии «русифицированному» Юго-Востоку. Еще одно интересное наблюдение. Украинские апологеты коллаборационистов превозносят их, но одновременно крайне отрицательно относятся к «чужим предателям». В частности, генерал А. Власов и Русская освободительная армия вызывают у них крайнее раздражение. Наконец, Украина – фактически единственная страна, где идейные наследники коллаборационистов попытались, по сути, переиграть итоги Второй мировой

войны, используя не силу убеждения, а вооруженное насилие. Поэтому в современных реалиях отношение к коллаборационизму и споры вокруг него являются только маркером, а также лишним свидетельством цивилизационного раскола Украины, который, к сожалению, принял форму гражданской войны [4, с. 7; 8, с. 92–104].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что отношение к проблеме коллаборационизма со стороны европейского (в широком смысле) сообщества претерпело за послевоенный период существенные изменения. Причин этому много. Тем не менее приходится констатировать, что эта проблема нескоро перейдет в разряд чисто академических. В силу своей моральной неоднозначности и научной контрверсионности она носит конфликтогенный характер и сохранит его еще значительное время. Большинство событий, связанных с коллаборационизмом, будут и дальше иметь серьезное влияние на общество и процессы в нем. И особенно в постсоветских государствах, где по разным причинам эта тенденция проявляется наиболее выпукло и разнообразно. Поэтому необходимо приложить максимум усилий, чтобы изучать причины этого влияния, анализировать его степень и прогнозировать наиболее вероятные последствия.

Библиографический список

1. Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 752 с.
2. Генерал Власов: история предательства : В 2 т. / Под ред. А. Н. Артизова. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Кн. 2. 711 с.
3. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего Рейха. М.: Астрель, 2011. 830 с.
4. Иванов А. Олег Романько: «Отношение к коллаборационизму – свидетельство цивилизационного раскола Украины» // Донецкий кряж (Донецк). 2013. № 17. 10–16 мая. С. 7.
5. Мюллер Р.-Д. На стороне вермахта. Иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 303 с.
6. Политика против истории. Дело партизана Кононова / авт.-сост. В. Е. Романов. М.: Вече, 2011. 464 с.
7. Романько О. В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь: Антикава, 2008. 304 с.
8. Романько О. В. Перечень, полный лжи. Заметки на полях кн.: Махно В. П. Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. Севастополь: Вебер, 2009. 168 с. // Военно-исторический архив. 2012. № 7. С. 92–104.
9. Симиндей В. В. Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М.: Алгоритм, 2015. 336 с.

O. V. Romanko

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of History of Russia, Historical Faculty, Crimean Federal University (Simferopol, Russia).

**MILITARY COLLABORATION OF SOVIET CITIZENS
DURING THE SECOND WORLD WAR:
TRANSFORMATION OF VIEWS ON THE PROBLEM
IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES**

The paper analyses transformation of views on the problem of collaboration of Soviet citizens with military and political structures of Nazi Germany, which occurred during the post-war period. The paper shows that these changes depended on the socio-political context. The paper also reveals specifics and main trends of the influence of historical memory of collaboration on social processes in the USSR and modern post-Soviet states. The paper concludes about scientific relevance of this problem and its high conflict potential.

Keywords: World War II, collaboration, historiography, Baltic States, Russia, Belarus, Ukraine.

ВОЙНА И ОБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ МОБИЛИЗАЦИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)

В статье рассматриваются основные процессы перестройки всех сфер экономики и общественной жизни в советской стране с началом Великой Отечественной войны на примере одного из тыловых восточных регионов. Показываются различные способы проведения в Башкирии мобилизации ресурсов на нужды обороны. Сделан вывод о вкладе республики, как и других регионов, в победное завершение войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, перестройка, мобилизация, население, ресурсы, регион.

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала чрезвычайного напряжения усилий партийно-государственных и общественных организаций, полного использования имевшихся ресурсов всех республик СССР на борьбу с врагом за свободу и независимость Родины. С утратой крайне важных западных и южных регионов – Украины, Кубани, Северного Кавказа, в сложнейших условиях выполнение ответственной задачи по снабжению и вооружению армии легло в основном на тыловые восточные регионы.

Особое место среди них занимала Башкирия. Имея достаточные природные богатства, производственные мощности, материальные и людские ресурсы, она сыграла важнейшую роль в бесперебойном обеспечении и снабжении армии всем необходимым. Республика направила в действующую армию свыше 700 тыс. призывников и добровольцев. На ее территории были сформированы около 30 воинских частей и соединений. В рамках выполнения решения ЦК ВКП(б) о мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт направила в 1941–1942 гг. свыше 85 тыс. членов [2, с. 312]. В кратчайшие сроки была проведена перестройка ведущей отрасли народного хозяйства – промышленности, что позволило приступить к выпуску необходимой для фронта продукции. Непрерывным потоком туда поставлялись различного вида оружие, боеприпасы, военное снаряжение, горюче-смазочные материалы. Армия и тыл снабжались сельскохозяйственной продукцией, прежде всего хлебом, промышленность – сырьем. В то же время выполнение этих задач требовало невероятных усилий граждан, чей привычный уклад жизни претерпел серьезные изменения. Испытывая недостатки в продовольствии и товарах первой необходимости, отказывая себе во многом, они самоотверженно трудились для скорейшего приближения дня победы над врагом.

* Сулейманова Рима Нугамановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Россия; msulejman@mail.ru

С началом войны в республике напряженной стала общественно-политическая жизнь. Непреложным законом для граждан, учреждений, ведомств и всех органов власти явился директивный призыв «Все для фронта, все для победы!». Это потребовало мобилизации партийного и государственного аппарата, исключительной оперативности в распределении имевшихся сил. Важным условием незамедлительного решения возникавших задач являлась коренная перестройка работы этих органов в соответствии с требованиями военного времени. Происходили кардинальные изменения в стиле и методах работы партийных органов. Резко возросла роль самой партии, чрезмерно проявились жесткость методов управления, диктат, свертывание демократии в чрезвычайных условиях.

Партийные органы теперь брали на себя выполнение административных и хозяйственных функций [1, с. 18]. В центре внимания обкома партии и партийных органов появились вопросы мобилизации граждан в действующую армию и на производство, размещения эвакуированных предприятий, ввода их в строй и налаживания выпуска продукции для фронта, распределения оказавшихся в эвакуации учреждений, ведомств и населения по всей территории Башкирии, и др. Только за 1941–1942 гг. было размещено оборудование более 170 эвакуированных промышленных предприятий, отдельных цехов и установок [2, с. 314]. Из прифронтовых регионов прибыли свыше 278 тыс. советских граждан [3, с. 128]. Были вывезены в республику в основном из «угрожаемых районов» страны дети в составе дошкольных и школьных учреждений [3, с. 159].

В подчинение партийных органов в Башкирии попадали все общественные организации, чьи права заметно сужались. Перед ними выдвигались стратегические задачи для решения «по-военному». Изменения произошли в организационной структуре и формах работы советских органов. Несмотря на важную роль в организации всемерной поддержки фронта и мобилизации населения в тылу на самоотверженный труд, их деятельность прежде всего подчинялась партийным директивам. Подобные изменения были характерными для профсоюзных, комсомольских и самодетельных организаций. Были возрождены такие специфические общественные организации, как женотделы, ввиду активизации в общественной жизни женского фактора. Женщины становились большой, зачастую решающей, силой в мобилизации имевшихся в республике ресурсов на нужды обороны.

Перестройка работы государственных органов автономной республики, как и советской страны, касалась прежде всего изменения содержания, форм и методов их деятельности, обусловленных централизацией управления, их сокращением, повышением роли исполнительно-распорядительных и созданием специальных и чрезвычайных органов. Конечно, эти меры, вызванные войной, носили временный характер. Все высшие и местные органы государственной власти управления республики в эти годы сохранили конституционные полномочия. Однако в их деятельности теперь на передний план ставились задачи «оборонного значения». Вместе с партийными органами они решали множество усложнившихся производственных и социальных вопросов.

Война внесла свои коррективы в религиозную политику Коммунистической партии и советского государства, курс которой с антирелигиозной пропаганды и гонений сменился на «потепление» в этом вопросе. По-иному стала рассматриваться роль религиозных учреждений, что объяснялось кардинальным изменением позиций руководства последних в сложное для страны время. В первый же день войны глава Русской Православной церкви митрополит Сергей обратился ко всем верующим молиться и сражаться за победу. Муфтий Центрального Духовного управления мусульман Г. Расулев в Соборной мечети Уфы призвал всех верующих мусульман с оружием в руках встать на защиту родной земли и принять посильное участие в сборе средств в фонд обороны. Он сам лично внес 50 тыс. рублей на строительство танковой колонны, о чем уведомил в телеграмме И. В. Сталина. Обращения авторитетных религиозных деятелей получили широкий отклик среди населения и проявились в виде пожертвований на нужды обороны и всех нуждавшихся.

Великая Отечественная война завершилась победой над фашистской Германией. Для ее достижения использовались различные способы проведения мобилизации материальных и трудовых ресурсов всех регионов страны, в их числе Башкирии.

Библиографический список

1. *Ахмадиев Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкнигоиздат, 1984. 280 с.
2. История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2-х т. Т. 1: 1917–1945 / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2004. 400 с.
3. Региональные особенности национальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Башкирская АССР : сб. документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2011. 324 с.

R. N. Suleimanova

Doctor of Sciences (History), Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (Ufa, Russia).

THE WAR AND SOCIETY: FEATURES OF MOBILIZATION (REGIONAL EXPERIENCE)

The paper examines the main processes of restructuring of all spheres of economy and social life in the Soviet Union with the beginning of the Great Patriotic war, on the example of one of the rear eastern regions. The paper shows various ways to mobilize resources for defense in Bashkiria. The paper concludes about the contribution of Bashkiria, as well as other regions, to the victorious end of the war.

Keywords: Great Patriotic war; perestroika, mobilization, population, resources, region.

Раздел II.

В ТЫЛУ КАК НА ФРОНТЕ: ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА В ДЕЙСТВИИ

УДК 94(47).084.8

Е. Т. Артемов*

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКИ¹

Статья посвящена реконструкции реальных приоритетов советской экономической политики в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Отмечается, что в историографии этот период, отождествляемый с годами четвертой пятилетки, традиционно характеризуется как время «восстановления народного хозяйства» и «перехода к мирному строительству». Но такое утверждение справедливо лишь отчасти. Делается вывод, что связи с стягиванием страны в холодную войну пришлось радикально пересмотреть «восстановительные», «мирные» приоритеты четвертой пятилетки. Их сменил курс на безудержное наращивание военной мощи. Это имело негативные последствия для социально-экономического развития страны. Но только послесталинское руководство пошло на частичное изменение такого курса.

Ключевые слова: четвертая пятилетка, экономические приоритеты, холодная война, гонка вооружений, военные расходы.

Развитию советской экономики в первые годы после окончания Великой Отечественной войны посвящена обширная историография. Важные результаты в этом направлении были получены еще в советское время. По сути, они заложили фундамент, на котором основываются современные исторические реконструкции. Речь, в частности, идет о характеристике первых послевоенных лет (четвертой пятилетке) как о времени «восстановления народного хозяйства» и «перехода к мирному строительству» [1, с. 9–11; с. 272–273 и др.]. Данная формулировка была заимствована из закона «О четвертом пятилетнем плане», принятом Верховным Советом СССР в марте 1946 г. [11, с. 250].

---

* Артемов Евгений Тимофеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; iia-history@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00061 А «Несостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики «хрущевского десятилетия».

Но она в большой мере выполняла пропагандистскую функцию, чем отражала реальность. Поэтому ее использование для характеристики стратегических целей экономической политики первых послевоенных лет справедливо лишь отчасти. Правда, в постсоветской историографии появилось одно важное уточнение. Большинство исследователей пришло к выводу, что восстановление экономики страны осуществлялось не через высвобождение финансовых средств из военно-промышленного комплекса, а за счет материальных потерь населения [6, с. 103]. Такая оценка не вызывает принципиальных возражений. Однако она не отражает всей сложности процесса определения реальных экономических приоритетов. Неясно в чем заключались и как менялись со временем цели четвертой пятилетки, и насколько они соотносились с достигнутыми результатами. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Но сначала нужно сказать о механизмах разработки экономической стратегии. В теории, ключевая роль в ней отводилась народнохозяйственному планированию. Считалось, что высшие органы партийно-государственной власти, определяют объективные потребности и возможности социально-экономического развития страны. Принятые на такой основе пятилетние планы устанавливают приоритеты, темпы и пропорции развития народного хозяйства, агрегированные показатели выпуска продукции, финансирования капитального строительства, распределения материальных и трудовых ресурсов, уровня цен и доходов населения и т. д. Они конкретизируются в текущих (годовых и других) планах, обязательных к исполнению всеми управленческими структурами и субъектами хозяйствования [7, с. 243–251].

На самом деле система работала иначе. Ее стратегические цели определялись убеждениями и интересами правящей элиты. В социально-экономической сфере они фиксировались в пятилетних планах. Это были политико-идеологические документы скорей пропагандистского, а не управленческого характера. В них обозначался лишь желательный вектор экономического развития. Реальное же его направление задавалось текущими планами (годовыми и квартальными), а также ситуативными решениями по, казалось бы, по частным проблемам, принимаемым в ходе сложной процедуры согласования позиций управленческих структур. Но здесь возникает вопрос: как тогда фиксировались стратегические приоритеты? В историографии встречается мнение, что их вообще не требовалось формулировать в явном виде. Они были и так хорошо всем известны и заключались в опережающем развитии тяжелой промышленности и максимальном наращивании оборонного потенциала [5, с. 161–163; 12, с. 503–504].

Вместе с тем очевидно, что в очерченных таким образом рамках существовал широкий спектр возможных направлений экономического курса. Так что проблема выбора приоритетов сохраняла свою актуальность. И этот процесс проходил вне рамок народнохозяйственного планирования. Более того, он существенно корректировал пятилетние и текущие планы. Соответствующие решения оформлялись в виде постановлений ЦК партии и Совета

Министров СССР. Однако в годы «позднего сталинизма» в большинстве случаев от их имени выступали структуры, о существовании которых большинство населения даже не подозревало. Наиболее показателен случай атомного проекта. Простое упоминание его директивного органа (Спецкомитета) вне рамок секретного делопроизводства считалось разглашением государственной тайны со всеми вытекающими отсюда последствиями. А о содержании постановлений Спецкомитета знал только очень ограниченный круг лиц и то в большинстве случаев в «части их касающихся». Многие подобные документы до сих пор недоступны исследователям. Правда, когда речь шла об открытых мероприятиях, например связанных с улучшением материального положения населения, принимавшиеся решения публиковались в печати и активно пропагандировались. И на них в первую очередь обращают внимание в исторических исследованиях. Но доступность таких решений еще ничего не говорит об уровне их приоритетности. Так что реконструкция стратегических целей экономической политики периода «позднего сталинизма» является весьма непростой задачей. И все же она достижима, если учитывать как «открытые» решения «партии и правительства», начиная с директив пятилетних планов, так и «закрытые» постановления. В совокупности они позволяют проследить изменения в послевоенном экономическом курсе.

Естественно, что с окончанием войны восстановление понесенных потерь рассматривались как жизненная необходимость. Такое понимание первоочередных задач нашло отражение в четвертом пятилетнем плане. Выступая с его обоснованием на сессии Верховного Совета СССР, председатель Госплана Н. А. Вознесенский обозначил следующие приоритеты. Во-первых, обеспечить первоочередное восстановление тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта. Во-вторых, увеличить производство основных предметов потребления. В-третьих, провести техническое перевооружением производства и на этой основе повысить производительность труда. В-четвертых, последовательно наращивать масштабы капиталовложений в народное хозяйство, соблюдая сбалансированность их распределения по отраслям. В-пятых, обеспечить повышение обороноспособности страны за счет оснащения вооруженных сил новейшей военной техникой [4, с. 451–453]. И такая последовательность приоритетов сначала соблюдалась в практической политике. В результате уже в 1947 г., если судить по официальным данным, был восстановлен довоенный уровень производства в тяжелой промышленности, а в следующем году – выпуска предметов потребления [2, с. 332]. С развитием сельского хозяйства дело обстояло гораздо хуже. Свою роль здесь сыграл катастрофический неурожай 1946 г. Так что до довоенного уровня сельскохозяйственного производства и потребления населением продовольственных товаров было еще далеко. Медленнее, чем рассчитывали, шло восстановление жилого фонда и социальной инфраструктуры, на низком уровне оставались реальные доходы населения. Но в целом преодоление последствий войны осуществлялось нарастающими темпами.

Положительное воздействие на экономическую динамику оказало снижение оборонной нагрузки. В результате демобилизации численность вооруженных сил составила на конец 1948 г. 2,8 млн человек [3, с. 237], т.е. уменьшилась по сравнению с 1945 г. почти в 4 раза. Это позволило существенно сократить бюджет военных ведомств. За первые три послевоенных года он уменьшился в 2 раза [10, с. 118]. Разумеется, официальный оборонный бюджет не отражал всех военных расходов. Значительная их часть проходила по статьям «развитие народного хозяйства». Но и эта часть расходов подверглась существенному сокращению. Так что ранжирование приоритетов, установленное четвертым пятилетним планом, в основном соблюдалось. Однако в 1947–1948 гг. произошли существенные изменения в экономическом курсе. Они осуществлялись в «закрытом порядке» и были мало кому известны за пределами высшего руководства. Но принятые тогда решения имели далеко идущие последствия. Ключевую роль в пересмотре приоритетов экономической политики сыграл геополитический фактор, логика холодной войны, в которую втянулась страна. Главным оппонентом Советского Союза выступали в ней Соединенные Штаты Америки. Они располагали явным преимуществом в нарастающей конфронтации: их неоспоримое превосходство в экономической мощи дополняла монополия на ядерное оружие. В случае прямого военного столкновения это могло обернуться для Советского Союза настоящей катастрофой.

Из сложившейся ситуации советское руководство видело лишь один выход: качественное укрепление собственного оборонного потенциала путем решения двух чрезвычайно затратных задач. Первая заключалась в достижении превосходства над «вероятным противником» в обычных видах вооружения. Вторая – в ликвидации монополии Соединенных Штатов на ядерное оружие. Начиная с 1947 г., практическая реализация взятого курса обернулась стремительным ростом военных расходов. За два последних года четвертой пятилетки бюджет военных ведомств увеличился почти на треть. Еще более высокими темпами росли затраты на разработку и организацию производства ядерного оружия и обычных вооружений, развитие материально-технической базы военно-промышленного комплекса и транспортной инфраструктуры стратегического назначения. Необходимые для этого средства были получены за счет сокращения финансирования «неприоритетных» производств и социальной инфраструктуры, «сжатия» потребительского спроса. В результате безудержное наращивание военной мощи стало если не единственным, то главным приоритетом экономической политики. Ничего здесь не изменилось и с началом пятой пятилетки, несмотря на все декларации о планируемом «подъеме производительных сил» страны, «росте материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня народа». Только послесталинское руководство пошло на частичное изменение этого курса, что способствовало уменьшению диспропорций в экономическом развитии. Но почему и как оно осуществило такую корректировку – тема специального исследования.

Библиографический список

1. Белоусов Р. А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1987. 428 с.
2. Белоусов Р. А. Экономическая история России. Кн. IV. М.: ИзДАТ, 2003. 415 с.
3. Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития. М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.
4. Вознесенский Н. А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1979. 613 с.
5. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
6. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РЭССПЭН, 2001. 302 с.
7. Ефимов А. Н. Планирование народного хозяйствования в СССР // Экономическая энциклопедия. Т.3. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 243–251.
8. История социалистической экономики: в 7 т. Т.6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. М.: Наука, 1980. 589 с.
10. Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности в СССР // Вооружение России : в 2 т. Т.1. Советская военная мощь. М.: ИД Оружие и технологии, 2010. С. 118.
11. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. 750 с.
12. Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. 788 с.

E. T. Artemov

Doctor of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

FROM WAR TO PEACE: ECONOMIC PRIORITIES OF THE FOUR FIFTH YEAR PLAN

The paper reconstructs real priorities of Soviet economic policy in the first years after the end of the Great Patriotic war. The paper notes that in historiography this period, identified with the years of the fourth five-year plan, is traditionally characterized as a time of «restoration of the national economy» and «transition to peaceful construction». However, this statement is only partially true. The paper concludes that due to the country's involvement in the «Cold war», the «reconstruction» and «peace» priorities of the fourth five-year plan had to be radically revised. They were replaced by a course of unrestrained military build-up. This had a negative impact on the country's socio-economic development. Only the post-Stalinist leadership decided to change this course.

Keywords: fourth five-year plan, economic priorities, Cold war, arms race, military expenses.

СТАНОВЛЕНИЕ ЯДЕРНО-ОРУЖЕЙНЫХ РАБОТ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье зафиксированы основные правительственные решения и события в «доатомный период» 1941–1945 гг. советской ядерной программы. Показано, что фактически до второй половины 1940-х гг. проект носил чисто исследовательский характер и лишь с конца августа 1945 г., с утверждением государственной ядерной программы СССР, темпы работ по созданию атомной бомбы ускорились.

Ключевые слова: Государственный комитет обороны, Великая Отечественная война, организация работ по урану, Академия наук СССР, Лаборатория № 2 АН СССР.

Атомная отрасль имеет исключительное значение для России. Это надежная основа обороноспособности и национальной безопасности страны, одна из ключевых, стратегических отраслей российской экономики.

Работы по освоению энергии атомного ядра велись в СССР еще до Великой Отечественной войны. Советские ученые добились тогда значительных достижений в этой области. Так, в 1939 г. Ю. Б. Харитон и Я. Б. Зельдович впервые определили условия, при которых происходит цепная реакция деления атомных ядер урана, а в 1940 г. Г. Н. Флеров и К. А. Петржак открыли самопроизвольный распад ядер атомов урана [1, с. 112].

Война прервала исследования советских физиков-атомщиков. Все силы ученых были направлены на помощь фронту. Но вскоре руководству страны, благодаря данным разведки, стало известно, что в США и Англии начаты работы по использованию атомной энергии в военных целях [1, с. 271–274].

28 сентября 1942 г. председатель Государственного комитета обороны (ГКО) СССР И. В. Сталин подписал распоряжение ГКО «Об организации работ по урану». В нем предусматривалось возобновление в Советском Союзе работ по исследованию и использованию атомной энергии. Из распоряжения ГКО: «Обязать Академию наук СССР (акад. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить Государственному комитету обороны

---

* Бедель Александр Эмануилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; bedel54@mail.ru
Бочкарева Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; bochkareva_1969@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00103 А «Индустриальный Урал и советский атомный проект: экономические и экологические последствия функционирования ядерно-промышленного комплекса в регионе (1945–1991 гг.)».

к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива. Для этой цели: Президиуму Академии наук СССР <...> организовать при Академии наук специальную лабораторию атомного ядра» [1, с. 269–270].

В феврале 1943 г. вышло постановление ГКО об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Курирование атомной проблемы по линии ГКО было возложено на В. М. Молотова, научное руководство – на И. В. Курчатова. Оперативное руководство и оказание повседневной помощи поручили М. Г. Первухину (зам. председателя СНК СССР) и С. В. Кафтанову (председатель комитета по делам высшей школы) [1, с. 306–307]. В Москве во главе с профессором Ленинградского физико-технического института И. В. Курчатовым создается специальный научный центр – Лаборатория № 2 АН СССР (Лаборатория измерительных приборов АН СССР, Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова, ныне – Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») [1, с. 321].

В первом полугодии 1943 г. И. В. Курчатовым было подготовлено около двадцати докладов и записок о ходе работ по урановой проблеме, трудностях и достигнутых результатах. Так, в марте 1943 г. он подробно, на восьми листах, сообщал М. Г. Первухину о некоторых исследованиях, а в разделе «Трансураны и урановая бомба» писал: «Если в действительности эка-осмий (плутоний) обладает такими же свойствами, как уран-235, его можно будет выделить из „уранового котла“ и употребить в качестве материала для эка-осьмиевой бомбы» [1, с. 327].

С 1943 по 1945 г. Лабораторией № 2 с привлечением ряда научных институтов и предприятий страны были проведены исследования по разделению изотопов урана, разработаны технологии получения металлического урана, тяжелой воды и многое другое. В правительство были представлены отдельные работы ученых о проведенных исследованиях по возможности практического использования внутриатомной энергии урана: «О возникновении взрывной реакции деления в металлическом уране при участии в реакции изотопов» (Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон); «О возникновении взрывной реакции деления в металлическом уране при реакции изотопов урана-238 и урана-235» (Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон); «Определение сечения деления изотопа урана-235 нейтронами энергией 200 kv» (К. А. Петржак, Л. А. Орбели); «Разложение изотопов ректификацией» (М. О. Корнфельд, Д. М. Самойлович); «О получении тяжелой воды» (М. О. Корнфельд); «Материалы и химия углерода» (В. И. Спицын), и ряд других [1, с. 360–362].

В июле 1943 г. было принято распоряжение Государственного комитета обороны «Об организации геологоразведочных работ, добычи урана и производства урановых солей» [1, с. 366–368]. Институт геологии АН совместно с Радиевым институтом АН и Лабораторией геохимических проблем АН должны были составить план геологических работ по урановым рудам

и представить его в комитет по делам геологии при СНК СССР [1, с. 385]. Правительство обязало Наркомцветмет СССР сдавать уран и урановые соли в Государственный фонд и возложило их хранение на Лабораторию № 2.

В декабре 1944 г. ГКО принимает решение о передаче добычи и переработке урановых руд из Наркомцветмета СССР в ведение НКВД СССР. Для этих целей в Главном управлении горно-металлургических предприятий НКВД организуется Спецуправление (9-е Управление). Для изучения урановых месторождений СССР и разработки технологии получения металлического урана из руд этих месторождений в составе управления в Москве создается Научно-исследовательский институт № 9 (Всесоюзный научно-исследовательский институт неорганических материалов, ныне – АО «Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара») [2, с. 180–184].

В мае 1945 г. после взятия Берлина было обнаружено имущество Физического института Общества кайзера Вильгельма. Для приема оборудования 9 мая в Германию отправляется группа советских специалистов во главе с А. П. Завенягиным. В состав группы вошли Ю. Б. Харитон, И. К. Кикоин, В. А. Махнев и другие. ГКО приняло решение о направлении имущества Физического института в распоряжении Лаборатории № 2. В дальнейшем, в целях освобождения ведущих ученых и специалистов от «рутинной» работы по поиску сырья и оборудования, решением А. П. Завенягина в Германии образуется специальная группа НКВД. За второе полугодие 1945 г. группой было подготовлено и отправлено в СССР 219 вагонов различного оборудования. И все же, несмотря на выполнявшиеся работы, темпы продвижения к главной цели – созданию отечественной атомной бомбы – были недостаточными.

Ситуация резко изменилась летом 1945 г. 16 июля США испытали на авиационной базе Аламогордо (штат Нью-Мексико) свой первый атомный заряд, а 6 и 9 августа подвергли атомной бомбардировке японские города Хиросиму и Нагасаки.

Для ускорения работ по созданию советского атомного оружия требовалось принимать чрезвычайные меры мобилизационного характера. 20 августа 1945 г. И. В. Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны СССР о создании Специального комитета при ГКО. Новый орган был наделен полномочиями по привлечению любых ресурсов, имевшихся в распоряжении правительства СССР, к работам по атомному проекту. Главой Спецкомитета был назначен заместитель председателя ГКО и Совета народных комиссаров СССР, нарком внутренних дел Л. П. Берия [3, с. 11].

Тем же постановлением предусматривалось создание «штаба» советской атомной промышленности – Первого главного управления при Совете народных комиссаров СССР. Первым руководителем ПГУ стал народный комиссар боеприпасов Б. Л. Ванников.

Впоследствии ПГУ было преобразовано в Министерство среднего машиностроения СССР. Сейчас всеми ядерными активами страны управляет Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом».

Библиографический список

1. Атомный проект СССР: Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. *Л. Д. Рябева*. Т. I. 1938–1945 : в 2 ч. Часть 1 / М-во РФ по атом. энергии ; отв. сост. *Л. И. Кудинова*. М.: Наука. Физматлит, 1998. 432 с.
2. Атомный проект СССР: Документы и материалы : в 3 т. / Под общ. ред. *Л. Д. Рябева*. Т. I. 1938–1945 : в 2 ч. Часть 2 / М-во РФ по атом. энергии, ГНЦ РФ – ФЭИ им. акад А. И. Лейпунского ; отв. сост. *Л. И. Кудинова*. М.: Издательство МФТИ. 2002. 800 с.
3. Атомный проект СССР: Документы и материалы : в 3 т. / под общ. ред. *Л. Д. Рябева*. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1 / М-во РФ по атом. энергии ; отв. сост. *Г. А. Гончаров*. Саров: РФЯЦ-ВНИИФ, 1999. 719 с.

A. E. Bedel

Candidate of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

I. A. Bochkareva

Candidate of Sciences (History), South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

DEVELOPMENT OF NUCLEAR WEAPONS IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper records the main government decisions and events in the «pre-atomic period» of 1941–1945 of the Soviet nuclear program. The paper shows that in fact, until the second half of the 1940s, the project was entirely research, and only from the end of August 1945, with the approval of the state nuclear program of the USSR, the pace of work on creating an atomic bomb accelerated.

Keywords: State Defense Committee, Great Patriotic War, uranium work organization, Academy of Sciences of the Soviet Union, Laboratory No. 2 of the Academy of Sciences of the USSR.

СОВЕТСКАЯ ДЕРЕВНЯ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Анализируются основные тенденции зарубежной историографии и наиболее значимые работы, затрагивающие тему российского сельского населения в период Великой Отечественной войны. Констатируется, что современные западные авторы, освещающие тему тыла и гражданского населения в годы войны, часто вполне органично развивают российскую традицию разработки этих сюжетов. Отличительной чертой многих зарубежных работ является интерес к поведению простого человека в советском тылу под воздействием мер государственной политики и в ситуации массированного идеологического воздействия. Кроме того, достаточно активно изучается проблема условий существования и настроений сельского населения на оккупированных территориях.

Ключевые слова: советский тыл, «трудовой фронт», оккупация, зарубежная историография, советская деревня, крестьянство, продовольственный рынок.

Тема тыла и гражданского населения в годы войны не является магистральной для зарубежных специалистов по советской истории. Несмотря на значительное количество публикаций, преимущественно англоязычных и особенно активно выходящих в последние годы, приоритет в разработке этого сюжета остается за отечественными исследователями. Именно поэтому российские специалисты нередко выступают в качестве соавторов, либо их работы представлены в списке ссылок публикаций зарубежных исследователей. Характерно и восприятие российской традиции: название «Великая Отечественная война» все чаще используется вместо прежней «Второй мировой войны». На фоне большого массива российской литературы работы иностранных авторов интересны главным образом за счет свежего взгляда и подчас нестандартных выводов.

Хронологически в зарубежной историографии предсказуемо выделяются «тоталитарный» (до 1985 г.), «ревизионистский» (до середины 1990-х гг.) и современный этапы, при этом последний иногда называют

---

* Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; og_06@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00592 А «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований».

«постревизионистским». Они различаются степенью политической ангажированности авторов, тематикой и комплексом использованных источников.

Для публикаций тоталитарной школы была характерна опора на сведения открытой советской печати, а информация нередко подавалась в «контрпропагандистском» ключе. Тематически они повторяли советские работы по истории промышленности и сельского хозяйства в годы войны с небольшим включением политических сюжетов.

Среди работ тоталитарной школы вызывает интерес исследование Г. Шварца, посвященное ценообразованию в СССР в годы войны. Автор полагает, что советское правительство покупало лояльность колхозников, позволяя им торговать на свободном рынке в обмен на регулярность госпоставок по довоенным ценам, т.е. городской покупатель субсидировал правительственную программу стабилизации цен на сельскохозяйственную продукцию. Шварц, в отличие от других авторов, оптимистично оценивает благосостояние крестьян, торговавших на колхозном рынке [15, р. 878–879]. Развивая тему, Дж. Уитмэн констатировал, что к 1944 г. государство сумело установить контроль над ценообразованием в этой сфере [20, р. 396]. Т. Самберг полагал, что практика трудодней в колхозах усиливала реальное неравенство между социальными группами, ставшее еще более значительным после повышения в июле 1941 г. сельскохозяйственного налога [17, р. 121–122]. Р. Мантинг обращал внимание, что колхозное крестьянство находилось в более уязвимом положении в сравнении с другими категориями тылового населения. Во время войны крестьяне стали потреблять гораздо меньше хлеба, мяса и жиров и гораздо больше картофеля [13, р. 586–587].

Что касается политических сюжетов в исследованиях первого периода, то автор содержательной монографии о членстве в РКП(б) – ВКП(б) – КПСС Т. Ригби упоминает о либерализации приема в партию крестьян в тылу в военные годы. Автор считает, что этот рост был обусловлен требованием партийности для кандидатов на управленческие должности (часто – молодежи и женщин) в условиях дефицита кадров [14, р. 267–270].

Немногочисленные труды рубежа 1980–1990-х гг. по истории Великой Отечественной войны актуализировали социальную проблематику с использованием материалов советских архивов. Одной из первых тему «трудового фронта» заявила Ш. Фицпатрик. Исследовательница констатировала, что в условиях сокращения трудоспособного колхозного населения в деревне, как и в городе, была введена система трудового призыва, и в сельском хозяйстве работало 3,8 млн таких призывников [7, р. 42–43].

Серьезным исследованием рубежа 1980–1990-х гг. следует считать монографию Д. Барбера и М. Харрисона. Едва ли не впервые западные авторы рассматривали в качестве одной из основных причин победы СССР в войне достижения тружеников тыла. Авторы полагали, что сельское хозяйство оказалось в наиболее уязвимом положении в результате утраты плодородных территорий и демеханизации. Что касается сельского населения, то наиболее деформированной оказалась его семейная структура [2].

Современные зарубежные исследования, содержащие информацию по истории советской деревни в годы войны, создаются на разнообразной источниковой базе. Тематически они чаще всего тяготеют к одному или сразу нескольким основным блокам: история «трудового фронта» и тылового крестьянства; российское сельское население в условиях оккупации; идеология и личность в годы войны. В новейших работах все более очевидным становится дрейф от анализа государственной политики в тылу к проблеме ее воздействия на человека. У. Москофф, поднимая тему продовольственного обеспечения тыла на материалах архивов Германии, Австрии и воспоминаний эмигрантов из России, полагает, что не стоит осуждать крестьян за то, что они, торгуя на свободном рынке, жили во время войны за счет горожан. Автор напоминает, что на крестьян не распространялась карточная система, а после войны крестьянские деньги были обесценены денежной реформой [12, р. 238].

Сюжет получил развитие в коллективной монографии «Голод и война», авторы которой широко использовали материалы архивов РФ. В ней анализируется государственная политика в сфере продовольственного обеспечения, говорится об иерархии потребления [8]. В отзывах на книгу отмечалось, что прежде с подобной остротой проблема голода в советском тылу не обсуждалась.

Получил развитие сюжет роли колхозного рынка в годы войны. Для К. Айронсайд важно выяснить, как колхозное крестьянство воспринимало государственную экономическую политику и приспособлялось к ней. Исследовательница отмечает, что колхозники гораздо более проворно следили за государственными ценами, чем государство за ценами рынка; пытались избежать государственного контроля, колхозники уходили с рынка, и горожане приезжали в деревню, чтобы обменять дефицитные промышленные товары на продовольствие¹ [10, р. 662].

Тема жизни российских крестьян в условиях оккупации поднимается в обстоятельном исследовании Й. Д. Энстада [6]. В отличие от Украины и Белоруссии, отмечает Энстад, оккупация российских территорий в годы войны в англоязычной литературе представлена недостаточно. Энстад анализирует поведение крестьянского населения российского Северо-Запада с точки зрения влияния идеологии власти на мироощущение обычного человека, обозначая его как «хрупкую лояльность» по отношению к оккупантам. Крестьяне, помня о коллективизации, в большинстве своем не были убежденными сторонниками сталинского режима, но и к немцам относились с настороженностью.

Похожих взглядов придерживается С. Бернштейн. На основе материалов послевоенных следственных дел он констатирует, что многие сельские жители Рязанской области в период неопределенности в ноябре-декабре 1941 г. занимали выжидательную позицию и в первую очередь были обеспокоены вопросами собственного выживания [4]². Они демонстрировали привычное

¹ О демонетизации торговли в тылу в годы войны см. также [8, р. 65]; о торговле в годы войны см. также [9].

² О подобных настроениях в сельской местности сообщают также Барбер и Харрисон [2, р. 104] и другие авторы.

крестьянское недоверие к любой власти. Как замечает М. Дэвид-Фокс в обзорной статье о «простом человеке» в годы войны по поводу работы Бернштейна, «крестьяне в этой ситуации действовали в соответствии с собственной идеологией» [5, p. 57].

О болезненной проблеме собственности, утраченной жителями оккупированных территорий в годы войны, повествует работа Н. Мойн. Государство использовало информацию об ущербе при оказании помощи потерявшим имущество жителям страны. Как правило, речь в этих случаях шла о частичной компенсации [11].

А. Вайнер, интерпретируя войну в контексте индивидуального опыта переживших ее людей, полагает, что война способствовала утверждению нового ощущения «советскости», причастности к идеалам большевистской революции. Для многих крестьян участие в войне помогло осознать себя частью советской системы, избавиться от своеобразного комплекса неполноценности в сравнении с «классом-гегемоном» [19, pp. 9, 21].

В монографии Л. Сигельбаума и Л. П. Мох, посвященной миграции в России-СССР в XX в., упоминается о мобилизации крестьян для работы в промышленности и рыболовецких колхозах в годы войны, а также о «самоэвакуированных» жителях с оккупированных территорий [16].

Разные аспекты пропагандистской работы в тылу и ее эффективность рассматривают К. Беркхоф [3], Д. Брандербергер [1] и другие авторы.

Подводя итог обзору наиболее заметных публикаций на тему жизни российской деревни в годы войны, следует констатировать, что целенаправленно этот сюжет зарубежными историками не изучался. Заявление о необходимости уделять больше внимания истории российского крестьянства в годы войны находим только в книге Й. Д. Энстада [6, p. 9]. Характеризуя состояние современной западной историографии Великой Отечественной войны, М. Дэвид-Фокс отмечает, что в ней, с одной стороны, нет единой концепции повседневной жизни и сопротивления, а с другой – отсутствуют попытки сосредоточиться на какой-либо одной социальной группе [5, p. 552].

В целом следует констатировать, что традиционная и привычная для советских и российских историков тема постепенно занимает все более значимое место в международном исследовательском дискурсе.

Библиографический список

1. *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Академический проект, ДНК, 2009. 416 с.
2. *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. New York: Longman, 1991. 252 p.
3. *Berkhoff K. C.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. Harvard: Harvard Univ. Press, 2012. 416 p.

4. *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority: *Bezvlastie* in Wartime Riazan', November–December 1941 // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. No. 3. Pp. 560–582.
5. *David-Fox M.* The People's War: Ordinary People and Regime Strategies in a World of Extremes // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. No. 3. Pp. 551–559.
6. *Enstad J. D.* Soviet Russians under Nazi Occupation: Fragile Loyalties in World War II. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. 275 p.
7. *Fitzpatrick S.* War and Society in Soviet Context: Soviet Labor before, during, and after World War II // *International Labor and Working-Class History*. 1989. No. 35. Pp. 37–52.
8. *Goldman W. Z., Filtzer D. (eds).* Hunger and War. Food Provisioning in the Soviet Union during World War II. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2015. 371 p.
9. *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004. 366 p.
10. *Ironsides K.* Stalin's Doctrine of Price Reductions during the Second World War and Postwar Reconstruction // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. No. 3. Pp. 655–677.
11. *Moine N.* "Fascists have destroyed the fruit of my honest work". The Great Patriotic War, International Law and the Property of Soviet Citizens // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 2013. Bd. 61, H. 2. Pp. 172–195.
12. *Moskoff W.* The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR during World War II. New York: Cambridge Univ. Press, 2002. 240 p.
13. *Munting R.* Soviet Food Supply and Allied Aid in the War, 1941–45 // *Soviet Studies*. 1984. Vol. 36. No. 4. Pp. 582–593.
14. *Rigby T. H.* Communist Party Membership in the U. S.S. R. 1917–1967. Princeton: Princeton Univ. Press, 1968. 580 p.
15. *Schwartz H.* Prices in the Soviet War Economy // *The American Economic Review*. 1946. Vol. 36. No. 5. Pp. 872–882.
16. *Siegelbaum L. H., Moch L. P.* Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.
17. *Sumberg T. A.* The Soviet Union's War Budgets // *The American Economic Review*. 1946. Vol. 36, No. 1. Pp. 113–126.
18. *Voisin V.* L'URSS contre ses traîtres: l'épuration soviétique (1941–1955). Paris: Publications de la Sorbonne, 2015. 502 p.
19. *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton Univ. Press, 2001. 432 p.
20. *Whitman John T.* The kolkhoz market // *Soviet Studies*. 1956. Vol. 7. No. 4. Pp. 384–408.

O. V. Gorbachev

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Documentary and Archival Studies and History of State Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

THE SOVIET VILLAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

The paper analyses the main trends in foreign historiography and the most significant works related to the study of Russian rural population during the Great Patriotic war. The paper shows that modern Western authors who study the Soviet rear and civilian population during the war often quite organically follow Russian tradition of historical narrative. A distinctive feature of many foreign works is the interest in behavior of a common person in the Soviet rear under the influence of state policy measures and in a situation of massive ideological influence. In addition, foreign researchers actively study the problem of living conditions and attitudes of the rural population in the occupied territories.

Keywords: Soviet rear, «home front», occupation, foreign historiography, Soviet village, peasantry, food market.

КРИВБАСС НА УРАЛЕ: ПОБЕДА, ОДНА НА ВСЕХ

Статья поднимает проблему материальных и духовных источников Великой Победы, одержанной Советским Союзом над нацистской Германией. Опираясь на периодику УССР времен Великой Отечественной войны (1941–1945), военный эпистолярный ректор Криворожского горнорудного института Н. К. Пращицкого, автор актуализирует факты сплоченности и беспримерного трудового героизма советских людей на предприятиях Урала.

Ключевые слова: эвакуация, горнорудное производство, стахановское движение.

В преддверии 75-летней годовщины Великой Победы советского народа над фашистскими захватчиками, в условиях нескрываемого игнорирования и целенаправленного обесценивания советского периода истории органами государственной власти современной Украины считаем необходимым заострить наше исследовательское внимание на проблеме патриотического единения граждан СССР, ковавших победу в тыловой части страны – на Урале. Тогдашнее сближение украинского Кривого Рога с городами и поселками великого Урала (Свердловск, Магнитогорск, Нижний Тагил, Бакал, Серов, Дегтярка, Егоршино и др.) в послевоенные годы трансформировалось в крепкую дружбу и побратимство, которому, вопреки всему, остаются верны и современные криворожцы. В отличие от столичного Киева, где дата освобождения города от фашистов уже который год остается незамеченной, жители Кривбасса по-прежнему свято чтят память о войне и в день освобождения города – 22 февраля – проводят военные парады и праздничные салюты. К величайшему сожалению, выросший в Кривом Роге шестой президент Украины не отличается крепкой исторической памятью и железным криворожским характером: имея героического деда-орденоносца, участника Великой Отечественной войны, он не счел нужным 28 октября 2019 г. организовать государственные торжества по поводу 75-летия освобождения Украины от фашистских захватчиков. Обидно, больно и невыносимо стыдно за своего, увы, земляка...

В трагическом 1941 г., с приближением фронта (гитлеровцы захватили Кривой Рог 14 августа 1941 г.) горнорудный Кривбасс спешно эвакуировался на восток страны, доменные печи, дабы исключить возможность их использования оккупантами, были заблаговременно приведены в негодность. Руководителем эвакуации криворожских предприятий и учреждений стал первый секретарь Криворожского горкома КП(б)У Иван Маркович Сиренко

---

* Дояр Лариса Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Государственного архива печати Книжной палаты Украины имени Ивана Федорова (Киев, Украина); lardo07@rambler.ru

(1907–1986) – лидер партийной организации Кривбасса покинул город последним. Вследствие принятых мер на Урале оказалось большое количество криворожских шахтеров, горных мастеров, инженеров шахт, рудоуправлений, научных сотрудников Научно-исследовательского горнорудного института Кривого Рога (НИГРИ), преподавателей Криворожского горнорудного института (КГРИ).

Эшелоны с эвакуированным оборудованием и людьми вначале двигались просто в восточном направлении, никто не знал конечного пункта прибытия. Однако организаторы массового перемещения производственных мощностей Кривбасса безошибочно избрали восточно-уральский город Нижний Тагил, где на тот момент работал крупный металлургический завод и размещалось мощное Высокогорское рудоуправление. Кроме того, в Нижнем Тагиле функционировал Уральский вагоностроительный завод, принявший в свой состав 11 эвакуированных предприятий и выпускавший знаменитые танки Т-34.

Местом пребывания в эвакуации (1941–1944 гг.) Криворожского горнорудного института стал Нижнетагильский металлургический техникум – старейшее учебное заведение России, основанное при Петре I в 1709 г. Тогдашний ректор КГРИ Николай Климентьевич Правицкий (1904–1963) сумел сохранить, а впоследствии передать архиву Музея истории института свою личную нижнетагильскую переписку¹. Последняя предоставляет нам возможность убедиться в особой профессиональной ценности эвакуированных из Кривого Рога горнорудных кадров, их быстром вовлечении в военно-промышленный комплекс Урала. Так, 11 октября 1941 г. преподаватель горных дисциплин КГРИ Нечаев со станции Бакал Челябинской области писал ректору, что его не отпускают в Нижний Тагил преподавать, а оставляют работать в местном рудоуправлении². Весьма красноречиво в письме от 10 декабря 1941 г. описал свою жизненную ситуацию бывший преподаватель КГРИ Кадырбаев: «Николай Климентьевич! Я сейчас работаю в системе Наркомцветмета главным инженером Тышлинского рудоуправления. Рудоуправление представляет собой средний комбинат с несколькими шахтами, карьерами и двумя обогащительными фабриками. Работой увлекся, дела идут пока удовлетворительно. Наши криворожцы разъехались, кто куда, так что многих потерял из виду. Говорят НИГРИ сидит на Бакале <...>. Прошу приехать ко мне по приезду в Свердловск. Наш рудник в 10 км от города»³.

Преподаватель КГРИ Волотковский в письме от 6 января 1942 г., отправленном с шахты им. Кирова (п/п Егоршино Свердловской области), сообщил Правицкому, что он эвакуировался с Днепропетровска, работает главным механиком шахты, зарабатывает много, но работа очень тяжелая, поэтому

¹ Архив Музея истории Криворожского национального университета. Ф. 1 «Персоналии». Оп. 3 «Эпистолярный». Д. «Н. К. Правицкий». 256 л.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 25.

он мечтает переехать в Нижний Тагил, чтобы вернуться к научно-педагогической деятельности в эвакуированном КГРИ¹. Бывший коллега Гурвич, писавший ректору из поселка Дегтярка Свердловской области 4 марта 1942 г., озвучил свои критические суждения в отношении местного горнорудного производства: «В целом производственная культура стоит на более низком уровне, чем в Кривом Роге. Основное здесь – не дифференцированный труд и оплата труда за кубический метр проходки»². О своем пребывании в городе Серове (там работал старейший на Урале Надеждинский металлургический завод) Правицкому писала преподавательница Очаренко³.

Олицетворением Кривого Рога на Урале стал стахановец, основатель многозабойного бурения Алексей Ильич Семиволос (1912–1986). Описывая приезд криворожских шахтеров на Урал, он подчеркивал: «Мы коллективом, как одна семья, приехали. Привезли сюда и горную технику, и передовой опыт по добыче руды»⁴. Криворожским шахтерам пришлось приспособиваться к твердым уральским породам – местные горняки убеждали Семиволоса, что на Урале он не сможет проходить более пяти забоев за смену – «это тебе не Кривой Рог», говорили они. Между тем Алексей, используя сначала победитовые головки на бурах, а затем, разместив в шахматном порядке шпур (где порода тверже, там больше, где мягче – там меньше), вскоре добился неслыханной для Урала продуктивности шахтерского труда – 12–15 забоев за смену. За время работы на шахтах Бакала он установил 9 рекордов. В честь 25-летия Советской Украины он добыл 4560 % от установленной нормы. За одну смену по очень твердой уральской породе Алексей Семиволос проходил 35 погонных метров штрека⁵. Впоследствии шахтер писал, что в среднем он выполнял норму почти на 800 % и зарабатывал в месяц по 10 тыс. рублей. «Мы, криворожцы, учились работать у уральцев, а уральцы – у нас, – писал криворожский стахановец, – <...> так возникло дружеское соревнование между родными братьями – украинцами и россиянами»⁶.

Вернувшись в родной город, криворожцы сохранили уральский темп и начали устанавливать новые трудовые рекорды. Так, бурильщик шахты «4-бис» на руднике им. К. Либкнехта Сидор Жевага выполнил задание на 3333 %! Чтобы вывезти добытую им руду, понадобилось 158 железнодорожных вагонов. Журналист П. Слипчук восторженно писал: «Кривбасс поднимается из руин, Кривбасс ожил. Криворожские горняки своими руками творят чудо. Железная руда Кривбасса смертельными снарядами бьет немцев на их земле и приближает желанный час окончательного разгрома гитлеризма»⁷.

¹ Архив Музея истории Криворожского национального университета. Ф. 1 «Персоналии». Оп. 3 «Эпистолярный». Д. «Н. К. Правицкий». Л. 27.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Семиволос О. Повій, вітре, на Україну! // Україна. 1943. № 1–2 (квітень-травень). С. 42.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Слипчук П. Кривбас живе, Кривбас воює // Україна. 1945. № 1 (січень). С. 21.

В годы Великой Отечественной войны Урал был всесоюзной кузницей, промышленным регионом, где ковалась Великая Победа над врагом. Совместный труд уральских и криворожских тружеников горнорудной отрасли демонстрировал наличие у советских людей единой ментальности, невиданной гражданской сплоченности, желания самоотверженно трудиться на благо своей Родины. Эвакуация, с одной стороны, способствовала укреплению производственных мощностей уральских предприятий, а с другой – сохранила и приумножила потенциал Криворожского железорудного бассейна.

L. V. Doiar

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, State Press Archive of the Ivan Fedorov Book Chamber of Ukraine (Kiev, Ukraine).

KRIVBASS IN THE URALS: VICTORY, ONE FOR ALL

The paper raises problem of material and spiritual sources of the Great Victory won by the Soviet Union over Nazi Germany. Based on periodicals of the Ukrainian SSR since the Great Patriotic War (1941–1945) as well as military epistolary of the rector of Krivorozhsky mining institute N. K. Pravitsky, the author actualizes facts of cohesion and unparalleled labor heroism of Soviet people at the enterprises of the Urals.

Keywords: evacuation, mining, Stakhanov movement.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ В ТАНКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ УРАЛА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье проанализированы основные направления инженерно-технической оптимизации технологий танкового производства на Урале в годы Великой Отечественной войны. Показаны основные последствия данного процесса как с точки зрения формирования и ускоренного развития танковой промышленности, так и в отношении повышения производительности отрасли в целом. Освещено влияние эвакуации на основные направления оптимизации производства.

Ключевые слова: Урал, Великая Отечественная войны, эвакуация, инженерно-техническая оптимизация.

История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ознаменовалась значительными изменениями в базовых отраслях военной промышленности СССР, когда в результате эвакуации, в восточных регионах страны были воссозданы целые отрасли высокотехнологичного машиностроения. Это касается в первую очередь танкостроения, авиастроения и артиллерийской промышленности. Проведенная эвакуация (беспрецедентная по объему и срокам) не позволила в полном объеме переместить запланированные объемы кадров и оборудования в связи с быстрыми успехами германской армии вторжения. В результате удалось вывезти лишь минимальное количество высококвалифицированных инженерно-технических работников (ИТР) и рабочих, наиболее ценное промышленное оборудование.

Перед государственным руководством встала задача – в кратчайшие сроки развернуть перемещенные мощности на территории построенных в 1930-е гг. крупных гражданских машиностроительных заводов разного профиля. Подавляющее их большинство не имело опыта крупномасштабного военного производства, однако проектировалось с учетом использования высокопроизводительных технологий поточно-конвейерного производства.

Так, в условиях дефицита квалифицированных кадров и специально-го промышленного оборудования на востоке страны, инженерам и высшим «командирам производства» пришлось решать целый комплекс задач

---

* Запарий Василий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социокультурной и политической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; pantera.zap@gmail.com
Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; vvzap@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00050 А «Производственные ресурсы советской танковой промышленности в условиях Великой Отечественной войны».

инженерно-технической оптимизации технологических процессов с учетом реальных возможностей эвакуированных заводов и их работников.

Описанные выше процессы наиболее наглядно протекали в танковой промышленности, воссозданной в восточных регионах СССР в начале 1942 г. Эвакуированные в конце 1941 г. из Ленинграда, Москвы и Харькова на Урал мощности крупнейших танкостроительных предприятий образовали совершенно новые производственные единицы в рамках Наркомата танковой промышленности (НКТП). Быстро израсходовав заделы комплектующих, эти заводы вступили в производственный кризис, выразившийся в резком падении ритмичности выпуска основной продукции. Потери и некомплектная доставка оборудования на новые места, резкое падение числа квалифицированных кадров, привели к необходимости работать по «обходным» технологиям, что препятствовало дальнейшему росту производительности, в условиях постоянно возрастающего планового задания.

Ответом на этот вызов стала политика проведения комплексной оптимизации наиболее сложных технологических процессов в отрасли: в моторостроении и броневом производстве. Потребовалось достичь максимально возможной унификации узлов и агрегатов, при предельном упрощении конструкции узлов и агрегатов, включая понижение требований к качеству механической обработки.

На уровне высшего руководства СССР было принято решение добиться выпуска максимально возможного числа танков¹. Ведущим мотивом были чрезвычайно высокие потери бронетехники в 1941 г. Относительно правильности такого решения существуют противоречивые оценки [1–3]. Эвакуированные на Урал танковые заводы оказались неспособны выпускать танки даже на предвоенном уровне качества в связи с критическими потерями важнейшего металлургического и металлорежущего оборудования, и главное, квалифицированных кадров².

Наиболее серьезные затруднения возникли в сфере металлургии, как отрасли поставлявшей броневую сталь для танковых бронекорпусов. Довоенные марки танковой брони создавались в СССР на заводах, специализировавшихся на военном кораблестроении (Ижорский завод, завод им. Ильича). Металлургические гиганты Урало-Кузбасса (ММК и КМК) с трудом приспосабливались к высоким требованиям броневого производства. Потребовалось полностью перевести выплавку брони со специальных печей на печи гражданских заводов, приспособить местное прокатное и металлургическое оборудование к нуждам броневой отрасли [2, с. 109–113, 195–208].

Большой проблемой для технологов НКТП стало применение стали марки 8С, принятой для изготовления корпуса самого массового танка Красной армии – Т-34. Химический состав этой брони, закаленной на высокую твердость,

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп.1. Д. 14. Л. 92–97; Д. 16. Л. 122–135.

² Так, например, из общего количества подлежащих эвакуации квалифицированных работников (12140 чел.) в Нижний Тагил из Харькова было эвакуировано: рабочих – 2859 чел., ИТР – 1456, служащих – 119 и учащихся ФЗО – 800 чел. Всего – 5234 (43%). Дано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8752. Оп. 4. Д. 40. Л. 2.

обеспечивал хорошие защитные качества, при относительно небольшой толщине (45 мм). Но данная броня была чрезвычайно чувствительна к режимам термической обработки и газовой резки, в случае их критического нарушения давала сильные трещины. Не имея возможности воспроизвести на Урале довоенные технологии, учитывая падение качества рабочей силы, пришлось отказаться от принятой до войны механической обработки кромок бронелистов, перейти к автоматической сварке под слоем флюса, перестроить принципы термической обработки элементов танкового бронекорпуса.

Создание и повсеместное распространение автоматической сварки было вызвано острым недостатком сварщиков высокой квалификации. При полном соблюдении технологии проведения автоматической сварки даже с броней 8С она давала достаточно высокое качество сварного шва. В случае ее нарушения бронекорпуса Т-34 легко разрушались от попадания крупнокалиберных снарядов даже без пробития. В связи с тем, что операторами автосварочных установок становились в основном работники без специальной подготовки (часто трудмобилизованные), критические нарушения технологии наблюдались даже на завершающем этапе войны, в 1944 г. При этом автосварка занимала максимум 25–30% от общего объема сварных швов бронекорпуса и башни, как правило, наиболее протяженных и механически нагруженных¹.

В области двигателестроения на Урале пришлось, по сути, осуществлять создание литейных и штамповочных (кокиль, холодная штамповка) мощностей на заметно более высоком технологическом уровне (обработка ряда деталей дизель-мотора по высшему классу точности). Стоит отметить, что принятый до войны как основной для советских танков нового типа дизель-мотор В-2 (несмотря на свои прогрессивные характеристики) был чрезвычайно сложен в изготовлении. Это объясняет длительный процесс его разработки и многочисленные провалы на испытаниях в 1936–1938 гг.

В процессе перестройки двигательного производства уральских предприятий (свердловский завод № 76 и челябинский Кировский завод) пришлось внедрять многочисленные автоматические линии (заменившие массу малоквалифицированных станочников), дававшие приемлемое качество важнейших узлов дизель-мотора (топливный насос), что привело к заметному уменьшению количества бракованных дизель-моторов к началу 1945 г.²

В период между 1942 и 1944 гг. в уральском танкостроении произошли кардинальные изменения, позитивно сказавшиеся на качестве выпускаемой продукции, в значительной мере благодаря согласованной деятельности отраслевых научно-исследовательских институтов НКТП. К ним относятся знаменитые ГСПИ № 8, ЦНИИ-48, ЛАРИГ (сварочная лаборатория им. Игнатьева), ЭНИМС (Экспериментальный научно-исследовательский институт металлорежущих станков), а также МФТУ им. Баумана и Институт электросварки АН УССР. Специалисты этих организаций провели комплекс прикладных исследовательских работ по решению задач инженерно-технической оптимизации

¹ РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 7. Д. 109. Л. 10–15.

² Там же. Оп. 4. Д. 360. Л. 1–59.

танкового производства в сфере разработки, изготовления катанной и литой брони, принципов автоматической сварки, механической обработки, литья и штамповки, сборочных работ. Инженеры ГСПИ № 8 разрабатывали комплексные решения по переоснащению станочного парка заводов НКТП для нужд поточного производства танков [4, с. 24–25].

Благодаря мерам глубокой стандартизации и автоматизации ключевых производственных процессов, танковой промышленности к 1944 г. удалось перейти к ритмичной работе, постепенно повышая качество своей продукции. Мобилизационные версии тяжелых и средних танков (Т-34, «КВ»), а затем и «ИС») военного времени удалось приспособить к скудному станочному парку эвакуированных танковых заводов.

Поскольку эвакуированные на Урал мощности танковой отрасли оказались распределены между крупнейшими машиностроительными гигантами региона – в городах Свердловск, Нижний Тагил и Челябинск, то естественным образом произошло формирование территориально-производственных комплексов тесно взаимосвязанных друг с другом заводов-кооператоров. В общей системе управления НКТП они осуществляли взаимные поставки максимально унифицированных узлов и агрегатов, компенсируя, таким образом, ограничения своего производственного потенциала.

В результате взаимодействия высшего партийно-государственного руководства СССР, руководителей НКТП и инженерных кадров ведущих уральских танковых заводов и отраслевых научно-исследовательских институтов, в годы Великой Отечественной войны была в целом успешно решена задача инженерно-технической оптимизации основных технологических процессов. Это позволило резко нарастить выпуск танков по упрощенной технологии военного времени, в условиях нехватки квалифицированных кадров, станочного парка, дефицита электроэнергии и низкой пропускной способности транспортной инфраструктуры региона.

Библиографический список

1. *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
2. *Мельников Н. Н.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза-Каталог, 2019. 736 с.
3. *Ермолов А. Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.
4. *Устьянцев С. В., Полуяхтова И. П.* Несколько страниц из истории неизвестной цивилизации. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 208 с.

Vasily V. Zapary

Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Center for Political and Sociocultural History, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

V. V. Zapary

Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

**SOLVING PROBLEMS OF ENGINEERING AND TECHNICAL
OPTIMIZATION IN THE TANK PRODUCTION OF THE URALS
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The paper analyses the main directions of engineering and technical optimization of tank production technologies in the Urals during the Great Patriotic war. The paper shows the main consequences of this process in terms of the formation and accelerated development of the tank industry as well as in terms of increasing the productivity of the industry as a whole. The paper highlights the impact of evacuation on the main directions of production optimization.

Keywords: the Urals, World War II, evacuation, engineering and technical optimization.

УРАЛО-СИБИРСКИЙ ТЫЛ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗНИКОВ¹

Проанализированы оценки военно-политическим истеблишментом, экспертным сообществом и общественным мнением США оборонного потенциала СССР в годы Великой Отечественной войны и советских усилий по формированию стратегического тыла в регионах Урала и Сибири. Выявлены особенности американской позиции по вопросу роли и значения урало-сибирского тыла в организации борьбы антигитлеровской коалиции против держав-агрессоров и в послевоенной расстановке сил в мире.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, стратегия, Урал, Сибирь, Соединенные Штаты Америки, союзники, тыл.

Помимо военно-экономического сотрудничества, координации стратегических планов и решения вопросов послевоенного устройства мира, взаимодействие держав антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны предполагало формирование благоприятного морально-психологического контекста сотрудничества, основанного на взаимном узнавании союзниками друг друга. Несмотря на сохранявшиеся принципиальные различия экономических и политических систем СССР и США, расхождения по существенным вопросам стратегии, в годы войны в обеих странах наблюдались тонкая «настройка» господствующих политико-пропагандистских дискурсов и общественного мнения на позитивное восприятие союзника и даже на готовность к идеологическим компромиссам. Хорошо знавший Россию американский журналист Уильям Г. Чемберлин саркастически замечал в 1943 г., что «маятник» американского общественного мнения в отношении СССР стремительно качнулся в годы войны справа налево, даже не задержавшись в единственно приемлемой средней точке – «объективного реализма». Если о морально-политической сплоченности русского народа, военной и индустриальной мощи России пресса США до войны предпочитала не писать, сосредоточивая главное внимание на мрачных сторонах тоталитарного сталинского режима, то с началом войны эти темы не только вышли на первый план, но и стали служить оправданием всего того, что Сталин совершил в 1930-е гг. в отношении собственного крестьянства и политической оппозиции [1, р. 281–282].

---

* Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Центром методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; zubkov.konstantin@gmail.com

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00427А «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации».

В годы войны Советский Союз в глазах американцев становится одной из «свободолюбивых», «демократических» наций, стремящихся к прогрессу и благосостоянию для своих граждан, с той лишь разницей, что, в отличие от Америки, придерживающейся «демократии свободного предпринимательства» и делавшей упор на политические права, СССР представлял «управляемую демократию», для которой приоритетами являлись экономическая безопасность и социальное равенство граждан. Таким, в частности, Советский Союз предстал на страницах книги вице-президента США Генри Э. Уоллеса, совершившего в мае-июне 1944 г. беспрецедентную поездку по Сибири, Средней Азии, Монголии и Китаю [9, p. 148, 158, 245].

Не менее важным сдвигом в восприятии СССР политиками и широкой общественностью США стал обостренный интерес к различным аспектам жизни загадочной страны, строившей новый тип общества и сумевшей остановить германский блицкриг. Внезапно востребованными оказались экспертные знания американских специалистов, которые в годы Великой депрессии работали в Советском Союзе по контракту, ученых-русистов, журналистов, прежде освещавших русские проблемы и подолгу живших в СССР.

В представлениях американцев происходило изменение и самого географического образа СССР: если в предвоенные годы СССР, глубоко вовлеченный в перипетии европейской политики, воспринимался ими прежде всего через свой обращенный к Европе фасад, то летом и осенью 1941 г., когда наступление вермахта приблизилось к жизненно важным центрам Советского Союза, фокус внимания стал перемещаться к его глубинным тыловым районам, расположенным за Волгой и Уралом. Эти территории СССР в 1941 г. оставались для американцев настоящей *terra incognita*, окруженной интригующей завесой секретности [5, p. 180]. Между тем оценка военно-индустриального потенциала Урала и Сибири на этапе складывания союза между СССР и США превращалась, по сути, в «большой вопросительный знак» для всей американской стратегии: Соединенным Штатам прежде, чем решиться на отправку в СССР военного снаряжения (которое в случае его быстрого поражения могло бы только усилить Гитлера), было важно знать, сможет ли Советский Союз, утративший огромную часть территории и промышленных мощностей, остановить нацистский натиск, опираясь на создаваемую в годы пятилеток военно-промышленную базу Урала, и какой выигрыш во времени могли бы получить Англия и Америка при еще более худшем сценарии – в случае сдачи Москвы и отступления Красной армии на подготовленные опорные пункты сопротивления в Сибири¹.

Осенью 1941 г. большинство американских политиков и экспертов открыто выражало неверие в способность советских войск отстоять Москву. Американский журналист, шеф московского бюро агентства «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро вспоминал в 1975 г., что устроенный им в поезде импровизированный опрос среди многочисленного корпуса иностранных

¹ Life. 1941. October 13. Vol. LVIII, No. 2. P. 47–48.

дипломатов и журналистов, эвакуировавшихся после 15 октября 1941 г. в Куйбышев, выявил лишь трех человек, которые были уверены в том, что русские сумеют отстоять Москву, это были британский посол Стаффорд Криппс, иранский посол Мохаммед Саид и руководитель американской миссии ленд-лиза Филип Р. Феймонвилл [7, р. 64]. Драматизм ситуации подогревал огромный интерес иностранных наблюдателей к тому, что происходило на Урале и в Сибири. Г. Шапиро по счастливой случайности стал первым американским журналистом, посетившим в декабре 1941 г. Свердловск (он добился в Наркомате иностранных дел СССР разрешения на встречу с женой Людмилой и дочерью Ириной, которые как советские граждане были эвакуированы в Алапаевск). В сопровождении редактора газеты «Уральский рабочий» Л. С. Шаумяна Г. Шапиро знакомился с военными буднями Свердловска, побывал на Уралмаше, перешедшем на выпуск военной техники и снаряжения. Американский журналист был потрясен зрелищем гигантской, кипевшей днем и ночью, при свете костров, отогревавших мерзлую землю, работы по закладке фундаментов и коммуникаций для эвакуированных предприятий, самоотверженным героизмом тысяч людей (по его оценке, на 70–80% – женщин), трудившихся в цехах при низких температурах и скудном продовольственном снабжении. «Такие люди, как эти, не проигрывают войны легко», – заключал Г. Шапиро [7, р. 65]. На полные восхищения и оптимизма реляции Г. Шапиро по поводу состояния уральского тыла в феврале 1942 г. ссылаясь в своем послании в Госдепартамент США американский поверенный в делах Уолтер Терстон, выделив в качестве одного из главных факторов стойкости СССР в напряженной борьбе с агрессором бурно растущую на востоке страны – частично за счет эвакуированных предприятий, частично за счет нового строительства – военную промышленность [3, р. 414].

Большое внимание Уральскому промышленному району было уделено в резонансной книге американского журналиста Мориса Г. Хиндуса с говорящим названием: «Гитлер не может завоевать Россию». Книга вышла в свет в конце 1941 г., когда исход войны еще оставался неясным. Автор, имевший за плечами двадцатилетний опыт изучения Советского Союза, подчеркивал, что героизм русского народа и необъятные пространства России были бы недостаточны для эффективной борьбы с Гитлером, если бы на востоке страны не были заблаговременно созданы резервные военно-индустриальные районы, среди которых Урал мог считаться «превосходным бастионом против врага с запада и востока». М. Хиндус полагал, что важнейшим источником непобедимости России явилась стратегия создания рассредоточенных по всей территории страны «автономных» индустриально-аграрных комплексов, обеспечивавших «многослойную», глубоко эшелонированную систему обороны [4, р. 64, 65–66].

Другим феноменом, поражающим американских наблюдателей, явилась грандиозная эпопея эвакуации на Урал и в Сибирь промышленных мощностей и рабочих кадров. Американский журналист, корреспондент журнала

«Тайм» Ричард Э. Лаутербах, описывая поражавшие воображение масштабы этого «переселения» индустрии на восток (более 1 млн грузовых вагонов с оборудованием и свыше 20 млн человек), называл его «чудом», почти невероятным, если принять во внимание недостаточность железнодорожной сети Советского Союза, плотность которой в пропорции к размерам территорий была в 8 раз меньше, чем во Франции. Удивляла и скорость, с которой эвакуированные предприятия вводились в действие на новых местах. Р. Лаутербах приводит пример тракторного завода им. К. Е. Ворошилова, который был демонтирован и отправлен из Днепропетровска в конце сентября 1941 г., а уже 11 октября того же года был запущен в действие на Урале [5, р. 181–182].

Предвоенный опыт рассредоточения военно-промышленных мощностей на восток СССР, явившийся частью программы форсированной советской индустриализации (которая до войны часто критиковалась на Западе как бесчеловечное мероприятие, приносящее в жертву интересы «потребления»), и успешно проведенная в первые месяцы войны эвакуация промышленности из угрожаемых районов заставили американских стратегов и политиков по-новому оценить ресурсы выживаемости СССР, увидеть неоспоримое в условиях войны достоинство советской системы – ее высокие мобилизационные возможности.

После наступившего в 1943 г. коренного перелома в Великой Отечественной войне, когда сотрудничество СССР и США достигло самой высокой точки, интерес американских политиков и широкого общественного мнения США к районам Урала и Сибири не только не уменьшился, но даже возрос, приобретая при этом новые аспекты. Происходившее в годы войны смещение советского «центра силы» на восток порождало попытки американских аналитиков оценить перспективное значение этого геополитического сдвига и с точки зрения усиления общей обороноспособности СССР, и в предвидении будущего роста влияния СССР на страны Азии. Американцами заинтересованно обсуждалась концепция английского географа Х. Дж. Макиндера, которая отождествляла выходящий из войны СССР с «Хартлэндом» – геополитически самой сильной и неуязвимой «срединной» позицией на Евразийском континенте [6]. В работах американских географов Николаса Дж. Спайкмена и Джорджа Б. Кресси был дан комплексный анализ будущей геостратегической роли СССР в мировой расстановке сил с учетом определившихся в годы войны новых азиатских векторов его военно-индустриальной экспансии [2; 8]. В этом контексте СССР рассматривался американскими экспертами уже не только как ценный союзник в предстоящей решающей схватке с Японией, но и как будущий конкурент и соперник в борьбе за мировое влияние.

Библиографический список

1. *Chamberlin, William H.* The Russian Enigma: An Interpretation. – N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1943. VIII, 321 pp.
2. *Cressey, George B.* The Basis of Soviet Strength. – N. Y.; L.: Whittlesey House, 1945. XI, 287 pp.

3. Foreign Relations of the United States / Diplomatic Papers, 1942 (In Seven Volumes): Vol. III. Europe. – Washington: U. S. Government Printing Office, 1961. VI, 869 pp.
4. *Hindus, Maurice G.* Hitler Cannot Conquer Russia. – Garden City, N. Y.: Doubleday, Doran & Co., 1941. XVI, 299 pp.
5. *Lauterbach, Richard E.* These Are the Russians. – N. Y.; L.: Harper & Brothers Publishers, 1945. 368 pp.
6. *Mackinder, Halford J.* The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21, No. 4. P. 595–605.
7. *Senn, Alfred E.* Foreign Correspondent in Moscow, 1932–1973: Henry Shapiro. – Kaunas: Vitauto Didžiojo universiteto lidykla, 2006. 186 pp.
8. *Spykman, Nicholas J.* The Geography of the Peace / Ed. by H. R. Nicholl. – N. Y.: Harcourt, Brace and Co., 1944. XII, 66 pp.
9. *Wallace, Henry A.* Soviet Asia Mission / With collaboration of Andrew J. Steiger. – N. Y.: Reynal & Hitchcock, 1946. 254 pp.

K. I. Zubkov

Candidate of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

THE URAL-SIBERIAN HOME FRONT OF THE GREAT VICTORY IN THE ESTIMATES OF THE AMERICAN ALLIES

The paper analyses assessment by the military and political establishment, expert community and public opinion of the United States of the defense potential of the USSR during the Great Patriotic war and Soviet efforts to form a strategic rear in the Urals and Siberia. The paper reveals peculiarities of the American position on the role and significance of the Ural-Siberian home front in organization of the struggle of anti-Hitler coalition against the aggressor powers and in the post-war balance of forces in the world.

Keywords: Great Patriotic War, strategy, the Urals, Siberia, United States of America, the Allies, home front.

ЛЕНИНГРАД И УРАЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Освещены вопросы перестройки политического, экономического и военного руководства СССР в целях мобилизации народного хозяйства на отпор и достижение победы над врагом. Показано значение эвакуированных из Ленинграда предприятий для увеличения объемов производства военной продукции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вооружение и военная техника, Государственный Комитет Обороны, Ленинград, Свердловск, СССР, Урал, эвакуация.

22 июня 1941 г. Германия вероломно напала на СССР. Целью войны в планах гитлеровцев было уничтожение Советского Союза, в котором они видели основное препятствие на пути к завоеванию мирового господства.

Для руководства отпора врагу и перестройки работы народного хозяйства, в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) от 30 июня 1941 г.¹ был образован Государственный Комитет обороны (ГКО), обладавший всей полнотой власти в стране². Особыми полномочиями высшего органа стратегического руководства Вооруженными Силами СССР была наделена Ставка Верховного Главнокомандования³.

22 июня указом Президиума Верховного Совета СССР в Ленинградской области и Ленинграде, в Карело-Финской ССР, Архангельской, Мурманской и Вологодских областях наряду с другими республиками и областями было объявлено военное положение. Полномочия и функции государственного управления перешли в руки Военных советов фронтов, округов и армий [1, с. 706].

* Ковалев Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник 44 научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) 4 научно-исследовательского управления (экспертиз и научной информации) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; milhistory@yandex.ru

¹ Правда. 1941, 1 июля.

² Его членами являлись: Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов (до 1944 г.), Г. М. Маленков, В. М. Молотов, И. В. Сталин, а с 1942 г. – Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, с 1944 г. – Н. А. Булганин. За период своей деятельности до 4 сентября 1945 г. ГКО принял 9 971 постановление и распоряжение, имевшие высшую юридическую силу не только в действующей армии и на флоте, но и во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Приводится по: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая российская энциклопедия, 1993.

³ Первоначально, с началом Великой Отечественной войны совместным постановлением СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. была образована Ставка Главного Командования Вооруженными Силами СССР. 10 июля 1941 г. Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования. 8 августа 1941 г. с назначением И. В. Сталина Верховным Главнокомандующим Ставка получила наименование Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК). Членами СВГК были высшие должностные лица наркомата обороны и Генерального штаба.

Обеспечение резкого увеличения выпуска вооружения и военной техники осложнялось тем, что одновременно пришлось решать не менее трудную задачу эвакуации большинства предприятий на восток в связи с угрозой захвата или разрушения промышленных объектов противником. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации [8, с. 10].

Военная перестройка народного хозяйства СССР нашла свое выражение в военно-хозяйственных планах. Через неделю после начала войны советское правительство приняло первый план военного времени – «мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 г. [4, с. 36].

В первый день войны начался перевод ленинградских предприятий на военные рельсы. В Ленинграде на выпуск вооружения и боеприпасов были переориентированы ведущие отрасли промышленности – машиностроительная, электротехническая, оптическая, химическая, легкая и пищевая.

Однако в условиях приближения немецких войск к Ленинграду и угрозы его окружения появилась острая необходимость массовой эвакуации производственного персонала и населения, оборудования важнейших промышленных предприятий, материалов, полуфабрикатов, технической документации. 27 июня 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских континентов и ценного имущества».¹ Военным советом Северного фронта 28 июня 1941 г. был определен порядок эвакуации, в первую очередь – оборудование важнейших предприятий, ценные сырьевые ресурсы, цветные металлы, а также квалифицированные рабочие, инженеры и служащие [5, с. 16].

Массовая эвакуация ленинградских промышленных предприятий, учреждений, организаций и населения развернулась по решению ГКО от 11 июля 1941 г., после того как противник овладел Псковом и вышел к р. Луге. Ход эвакуационных поездов находился под контролем зам. председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгина, направленного в Ленинград в качестве уполномоченного ГКО.²

С 13 июля началась эвакуация ленинградских заводов, находившихся в ведении Наркомата черных металлов, предприятий тяжелого машиностроения: Невского машиностроительного завода, заводов подъемно-транспортного оборудования, «Русский дизель», «Экономайзер», частично металлургического, станкостроительного, «Светлана», «Электросила» и других предприятий [7, с. 58]. Всего к началу сентября 1941 г. из Ленинграда было вывезено 92 предприятия [7, с. 58]. За период с 29 июня по 27 августа из города выехало 164 320 рабочих, инженерно-технических работников, служащих и членов их семей [9, с. 106]. В зимнее время, с 22 января по 11 апреля 1942 г., из Ленинграда по льду Ладожского озера удалось переправить 539 400 человек [1, с. 100].

¹ Документы июня 1941 // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

² Центральный архив министерства путей сообщения РФ (ЦА МПС РФ). Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1241. Л. 80.

Больше всего предприятий было перевезено на Урал. Сюда прибыло 667 предприятий из Украинской и Белорусской ССР, а также из прифронтовых и находящихся под угрозой захвата районов РСФСР. Всего в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно сводкам НКПС, было вывезено 2 593 промышленных предприятий. Почти 70 % перемещенных промышленных объектов размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с перебазированными фабриками и заводами на восток прибыли до 30–40 % рабочих, инженеров и техников [1, с. 101].

16 августа 1941 г. советское правительство приняло «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Этот план был рассчитан на перемещение промышленности в восточные районы СССР и форсирование в этих районах военного производства, необходимого для нужд войны [4, с. 38].

Урал был глубоким тылом, где очень интенсивно шло наращивание оборонного потенциала, требующего использования значительного количества трудовых ресурсов. Мобилизация трудящихся на фронт первоначально создала острую нехватку производственного персонала. Эвакуация в значительной мере облегчила решение этой проблемы. Героическими усилиями рабочих, инженеров, командиров производства, железнодорожников была обеспечена эвакуация на Урал многих сотен крупных предприятий и более чем 11 млн человек. По сути дела, целая индустриальная страна была перемещена на тысячи километров.

Преодолевая огромные трудности, рабочие и служащие эвакуированных предприятий вместе с трудящимися восточных районов в невиданные сроки, в среднем 1,5–2 месяца, монтировали поступавшее промышленное оборудование и вводили его в действие [1, с. 101]. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР [3, с. 505].

В результате опыта массового производства уральцев и первоклассных машин ленинградцев, начали создаваться необходимые предпосылки для быстрого выпуска танков. На новых местах заводы размещались таким образом, чтобы между ними осуществлялась широкая производственная кооперация. Так, на базе Челябинского тракторного завода и эвакуированного в Челябинск и Свердловск оборудования ленинградских Кировского, Ижорского, № 174 и Харьковского дизельного заводов было создано одно из наиболее крупных танкостроительных предприятий, получившее в народе название «Танкоград» [2, с. 100]. Всего за годы войны учеными и конструкторами было разработано около сотни новых боевых машин. Большая их часть выпускалась конвейерным производством. Уральцы первыми в мире поставили на поток изготовление танков. 8 декабря 1941 г. Уральским танковым заводом для фронта был выпущен первый танк Т-34. Также в конце 1941 г. были отправлены фронт тяжелые танки КВ [6, с. 70, 71].

Урал вобрал в себя все силы и средства предприятий, прибывших из районов, захваченных неприятелем или подвергшихся угрозе оккупации. За время войны Урал превратился в основной наиболее мощный промышленный район страны. Валовая продукция промышленности на Урале в 1942 г. выросла до 26 млрд руб. и в 1943 г. – до 31 млрд руб. против 9,2 млрд руб. в 1940 г. Удельный вес Урала в производстве промышленной продукции СССР в 1943 г. по сравнению с 1940 г. вырос в 3,8 раза [4, с. 48, 49]. Урал давал в период военной экономики до 40 % всей продукции военной промышленности. На Урале за время войны возникли новые отрасли машиностроения: танкостроение, автомобилестроение, производство мотоциклов, шарикоподшипников, производство электротехники, насосов, компрессоров и станкостроение [4, с. 51].

Таким образом, эвакуация позволила сохранить основы экономического потенциала и военной промышленности страны, научные и инженерные кадры, подготовить специалистов. Последующее развертывание и наращивание производственных мощностей на базе предприятий Урала стало одним из важнейших факторов, обеспечивших победу в войне.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
2. Великая Отечественная Война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1967. 623 с.
3. *Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. 1931–1947. М.: Издательство политической литературы, 1979. 613 с.
4. *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
5. *Ковальчук В. М.* Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 года // Отечественная история. 2000. № 3. С. 15–24.
6. *Комаров Н. Я.* Государственный Комитет Обороны постановляет... Документы. Воспоминания. Комментарии. М.: Воениздат, 1990. 430 с.
7. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л.: Наука, 1970. 414 с.
8. Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производит. сил СССР в 1941–1942 гг. : сб. ст. и восп. М.: Наука, 1966. 263 с.
9. 900 героических дней : сб. док. и мат-лов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л.: Наука, 1966. 424 с.

S. N. Kovalev

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher 44 Research Department (Military History of the North-Western region of the Russian Federation) of the 4 Research Division (expertise and scientific information), Research Institute (Military History) of the Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation (Saint Petersburg, Russia).

LENINGRAD AND THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE MILITARY-ECONOMIC ASPECT

The paper covers the issues of restructuring the political, economic and military leadership of the USSR in order to mobilize the national economy to fight back and achieve victory over the enemy. The paper shows importance of enterprises evacuated from Leningrad for increasing the volume of military production.

Keywords: Great Patriotic war, armament and military equipment, State Defense Committee, Leningrad, Sverdlovsk, USSR, Ural, evacuation.

КРИЗИС ЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1942–1943 гг. КАК СДЕРЖИВАЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР¹

Охарактеризована ситуация формирования кризиса развития заготовительного производства в танковой промышленности СССР, сложившаяся во второй половине 1942 г. Показан процесс наращивания выпуска бронетехники в течение 1943 г.

Ключевые слова: войны, экономика, тыл, танкостроение, производственные ресурсы.

Во второй половине 1942 г. произошел слом темпов роста производства, связанный с необходимостью эвакуации сталинградского танкостроительного центра. Его мощности распределялись в основном между танковыми и металлургическими предприятиями на Урале. Кроме производства двигателей В-2 Сталинградского тракторного завода (СТЗ), которое уехало в Барнаул на вновь созданный дизельный завод № 77 НКТП. Эвакуация неминуемо снижала общий выпуск средних танков Т-34 по наркомату в целом. По состоянию на середину 1942 г., сталинградский центр лидировал по объемам выпуска среднего танка. В попытке максимально снизить негативные последствия переброски СТЗ и связанных с ним заводов было принято решение об увеличении выпуска средних танков на уже производящих их предприятиях и начале изготовления Т-34 на Уральском заводе тяжелого машиностроения (УЗТМ или Уралмаш) и Кировском заводе (где ранее они не выпускались). Кроме того, в конце 1942 г. кировский завод легких танков № 38, Уралмаш и Кировский завод получили задание создать и освоить производство самоходных артиллерийских установок (САУ) на базе серийных танков. Все эти факторы привели к серьезному изменению уже устоявшихся производственных процессов и системы кооперации. В танкостроении сформировался кризис заготовительного производства.

Необходимо было освоить выпуск новой продукции, в той или иной степени прежде не знакомой. Свердловский завод № 37 (выпускал легкие танки Т-60) прекратил свое самостоятельное существование и вошел в состав УЗТМ как сборочный участок. Уралмаш, помимо увеличения выпуска корпусов Т-34 и снятия с производства корпусов КВ, освоил выпуск танка Т-34

---

* Мельников Никита Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; meln2011kit@gmail.com

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00050А «Производственные ресурсы советской танковой промышленности в условиях Великой Отечественной войны».

и САУ СУ-122. Производство корпусов для тяжелых машин временно полностью перешло на завод № 200. Кировский завод, с сохранением в производстве тяжелых танков (но резким сокращением объема их выпуска), освоил сборку Т-34 и САУ на базе танка КВ.

При получении новых заданий танковые заводы столкнулись с проблемой резкого невыполнения плановых показателей выпуска двигателей, корпусов и готовых машин. Заводы были поставлены фактически в безвыходное положение: с одной стороны, наркомат и ГКО постоянно требовали исполнения заданий, с другой – установленная программа была им не под силу, поскольку не соответствовала производственным и кадровым возможностям. Учитывая этот факт, в I и II кварталах 1943 г. программа выпуска среднего танка была снижена по сравнению с первоначальными планами¹. Уралмаш, вплоть до прекращения выпуска Т-34 в августе 1943 г., не мог войти в установленный график по всем видам основной продукции. Кировский завод стал полностью выполнять план выпуска танков, САУ и двигателей только в середине 1943 г.², завод № 200 – в июле 1943 г.³ Горьковский завод № 112 смог регулярно следовать графику выпуска Т-34 только в середине 1944 г.⁴

В этой ситуации советские заводы танковой промышленности вынуждены были сделать ставку на модернизацию производственных процессов. Переход на конвейерно-поточный метод был напрямую связан с эвакуацией сталинградских танковых заводов. Восточные заводы наркомата танковой промышленности СССР, столкнувшиеся с проблемой увеличения выпуска бронетехники, в условиях тотального дефицита производственных ресурсов могли ее решить только через модернизацию танкостроительной базы. Конвейерно-поточный способ организации производственного процесса позволил максимально использовать ограниченный потенциал заводского оборудования и значительную массу низкоквалифицированных рабочих кадров.

В танкосборочном производстве и дизелестроении технический прогресс проявился в организации поточных линий и сборочных конвейеров. Новый метод, во-первых, выводил на необходимый уровень производство танков и САУ; во-вторых, снял проблему штурмовщины и позволил предприятиям с течением времени работать по установленному графику без массовых производственных авралов; в-третьих, снизил потребность в квалифицированных рабочих кадрах. Но в то же время поставил танковые заводы в еще большую зависимость от предприятий-поставщиков, поскольку неритмичные поставки узлов и агрегатов или высокое содержание брака на одном заводе могли привести к остановке конвейера на другом.

В бронекорпусном производстве был применен широкий круг нововведений, которые помогли резко сократить количество и объем трещин на корпусах Т-34 и в целом усовершенствовать технологию изготовления. Перевод

¹ См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8752. Оп. 4. Д. 295. Л. 111–113; Д. 296. Л. 300; Д. 297. Л. 96–97; Д. 298. Л. 239–240.

² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 7. Д. 311. Л. 3.

³ ОГАЧО. П-288. Оп. 7. Д. 311. Л. 46–47.

⁴ РГАЭ. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 4. Л. 77.

на литье башен средних и тяжелых танков уменьшил расход дефицитного катанного броневоего металла, а значит позволил полностью перевести башенное производство на литейную технологию без использования катанного металла. Массовое применение автоматической сварки способствовало решению проблемы ограниченного количества квалифицированных сварщиков, поскольку стало возможным использовать рабочих низкой квалификации [1, с. 18–19].

Таким образом, танковая промышленность смогла преодолеть негативные последствия эвакуации сталинградских предприятий, занятых в производстве Т-34, и полностью освоила новые виды продукции только к середине 1943 г. (а в случае завода № 112 – к середине 1944 г.). Со второй половины 1943 г. и вплоть до завершения войны танковые заводы в основном стабильно выполняли поставленные планы.

Библиографический список

1. *Васина И. И., Запарий В. В., Симонов М. А.* Формирование промышленной базы бронекорпусного производства на Урале в 1941 г. (на примере завода № 200 НКТП в г. Челябинск) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 09. С. 16–20.

N. N. Melnikov

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

THE CRISIS OF PROCUREMENT IN 1942–1943 AS A DETERRENT TO DEVELOPMENT OF THE SOVIET TANK INDUSTRY

The paper describes the crisis in development of procurement in tank industry of the USSR, which occurred in the second half of 1942. The paper also shows the process of increasing production of armored vehicles during 1943.

Keywords: wars, economy, rear, tank production, production resources.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ УРАЛА И СИБИРИ В СВЕТЕ КОСВЕННОГО УЩЕРБА ДЛЯ СССР ОТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В докладе поднят вопрос о возможности зафиксировать косвенный экономический ущерб, причиненный Советскому Союзу военными действиями в 1941–1945 гг., путем работы с материалами железнодорожной статистики. Показано перераспределение нагрузки основных транспортных узлов СССР в военное время и долгосрочные последствия таких изменений для дальнейшего территориально-экономического развития страны.

Ключевые слова: железные дороги, Урал, Сибирь, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, косвенный экономический ущерб, грузоперевозки.

К концу Великой Отечественной войны экономика восточных регионов СССР претерпела существенные изменения. В 1945 г. валовая продукция промышленности Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии составила 48,2 млрд руб., или в 2,2 раза больше, чем в 1940 г. Восточные районы (в особенности Урал и Сибирь) явились основной базой страны по обеспечению нужд фронта вооружением и боеприпасами². С экономической точки зрения специалисты традиционно склонны позитивно оценивать рост производств на востоке, однако уже в 1945 г., в научной среде высказывались мнения о так называемом косвенном экономическом ущербе, причиненном индустрии Урала и Сибири войной³. Он выражался последствиями вынужденного масштабного экстенсивного развития тяжелой промышленности в военное время, поглощавшего множество трудовых, природных и материальных ресурсов, которые в иных обстоятельствах могли бы быть использованы для комплексного развития региона, потребления продукции легкой промышленности, дальнейшего строительства здесь новых, высокотехнологичных отраслей индустрии. Примерами таких проблем в послевоенное время служил массовый отток рабочей силы из азиатской части СССР, кризис цветной металлургии на Урале (результат вынужденной хищнической разработки месторождений в военные годы⁴), а также возникшая вследствие подобных проблем нехватка железной руды и жесткий дефицит электроэнергии [2, с. 125–145].

* Михеев Михаил Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; mikheeviiiauroran@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00103 А «Индустриальный Урал и советский атомный проект: экономические и экологические последствия функционирования ядерно-промышленного комплекса в регионе (1945–1991 гг.)».

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 9. Д. 239. Л. 5.

³ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 157. Д. 1–11.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 2. Л. 85.

Мы полагаем перспективным исследовать названный ущерб с позиций железнодорожной статистики. По данным отдела статистического учета и отчетности НКПС СССР в течение первого года военных действий объемы работы железных дорог СССР существенно изменились (табл. 1).

Таблица 1

**Количество грузов, отправленных с железных дорог СССР
в 1941–1942 гг., в региональном разрезе***

год	СССР всего	в том числе**			
		Урал, Сибирь	Средняя Азия	Дальний Восток	Прочие ж.д.
1940, тыс. т	235 146	96 688	15 951	39 812	82 695
1942, тыс. т	205 617	99 311	14 240	25 219	66 847
1942 к 1940, %%	87,4	102,7	89,3	63,3	80,8

* РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 171. Л. 2.

** Здесь и далее в границах соответствующих железнодорожных округов 1945 г.

Резкое уменьшение объема работы по отправлению грузов демонстрируют все железные дороги, за исключением дорог Урала и Сибири. К 1943 г. центр грузовой работы переместился из Европейской части СССР в эти два региона. В 1942 г. здесь было сосредоточено около 1/3 всей нагрузки сети (28%), в 1940 г. на их долю приходилось только 13% общесетевой нагрузки¹.

Возникшую ситуацию объясняет быстрое развитие промышленности двух регионов, опиравшейся на построенный в 1930-х гг. Урало-Кузнецкий угольно-металлургический комплекс. В основе функционирования последнего лежало регулярное железнодорожное сообщение между предприятиями угольной промышленности в Сибири и металлургической на Урале. Военная необходимость обеспечить работу Урало-Кузбасса любой ценой во многом подчинило транспортную инфраструктуру страны его интересам. Целый ряд ранее рядовых станций железнодорожной сети СССР выдвинулся в разряд крупнейших, а ранее крупнейшие станции переходили в группу рядовых станций (табл. 2).

Таблица 2

**Изменение объема работы железнодорожных станций СССР
в период с мая 1941 г. до мая 1942 г.***

	число станций	
	отправление	прибытие
Увеличение объема работы на:		
75% и более	57	43

¹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 171. Л. 3.

	число станций	
	отправление	прибытие
50–75%	18	14
25–50%	17	13
менее чем 25%	36	29
Уменьшение объема работы на:		
менее чем 25%	62	63
25–50%	72	68
50–75%	34	40
75% и более	6	7
ИТОГО:	302	277

* РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 171. Л. 5.

Главными грузами крупнейших станций были продукция и сырье для черной металлургии (каменный уголь, кокс, руда, черные металлы). Их доля в грузообороте станций могла достигать до 100 %¹. Названную ситуацию уместно считать в числе причин резкого падения грузоперевозок в двух крупных тыловых регионах: на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Безусловное доминирование производств Урало-Кузбасса мешало выполнению транзитных функций железными дорогами Урала и Сибири. Возникший дисбаланс сохранялся в послевоенный период. Таким образом, к 1950-м гг. возникла угроза сохранению территориально-экономического единства государства. По данным статистики МПС, в 1940 г. 39,2 % грузов, отправленных и принятых железными дорогами Урала и Сибири, составлял каменный уголь, а в 1945 г. его доля возросла до 51,8 %². Темпы увеличения количества перевезенного угля опережали общее увеличение грузоперевозок в регионе вплоть до второй половины 1950-х гг. (табл. 3).

Таблица 3

**Прибытие и отправление грузов с железных дорог Урала и Сибири
в 1940–1957 гг. (%%)***

год	все грузы	каменноугольные грузы
1940	100	100
1945	137	182
1949	182	219
1957	372	385

* Составлено по: 1, с. 120.

¹ Проанализировано автором по: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 171. Л. 6–7.

² РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 61. Д. 396. Л. 3–5.

Высокая доля перевозимого угля означала лимитирование перевозок других грузов через географический центр страны. Перемещение каждого нового тонно-километра каменного угля означало невозможность отправки или получения восточными регионами любой иной промышленной либо сельскохозяйственной продукции из Европейской части СССР в аналогичном размере.

Библиографический список

1. Беделъ А. Э., Михеев М. В. Генеральные хозяйственные планы СССР 1930-х – 1940-х гг. (проблема Урало-Кузбасса) // Вопросы истории. 2019. № 12 (2). С. 115–124.
2. Липовцева И. А., Михеев М. В., Мельников Н. Н., Саранулова А. В. Просвет. История становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. Екатеринбург: Альфа Принт, 2017. 200 с.

M. V. Mikheev

Candidate of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

RAILWAYS OF THE URALS AND SIBERIA IN THE CONTEXT OF INDIRECT DAMAGE OF THE USSR IN THE SECOND WORLD WAR

Using railway statistics materials, the paper raises the question of whether it is possible to record indirect economic damage caused to the Soviet Union by military actions in 1941–1945. The paper shows redistribution of load of the main transport hubs of the USSR in wartime and the long-term consequences of such changes for the further territorial and economic development of the country.

Keywords: railways, the Urals, Siberia, Great Patriotic War, World War II, indirect economic damage, railway transportation

СВОЕВРЕМЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ: ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВА ЗИС-5 В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Рассмотрена история производства грузового автомобиля ЗИС-5 в годы Великой Отечественной войны, представлены статистические данные о количестве произведенных автомобилей. Сделан вывод о том, что созданное в годы индустриализации автомобильное производство позволило в годы войны снабжать армию сравнительно недорогим и конструктивно простым автотранспортом.

Ключевые слова: история автомобилестроения, ЗИС-5, ЗИС-5В, Московский автомобильный завод им. Сталина, Ульяновский автомобильный завод им. Сталина, Уральский автомобильный завод им. Сталина.

Легендарный грузовой автомобиль ЗИС-5, ставший символом фронтовых дорог Великой Отечественной войны, начал свою «трудовую биографию» задолго до военных лет, в годы индустриализации СССР. Автомобиль был поставлен на конвейер Московского автомобильного завода им. Сталина в 1933 г. Советский «Захар Иванович» имел иностранное происхождение и вел свою родословную от американских грузовиков компании «Autocar»: в 1930-е гг. СССР заимствовал передовые технологии поточно-массового производства, лидерами же в этом направлении были автомобильные компании США [3, с. 216; 2, с. 167–173].

Предшественниками «Захара» на конвейере московского автозавода были два автомобиля. Первый, 2,5-тонный АМО-2, был создан по образцу и подобию американского грузовика «Autocar Dispatch». Изготавливался этот автомобиль с применением иностранных комплектующих. Второй – АМО-3 – был сконструирован на основе АМО-2 и представлял собой адаптированную под советские условия копию американского автомобиля, производился из отечественных комплектующих [1, с. 74–80].

В результате модернизации грузовика АМО-3 был создан ЗИС-5. В отличие от предшественников, он имел более высокую грузоподъемность – 3 тонны, модернизированный двигатель (его мощность была увеличена с 66 до 73 л.с.), кардинально переработанную коробку переключения передач (КПП),

---

* Пьянков Степан Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; kliostefan@mail.ru
Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; suschkow@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–39–00135 мол_а. «Индустриальный плацдарм или сырьевая база? Урал в системе национальной экономики середины XX в.».

которая стала более простой и надежной. В машине была полностью изменена карданная передача на задний мост, вместо двух валов с промежуточной опорой стали устанавливать один карданный вал. Не совсем удачные гидравлические тормоза передних колес (конструкции компании «Тимкен») были заменены на механические. Кабина получила боковое остекление, новое рулевое колесо, покрытое пластмассой, а также более мягкие подушки сидений [1, с. 81]. Итогом работы советских инженеров стал относительно дешевый, неприхотливый и массовый среднетоннажный грузовой автомобиль, полностью адаптированный к отечественным условиям производства и эксплуатации.

ЗИС-5 был знаковым, но не единственным достижением советского автомобилестроения в предвоенные годы. В результате колоссальных усилий, приложенных в годы индустриализации, в СССР была фактически создана новая отрасль промышленности, страна самостоятельно производила все виды автомобильных транспортных средств. К началу 1940-х гг. советская автомобильная промышленность выпускала пять типов грузовых автомобилей грузоподъемностью полторы, две, три, четыре и пять тонн. ЗИС-5, наряду с ГАЗ-АА и ЯГ-6, был одной из базовых моделей советского автопрома. Именно на основе этих моделей выпускались разнообразные модификации грузовых и специальных автомобилей. Например, на Московском автомобильном заводе им. Сталина на базе грузового автомобиля ЗИС-5 выпускались трехосные автомобили ЗИС-6, тягачи ЗИС-10 для полуприцепов, газогенераторные автомобили ЗИС-21, автомобили с двумя ведущими осями ЗИС-32, автобусы ЗИС-8 и ЗИС-16. Велись работы по созданию полугусеничных машин ЗИС-22 и ЗИС-42 [6, с. 35–36].

Вступление СССР в войну кардинальным образом отразилось на автомобильной промышленности. Война приостановила дальнейшее увеличение выпуска автомобилей, отрасль перешла в основном на производство продукции, необходимой фронту. В 1941 г. вражеские войска оккупировали Прибалтику, Украину, Белоруссию, часть территории РСФСР. Были захвачены крупные промышленные центры и сырьевые базы. На оккупированной территории оказался и завод «Запорожсталь», снабжавший всю отрасль страны автомобильным листом. Поэтому автозаводы были вынуждены экономить металл, упрощать технологию производства. Конструкция ЗИС-5 была существенно упрощена. Кабина, которая раньше облицовывалась стальными листами, стала каркасной, обшитой деревом. Это позволило сэкономить на каждом грузовике по 124 кг металла. Подножки также стали изготавливать из дерева. Была изменена форма передних крыльев: взамен штампованных крыльев округлой формы были установлены упрощенные брызговики, изготавливавшиеся на гибочной машине. Для их производства не требовалось дорогостоящих штампов, а в случае необходимости такое крыло могло быть сделано неквалифицированным жестянщиком. Изменения коснулись также тормозной системы: привод тормозов стали устанавливать только на задние колеса. Вследствие этого регулировка тормозов стала возможна без специального гаражного оборудования и вполне доступна любому водителю без помощи квалифицированного

механика. Производители отказались от хромированных декоративных деталей – бампера и заводской эмблемы. Система освещения стала комплектоваться лишь одной фарой. Грузовые платформы ЗИС-5 стали делать только с одним (задним) откидным бортом. В то же время двигатель ЗИС-5, благодаря применению алюминиевых поршней (позволивших повысить степень сжатия до 5,3), был форсирован с 73 л.с. до 76 л.с. при 2400 об/мин. С 1942 г. измененный таким образом автомобиль стал выпускаться под индексом ЗИС-5В [8, с. 15–16]. Значительное упрощение конструкции автомобиля позволяло его собирать не только на конвейере, как это предусматривала технология, но и в более сложных условиях (в непригодных помещениях, стапельным способом на деревянных подставках) [4, с. 15–16].

В годы войны ЗИС-5В производили несколько предприятий. Основным производителем был Московский автомобильный завод им. Сталина (МосЗИС). После эвакуации части оборудования и кадров московского автозавода в конце 1941 – начале 1942 г. в Поволжье и на Урал изготовление автомобилей было налажено еще на двух предприятиях. С 1942 г. грузовики стали собирать на Ульяновском автозаводе им. Сталина (УльЗИС), а в 1944 г. было организовано производство машин на Уральском автомобильном заводе им. Сталина (УралЗИС). Автомобили ЗИС-5В являлись основной продукцией автозаводов им. Сталина. Наряду с Горьковским автозаводом им. Молотова, который изготавливал 1,5-тонные грузовики, предприятия ГлававтоЗИС являлись главными производителями грузового автотранспорта в стране (см. таблицу 1). По данным доктора технических наук Н. П. Панькова, за годы войны автозаводы им. Сталина выпустили 102,7 тыс. автомобилей, большая часть которых была направлена в Красную армию.

Таблица 1

Производство автомобилей в СССР в 1941–1945 гг. (тыс. шт., %)*

Заводы	22.06.1941– 01.01.1942	1942	1943	1944	01.01.1945– 09.05.1945	Всего
Горьковский	26,8	23,6	21,3	23,2	7,4	102,3
Московский	19,3	6,8	22,5	31,0	11,6	91,2
Ульяновский	–	1,9	4,1	0,4	–	6,4
Уральский	–	–	–	2,8	2,3	5,1
Итого	46,1	32,3	47,9	57,4	21,3	205,0
Из них поставлено Народному комиссариату обороны:						
Тыс. шт.	37,3	25,0	40,6	36,7	10,8	150,4
В % к выпуску	80,9	77,4	84,7	64,0	50,7	73,3

* Составлено по: 6, с. 36

Данные заводских отчетов по производству автомобилей на предприятиях ГлававтоЗИС, имеющиеся в нашем распоряжении, подтверждают показатели, приведенные Н. П. Паньковым. Так, например, в 1942 г. на МосЗИС было изготовлено 6 806 автомобилей. В том числе: ЗИС-5 – 5 482 шт., шасси ЗИС-5 – 543 шт., ЗИС-42 – 752 шт., ЗИС-16 – 26 шт., ЗИС-44 – 3 шт. В 1943 г. завод выпустил 22 450 машин. В том числе: ЗИС-5 – 18 490 шт., шасси ЗИС-5 – 1 605 шт., ЗИС-42 – 2 115 шт., ЗИС-41 – 5 шт., ЗИС-44 – 227 шт., прочие марки – 8 шт.¹ В 1944 г. МосЗИС изготовил 31 054 автомобиля. Из них: ЗИС-5 – 25 280 шт., шасси ЗИС-5 – 3 182 шт., ЗИС-42 – 2 333 шт., ЗИС-16 – 2 шт., ЗИС-44 – 224 шт., ЗИС-41 – 5 шт., 2 легковых автомобиля ЗИС-110. У остальных 26 автомашин марка не указана.²

Кроме машин собственного производства, московский автозавод собирал автомобили из машинокомплектов, поставлявшихся по ленд-лизу, а также ремонтировал трофейную технику. Однако в статистических сводках завода эта продукция указывалась отдельными строками и в общее количество произведенных автомобилей не включалась. В 1942 г. на заводе были собраны 4 222 импортные автомашины, в 1943 г. – 13 334, а в 1944 г. – 15 607. Отремонтировал завод и большое количество трофейной техники. В 1942 г. на автозаводе была восстановлена 791 трофейная машина, а в 1943 г. – 66³.

Таким образом, как показывают статистические данные, основной продукцией МосЗИС на протяжении Великой Отечественной войны был грузовой автомобиль ЗИС-5В, а также автотранспортные средства, созданные на его основе. Это же можно сказать и о производстве на УльЗИС и УралЗИС, где производили шасси и грузовики ЗИС-5В [4, с. 8–26; 7]. Основная часть продукции этих заводов поступала в Красную армию. Всего за годы войны автозаводы отправили в войска более 55,6 тыс. автомобилей ЗИС-5 [6, с. 36].

Водители-фронтовики ценили «Захара Ивановича» за простоту и надежность. Так, например, водитель-испытатель экспериментального цеха МосЗИС Д. Смышкин, работавший в годы войны на «Дороге жизни» под осажденным Ленинградом, вспоминал: «Вместе со мной возили продовольствие для города и фронта шоферы с Горьковского автомобильного, Челябинского и Сталинградского тракторных заводов. Помню, как хвалили они нашу заводскую машину, и сам я тоже очень гордился ЗИСом» [5, с. 235].

В заключение отметим, что созданное в годы индустриализации массовое производство грузовых автомобилей пригодились стране в период Великой Отечественной войны. Изготовленный в предвоенные годы автопарк стандартной и однотипной техники послужил хорошим мобилизационным ресурсом, а отлаженное производство позволило даже в тяжелейших условиях военного времени снабжать армию сравнительно недорогими, конструктивно простыми автомобилями. По меркам первой половины 1940-х гг. ЗИС-5 не являлся самым современным автомобилем, однако он вполне соответствовал суровым

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8573. Оп. 3. Д. 33. Л. 71, 81.

² РГАЭ. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 54. Л. 37 об.

³ Там же. Д. 33. Л. 71; Д. 54. Л. 37 об.

условиям военных лет. Слагаемыми успеха «Захара Ивановича» были надежность, удобство эксплуатации, ремонта и обслуживания.

Библиографический список

1. *Дашко Д.* Советские грузовики. 1919–1945. М.: Автомобильный архивный фонд, 2014. 240 с.
2. Завод и люди. 1916–2016 : в 3-х т. Т. 1: Зарождение автомобилестроения / авт.-сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. М.: Московский политехнический университет, 2016. 548 с.
3. История Московского автозавода имени И. А. Лихачева / А. П. Салов, Т. М. Сидоренко, П. И. Смирнов и др. М.: Мысль, 1966. 647 с.
4. История Ульяновского автомобильного завода / К. И. Алибеков, Е. Н. Антонов, Л. В. Анфимов и др. М.: Профиздат, 1988. 146 с.
5. Легенды и были Тюфелевой рощи / авт.-сост. В. Г. Мазепа ; под ред. В. Г. Мазепы, О. О. Петровой, А. В. Курковой. М.: Московский политех, 2016. 554 с.
6. *Паньков Н. П.* Автомобили Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Автомобильная промышленность. 1985. № 2. С. 35–37.
7. *Пьянков С. А., Бедель А. Э.* Война, люди и моторы: история создания Уральского автомобильного завода (1941–1945 гг.) // Клио. 2018. № 9 (141). С. 175–183.
8. *Устинов Е. А., Лирман Н. Я.* Советское автомобилестроение в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (К 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне.) Обзор. М.: НИИНАВТОПРОМ, 1975. 79 с.

S. A. P'yankov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia).

A. V. Sushkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia).

TIMELY CAR: FROM THE HISTORY OF ZIS-5 PRODUCTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper considers the history of production of the ZIS-5 truck during the Great Patriotic war. The paper also presents statistics on the number of produced cars. The paper concludes that the automobile production created during the industrialization made it possible to supply the army with relatively inexpensive and structurally simple vehicles during the war.

Keywords: history of automobile industry, ZIS-5, ZIS-5V, Moscow Automobile Plant named after Stalin, Ulyanovsk Automobile Plant named after Stalin, Ural Automobile Plant named after Stalin.

ПРЕДВОЕННЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЛАН НА 1943–1957 гг.: «КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ» И РЕАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ¹

В статье предпринята попытка в первом приближении оценить ущерб, нанесенный народному хозяйству СССР в ходе Великой Отечественной войны. С этой целью анализируются «контрольные цифры» генерального хозяйственного плана, который разрабатывался перед войной и был рассчитан до 1957 г. Сопоставление намеченных в нем объемов производства с реально достигнутыми показателями позволяет оценить величину «упущенных возможностей» советской экономики.

Ключевые слова: генеральный хозяйственный план, Великая Отечественная война, контрольные цифры, экономика, сравнение.

В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский заявил о необходимости поставить «вопрос о разработке генерального хозяйственного плана, рассчитанного на несколько пятилеток, *рассчитанного на переход от социализма к коммунизму* (выделено нами – М. С.), на завершение задачи догнать и перегнать передовые в экономическом отношении капиталистические страны» [1, с. 340.]. Указанный план разрабатывался с 1939 г. по первую половину 1941 г., а его реализация предполагалась в период 1943–1957 гг. т. е. план был рассчитан на 15 лет. [3, с. 151–166; 6, с. 204–220].

Особенность готовившегося генерального плана состояла в том, что он не был принят к реализации из-за начавшейся войны, а определенные в нем значения «контрольных цифр» могли быть существенно изменены ЦК ВКП(б). Также сами народно-хозяйственные планы в сталинской системе являлись в большей мере политико-идеологическими, а не управленческими документами, в них задавался желаемый вектор экономического развития [2, р. 84; 5, с. 154]. Однако именно анализ и сравнение запроектированных к 1957 г. «контрольных цифр» с реальными успехами советской экономики позволяет определить «степень деформации» народного хозяйства СССР из-за влияния Великой Отечественной войны.

Прежде всего в тексте генерального плана, в качестве ориентира для развития были выбраны не предвоенные экономические показатели

* Симонов Максим Анатольевич – научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; m.a.simonov1@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00061 «Неосостоявшееся ускорение: стратегия и практика экономической политики «хрущевского десятилетия»).

Германии или Великобритании, а уровень развития США, достигнутый ими в 1937 г. Такой выбор был сделан в связи с тем, что США советские плановые работники считали ведущей капиталистической страной, а 1937 г. был выбран ими в связи с тем, что именно в это время американская экономика ощутила на себе первые положительные последствия «нового курса» Ф. Д. Рузвельта и в ней наметились пути выхода из затяжного экономического кризиса.

Генеральный план предполагал в течение пятнадцати лет значительное увеличение валовых показателей выпуска всех видов продукции, однако в относительных величинах даже к моменту предусмотренного построения коммунизма в СССР в 1957 г. производство большинства товаров не должно было превышать уровень США. Предполагалось, что «к концу третьей пятилетки [генерального плана – С. М.] промышленность СССР по ожидаемому объему валовой продукции достигнет около 60 % от объема промышленного производства США, а по производству на душу населения около 36 % уровня США»¹.

Таблица 1

Доля предполагаемого производства отдельных товаров на душу населения в СССР в 1957 г. по отношению к уровню, достигнутому США в 1937 г.*

Показатель	%
Прокат	90
Медь	85
Алюминий	350
Условное топливо	80
Нефть без газа	56
Электричество	90
Валовый сбор зерна	105
Хлопчатобумажные ткани	62

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 б. Л. 29–36.

Стоит особо подчеркнуть, что в проектировках Госплана предполагалось сохранение отставания СССР в 1957 г. по сравнению с показателями США двадцатилетней давности даже в условиях исключительно мирного развития. Отчасти это можно объяснить особенностями советской экономики. Например, потребности народного хозяйства в меди должны были постепенно компенсироваться производством большого количества алюминия², а в структуре

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 б. Л. 28.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 б. Л. 31.

топливного баланса страны предусматривалось снижение потребления нефти и увеличение использования торфа, сланца и газа¹.

Детальное сравнение «контрольных цифр» запланированных в генеральном хозяйственном плане на 1943–1957 гг., и их фактически достигнутых значений позволяет сделать выводы об изменениях, произошедших в советской экономике с начала Великой Отечественной войны.

Таблица 2

Сравнение предполагаемого и достигнутого уровня производства по основным экономическим показателям СССР в период 1943–1957 гг.*

Показатель	ед. изм.	1942 план	1957 план	1957 факт	1957 в %%% к 1942 план	1957 в %%% к 1942 факт
Чугун	млн т	23	65	37	280	161
Сталь	млн т	27	85	51	320	189
Прокат	млн т	19	62	40	332	211
Уголь	млн т	221	750	310,8 ²	340	141
Нефть без газа	млн т	40	175	101,2 ²	438	253
Торф	млн т	40	140	20,8 ⁷	350	52
Электроэнергия	млрд кВт/ч	65	250	210	385	323
Металлорежущие станки	тыс. шт.	72	200	131	278	182
Вагоны товарные в 2-осном исчислении	тыс. шт	125	250	40	200	32
Автомобили	тыс. шт	200	1500	495 ³	750	248
Валовый сбор зерна	млн т	131	213	113 ⁴	162	86
Цемент	млн т	10	40	29	400	290
Пиломатериалы	млн м ³	40	100	82	250	205
Хлопчатобумажные ткани	млн м	4 815	13 000	5 588	270	116
Хлопок-волокно	млн т	1,1	2,4	1,4	218	127

* Рассчитано по: 7, С. 188, 215, 233, 240, 242, 255, 259, 273, 422; 8, С. 183; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 б. Л. 29–30.

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 43. Д. 125 б. Л. 32.

² Значение за 1955 г.

³ Из них 382 – грузовые, 113 – легковые

⁴ Среднегодовой урожай за 1954–1958 гг.

С одной стороны, значение ряда показателей, достигнутых в 1957 г., обусловлено объективными изменениями в народном хозяйстве, которые с большой долей вероятности произошли бы и без учета фактора войны. Например, уменьшение добычи торфа за счет газификации предприятий тяжелой промышленности в хрущевское время [4, с. 264]. При этом следует подчеркнуть, что ни один из предусмотренных генеральным планом показателей «контрольных цифр» не был выполнен полностью. В основном уровень их выполнения находился в районе 40–60 %. Наиболее чувствительным для народного хозяйства было невыполнение генерального плана по производству сложной продукции машиностроения – вагонов и автомобилей (16 и 33 % от запланированного в 1939–1941 гг.) и низкий валовый сбор зерна – 53 % от запланированного. Такая ситуация ярко свидетельствует о проблемах, которые в послевоенное время препятствовали удовлетворению базовых потребностей граждан СССР в продовольствии и тормозили развитие высокотехнологичных отраслей экономики. Напротив, наибольший уровень выполнения генерального плана, более 70 % от запланированного уровня, наблюдался в отраслях, связанных с капитальным строительством – производством цемента и пиломатериалов, а также электроэнергии. Эти отрасли были важны как источник быстрого восстановления капитальных фондов и выхода промышленности на довоенные уровни.

Резюмируя, можно констатировать, что отклонение реальной траектории экономического развития СССР от предусмотренных Госпланом «контрольных цифр» на 1943–1957 гг. позволяет в первом приближении оценить ущерб, нанесенный войной. Он заключается не только в том, что советская экономика к 1957 г. не смогла превысить экономические показатели США, но и длительное время после окончания войны была вынуждена направлять имеющиеся ресурсы на нужды восстановления народного хозяйства, а не его развития.

Библиографический список

1. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 737 с.
2. *Zaleski E.* Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. London: The Macmillan press, 1980.
3. *Артемов Е. Т.* Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2013. № 1. С. 151–166.
4. *Баканов С. А.* Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 328 с.
5. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 400 с.
6. *Иголкин А. А.* О проекте Генерального плана развития народного хозяйства СССР на 1943–1957 гг. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 10. М.; Тула: Гриф и К, 2012.
7. Народное хозяйство СССР в 1958 г. (Статистический сборник). М.: Государственное статистическое издательство, 1959. 959 с.

8. Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М.: Статистика, 1971. 823 с.

M. A. Simonov

Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

**PRE-WAR GENERAL ECONOMIC PLAN FOR 1943–1957:
«CONTROL FIGURES» AND REAL RESULTS**

The paper attempts to estimate the damage caused to national economy of the USSR during the Great Patriotic war. For this purpose, the paper analyses the «control figures» of the General economic plan, which was developed before the war and was calculated before 1957. Comparing the planned production volumes with the actual achieved indicators allows us to estimate the value of the «lost opportunities» of the Soviet economy.

Keywords: general economic plan, World War II, control figures, economics, comparison.

МИГРАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА УРАЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)¹

В статье определяются основные тенденции и масштабы миграции жителей Кировской области на Урал в годы Великой Отечественной войны. Уральский регион служил для Кировской области традиционной территорией, принимающей мигрантов.

Ключевые слова: миграции населения, Кировская область, Урал, Великая Отечественная война.

Миграция населения представляет сложное общественное явление. В предвоенные годы в СССР получила распространение практика планового перемещения населения. Традиционно население, проживающее на территории Кировской области, мигрировало на Урал и в Сибирь.

В 1940 г. СССР был разделен на девять районов («экономических очагов»). Кировская область относилась к Центральному району. Молотовская, Чкаловская, Челябинская, Свердловская области, Удмуртская АССР, Башкирская АССР и некоторые регионы Сибири относились к району Урала и Западной Сибири. В феврале 1943 г. из восточных районов Челябинской и западных районов Омской областей была образована Курганская область.

В форме 1 статистической отчетности «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли», использовалось данное экономическое районирование до 1943 г. В 1944–1945 гг. перечень регионов представлен в алфавитном порядке (с выделением наиболее крупных городов) и с разбивкой по видам территориальных образований (область, край и пр.).

Основным источником изучения миграций населения являются данные демографической статистики. Текущая статистика миграции населения основана на обработке отрывных талонов адресных листков, заполнявшихся на категории «прибывших» и «выбывших»². Статистически учитывалось население городов, городских поселений и сельских районных центров. Органы статистики в деловой переписке часто указывали на многочисленные неточности заполняемых форм отчетности.

---

* Чернышев Константин Анатольевич – кандидат географических наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления Вятского государственного университета, Киров, Россия; kochern@rambler.ru
Чернышева Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политических наук Вятского государственного гуманитарного университета, Киров, Россия; natiche84@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00319 «Ретроспектива миграционных связей; оценка масштабов, и социально-экономических последствий для региона-миграционного «донора».

² Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р – 2344. Оп. 22. Д. 426. Л. 106–116 об.

О масштабах миграции жителей Кировской области на Урал в годы войны позволяют судить статистические данные двух форм отчетности. Форма 1 «Сведения о передвижении населения по месту, откуда прибыли и куда выбыли» содержит данные о ежегодном региональном перераспределении населения. Форма 2 «Сведения о передвижении прибывших и выбывших по полу и возрасту» помогает проанализировать половозрастные характеристики мигрантов. Некоторые сведения содержатся в отчетах исполнительных органов власти (в том числе и неучтенное перемещаемое население).

Большинство населения прибывало в 1941–1943 гг. в Кировскую область из Ленинградской, Смоленской, Московской, Калининской областей РСФСР, Карело-Финской ССР, Белорусской ССР, Украинской ССР. На долю областей и автономных республик Урала приходилось в 1941 г. 18,5 % всех прибывших в Кировскую область (14 956 чел.), в 1942 г. – 14,6 % (5 848 чел.), в 1943 г. – 29,7 % (4 278 чел.). Большинство уральцев прибывало из городов и городских поселений соседних Молотовской области и Удмуртской АССР, а также Челябинской и Свердловской областей.

Наибольшее количество жителей Кировской области переехало на Урал в 1942 г. (каждый пятый выбывший, 3 772 чел.). В количественном соотношении число выбывших на Урал с каждым годом войны сокращалось: 4 552 чел. в 1941 г., 3 772 чел. в 1942 г. и 2 348 чел. в 1943 г. Кировчане главным образом покидали города и городские поселения и переселялись в соседние Молотовскую область и Удмуртскую АССР, а также Челябинскую и Свердловскую области. Доминировала миграция по типу «город-город».

Таблица 1

Механический прирост (убыль) населения Кировской области с регионами Урала в годы Великой Отечественной войны*

Область / АССР	Механический прирост			
	город	село	неизвестно	всего
1941 г.				
Молотовская область	-67	+135	-6	+6
Удмуртская АССР	+28	+242	+24	+29
Башкирская АССР	+37	+60	+3	+100
Чкаловская область	-21	+30	-18	-9
Челябинская область	-145	+99	+6	-40
Свердловская область	-83	+90	0	+7
1942 г.				
Молотовская область	+2 571	+280	-9	+2 792
Удмуртская АССР	-242	+40	-33	-235
Башкирская АССР	+27	+26	-8	+45

Область / АССР	Механический прирост			
	город	село	неизвестно	всего
Чкаловская область	+190	+24	-4	+210
Челябинская область	+335	+97	-4	+428
Свердловская область	+273	+79	-37	+315
1943 г.				
Молотовская область	+483	+133	-50	+566
Удмуртская АССР	+152	+40	+22	+214
Башкирская АССР	+159	+49	+31	+239
Чкаловская область	+92	+49	+16	+157
Челябинская область	+296	+64	+1	+361
Свердловская область	+288	+155	-10	+393
1944 г.				
Молотовская область без г. Молотов	+152	+60	+16	+228
г. Молотов	-28	-	0	-28
Удмуртская АССР	+40	+148	+12	+200
Башкирская АССР	+4	+52	-28	+28
Чкаловская область	+40	+4	0	+44
Челябинская область без г. Челябинск	+32	+20	-4	+48
г. Челябинск	-12	0	0	-12
Свердловская область без г. Свердловск	+240	+96	-4	+332
г. Свердловск	+76	0	0	+76
Курганская область	-28	+16	0	-12
1945 г.				
Молотовская область без г. Молотов	+152	+44	+4	+200
г. Молотов	-172	0	0	-172
Удмуртская АССР	+56	+92	-4	+144
Башкирская АССР	-36	+16	+8	-12
Чкаловская область	+16	-20	0	-4
Челябинская область без г. Челябинск	-4	+8	+4	+8

Область / АССР	Механический прирост			
	город	село	неизвестно	всего
г. Челябинск	-84	0	0	-84
Свердловская область без г. Свердловск	+104	+24	0	+128
г. Свердловск	-200	0	0	-200
Курганская область	+12	0	0	+12

* Составлено по: ЦГАКО. Ф.Р-23344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10 об.; там же. Д. 863. Л. 12–12 об.; там же. Д. 1227. Л. 7–7 об.; там же. Д. 1275. Л. 6–7 об.; там же. Д. 1679. Л. 8–9 об.

Однако в 1941–1943 гг. с Урала в Кировскую область приезжало больше, чем уезжало. В этот период миграционная убыль отмечалась только с Челябинской областью в 1941 г., Чкаловской областью в 1941 г., Удмуртской АССР в 1942 г.

За 1942 г. на проведение сплава древесины в Кировской, Горьковской и Молотовской областях, а также Удмуртской и Марийской АССР были привлечены 9 550 кировчан. В 1943 г. 7 322 чел. покинули область с целью обучения в Молотовской, Свердловской и Ленинградскую областях¹. В целом все формы трудовой мобилизации в течение 1943 г. охватили 262 тыс. 395 жителей Кировской области². Почти 10 % рабочей силы была вывезена на работы в Москву, Горький, Ижевск, в северные порты и на Урал.

В 1944–1945 гг. чуть более 20 % прибывших в Кировскую область составляли уральцы (23,7 % и 21,6 % соответственно), главным образом из городской местности. Среди выбывших примерно каждый десятый отправлялся на Урал (1944 г. 2 348 чел. или 13,2 %, 1945 г. 2 044 чел. или 11,8 %). Отбывало население в крупные города Урала (Молотов, Челябинск, Свердловск) и соседние регионы (Молотовская область, Удмуртская АССР), а также Свердловскую область.

Миграционный обмен был главным образом положительным. За исключением крупных городов (Молотов, Челябинск, Свердловск) и Курганской области в 1944 г., Башкирской АССР в 1945 г., Чкаловской области в 1945 г., где преобладание оттока населения было несущественным.

Существующие формы статистической отчетности не позволяют территориально выделить миграции по полу и возрасту. Мужчины преобладали среди выбывающего из Кировской области населения в 1941–1944 гг. (50–60 %). Среди прибывающих в область на протяжении всей войны доминировали женщины (от 53 до 59 %). Мужчины чаще всего прибывали в города с предприятиями, а женщины с детьми – в сельскую местность. Основную группу пополнения населения области в годы войны составляли трудоспособные в возрасте от 16 до 59 лет (70–80 %) и нетрудоспособные от 0 до 15 лет

¹ ЦГАКО. Ф. Р – 2169. Оп. 1. Д. 754. Л. 13.

² Там же. Л. 7.

(15–20 %). Кировскую область покидали лица трудоспособного возраста: основу составляли мужчины (в среднем 55–60 %) [1, с. 66].

Таким образом, миграционный обмен Кировской области с Уралом в годы войны был в основном положительный. Доля выбывших на Урал в 1941–1945 гг. составляла ежегодно около 20% всех покинувших Кировскую область.

Библиографический список

1. *Чернышева Н. В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 203 с.

K. A. Chernyshev, N. V. Chernysheva

Candidate of Sciences (Geography), Institute of Economics and Management, Vyatka State University (Kirov, Russia).

Candidate of Sciences (History), Institute of Humanities and Social Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russia).

MIGRATIONS OF RESIDENTS OF THE KIROV REGION TO THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

The paper identifies the main trends and the extent of migration of residents of the Kirov region to the Urals during the Great Patriotic War. The Ural region served as a traditional territory for migrants from the Kirov region.

Keywords: population migration, Kirov region, the Urals, Great Patriotic War.

«ПЕРЕЧЕНЬ СВЕДЕНИЙ ЗАПРЕЩЕННЫХ К ОПУБЛИКОВАНИЮ» КАК ИСТОЧНИК СОСТОЯНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В работе рассмотрен эвристический потенциал «Перечней сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» как источника по истории и историографии Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая отечественная война, цензура, источник.

В последние десятилетия были достигнуты значительные результаты в изучении Великой Отечественной войны. Это стало возможным благодаря различным факторам, и прежде всего тому, что были отменены запреты, действовавшие до начала 1990-х гг. на изучение и освещение отдельных тем (например, коллаборационизм советских граждан). Однако общего представления о «белых пятнах» истории Великой Отечественной войны нет. Ориентиром в этом могут послужить «Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, по радио и телевидению».

8 июня 1947 г. Совет министров СССР принял постановление «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». 1 марта 1948 г. был принят «Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну», а в 1949 г. на его основе Главлитом был подготовлен первый «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати и по радио» [1]. Эти «Перечни» относились к основным нормативным актам, которыми руководствовались в своей работе литературные отделы. «Перечни» периодически пересматривались. Последний «Перечень» был выпущен в 1990 г.

В историографии «Перечни сведений» хорошо известны прежде всего в качестве источника по истории цензуры в СССР, однако их эвристические возможности значительно шире. Их можно использовать в качестве путеводителя состояния источниковой базы по всем сторонам жизни советского общества; по ним легко можно определить, какие аспекты отражались

---

* Шумкин Георгий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; shumk@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00427А «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации».

в публикациях без ограничений, какие с ограничениями или намеренными искажениями, а какие вообще было запрещено упоминать в печати. К числу тем, подробно регламентировавшихся «Перечнями», относилась Великая Отечественная война и уроки, извлеченные из нее советской военной наукой.

Следует отметить, что списки тем, которые запрещались к публикации, не совпадают в разных редакциях «Перечня». Кратко назовем темы, связанные с историей Великой Отечественной войны, попавшие в список, запрещенных к публикации.

В «Перечне» редакции 1949, 1960 и 1976 гг. к числу тем, запрещенных для публикации, были отнесены: сведения о боевом опыте соединений, частей и подразделений Вооруженных Сил СССР; данные о количестве лиц, мобилизованных в армию (в том числе и женщин); сведения о потерях вооружения и боевой техники; история соединений, частей и кораблей, их боевой путь; данные по обеспечению фронтов, флотов, армий и флотилий вооружением, боевой техникой и продовольствием; данные о количестве военной техники, полученной от союзников и сведения об опыте использования иностранной техники; сведения о захваченных документах и трофеях; о ввозе в СССР захваченного на территории противника оборудования, транспорта, произведений искусства, продовольствия, скота и пр.¹

«Перечнем» 1949 г. также запрещалось публиковать сведения о влиянии войны на здоровье трудящихся (эпидемии, рождаемость, пищевые рационы, жилищные условия и др.), данные о количестве погибших и инвалидов войны; данные о потерях союзников и противника в живой силе и технике; сведения о применении оружия медицинским составом, кроме случаев защиты больных, раненых и самозащиты; сведения о переобедании разведчиков (кроме партизан) в военную форму противника; данные о численности партизан, а также о методах их конспирации, маскировки и деталях оборудования партизанских лагерей; сведения о деятельности ЭПРОН (Экспедиции подводных работ особого назначения) без разрешения Главного штаба Военно-морских сил; данные о послевоенном тралении; данные о количестве мобилизованного механического и живого транспорта, о его потерях и возвращении гражданским ведомствам. В последующих перечнях (1960 и 1976 гг.) эти темы были исключены из списка запрещенных.

Но в «Перечни» 1960 и 1976 гг. были включены материалы о чрезвычайных происшествиях, об отрицательных фактах в политико-моральном состоянии подразделений, частей и соединений Вооруженных Сил; сведения по агентурной разведке, а также материалы особых отделов и судебно-следственных органов. В «Перечень» 1976 г. также попал запрет на публикацию сведений об уничтожении техники и имущества нейтральных государств, об интернировании их граждан; о работе советских агентурных разведчиков,

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р – 9425. Оп. 1. Д. 1051. Л. 20–23 ; Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению [Электронный ресурс]. URL: <http://novymirjournal.ru/images/cenzura/perechen1976.pdf> (дата обращения: 01.03.2020) ; «Запрещается опубликовывать»: методичка советской послевоенной цензуры [Электронный ресурс]. URL: <https://gordonua.com/specprojects/cenzor.html> (дата обращения: 01.03.2020).

мемуары советских военачальников и пр.¹ В «Перечнях» 1960 и 1976 гг. оговаривались условия, на которых сведения могли быть опубликованы. Прежде всего разрешалось публиковать материалы, которые попали на страницы 6-томной «Истории Великой Отечественной войны». «Перечень» редакции 1987 г. специальной рубрики, посвященной Великой Отечественной войне, уже не содержал².

Таким образом, «Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» можно рассматривать в качестве источника, отражающем, с одной стороны, состояние источниковой базы, особенности публиковавшихся материалов; а с другой – состояние историографии Великой Отечественной войны в период с 1949 по 1987 г.

Библиографический список

1. Зеленов М. В. Перечни сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению // Открытый текст. Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/library-after-1917/research/zelenov-m-v/m-v-zelenov-perechni-svedenij-ne-podlezhashhih-opublikovaniju-v-otkrytoj-pechati-predachah-po-radio-i-televideniju> (дата обращения: 1.03.2020).

G. N. Shumkin

Candidat of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

«LIST OF INFORMATION PROHIBITED FOR PUBLICATION» AS A HISTORICAL SOURCE ABOUT THE HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper considers the heuristic potential of «Lists of information prohibited for publication in the open press, broadcasts on radio and television» as a source for the history and historiography of the Great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, censorship, historical source.

---

¹ Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению [Электронный ресурс]. URL: <http://novymirjournal.ru/images/cenzura/perechen1976.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

² Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в районных, городских, многотиражных газетах, передачах по радио и телевидению 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://coollib.com/b/432945/read> (дата обращения: 01.03.2020).

Раздел III.

НАПЕРЕКОР НЕВЗГОДАМ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94 (470.55) «1941/1945»

А. А. Аполовников*

СПЕКУЛЯТИВНАЯ ТОРГОВЛЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ¹

Рассмотрены особенности борьбы со спекуляцией в Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. Нарушение правил советской торговли объясняется дефицитом предметов первой необходимости, вызванным перестройкой народного хозяйства региона на военный лад и большим притоком эвакуированных. Показана работа местных органов власти, направленная на устранение причин, противодействие и профилактику спекуляции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Челябинская область, спекуляция, противодействие незаконным торговым операциям.

Великая Отечественная война стала серьезным вызовом и тяжелым испытанием для всего советского народа. Именно в это время Южный Урал принял сотни тысяч эвакуированных, что привело к существенному увеличению населения региона. Если в 1939 г. в Челябинской области насчитывалось 2 703,2 тыс. жителей, то в 1942 г. уже 3 558,4 тыс. [1, с. 22; 2, с. 136]. Только за период с июля 1941-го по декабрь 1942 г. сюда прибыло свыше 500 тысяч человек [3, с. 268].

Учитывая, что и в предвоенный период ни в одном регионе страны не было такого перекоса в соотношении тяжелой и легкой промышленности, оборонного и гражданского секторов как в Челябинской области [4, с. 170], приток населения создал здесь предпосылки для спекуляции товарами первой необходимости. Незаконная торговля осуществлялась как «с рук в домашних

---

* Аполовников Андрей Анатольевич – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин частного образовательного учреждения высшего образования «Международный институт дизайна и сервиса», Челябинск, Россия; a_ancifer@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)».

условиях», так и на городских рынках, в ларьках. Уже в первые дни войны секретарь обкома по легкой и местной промышленности В. В. Кузьмин в справке о состоянии торговли в области в дни мобилизации от 28 июня 1941 г., докладывал секретарю обкома ВКП(б) Г. Д. Сапрыкину о том, что в связи с началом войны резко повысился спрос на товары первой необходимости: соль, муку, мыло хозяйственное, туалетное, спички, керосин, хлебобулочные изделия; продажи которых выросли в 10–12 раз.

Спекулянтов выявляла милиция. Например: 1) Галимов Газим, нигде не работающий, торговал мукой, крупой, другим продовольственными товарами. У него изъято 11 пудов муки, 24 кг крупы, 26 метров мануфактуры и другое. Задержан и доставлен в отделение милиции; 2) арестован продавец продовольственного ларька г. Челябинска Воронин М. Т. за продажу в одни руки мешка сахара весом 84 кг и трех мешков пшеничной крупы весом 240 кг. По этому же делу арестован и предан суду Новиков С. И. и Дергунов Г. И. за скупку товаров «сверх всякой необходимости»; 3) Миронец А. А. скупала мыло и спички, на квартире у нее обнаружили 12 пудов муки, 81 кг сахара, 50 коробок спичек, 10 кг печеного хлеба, 8 кг соли, 8 кг пшена.

Сообщалось о мерах, которые принимались для профилактики и борьбы со спекуляцией. Партийными организациями проводились беседы с населением о правилах торговли продуктами питания и другими товарами, собрания с заведующими магазинами и продавцами о соблюдении норм продажи в одни руки. Для контроля к торговым точкам прикреплялись коммунисты, комсомольцы и депутаты местных советов. В обкоме партии 25 июня было проведено совещание с руководителями милиции, прокуратуры, суда, торговдела, с отделом продовольственного снабжения горсовета по вопросам организации торговли. Районным комитетам ВКП(б) даны указания усилить партийно-массовую работу с населением и борьбу со скупщиками. В результате уже к концу июня удалось снизить ажиотажный спрос¹.

Указанной проблемой непосредственно занимались и правоохранительные органы. На совещании работников юстиции, прокуратуры и милиции 21 октября 1941 г. обращалось внимание на снижение числа преступлений, связанных со спекуляцией: в июле 41 г. было заведено 82 дела; в августе – 70 дел; в сентябре – 36. Но причиной этого явилась не столько хорошая работа сотрудников правоохранительных органов и раскаяние спекулянтов, а изменение последними тактики реализации товаров первой необходимости. Они стали разворачивать свою противоправную деятельность вне пределов рынка, на квартирах, высылая на рынки своих агентов, в роли которых зачастую выступали дети-подростки.

Так, гражданин Бобылев с июля по август 1941 г., заработал 8 тыс. руб. на спекулятивных операциях: скупал пшеницу, молот муку и продавал по 150 руб. пуд. Приобрел мотоцикл за 4 700 руб., продал его за 8 тыс. руб. Деньги отправил в Москву на приобретение промтоваров. 20 августа 1941 г.

¹ ОГАЧО. Ф. 288. ОП. 4. Д. 353. Л. 9–11.

его приговорили к 5 годам лишения свободы с конфискацией имущества¹. В январе 1942 г. был приговорен к 7 годам лишения свободы за спекуляцию бывший колхозник Жамнисаров. Разъезжать по южноуральским городам и селам ему позволяла выданная в 1939 г. справка правления сельхозартели, где говорилось о том, что он отпущен на отхожие промыслы². Считалось, что активисты, т. е. организация содействия милиции (осодмин), используются недостаточно³. Следует заметить, что наряду с лицами, которые превратили спекулятивную торговлю в промысел, были и те, кто занимался этим вынужденно не ради прибыли, а чтобы прокормить себя и близких.

Проблема спекуляции привлекла внимание городского партийного комитета. Так, секретарь ГК ВКП(б) Баранов 29–30 декабря 1941 г. докладывал о взвинчивании рыночных цен на ширпотреб, бездействии работников милиции, отсутствии борьбы со спекулятивным элементом со стороны администрации базаров. Рост цен в 2–4 раза Баранов объяснял трудностями с подвозом продуктов. В колхозах все транспортные средства направили на хлебозаготовки, а администрация рынков располагала лишь двумя грузовиками. Предлагалось привлекать автомашины предприятий. Горком ВКП(б) и Горисполком, по мнению Баранова, должны были вплотную взяться за организацию торговли на городских базарах⁴.

Сами рынки плохо выполняли свои обязательства перед колхозами, в частности не была организована встречная торговля хозяйственными и канцелярскими товарами. Управляющий Магнитогорским отделением Госбанка Подкопаев в докладной записке от 18 апреля 1942 г. сообщал секретарю ГК ВКП(б) г. Магнитогорска Мамоненко, что на I квартал заключено договоров с колхозами на 11 219 тыс. руб., а исполнено на 652 тыс. руб. Ни одного выезда в районы не произведено. Как следствие, возрос объем товарообменных операций, сократилась продажа продовольствия за наличные деньги. Обмен производился исходя из эквивалента: пара простых сапог за 3,5–4 пуда муки; пара хромовых сапог за 5–6 пудов муки; 3–4 метра мануфактуры за 100–120 кг картофеля. Кроме того, организованная для колхозников столовая обслуживала всех посетителей рынка.

Вносились следующие предложения: на 1942 г., колхозам определить количество продукции для вывоза на рынок; создать пункты скупки в прилегающих к городу районах, для чего использовать пригородный поезд, транспорт предприятий и учреждений города; предусмотреть в управлениях рынков штатную должность уполномоченного по заготовкам; довести отоваривание до 40–50% за счет привлечения товаров местного производства; обязать трест столовых, Магнитоторг, Мясокомбинат и Дом Колхозника иметь необходимое количество столовых и закусовых, а также места ночлега и отдыха приезжающих колхозников⁵.

¹ ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 2. Л. 178.

² Челябинский рабочий. 1942. 15 января.

³ ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 2. Л. 176.

⁴ Там же. Ф. 92. Оп. 5. Д. 4. Л. 131–132.

⁵ Там же. Ф. 234. Оп. 16. Д. 74. Л. 74–75.

Работа правоохранительных органов постепенно давала результаты. В докладной записке «Об итогах изучения судебной и кассационной практики работы народных судов Челябинской области по делам о спекуляции за II-е полугодие 1943 г.» от 01 марта 1944 г. наркому юстиции РСФСР И. А. Балавину начальник УНКЮ РСФСР по Челябинской области Токарева сообщала: «Если во второй половине 1942 года по статье 107 поступило 377 дел, то в первой половине 1943 года – это поступление снизилось на 39,5%, а во втором полугодии 1943 года против первого полугодия 1943 года – на 36%»¹.

Анализ показывает, что 22% всех товаров, которые предназначались для перепродажи, были приобретены путем злоупотребления служебными полномочиями, 64% – покупка у частных лиц и 14% – отоваривание карточек.

Социальный состав лиц, привлеченных за спекуляцию, был следующим: рабочие 38,2%, служащие 15,4%, иждивенцы 12,7%, пенсионеры 4,5%, прочие 29,2% (неработающие, не прописанные и т.д.). Членов семей военнослужащих – 13 чел (11,8%) инвалидов Отечественной войны – 6 чел (5,5%). В подавляющем большинстве это люди, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Ни колхозников, ни единоличников среди выявленных спекулянтов не было.

К недостаткам работы правоохранительных органов относилось превышение сроков расследования спекулятивных дел (10 дней), не выявление источников приобретения товаров, не привлечение к ответственности конкретных лиц, способствовавших совершению преступлений. Опись и арест имущества производились только в отношении 12,7% фигурантов. Участие прокуроров в судебных заседаниях по делам о спекуляции оставалось эпизодическим. Они недостаточно осуществляли надзор за законностью и правильностью выносимых приговоров. За 2-е полугодие 1943 г. всего было опротестовано 6 приговоров (10,1%), тогда как Областным судом по жалобам осужденных отменено, прекращено и изменено 39 приговоров. Результаты работы органов юстиции отражены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты рассмотрения дел в судебных заседаниях

Период	ст. 107			ст.105		
	осужде- но	оправ- дано	прекра- щено	осужде- но	оправ- дано	прекра- щено
Первое полугодие 1942 г.	263	69 (19,9%)	14 (4,1%)	–	–	–
Первое полугодие 1943 г.	199	25 (10,5%)	13 (5,4%)	86	5 (5,3%)	3 (3,2%)
Второе полугодие 1943 г.	185	29 (17,5%)	–	68	5 (6,7%)	1 (1,5%)

¹ ОГАЧО Ф. 1041. ОП. 5. Д. 5. Л. 88.

Очевидно, что значительное количество лиц были привлечены к уголовной ответственности безосновательно. Например, Бесчастина А. А. и ее отец Панковский Д. Л. привлекались по ст. 107 УК за то, что «имели запас продуктов питания: муки 55 кг, сухарей 91 кг, пшена 20 кг, риса 4,5 кг, масла 6 кг, мануфактуры 63 метра». Материалами дела не было установлено, что продукты хранились с целью перепродажи. У Бесчастиной имелось двое детей, муж на фронте. Она была осуждена на 8 лет, ее отец – на 5 лет. Определением судебной коллегии Областного суда дело по жалобам осужденных производством было прекращено. В общей сложности, по данной категории дел 78% осужденных подверглись наказанию в виде ограничения свободы от 5 лет и выше, 22% – осуждены условно.

Кассационная практика областного суда свидетельствовала о том, что первоначальные приговоры, которые были оставлены в силе после рассмотрения, составляли лишь 34,8%. По остальным мера наказания была снижена (8,7%), дело переквалифицировано (20,3%), приговор отменен за мягкостью (1,4%), отменен со стадии судебного (7,3%) или предварительного расследования (8,7%), прекращен (18,8%).¹

Переквалификация со ст. 107 на ст. 105 (нарушение правил торговли) происходила в случае, когда фиксировались единичные случаи перепродажи. В основном прекращались дела за малозначительностью и за отсутствием состава преступления.

Формальный, а порой и безразличный подход к обеспечению инвалидов Отечественной войны приводил к росту спекулятивной торговли, которая для многих из них являлась единственным способом выживания. В докладной записке заместителя уполномоченного Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК по Челябинской области Евдокимова Председателю КПК при ЦК Андрееву А. А. и секретарю Челябинского ОК Патолитчеву Н. С. «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании инвалидов Отечественной войны в Челябинской области» от 11 января 1945 г. говорилось, что нередко инвалидам в качестве оказания материальной помощи выдавались вещи, в которых они не нуждались (холостяки получали детскую и женскую одежду и обувь)². Естественно, они несли их на базар. В Златоусте из 84 нетрудоустроенных инвалидов III группы 42 занимались спекуляцией, в Магнитогорске из 57 – 18. В Челябинске ежедневно выходили на рынок от 70 до 100 инвалидов. Получаемый нетрудовой доход побуждал их к уклонению от официального трудоустройства. За это органами собесов области в 1944 г. было снято с пенсии 171 инвалидов Отечественной войны. Кроме того, неработающих инвалидов лишали карточек на мясожировые продукты³.

Таким образом, спекулятивная торговля на Южном Урале в годы войны была вызвана не только беспрецедентным ростом населения, но и общими для СССР причинами: не был поставлен на должный уровень контроль

¹ ОГАЧО. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 5. Л. 88–89, 91–96, 99.

² Там же. Ф. 297. Оп. 2. Д. 819. Л. 6.

³ Там же. Ф. 1041. Оп. 5. Д. 5. Л. 7, 9.

за нормированным снабжением, что способствовало хищениям дефицитных товаров с целью их последующей реализации по «свободным ценам»; не учитывалось тяжелое положение отдельных граждан, особенно эвакуированных, для которых купля-продажа на рынке являлась условием выживания; органами социального обеспечения не оказывалось должной поддержки инвалидам Отечественной войны, в результате чего происходила их маргинализация, и они пополняли ряды нелегальных торговцев.

Библиографический список

1. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 173 с.
2. *Кузьмин А. И.* Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.
3. Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 496 с.
4. *Фельдман М. А.* Промышленность и рабочий класс Урала к июню 1941 г. // Урал в стратегии Второй мировой войны : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург: СВ-96, 2000. С. 168–170.

A. A. Apolovnikov

Senior lecturer, International Institute of Design and Service (Chelyabinsk, Russia).

SPECULATIVE TRADING IN THE SOUTHERN URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: REASONS AND FACTORS

The paper discusses features of the fight against speculation in Chelyabinsk region during the Great Patriotic war. Violation of the rules of «Soviet» trade is explained by shortage of necessities caused by restructuring of national economy of the region in a military manner and a large influx of evacuees. The paper shows work of local authorities aimed at eliminating the causes, countering and preventing speculation.

Keywords: Great Patriotic war, Chelyabinsk region, speculation, counteraction to illegal trade operations.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1940-е ГОДЫ¹

Выявлены основные виды исторических источников о демографической трансформации в уральской деревне в 1940-е гг. Особое внимание уделено изучению материалов учета и статистики населения. Проанализирована информативная ценность сводных статистических таблиц годовой отчетности о демографическом поведении населения. Показана значимость обращения к исследованию нормативно-правовой и делопроизводственной документации.

Ключевые слова: население, исторический источник, статистические источники, историческая демография, демографическая статистика, демографическая трансформация.

В России/СССР в XX в. произошли качественные изменения в демографическом и миграционном поведении населения. Они стали результатом модернизационных процессов, движения российского общества из аграрной стадии в индустриальную. Демографическая трансформация была обусловлена как модернизационными сдвигами, так и социальными, политическими, экономическими условиями. Демографическая модернизация в стране попала под мощное экзогенное воздействие, связанное с социальными катаклизмами. Великая Отечественная война, депортации, послевоенный голод и эпидемии негативно отразились на демографических процессах. В результате войны были сильно деформированы демографические структуры. Демографическая трансформация в уральской деревне (сельской местности) в 1940-е гг. заключалась в демографических изменениях, обусловленных процессами воспроизводства и миграционного движения населения, находившимися в глубокой зависимости от факторов социальной среды.

Особую ценность при изучении демографической истории имеют статистические источники. К ним относятся всесоюзные переписи населения 1939 и 1959 гг., материалы текущего учета населения, единовременные отчеты о составе сельского населения, списки сельских населенных пунктов, документы учета заболеваемости населения, годовые отчеты колхозов и совхозов и др. Всесоюзные переписи предоставляют сведения о численности и составе

---

* Баранов Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; eubaranov@yandex.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17–01–00463А «Демографическая трансформация в уральской деревне в 1930–1960-е годы».

населения на момент своего проведения. Они позволяют выявить общие тенденции демографического развития, количественные и качественные изменения в населении, произошедшие за межпереписной период. Статистические данные о населении встречаются в делопроизводственной документации органов партийно-государственной системы власти, демографо-статистических сводках, составлявшихся в справочных и отчетных целях центральными и местными статистическими органами. Демографическая статистика, по большей части неопубликованная, дает возможность проследить потери населения регионов страны вследствие войны, голода, эпидемий.

Серьезное внимание следует уделить такому источнику статистической информации, как годовые таблицы движения населения. Анализ данных этих таблиц дает возможность рассмотреть изменения демографического состояния региона в динамике. О значении этих таблиц как источника информации о демографическом развитии России и ее регионов в различные периоды истории страны писали Е. Ю. Баранов, В. А. Исупов, О. Г. Черезова [1; 2; 4].

Сводные статистические таблицы движения населения отложились в архивных фондах статистических управлений центрального и регионального уровней. Таблицы естественного движения населения были направлены на статистическое описание демографических событий, фиксированных по определенным признакам. Составлялись таблицы по сельским территориям.

Интерес представляет форма «Сведения о естественном движении населения». Эта таблица включает данные о численности населения, количестве браков и разводов, числе родившихся, мертворожденных, умерших (с разделением по половому признаку: мужского, женского, обоего пола). В таблице «Общие итоги естественного движения населения» содержатся данные об общем количестве загсов на территории, о количестве загсов, предоставивших сведения, и аналогичные выше обозначенным сведениям – данные о количестве демографических событий (браков, разводов, рождений, смертей). Данные в таблицах приводятся по городской и сельской местности по районам. В итоговые таблицы включались относительные показатели: число родившихся в расчете на 1000 чел., число умерших в расчете на 1000 чел., естественный прирост в расчете на 1000 чел. Кроме общих итоговых таблиц, сохранились отдельные таблицы статистики рождений, смертей, браков и разводов. К сожалению, полные сведения по сельской местности по ряду форм отчетности стали регулярно подаваться лишь с 1956–1957 гг.

Таблицы естественного движения населения – это ценный источник информации о воспроизводстве населения, его репродуктивном, матримониальном поведении. Они существенно дополняют всеобщие переписи при детальной реконструкции демографической истории, а по межпереписному периоду их данные являются необходимыми для оценки влияния социального развития на демографические процессы, характера демографической трансформации. Однако изменение административно-территориального деления на Урале обуславливает определенные трудности динамического анализа всей

совокупности демографических показателей, вынуждает прибегать к определенным допущениям при сопоставлении данных.

Сведения о численности, половозрастном и социальном составе сельского населения содержатся в сводках сельсоветского учета, сельсоветской отчетности – «Единовременных отчетах о половом и возрастном составе сельского населения». Они составлялись с 1943 г. по данным хозяйственных книг сельсоветов и списков временно проживающих на территории сельсовета. В сельсоветский учет включалось наличное и временно отсутствующее население всех населенных пунктов, находившихся на территории сельсовета. Распределение населения по полу и возрасту проводилось по группам хозяйств.

В постсоветской историографии сложилось критическое отношение к советской статистике населения, ученые пишут о ненадежности, недостоверности данных из-за погрешностей регистрации, неполноты охвата населения учетом, вероятной сознательной фальсификации. Демографы и историки предпринимали попытки оценить недоучет населения и осуществить коррекцию данных. Вопрос о достоверности и репрезентативности советской статистики населения до сегодняшнего дня остается дискуссионным. Но для оптимальной реализации историко-демографического исследования необходимо использовать все возможные источниковые ресурсы.

В ходе исторического исследования необходимо обращение к нормативно-правовой, делопроизводственной документации, материалам периодической печати, имеющим отношение к жизни советской деревни¹. Анализ законодательных актов позволяет выявить направления государственной политики в социально-демографической сфере. В политической практике советского периода весомое значение имели решения партийных органов, оформленные в виде постановлений ЦК ВКП(б), партийных съездов, совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В архивных фондах органов партийно-государственной системы власти можно выявить докладные записки и иные документы, которые содержат сведения об условиях развития населения региона и о намерениях властей в решении социальных проблем. В региональной периодической печати публиковались материалы с характеристикой текущей ситуации, не содержавшие по большей части аналитической информации. В целом анализ полного комплекса исторических источников позволяет проанализировать и раскрыть основные аспекты демографической трансформации в уральской деревне в 1940-е гг.

Библиографический список

1. Баранов Е. Ю. Годовые таблицы естественного движения населения как источник по демографической истории Урала в 1920–1930-е гг. // Историческая демография. Научный журнал. 2009. № 1 (3). С. 50–53.

¹ Обзор, краткая характеристика источников по аграрной истории Урала «колхозной эпохи» ЖАНИЕжаты в книге Г. Е. Корнилова [3].

2. *Исупов В. А.* Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны: доклад на пленарном заседании I международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 20 с.
3. *Корнилов Г. Е.* Источники по аграрной истории Урала. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1996. 86 с.
4. *Черезова О. Г.* Сводки текущего статистического учета как источник сведений о естественном движении и миграциях населения индустриального Урала второй половины XX века // Демографический потенциал стран ЕАЭС : сб. ст. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2017. Т. II. С. 384–388.

E.Yu. Baranov

Candidate of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

HISTORICAL SOURCES ABOUT DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION IN THE URAL VILLAGE IN THE 1940S

The paper identifies the main types of historical sources about demographic transformation in the Ural village in the 1940s. The author paid special attention to the study of population records and statistics. The paper analyses informative value of summary statistical tables in annual reports on demographic behavior of the population. The paper shows significance of the study of regulatory documentation.

Keywords: population, historical source, statistical sources, historical demography, demographic statistics, demographic transformation.

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ФАКТОРА В ПЕРИОД ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ 1941–1945 ГОДОВ¹

В статье рассмотрены роль и место территориального фактора в условиях принудительных переселений в СССР в период войны 1941–1945 гг. От решения проблемы, связанной с территориальным фактором в жизни общества, от решения земельного вопроса во многом зависела государственная безопасность как в ходе принудительных переселений народов, так и в период реабилитации этнических общностей, подвергшихся деструктивному воздействию со стороны органов власти.

Ключевые слова: война, принудительное переселение, власть, общество, законодательные акты, земля, территория, реабилитация, обустройство, безопасность.

Проблема территорий, имевшая место в жизни народов Советского Союза, остается острой и в условиях развития современной России. Сегодня для сохранения стабильности внутригосударственных границ необходимо выявить территориальные претензии, имеющиеся между ее субъектами, и постараться сгладить исторически сложившиеся противоречия. Основой постановки территориальных вопросов стали реабилитации народов, осуществленные в Российской Федерации в 1990-е годы. Однако их практическое решение осуществляется медленно, так как требует исторического осмысления, имеющих проблем, и огромных усилий центральных и местных органов исполнительной власти по их устранению.

Одной из главных причин возникших и сохранившихся до настоящего времени территориальных противоречий, являются широкомасштабные принудительные переселения народов, проводимые советскими властями в 1930-е – 1940-е годы. По подсчетам автора, в результате этих негативных процессов исторические территории утратили 19 этнических общностей, переселенных в полном составе, и 42 общности, подвергшихся частичному перемещению².

Поэтому, чтобы восстановить историческую справедливость, сегодня чрезвычайно важно, используя новые архивные документы, ставшие доступными исследователю в последнее время, показать сущность государственной земельной политики этого периода, проанализировать действие механизма наделения землей населения, оказавшегося в условиях спецпоселения.

* Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН, Москва, Россия; nikolay401@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–19–001–58 «Проблема территорий в условиях принудительных переселений XX века».

² Автор использует понятийные категории «народы», «национальности», «этнические общности», «этнические группы населения». По его мнению, они точно отражают реальное состояние дел многонационального сообщества.

По сведениям Отдела спецпоселений, созданного в марте 1944 года в структуре наркомата внутренних дел, с середины 1930-х по конец 1940-х годов в СССР было принудительно переселено около 3,5 млн человек. Все они, и в первую очередь наиболее многочисленные этносы, такие как чеченцы и крымские татары, «... были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству» [1; 3, с. 135].

В 1940-е годы положение о наделении переселенцев земельными участками, об использовании колхозных и совхозных массивов, на территории которых расселялись переселенцы, фиксируется почти во всех документах Государственного Комитета Обороны (ГКО). Однако эти подвижки с земельными территориями наносили огромный ущерб аграрному сектору, так как ухудшилось состояние агротехники и большинство переданных переселенцам земель не осваивались. В частности, в Орджоникидзевском крае такие земли составили 74,2 тыс. га. В южных приволжских районах Саратовской области, где проживали советские немцы – 1 275,7 тыс. га, в том числе – 908 тыс. га пахотных земель.

Потери земельных массивов в Калмыцкой АССР составили 2456, 8 тыс. га, из них под пахотными землями пребывали 601 тыс. га, находившиеся в пользовании Дагестанской АССР и Астраханской области («Черные земли»). К Ростовской области отошли пашни – 36,4 тыс. га, под посевы – 20 тыс. га. Между 6 соседними субъектами региона были распределены 213 тыс. га (13 тыс. га – пашня) угодий ликвидированной Чечено-Ингушской АССР.

В связи с этим представляют особую ценность документы об экспликации земель в регионе, зафиксировавшие четкие сведения о наличии земельных массивов на Северном Кавказе. Так между Северо-Осетинской АССР (31 863 га) и Грузинской ССР был «разорван» известный в истории Пригородный район. К Грузинской ССР дополнительно от Чечено-Ингушской АССР передавались 50 тыс. га земли.

Распределялись земли бывшей исторической Балкарии, где на одного жителя приходилось 12,95 га земли, из них пашни – 0,26 га. Здесь действовали 32 колхозных хозяйства, имевшие 514 848 га земли, в том числе приусадебных участков – 40 817 га.

Следует отметить, что спецпереселенцы и в новых регионах проживания должны были выполнять налоговые обязательства. 29 июня 1945 года Л. П. Берия писал на имя В. М. Молотова: «Приусадебные земельные участки, индивидуальные огороды, и скот, находящиеся в личном пользовании спецпереселенцев с Северного Кавказа, калмыков, из Крымской АССР и Грузинской ССР наравне с местным населением облагаются сельхозналогом, подоходным налогом и обязательными поставками сельхозпродуктов» [7, с. 59]. Конечно, это ухудшало и без того тяжелые материально-бытовые условия, вредило закреплению спецпереселенцев на местах.

Проблема спецпереселений вновь вышла на первый план в конце 1980-х гг. В условиях «перестройки» начался процесс реабилитации насильно переселенных народов, продолжившийся после развала СССР в 1990-х годах. В ходе

него начались взаимные территориальные претензии. Федеративное устройство страны стало при этом источником дополнительных противоречий, оказывавших непосредственное воздействие на обеспечение национальной безопасности России. В начале 1990-х гг., по некоторым оценкам, 30 национальных образований вызывали в данном отношении особую тревогу [9, с. 444].

Территориальные притязания порождали и обостряли проблемы окружающей среды, природных ресурсов, демографии, угрожали духовным ценностям и идентичности, вели к возможности военных конфликтов внутри страны. Поэтому территориальная стабильность становится одним из важнейших факторов сохранения и укрепления российской государственности, залогом планомерного осуществления мер политического, экономического и правового характера, обеспечивающих активное и эффективное развитие регионов.

19 декабря 2012 г. Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина была утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В документе не обойдена и проблема принудительно переселенных граждан на территории СССР, ее взаимосвязь со многими факторами развития государственности, в том числе и с территориальным фактором, имевшим и имеющим на разных этапах развития государственности судьбоносное решение.

Земельный фактор здесь по-прежнему остается в числе определяющих состояние сообществ. В начале 2014 г. Институт экономической политики (ИЭП) предпринял попытку рассмотреть вопрос о политике развития экономики на территории Северного Кавказа, проводимой центром, и пришел к выводу о ее полной неэффективности [4].

В историческом плане развитие национальных процессов на территории суверенной России, начиная с 1990-х гг., и, включая два последних десятилетия, еще раз подтвердили, что вопрос о принадлежности территории по-прежнему остается актуальным. При этом предпочтение отдается «единству территориального расселения этноса», а не объединяющей составляющей.

В границах своей территории этническая общность воспроизводит свою культурно-языковую особенность, формирует свои традиции, развивает свои связи в упрочении языково-культурных основ, хозяйственной, социально-политической сфер. Если исходить из этого посыла, то на этот факт обращали внимание в последнее время лидеры институтов гражданского общества. А обобщила эти оценки и аргументировала выводы исследователь этнополитических процессов на Северном Кавказе и, в частности в Адыгейской Республике, Т. П. Хлынина. «Общественные организации, – пишет она, – считают, этнос сохраняет не территория и ее правовой статус, а способность народов к самоорганизации, формой которой не обязательно должна выступать национальная государственность». Таков общий вывод, сделанный автором о национальном суверенитете и обустройстве самих жизненных условий в республике. При этом он опирается на богатый полевой материал, собранный по общественным организациям [8, с. 151]. Безусловно, что в этой ситуации должен восторжествовать «здоровый прагматизм».

Территориальный фактор остается основополагающим и в отношениях между государствами. Это еще раз подтверждает развитие событий в Украине в июне-августе 2014 г. Государственная власть в лице Президента и Правительства Украины при поддержке США и стран НАТО как нарушителей соотношения интересов по вектору «народ – власть» пренебрегли положением вектора «территория – народы», находящимся в органичном единстве. Конфликт оказался неизбежным.

Президентом и Правительством Украины был избран поистине варварский путь выхода из этой ситуации – решить «территориальный вопрос» путем физического уничтожения населения части государства.

Эта политика продолжается и в современной Украине, которой по-прежнему нужна зачищенная от «сепаратистов», выжженная и предназначенная для продажи сланцевым компаниям земля, а также как бы «завоеванное в борьбе против москалей жизненное пространство».

Обращаясь к примеру с Украиной, процессу формирования в связи с этим межэтнических отношений, необходимо напомнить и о волонтаристской акции, связанной с Крымом – передачей его под юрисдикцию Украинской ССР в январе – феврале 1954 г.¹ Этот факт объяснялся и экономической целесообразностью, и необходимостью успокоения ситуации в самой республике.

На территории Крыма сказывалось наличие мусульманского фактора, постоянно ратующего за самостоятельность, за наличие своих органов власти (Курултай, Директория), а в последующем и создание Крымского ханства. Трудным был процесс становления и Крымской АССР в составе РСФСР (18 октября 1918 г.). С вхождением Крыма в состав УССР решалась проблема ее территориального расширения.

Проводилась работа по подготовке «Концепции государственной программы возвращения крымских татар на постоянное жительство в Крымскую область». Было также разработано Положение о Государственной комиссии по проблемам крымско-татарского народа.

Возвращение крымских татар привнесло определенное «разочарование» как среди местного населения, так и для самих татар. Нерешенность аграрного вопроса постоянно поддерживала напряженность в отношениях возвратившихся крымских татар с местным населением. Крымский областной Совет Народных депутатов 23 ноября 1989 г. принял решение «О расселении граждан крымско-татарской национальности, прибывающих в Крым на постоянное жительство в 1989–1990 гг.».

¹ В соответствии с действовавшими в 1950-е годы законами, Президиум Верховного совета РСФСР не имел права изменять территорию республики. Такой вопрос не мог быть решен без участия Верховного Совета РСФСР как высшего органа государственной власти союзной республики. Не имел полномочий изменять границы между союзными республиками и Президиум Верховного Совета СССР. Соответственно, принятые в 1954 г. решения Президиумов Верховных Советов РСФСР и СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, не соответствовали ни Конституции РСФСР, ни Конституции СССР. Единственным способом получения согласия РСФСР на изменение ее территории, указывают юристы, был бы референдум. И пункт «г» статьи 33 Конституции Российской Федерации наделял Президиум Верховного Совета правом проводить всенародный опрос (референдум). В 1954 г. этого сделано не было: референдум, учитывающий мнение жителей Крыма, при передаче не проводился. Таким образом, акты 1954 г. о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР действительно не имели юридической силы с момента их принятия.

В начале 1990-х гг. одной из сложных проблем на первой стадии расселения для крымских татар оказалось предоставление необходимых земельных участков. В ноябре 1990 г. постановлением Совета национальностей Верховного Совета СССР Крымскому областному Совету народных депутатов предписывалось: «Продолжить работу по выделению в установленном порядке земельных участков для строительства жилых домов, организации и представления рабочих мест, созданию условий для удовлетворения национально-культурных потребностей крымско-татарского народа» [6, с. 57]. По причине неподготовленности органов власти к проведению подобных мер проблема длительное время трудно поддавалась решению, принимая зачастую конфронтационный характер. Одновременно предписывалось: «Для предоставления земельных участков под индивидуальное жилищное строительство граждан крымско-татарской национальности, подлежащим расселению в г. Симферополе, отвести, в порядке исключения, Симферопольскому горисполкому 40,0 га пахотной земли из земель колхоза «Советская Украина» Симферопольского района» [6, с 16, 17].

В феврале 1991 г. Республика Крым была восстановлена в составе Украинской ССР. Конституция Республики Крым была принята 6 мая 1992 г. Проблемы наделения крымских татар земельными наделами протекали в острой форме, сопровождаясь межэтнической напряженностью. В связи с этим третьей сессией 21 созыва Крымского областного Совета народных депутатов были разработаны и утверждены «Основные принципы расселения крымских татар на территории области». Это была своеобразная республиканская программа. В связи с этим постановлением утверждалась ранее подготовленная академией наук Украины «Схема расселения и трудоустройства крымских татар в Крыму на 1992–1995 гг.». Предполагалось выделение 846,9 га для расселения прибывших в область в 1991 г. 52 тыс. крымских татар [6, с. 153–156].

Исследование процессов обустройства и прежде всего пополнения населением территории проживания, подвергшихся репрессиям этнических общностей на примере СССР, показывает, что этот вопрос находился в рамках государственных интересов, так как он был связан с состоянием экономических ресурсов. Органы государственной исполнительной власти после осуществления мер принудительного переселения, проводившегося по разным причинам, проявляли заботу о насыщении освобожденных территорий производственными ресурсами, необходимой рабочей силой.

Одним словом, территориальный фактор есть составляющая национальных интересов, объективно существующая потребность и устремление личности, общества и государства к обеспечению безопасности во всех сферах их жизнедеятельности, внутренней стабильности в обществе, суверенитета и территориальной целостности и прочего положения государства, достижение его устойчивого развития.

Не случаен в связи с этим и тот посыл, что в качестве основных принципов государственной национальной политики Российской Федерации названы государственная (территориальная) целостность, национальная безопасность

Российской Федерации; единство системы государственной власти; своевременное и мирное разрешение межнациональных (межэтнических) противоречий и конфликтов, в том числе возникающих на территориальной основе.

Библиографический список

1. Бугай Н. Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). М.: ЦИМО, 1998. 340 с.
2. Ващекин Н. П., Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Безопасность и устойчивое развитие России. М.: МГУК, 1998. 223 с.
3. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.
4. Политика Кремля по развитию Северного Кавказа неэффективна [Электронный ресурс]. URL: R2.ru: <http://www.nr2.ru/moskow/479555.html> / (дата обращения: 16.01.2020).
5. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М.: Капъ, 1994. 259 с.
6. Сборник нормативных актов Верховного Совета и Совета Министров Крыма по вопросам возвращения депортированных народов. Симферополь: Б.и., 1992.
7. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944–1994 гг. М., 1994. 161 с.
8. Хлынина Т. П. Прошлое в современных этнополитических процессах республики Адыгеи // Нацестроительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. 179 с.
9. Штурба Е. В. Формирование и реализация Концепции национальной безопасности Российской Федерации в 1992–2004 г. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 466 с.

N. F. Bugay

Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Center «Historical Studies of Russia», Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

THE ROLE OF THE TERRITORIAL FACTOR DURING FORCED RELOCATIONS OF 1941–1945

The paper examines role and place of the territorial factor in the conditions of forced relocations in the USSR during the war of 1941–1945. Both during forced migrations of peoples and during the rehabilitation of ethnic communities that were subjected to destructive influence from the authorities, state security largely depended on solving the problem of the territorial factor in the life of society.

Keywords: war, forced relocation, power, society, legislative acts, land, territory, rehabilitation, resettlement, security.

«ДОРОГОЙ ТОВ. АНДРИАНОВ! ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ ЗА ПОМОЩЬЮ»: ПИСЬМО ТОВАРИЩА СУХОВА ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП(Б)¹

В статье рассматриваются меры по поддержке со стороны государства семей фронтовиков в годы Великой Отечественной войны. Показана деятельность партийных и советских органов власти по рассмотрению жалоб и заявлений семей военнослужащих, отмечены имевшиеся недостатки в этой работе. На примере письма А. Н. Сухова первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианову дается представление о том, как реагировала власть на подобные обращения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, семьи фронтовиков, письма, жалобы.

В годы Великой Отечественной войны на фронт ушло 736 тыс. жителей Свердловской области, в основной своей массе это были мужчины. Большинство из них имели семьи, в результате жены и дети оставались без кормильца и в условиях военного времени должны были искать возможности существования. В связи с этим уже с первых дней войны органы власти принимают меры, направленные на поддержку семей фронтовиков.

Государство проявляло заботу о семьях военнослужащих, основная часть которых проживала в сельской местности. Им оказывалась государственная помощь в виде пособий и пенсии, создавались централизованные целевые фонды продовольственных и промышленных товаров, предоставлялись льготы и преимущества в обеспечении жильем, огородными участками, топливом, местами в детских учреждениях и т.п. [3, с. 146]

Уже 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Пособие назначалось по месту жительства семьи фронтовика. В городе оно составляло 100–250 руб. в зависимости от числа нетрудоспособных членов семьи, в сельской местности пособие было в два раза меньше [2, с. 162]. Помимо денежного довольствия, семьям фронтовиков предоставлялись различные льготы (жилищные, налоговые и т.д.).

---

* Воробьев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; svorob.hist@gmail.com.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

Так, дети рядового и младшего командного состава получали возможность бесплатного обучения в 8–10 классах средней школы, техникумах и вузах. Жилплощадь, которую занимали военнослужащие, не оплачивалась, а остальные члены семей платили за квартиру и коммунальные услуги по льготным ставкам [2, с. 163–164]. Первоочередной ремонт жилья полагался семьям военнослужащих и инвалидам войны [3, с. 84].

Органы власти по возможности старались помочь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. В первую очередь это касалось семей военнослужащих и семей погибших фронтовиков, инвалидов войны. В ноябре 1943 г. СНК РСФСР принял решение об открытии детских столовых усиленного питания для нуждающихся семей военнослужащих [3, с. 134]. В то же время «в силу различных обстоятельств помогали не всем и не всегда, поэтому со стороны обойденных вниманием это вызывало недовольство» [1, с. 127]. В связи с этим люди обращались с жалобами и просьбами в партийные и советские инстанции.

Однако, предоставляемый государством объем льгот не покрывал всех жизненных потребностей семей фронтовиков. Перед ними вставали такие проблемы, как плохие жилищные условия, отсутствие работы, возможность получить или приобрести необходимые одежду и обувь в условиях нормированного обеспечения, нехватка питания, проблемы со здоровьем. Поэтому граждане для решения таких насущных вопросов также обращались в органы власти с просьбами и заявлениями.

В то же время не всегда обращение с жалобой и заявлением в соответствующие органы власти означало их оперативное рассмотрение и принятие решения. В декабре 1941 г. прокуратура Свердловской области произвела в райсоветах и в отделах горисполкома Свердловска проверку рассмотрения жалоб трудящихся и в особенности красноармейских жалоб. В ходе проверки было выявлено, что установленные сроки рассмотрения жалоб нарушаются, отсутствует строгий контроль прохождения жалоб, отчеты зав. отделами исполкомов о рассмотрении жалоб на заседаниях исполкомов не ставятся, виновники волокиты и невнимательного отношения к рассмотрению красноармейских жалоб к ответственности не привлекаются¹. В результате все это породило систему безответственности, вследствие чего в ряде райжилуправлений (РЖУ) жалобы месяцами лежали без рассмотрения, а часть жалоб оказалась совсем утеряна (Сталинский, Октябрьский, Молотовский и другие районы).

В более выигрышном положении находились не семьи воевавших фронтовиков, а те военнослужащие, которые находились в тылу и могли непосредственно общаться с представителями власти. Так, из 29 ордеров на жилье, выданных РЖУ Сталинского района г. Свердловска, красноармейские семьи получили только 7 ордеров, причем и эти 7 ордеров получили семьи военнослужащих, проживавших здесь в городе (военврачи и т.п.),

¹ Центр документации общественных организаций (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 36. Д. 126. Л. 78.

а не семьи тех, которые находятся на фронте. Данную ситуацию начальник РЖУ Федоров объяснил следующим образом: «Получают ордера те, кто больше ходит в райсовет и больше надоедает»¹. Прокуратура указала на то, что «такой принцип явно неправильный и показывает, что РЖУ игнорирует интересы красноармейских семей, в особенности работающих и не имеющих возможности ходить по райжилуправлениям»².

Аналогичная картина с жалобами семей красноармейцев наблюдалась и в других районах Свердловска и «фактов безобразного отношения к рассмотрению жалоб красноармейцев можно привести много». В Ленинском РЖУ пошли еще дальше, отменив особый учет красноармейских жалоб, мотивировав это тем, что «сейчас все жалобы красноармейские, и кто сегодня не красноармейская семья, завтра становится красноармейской»³. Такое нежелание чиновников разбирать жалобы по категориям вело к тому, что красноармейские семьи фактически приравнивались к обычным семьям.

Не улучшилась ситуация в работе государственных органов власти и к концу войны. В их деятельности по-прежнему присутствовала неразбериха, безответственность, волокита. Проведенная в 1945 г. инструкторами оргинструкторского отдела обкома ВКП(б) проверка порядка рассмотрения жалоб и заявлений и приема посетителей в Нижнесергинском райсовете показала, что исполком райсовета и его отделы проявляли в этом деле «нетерпимую волокиту и бюрократизм»⁴. Работа по заявлениям и жалобам трудящихся ограничивалась формальной пересылкой их в отделы, в исполкомы сельских советов, правление колхозов, в организации и учреждения района. Контроль их исполнения отсутствовал, и в результате ответы на заявления и жалобы задерживались и зачастую не делались совсем. Из поступивших в 1945 г. в исполком райсовета 274 жалоб и заявлений было исполнено только 58.

Отделом гособеспечения райсовета в тех случаях, когда он не имел в наличии материальных средств для оказания помощи семьям военнослужащих, заявления об оказании материальной помощи не принимались и не регистрировались. Таким образом, «по заявлению зав. отделом тов. Варлакова и зав. военным отделом райкома ВКП(б) тов. Попова, не было принято до 1000 заявлений»⁵.

Выяснилось, что заявления, поступившие в 1943, 1944 и 1945 гг., свалены в одну кучу и хранятся работниками отдела дома, в столах и т. д. Из этой кучи проверяющими было взято 15 заявлений, в большинстве от семей фронтовиков, поступивших в марте, апреле, мае 1945 г. Оказалось, что эти заявления были подшиты в папку, и никаких мер к их удовлетворению не было принято⁶.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 126. Л. 78.

² Там же. Л. 79.

³ Там же.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 123. Л. 129

⁵ Там же. Л. 131.

⁶ Там же.

Таким образом, зная на собственном жизненном опыте, как работают советские органы управления, люди предпочитали со своими просьбами обращаться напрямую к руководителям партийных и советских (областных, городских) структур власти. В этом случае шансы добиться положительного результата в короткие сроки были намного выше, чем обращение по инстанциям.

Также поступали и фронтовики, которые в огне боевых сражений не забывали про своих родных и старались им помочь. Так, старший политрук А. Н. Сухов отправил в конце мая 1942 г. на имя первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианова письмо, в котором просил оказать помощь его семье. До войны А. Н. Сухов работал директором специализированной школы № 9. Свердловска. С началом войны он и его сын Владимир были призваны в действующую армию. Будучи политработником, он не отсиживался в штабах, а участвовал в боевых действиях и был дважды ранен. У него в Свердловске остались жена и маленькая дочь Нина, за которых он очень переживал. В письме руководителю обкома партии он с обидой пишет: «Жена мне сообщает, что они нуждаются в помощи. Организация, в которой я работал, даже не поинтересовалась положением моей семьи». Поэтому он обращается к Андрианову: «Вот эту семью я и прошу поддержать. <...> Прошу Вас поручить облоно или школе поинтересоваться моей семьей и помочь ей, чем можно»¹.

Со своей стороны А. Н. Сухов обещает Андрианову: «Что касается меня, то я клянусь Вам, что жизни своей не жалел и не пожалею для выполнения приказа т. Сталина от 1/V за № 130 об уничтожении немецких захватчиков в 1942 году. Нас уральцев, свердловцев здесь немало. Надо сказать, что деремся мы не плохо»².

Просьба свердловского офицера была услышана, было дано распоряжение проверить условия жизни семьи фронтовика и оказать необходимую помощь. В ответе в военный отдел Свердловского обком ВКП(б) директор школы сообщал о том, что «комиссией школы проведено обследование бытовых условий семьи тов. Сухова. Установлено, что семья т. Сухова живет в хороших бытовых условиях. Ребенок т. Сухова посещает детсад и особой нужды ни в чем не имеет. Помощь семье Сухова школой по возможности оказывалась, и в дальнейшем будет оказываться»³.

Руководство школы, в которой директорствовал Сухов, не ограничилось сухим официальным ответом областному руководству, а отправило ему на фронт личное, наполненное теплыми словами письмо, в котором сообщало ему о жизни его семьи и школы. По поводу семьи они развеяли тревогу фронтовика, написав ему: «Ваша семья – это наша семья, и все что может, школа делает. Анна Федоровна с какой бы просьбой не обращалась в школу, всегда получает помощь. В частности: 1) до марта месяца школа

¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 37. Д. 106. Л. 65.

² Там же.

³ Там же. Л. 67.

имела коммерческие продукты и Ваша семья наравне с работниками школы по госнормам все получала, 2) продкарточки отоваривались школой, 3) обувь всегда починалась и починается без задержки, 4) дровами [семья] обеспечивалась и сейчас на лесоучастке школы Вашей семье заготовлены дрова. <...> На всех школьных праздниках Ваша дочурка и Анна Федоровна – желанные гости.

Живут они хорошо. Ниночка посещает хороший садик. Выглядит прекрасно, большая, здоровая»¹.

Рассказали бывшему директору педагоги и о жизни школы: «Школа закончила год не плохо, успеваемость 97 %. Весь коллектив работает, и воспитанники разработали небольшой участок земли в 3 га. Посеяли овес, горох, картофель и др[угие] овощи. Ждем урожая. Школьные мастерские выполняют военные заказы»².

В конце письма авторы выражают надежду на скорую встречу со своим коллегой: «Александр Николаевич! Коллектив школы все свои силы, знание отдает на помощь нашей дорогой, доблестной Красной Армии, героически защищающей нашу Родину, нашу жизнь и счастье наших детей. Надеемся скоро увидеть Вас в нашем коллективе после победы на заклятым фашизмом»³.

Наличие надежного тыла, уверенность в том, что семья фронтовика получит необходимую помощь и поддержку от представителей власти и окружающих и не будет ни в чем нуждаться, придавала силы советским солдатам и офицерам в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами и укрепляла их веру в неизбежную победу над врагом.

Библиографический список

1. *Воробьев С. В.* Тыловое население Урала в годы войны: продовольственный аспект // Подвиг Урала в исторической памяти поколений : материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2010. С. 123–128.
2. *Зинич М. С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М., Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с.
3. *Палецких Н. П.* Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. 167 с.

S. V. Vorobyev

Candidate of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

¹ ЦДООСО. Ф.4. Оп. 37. Д. 106. Л. 68 об. – 69.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 69, 69 об.

**«DEAR COMRADE ANDRIANOV! I APPEAL TO YOU FOR HELP»:
THE LETTER FROM COMRADE SUKHOV TO THE FIRST
SECRETARY OF THE SVERDLOVSK REGIONAL COMMITTEE OF
THE VKP(B)**

The paper considers measures to support families of front-line soldiers during the Great Patriotic war by the state. It shows the activities of the party and Soviet authorities to review complaints and applications of military families, and notes the shortcomings in this work. The letter from A. N. Sukhov to the first Secretary of the Sverdlovsk regional Committee of the VKP(b) V. M. Andrianov gives an idea of how the authorities reacted to such appeals.

Keywords: Great Patriotic war, families of veterans, letters, complaints.

ЕВРЕЙСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ОБЩИНА В СВЕРДЛОВСКЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Работа посвящена мало исследованному сюжету – истории Свердловской еврейской религиозной общины в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных источников, данных статистики и воспоминаний горожан старшей возрастной группы, находившихся в Свердловске в годы войны, реконструирована динамика численности еврейского населения города и некоторые детали жизни общины.

Ключевые слова: история Урала, Свердловск, еврейская община, синагога Свердловска, Вторая мировая война, религия.

Вторая мировая война кардинальным образом изменила жизнь людей не только на тех территориях, которые были непосредственно охвачены боевыми действиями, но и в глубоком тылу. Одним из ее последствий для Свердловска и Свердловской области был приток эвакуированных и трудармейцев, переселенных из западных регионов страны. Все это повлияло не только на численность и структуру населения города, но также и на его этнический состав. К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о количестве представителей всех народов, оказавшихся в Свердловске в годы войны. Однако, согласно данным краеведов, из 200 тысяч эвакуированных более 20 % являлись евреями; к 1943 г. их численность достигла 60 тысяч человек, что составило около 11 % населения города [2, с. 173]. В основном это были ашкеназские евреи, родным языком которых был идиш. Поскольку в условиях кризиса религиозность населения повышается, можно предположить, что приток еврейского населения из западных регионов страны должен был сказаться на численности и активности городской религиозной общины.

История взаимодействия государства с религиозными организациями на Урале в годы Великой Отечественной войны уже привлекала внимание исследователей, в частности была детально изучена деятельность Русской православной церкви [6]. Уральскими краеведами был собран интересный

---

* Заболотных Елизавета Александровна – младший научный сотрудник лаборатории «МЦДИ», Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург; ezabolotnych@gmail.com
Главацкая Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; elena.glavatskaya@urfu.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–29–07154 мк «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга – Свердловска)».

материал о судьбах выдающихся представителей еврейского народа, внесших значительный вклад в победу: как участников войны, так и рабочих Уралмашзавода [3; 7]. Однако история еврейской религиозной общины города в годы войны пока не стала темой самостоятельного исследования. Это связано прежде всего с тем, что в истории иудаизма XX в. доминирует тема Холокоста, а также с тем, что после закрытия религиозных общин и конфискации зданий, их документация не сохранилась. Тем не менее изучение процессов, происходивших в общине в годы войны, является важным не только для понимания истории общины и особенностей модернизации идентичностей, но и функционирования города в условиях максимального напряжения.

В ходе атеистической кампании первых послереволюционных лет религиозный ландшафт Свердловска претерпел существенные изменения. К началу Великой Отечественной войны из 30 православных культовых зданий оставалась лишь Иоанно-Предтеченская церковь, бывшая кладбищенская, в силу обстоятельств получившая статус кафедрального собора. Однако физическое уничтожение церквей вовсе не означало исчезновение обрядовых практик населения. Практически все родившиеся в 1933 г. у свердловчан дети были крещены, а 39 % умерших – отпеты. Кардинальные изменения произошли лишь в области регистрации церковного брака – только 2,2 % новобрачных обвенчались в церкви [1].

Еврейская религиозная община Екатеринбургa, сформировавшаяся в городе во второй половине XIX в., лишь в 1906 г. получила официальный статус. После революции в городе было открыто несколько молитвенных помещений, исчезнувших в ходе атеистической кампании [5]. В результате Свердловская синагога оказалась единственной во всей области. Она также являлась единственным религиозным учреждением, действовавшим в исторической части города, поскольку при ней имела миква (ритуальный бассейн) – объект высокой социальной значимости [4].

Еврейское население города постоянно росло и к 1939 г. достигло численности почти 8 000 человек¹, что составляло менее 2 % горожан. При этом еврейское население характеризовалось высокой степенью модернизации как в демографическом (по продолжительности жизни, уровню младенческой смертности, образованию, распространенности смешанных браков), так и религиозном отношении [8]. Из нескольких тысяч евреев, постоянно проживавших в довоенном городе, очень немногие выполняли религиозные предписания. По имеющимся данным, в 1920-е гг. синагогу постоянно посещали от 30 до 80 верующих, на главные праздники собиралось до 400². В годы войны, когда еврейское население в городе увеличилось по меньшей мере в семь раз за счет эвакуированных, число постоянных прихожан синагоги по-прежнему составляло не более ста человек, хотя в праздники собиралось до 500 человек,

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1616 (дата обращения: 25.05.2018).

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 2. Л. 191, 191 об.

в основном люди преклонного возраста¹. Безусловно, на состояние религиозной жизни иудеев города оказывало влияние то, что не было официально раввина. Свердловский раввин Моисей Файбишевич Лев был расстрелян во время сталинских репрессий в 1937 г. С этого времени все обряды в синагоге проводились верующими «по очереди»². Учитывая численность евреев в городе, проблем с миньяном (десять мужчин, присутствие которых необходимо для чтения Торы) у них не было. В годы войны в Свердловске проживал Герш Боровик – посланник Любавичского ребе, глубоко почитаемого евреями религиозного лидера. Кроме того, в июне 1942 г. в Свердловск вместе с эвакуированными прибыл Яков-Гирш Ицкович Майзесон³ – раввин с 32-летним стажем. Кризис военного времени, изменение политики властей в отношении религии, численный рост еврейского населения и появление религиозных лидеров активизировали деятельность верующих евреев Свердловска. По их запросу синагога была официально зарегистрирована в 1945 г., а на должность раввина был избран Я.-Г. Мейзенсон, который оставался официальным представителем верующих до 1947 г., когда вместе с другими принял решение вернуться в родные места. Одна из горожанок так вспоминала это время:

«Когда война должна была уже вот-вот закончиться, общины еврейские образовывали, бабушка ходила в синагогу... Это конец войны, 1945-й. Люди уже не боялись, собирались, и бабушка ходила в синагогу там, где роща за Хохрякова. Праздники никто не отмечал. К ней кто-то приходил из знакомых и говорил пойдем. Бабушка ходила молиться за дядю, похоронка была, пропал без вести»⁴.

По мнению уполномоченного по делам религии, состояние иудаизма в городе совсем не радовало свердловского раввина. Здание синагоги было ветхим и располагалось «прямо на болоте» (Куйбышева, 38), что не способствовало привлечению верующих⁵. Раввин регулярно обращался с просьбой о содействии в предоставлении под синагогу другого помещения⁶. Своим прихожанам он давал такую характеристику: «...большинство уральских евреев или не верующие, или настолько пассивны к религии, что их нельзя считать евреями <...> многие из них забыли даже еврейский язык и <...> детей своих <...> не учат ни религии, ни еврейскому языку»⁷.

И действительно, мужчины были призваны на службу, женщины работали на заводах, синагогу посещали в основном пожилые люди. Одна из горожанок, которой в 1941 г. исполнилось 8 лет, вспоминала: «Мама работала на турбинке, Эльмаш <...> их не выпускали; отец на фронте; мы жили с бабушкой <...> получали карточки на 300 грамм хлеба <...> На кладбище домик был, как украинская хата, маленький, горели свечи внутри. Было небольшое

¹ The Central Archives for the History of the Jewish People Jerusalem (САНЈР) / 1794.3.

² САНЈР / 1794.3.

³ В документах встречается два варианта написания фамилии Майзесон и Мейзенсон.

⁴ Интервью с Э. Г. Кузнецовой (Личный архив Е. А. Заболотных. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1).

⁵ САНЈР / 1794.3.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 841. Л. 55.

⁷ САНЈР / 1794.3.

возвышение у стены, там был какой-то священник с бородой, шапочка еврейская. Скамейки почти вплоты. Бабушка меня таскала. Тогда много было людей, потерявших своих родственников. Это были люди преклонного возраста. Мужчины и женщины сидели отдельно. Он там что-то говорил, я совершенно не знаю еврейский. Многие кланялись, бабушка платком слезы вытирала. Молодежь не была так напигована верой, война стерла грани. Изредка были дети <...> Я в госпиталь ходила, стихи рассказывала солдатам, песни разучивали, в школах нас заставляли»¹. Согласно рассказам евреев, переживших войну в Свердловске, жили они очень тяжело, многие голодали. Данных про то, что община пыталась организовать какую-то помощь для нуждающихся, обнаружить не удалось, что неудивительно, поскольку такая форма деятельности была бы противозаконной.

После окончания войны и отъезда эвакуированных иудеев религиозная жизнь свердловской общины продолжилась. Согласно данным уполномоченного по делам религии за 1948 г., в городе проводили традиционные еврейские свадьбы (*хупа*), отмечали религиозные праздники. Особенно выделялся праздник Пейсах, к которому «пекли особый хлеб – *мацу*». Как и ранее, основу общины составляло в основном пожилое население «45–50 и старше, молодежи единицы»². Большинство были иждивенцами, жившими с родственниками, и в религиозном отношении держались скромнее, чем вернувшиеся на родину после окончания второй мировой войны «западники»³.

Таким образом, в условиях войны религиозная жизнь Свердловской еврейской общины активировалась. Это было связано с кризисной ситуацией, вызванной военным временем, притоком значительного числа эвакуированных, в том числе и религиозных лидеров. Изменение политики в отношении религии привело к институциональному оформлению общины, в 1945 г. она была официально зарегистрирована, был избран раввин, возобновились собрания верующих в синагоге, восстановлены обрядовые практики, соблюдение которых продолжилось и в послевоенный период. Вместе с тем идентичность большинства формировалась не столько за счет религиозности, сколько на основе осознания общей трагической судьбы. Сложившийся в городе религиозный актив, представленный в основном людьми старшей возрастной группы из числа эвакуированных, покинул Свердловск вскоре после окончания войны.

Библиографический список

1. Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Православный ландшафт Екатеринбурга (Свердловска) в 1917–1941 гг.: историко-статистический анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2019. № 2. С. 133–154.

¹ Интервью с Э. Г. Кузнецовой (Личный архив Е. А. Заболотных. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1).

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 47. Д. 196. Л. 197–198.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 129. Л. 125–126.

2. *Вольфсон А. В.* Свет Добра и надежды: история евреев Екатеринбурга. Екатеринбург: Ур. Лит. Агентство, 2002. 448 с.
3. *Вольфсон А. В.* Евреи Уралмаша в годы Великой Отечественной войны. Документальные очерки. Екатеринбург: Лавка, 1998. 142 с.
4. *Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Заболотных Е. А., Торвальдсен Г. Т.* Религия в ландшафте раннесоветского города: идеи, мифы, смыслы (на примере Екатеринбурга – Свердловска) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. научных трудов / гл. редактор Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 340–353.
5. *Главацкая Е. М., Заболотных Е. А.* Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX вв.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (169). С. 206–221.
6. *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 349 с.
7. *Эшштейн Е. Г.* Мы защищали отчизну. Сборник сведений о ветеранах по материалам альбомов музея «Меноры». Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2000. 143 с.
8. *Tolts M.* Ethnicity, Religion and Demographic Change in Russia: Russians, Tatars and Jews // Evolution or Revolution in European Population. Milan: EAPS and IUSSP, 1996. P. 165–179.

E. M. Glavatskaya

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Archaeology and Ethnology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

E. A. Zabolotnykh

Research Fellow, laboratory «International Demographic Unit», Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

**THE JEWIS COMMUNITY IN THE CITY OF SVERDLOVSK
DURING THE WORLD WAR II**

The paper focuses on the history of Jewish religious community in the city of Sverdlovsk (contemporary Yekaterinburg) during the Great Patriotic war. Based on archival sources, statistics and memories of older citizens who were in Sverdlovsk during the war, the article reconstructs dynamics of Jewish population of the city and some details of the life of the community.

Keywords: history of the Urals, Sverdlovsk, Jewish community, Sverdlovsk synagogue, World War II, religion.

СТАНДАРТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ.¹

В статье предпринят анализ газетной рекламы второй половины 1940-х гг. Обозначены типичные сюжеты, выявлена динамика их востребованности в рамках послевоенного периода, обозначена территориальная специфика рекламного дискурса. Сделан вывод о том, что реклама в газетах послевоенных лет в целом отражала низкий уровень жизни граждан.

Ключевые слова: реклама, послевоенный период, стандарты потребления.

Различные аспекты проблематики уровня жизни населения военного и послевоенного периода получили рассмотрение в историографии. В отечественных исторических разработках исследованы вопросы доходов и потребления граждан [1, 2, 4], жилищной проблематики [3, 7]. Стандарты материального потребления, презентуемые в информационном пространстве послевоенного периода, рассмотрены, преимущественно в культурологических исследованиях, где анализировались проблемы гастрономической культуры [6], моды [5]. Фактически не изученной является проблема газетного рекламного дискурса, в то время, как эмпирическое исследование данной темы позволит реконструировать специфику и динамику послевоенных стандартов образа жизни.

В данной работе предпринят анализ газетной рекламы потребительских товаров, представленной на страницах отечественной прессы. В качестве источниковой базы использовались областные газеты РСФСР «Советская Сибирь» (г. Новосибирск), «Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), «Уральский рабочий» (г. Свердловск), «Советский Сахалин» и «Красный Север» (г. Вологда).

Количественная выраженность рекламных сюжетов в газетах послевоенных лет определялась территориальной спецификой изданий. Так, например, в периодической печати Сибирского региона РСФСР (областных газетах «Советская Сибирь», «Восточно-Сибирская правда») рекламные объявления товаров публиковались достаточно регулярно (в каждом выпуске – каждом втором номере в среднем по два-шесть объявлений), в то время как

---

* Клинова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Россия; klinowa.m@yandex.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00216 А: «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ».

в анализируемых изданиях северо-западных и восточных регионов РСФСР (областные газеты «Красный Север», «Советский Сахалин») количество рекламных объявлений было минимальным – в среднем от одного до трех объявлений в десяти выпусках газеты. Промежуточное положение по объему рекламы занимало уральское издание – «Уральский рабочий» (рекламные объявления публиковались в каждом третьем – четвертом выпуске газеты по два-четыре объявления в номере).

В большей части газетных рекламных объявлений покупателям предлагались непродовольственные товары. Объявления, как правило, представляли собой список наименований изделий, имеющийся в магазине (на складе). Перечень изделий включал в себя самые различные товары. В газете «Восточно-Сибирская правда» сообщалось, что «Байкалзолотопродснаб» имеет в продаже продпротмтовары галоши, сети и грибы соленые¹. В газете «Красный Север» сообщалось о промтоварных магазинах, где покупатели могут приобрести: «мебель, гармошки, зеркала, валенки, гуталин, свечи, лыжи»². Большая часть продукции, рекламируемой на страницах газет первых послевоенных лет, была представлена не дорогими хозяйственными товарами и изделиями ширпотреба. Хотя в некоторых изданиях фиксировались объявления о продаже более дорогих изделий: ювелирной продукции, часов (в основном такие объявления были представлены в областных изданиях Урало-Сибирского региона).

Характерной чертой послевоенной газетной рекламы являлось наличие предложений о продаже населению товаров бывших в употреблении: фрез, токарных резцов, изношенной киноплёнки³, а также о скупке у граждан поношенных вещей. В газете «Красный Север» 1946 г. читаем: «... открыты скупочные пункты поношенной обуви, которая после реставрации в сапожных артелях поступает в продажу населению»⁴. На страницах областных изданий фиксировались и объявления о пунктах приема от населения и организаций утильсырья и промоотходов (кости, старого тряпья, бумаги, резиновых галош, лома черных и цветных металлов, щетины, конского волоса, грампластинок)⁵. Отдельные объявления сопровождалась иллюстрациями принимаемого утиля⁶. Публиковались в областных газетах и объявления, отражающие практики сдачи гражданами одних товаров в обмен на другие. Газета «Советский Сахалин» сообщала: «Столовые №№ 3, 6, 7, 8 принимают от всех граждан на отоваривание овощи и картофель. За каждые сданные 15 килограммов капусты или картофеля отоваривают один килограмм ваты или один метр х/б ткани. За 20 килограммов сданной капусты или картофеля отоваривают один килограмм белой шерсти высшего качества»⁷.

¹ Восточно-Сибирская правда. 1948. 20 ноября.

² Красный Север. 1946. 15 декабря.

³ Восточно-Сибирская правда. 1948. 2 октября; Советская Сибирь. 1949. 15 июня.

⁴ Скупочные пункты // Красный Север. 1946. 15 декабря.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1948. 29 октября; 26 ноября; 1949. 2 ноября; Советский Сахалин. 1947. 24 июня.

⁶ Там же. 19 ноября.

⁷ Советский Сахалин. 1947. 5 марта.

Ассортимент рекламируемых продовольственных товаров включал в себя: квашенную капусту, предлагаемую ОРСами трестов и заводов¹; соленые грибы²; белково-жировой концентрат в сухом виде, «пригодный для обогащения первых и вторых блюд белками и жирами»³; витамины⁴, соевый соус⁵, рыбные консервы и соленую рыбу⁶, кофе, «изготовленный из злаков и натурального кофе»⁷. Торгующим организациям предлагалось приобрести хлебный квас⁸; «фруктовые и томатные соки, фруктовые соусы и пюре, фруктовые маринады (виноград) и сиропы»⁹, молотый кофе¹⁰, Большая часть объявлений продовольственных товаров фиксировалась в анализируемых областных газетах Урала и Сибири.

В период 1948–1949 гг. количество газетных объявлений рекламного характера возрастает. Увеличивается количество объявлений о продаже населению ювелирных изделий и часов¹¹. Данная тенденция была более выражена в газетах Урало-Сибирского региона РСФСР, в то время как в изданиях северо-западных областей республики и газете «Советский Сахалин» количество рекламных объявлений увеличилось незначительно.

В дни, предшествующие праздникам (1 мая, 7 ноября, Новый год), на страницах газет фиксировалось увеличение количества объявлений продовольственных товаров. Зачастую информация объявлений ограничивалась указанием на то, что на базарах «будет обеспечен широкой сбыт сельскохозяйственных продуктов»¹², вследствие участия «колхозов, колхозников и единоличников»¹³. В текстах некоторых объявлений приводился перечень товаров, предлагаемых покупателям в магазинах в предпраздничные дни. Так, например, газета «Красный Север» сообщала, что «В магазинах <...> „Особгастроном“ имеются в продаже: набор детских новогодних праздничных подарков по цене от 40 до 100 рублей. Праздничные посылки для встречи „Нового года“ по цене от 140 идо 650 руб.»¹⁴. В объявлении на страницах газеты «Советская Сибирь» сообщалось, что: «новосибирский „Пищеторг“ имеет в продаже: «рыбу соленую, копченую, свежую, жиры животные и растительные, сыры, бакалейные товары, <...> кондитерские изделия»¹⁵. Газета «Уральский рабочий» информировала граждан о наличии в магазинах: «мандарин, маринадов, плодовоовощных и фруктовых консервов,

¹ Восточно-Сибирская правда. 1946. 21 апреля.

² Там же. 1948. 20 ноября.

³ Там же. 1946. 5 июля.

⁴ Советская Сибирь. 1949. 16 августа.

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1949. 18 сентября.

⁶ Там же. 20 сентября.

⁷ Там же. 31 декабря.

⁸ Уральский рабочий. 1946. 10 августа.

⁹ Советская Сибирь. 1949. 15 февраля.

¹⁰ Там же. 1947. 15 января.

¹¹ Там же. 1949. 15 января; 1 июня; Уральский рабочий. 1948. 6 января.

¹² Уральский рабочий. 1949. 30 декабря.

¹³ Восточно-Сибирская правда. 1947. 29 апреля; Красный Север. 1947. 1 ноября.

¹⁴ Красный Север. 1946. 28 декабря.

¹⁵ Советская Сибирь. 1949. 27 декабря.

сахара, кондитерских изделий»¹. Объявления, в которых рекламировались праздничные товары, значительно чаще публиковались на страницах уральских и сибирских газет.

В целом газетный рекламный дискурс второй половины 1940-х гг. отражал реалии послевоенного социально-экономического развития страны. Объявления о покупке и продаже торговыми организациями товаров, бывших в употреблении и скупке утиля, маркировали специфику послевоенной советской городской повседневности, типичным явлением для которой были узкий ассортимент товаров и дефицит даже необходимых продуктов и вещей. Рекламируемый ассортимент товаров и количество публикуемых рекламных сюжетов, отличались неравноценностью, фиксируемой в региональном и хронологическом разрезе. В Урало-Сибирском регионе, где преобладало городское население, ассортимент предоставляемых гражданам товаров и услуг был значительно шире, отражая как относительно высокий уровень развития торговли и сферы обслуживания в регионе, так и покупательную способность горожан. В силу объективных причин в северо-западных областях РСФСР данные показатели были ниже, как и на территории Сахалина. В хронологическом разрезе количественное увеличение рекламных сюжетов на страницах анализируемых газет фиксируется в конце 1940-х гг., иллюстрируя положительную динамику послевоенного восстановления страны.

Библиографический список

1. *Волынцев В. А.* Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее влияние на уровень жизни населения страны : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 175 с.
2. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
3. *Мамяченков В. Н.* Жилищное строительство в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) как важный фактор социальной политики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. II Емельяновские чтения. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 166–168.
4. *Молодчик А. В.* Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 322 с.
5. *Сальникова Е. В.* Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х гг. Визуальные образы, герои, сюжеты. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 480 с.
6. *Сохань И. В.* «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи // Человек. 2012. № 6. С. 139–153.
7. *Хлынина Т. П.* Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–68.

¹ Уральский рабочий. 1947. 26 декабря.

M. A. Klinova

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Ural State University of Economics, (Russia, Ekaterinburg).

**STANDARDS OF MATERIAL CONSUMPTION IN THE SOVIET
NEWSPAPER INDUSTRY ADVERTISING IN THE SECOND HALF OF
THE 1940S**

The paper analyses newspaper advertising in the second half of the 1940s. The paper identifies typical stories and reveals dynamics of their demand in the post-war period. The paper also identifies territorial specific of advertising discourse. The paper concludes that advertising in newspapers of the post-war years generally reflected the low standard of living of citizens.

Keywords: advertising, post-war period, consumption standards.

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ ЮГРЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ¹

В публикации раскрывается история участия остяко-вогульских органов юстиции в уголовно-правовых кампаниях советского государства в годы Великой Отечественной войны. Также показана организация судебной деятельности по уголовным делам. Выявляется специфика деятельности репрессивных органов в изолированном регионе РСФСР.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский окружной суд, Ханты-Мансийская окружная прокуратура, уголовно-правовая кампания, контрреволюционная агитация, трудовые преступления.

В годы Великой Отечественной войны органы юстиции должны были сыграть важную роль как инструмент воздействия на население. В 1941–1942 гг. в СССР происходил новый подъем массовых репрессий. Работники юстиции также были вовлечены в процесс. С 1943 г. начался спад репрессивных кампаний. Несмотря на вовлеченность в общесоветские процессы правоохранительные органы в изолированных районах развивались в специфической форме.

В 1941–1942 гг. в СССР произошел резкий рост приговоров по делам о контрреволюционных преступлениях. В Ханты-Мансийском округе (ХМАО) в 1941 г. с санкции окрпрокурора было арестовано 24 председателя колхоза, 8 членов правления колхоза, 6 бригадиров, 13 заведующих молочных ферм. Они обвинялись в невыполнении заготовок, контрреволюционных преступлениях и т. д. По-прежнему большинство политических дел рассматривал окружной суд. Ближайшие органы военной юстиции располагались в Омске. К ним поступали редкие дела по статьям УК, кроме дел о контрреволюционной агитации и контрреволюционного саботажа².

В 1942 г. Наркомат Юстиции (НКЮ) РСФСР проверял органы юстиции ХМАО. Подводя итог проверяющие отмечали что окружной суд проводил правильную карательную политику. Немногочисленные мягкие приговоры окрсуда и народных судов неизменно отменялись. Несколько приговоров

---

* Кодинцев Александр Яковлевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия; Balsak1@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. Грант № 18–49–860012 «Формирование и развитие судебной системы ХМАО в 1930-е – 1950-е гг.».

² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 589. Л. 11.

к 7 годам лишения свободы получили лица привлекавшийся по статье 58-10 УК. Вышестоящие инстанции требовали только расстрельные приговоры.

По ряду дел выносились не самые суровые приговоры. Гражданин Киселев растратил 6 214 рублей (Микояновский район) был осужден только на 3 года лишения свободы. Бусланов растратил 5 225 рублей (Сургутский район), осужден на 3 года. В свою очередь за неуплату военного налога крестьяне осуждались на 7 лет лишения свободы и т. д. Прокуратура почти перестала осуществлять судебный надзор. Опротестовала только 9 % приговоров окрсуда во 2-м полугодии 1941 г., 11 % – в 1-м полугодии 1942 г.¹

В 1941 г. в народные суды округа поступило 2 653 дел (1 246 по указу 26-6), рассмотрено 2 660 (1 237 по указу 26-6). Было осуждено 2 026 человек (882 по указу 26-6), оправдано 497 (298 по указу 26-6) человек².

Для ХМАО, зависящего от привоза продуктов, жизненно важным были преступления, связанные с карточной системой и продуктами питания. Заведующий МТФ Ханты-Мансийска Н. Г. Азарков и завхоз М. Ф. Парфенов в 4-м квартале 1942 г. растратили тысячи килограмм картофеля, много литров молока, поросят, яиц, сала, овощей и прочей продукции. Азарков по закону 7-8 был приговорен к расстрелу, Парфенов – к 10 годам лишения свободы.

Заведующий торговделом Самаровского рыбкоопа Леонтьев без ограничения отпускал продукты питания в Самаровский аэропорт. Заведующий столовой Черепанов, начальник аэропорта Максимов, бухгалтер Козлов расхитили много сотен килограммов мяса, рыбы, хлеба, папирос и т. д. Они были осуждены на сроки от 2 до 8 лет. Окрсуд приговор в отношении трех из 5 участников отменил. Но окрпрокуратура приговор за мягкостью отменила и направила дело в ВС РСФСР³.

Вообще меры репрессий существенно ужесточились. Например, если в 1940 г. за невыполнение рыбодобычи, хищение или порчи рыбы к уголовной ответственности было привлечено 6 человек, в 1941 г. – 75 человек, в 1942 г. – уже 89 человек, в 1943 г. – 56 человек. За «плохое отношение к скоту» в округе в 1942 г. к уголовной ответственности было привлечено 89 человек, в том числе 5 председателей колхозов (в 1943 г. – 8). Например, председатель Каменского колхоза Микояновского района Черепанов и ветфельдшер Райзо Суднишников из-за бескормицы выбраковали и приказали забить 350 коров (?!). Черепанов был осужден на 10 лет лишения свободы. Председатель Коневского колхоза Самаровского района Шашков, животновод Конев, член правления колхоза Конев расхищали корма, держали скот в необорудованных помещениях. В итоге пало 288 голов крупного рогатого скота. Все трое были приговорены к расстрелу.

В годы войны количество растрат и хищений соцсобственности уменьшалось. Так, суммы растрат уменьшились с 820 000 рублей в 1940 г.

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3340. Л. 156–161.

² ИАОО. Ф. 1825. Оп. 2. Д. 4. Л. 74–81.

³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 727. Л. 3, 4, 19.

до 569 000 рублей в 1942 г. При этом число привлеченных к суду лиц резко выросло с 251 до 468 человек. То есть стали привлекать работников, совершивших мелкие преступления, а также появившиеся крупные преступные группы. Титов, продавец Салымского сельпо, растратил более 10 000 рублей и, чтобы скрыть преступление, поджег магазин. По закону 7-8 приговорен к расстрелу. Водитель катера Березовского рыбзавода Хлестов похитил 417 кг овса и тоже был приговорен к расстрелу.

Быстро росло число привлеченных за спекуляции, за уклонение от мобилизации на лесозаготовки и пр. Борясь со спекуляцией, суды осуждали людей на длительные сроки лишения свободы за продажу пачки чая, за продажу пары сапог. В 1942 г. из числа обжалованных в окрсуд приговоров, 38,5 % было отменено или пересмотрено¹.

В годы войны на первом месте оставалась реализация указа 26-6 (указ от 26.06.1940 о трудовых преступлениях). Начало войны заставило государство несколько скорректировать политику по указу 26-6. Общей тенденцией стало ужесточение судебной практики. Расширяется сфера применения трудовых преступлений и количество осужденных растет. Второй прогул приравнивается к самовольному уходу, большинство уголовных дел касающихся оборонных предприятий передается в областные суды, трудовые преступления рассматриваются при закрытых дверях, отказ от перехода на другую работу квалифицируется как самовольный уход, за прогул или уход с работы колхозников работавших на основании договоров на заводах осуждали по указу². На отдельных предприятиях уголовная ответственность была более суровой. В конечном счете на военных предприятиях вводится 26.12.1941 повышенная уголовная ответственность, самовольный прогул приравнивается к дезертирству [1, с. 80; 2, с. 29; 3, с. 30; 4, с. 108, 110–111, 113, 118; 5, с. 142, 151].

Несмотря на препятствия со стороны судебных органов, осужденные пытались обжаловать приговоры по трудовым преступлениям. Часто лицам, надевшимся на пересмотр своих решений, приходилось разочаровываться. Например, 3 ноября 1943 г. Кондинский нарсуд приговорил Коркину (ч. 1 ст. 5 Указа 26-6) к 4 месяцам тюрьмы. В декабре 1943 г. дело поступило в окрсуд на пересмотр. 20 апреля 1944 г. окрсуд дело пересмотрел и переквалифицировал на ч. 2 ст. 5 Указа, то есть на 6 месяцев исправительно-трудовых работ уже после того как Коркина отбыла срок³.

В 1943 г. в окрсуд поступило на кассационный пересмотр 341 уголовное дело. В силе было оставлено только 161 дело (47,2 %). Дела в целом рассматривались в срок, за исключением дел по 58 статье. Уголовных дел по 1 инстанции (58-10) поступило только 21. Отдельные заключенные ждали полтора года приговора суда. В Ларьякском районе было создано

¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 641. Л. 5; Д. 727. Л. 3–8, 15, 20.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-903. Оп.2. Д. 1. Л. 35; Ф. Р-9492. Оп. 1а. Д. 126. Л. 239.

³ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 801. Л. 40.

два групповых дела по статье 58-10 УК, арестовано 9 человек. Они ждали приговора больше года, двое заключенных умерли в камере предварительного заключения. В 1-м полугодии 1944 г. поступило уже 52 контрреволюционных дела¹.

С января 1943 г. по 1 мая 1944 г. за разбазаривание и расхищение продуктов и промтоваров в суды округа поступило 89 уголовных дел, по которым было привлечено 128 человек, за злоупотребление продовольственными карточками дела на 25 человек, за спекуляцию – на 14 человек. Бухгалтер Окружного торговдела Кулливарова украла 525 карточек на продукты питания. Осуждена на 10 лет лишения свободы. В Сургуте была арестована группа из 8 человек (во главе с председателем рыбкооп), организовавшая систематическое разбазаривание товаров. Исползованные карточки не уничтожались, а вновь пускались в торговую сеть. Группа похитила более 302 000 руб. 1–5 апреля 1944 г. окружной суд рассматривал это дело с участием нескольких прокуроров и адвокатов. 4 человека было осуждено по указу 7-8 к 10 годам лишения свободы, остальные к меньшим срокам.

Оксуд продолжал приговаривать виновных к расстрелу, но ВС РСФСР по таким делам почти всегда заменял меру наказания на 10 лет лишения свободы. Как в случае с грузчиками Михайловым и Алесевым, укравшим 5 мешков муки и приговоренных оксудом к расстрелу². В 1945 г. преданы суду по постановлению 7-8 («хищения в гос./кооп. организациях») 45 человек, за саботаж и срыв рыбодобычи – 27 человек (в том числе по ст. 58-14 УК). В случае с рыбодобычей особо подчеркивалось кулацкое происхождение саботажников³.

В 1945 г. следователи округа расследовали 176 дел (поступило 197), а в суд было направлено только 115. Для примера: органы милиции расследовали и передали в суды 372 дела. Председатели колхозов по-прежнему находились под пристальным вниманием правоохранительных органов. Невыполнение планов вело к уголовной ответственности. В 1940-е гг. в СССР каждый год репрессировались сотни председателей колхозов. ХМАО не стал исключением. Например, председатель колхоза «Красная поляна» Попов Аркадий Николаевич (Кондинский район), по данным следствия, не готовился к севу и уборке, затянул уборку, затянул сдачу зерна государству. Как типичный председатель, Попов авансировал колхозников (чтобы не умерли от голода). После ареста председателя дело расследовалось быстро. В конце 1945 г. Кондинский районный суд приговорил его по ст. 109 УК к 10 годам лишения свободы («десятка» на жаргоне уголовников)⁴.

Статистика рассмотренных дел в годы войны была неполной. В 1941 г. только народные суды ХМАО и ЯНАО осудили 2 604 человек, в 1943 г. – 2332. Соответственно, было оправдано 373 и 230 человек, прекращены дела на 437

¹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 801. Л. 26–39.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Д. 907. Л. 1, 30–36.

⁴ Там же. Д. 867. Л. 10–12.

и 235 человек, осуждено до 2 лет – 1 063 и 807 человек. К исправительно-трудовым работам приговорено 701 и 600 человек. Количество осужденных по профессиональному происхождению распределялось почти равномерно: по 30 % на рабочих, служащих и крестьян. Обращает внимание большой процент осужденных рабочих при их низком удельном весе в неиндустриальном регионе. Это были лица, осужденные по указу 26-6. Доля их росла. Соответственно росла доля осужденных в городских поселениях, с 23,4 % в 1941 г. до 38,5 % в 1945 г. – 10 % от числа осужденных составляли «нетрудовой элемент». Число осужденных до 16 лет колебалось от 33 человек в 1941 г. до 105 в 1943 г.¹

В 1942 г. в ХМАО поступило 1 795 уголовных дел (904 по указу 26-6), рассмотрено 1 827 (888 по указу 26-6). Было рассмотрено 60 уголовных дел по указу по 15.05.1942. Было осуждено 1 594 человека, оправдано 218. По указу 26-6 было 691 осужденных, 121 оправдано².

В 1943 г. в нарсуды округа поступило 1 711 уголовных дел, а всего было рассмотрено 1 740 дел (1 243 гражданина осуждено, 281 оправдано). 920 дел по указу 26-6. Было осуждено 703 гражданина, 207 оправдано. Трудовые преступления, совершенные колхозниками, составляли только 54 дела³.

В 1944 г. за 9 месяцев окрсуд рассмотрел 81 дело о контрреволюционных преступлениях, 61 из них с нарушением срока (некоторые из них больше года)⁴. За 11 месяцев 1944 г. на кассационный пересмотр в окрсуд поступило 272 дела, в силе было оставлено 158 (58 %). В 1945 г. в окрсуд поступило 212 дел на пересмотр. В силе было оставлено только 129 (60,8 %). Наихудшие показатели по осуждению граждан показывал Кондинский район. Лучшие были в Березовском районе⁵.

По данным окружной прокуратуры, в 1942 г. в суды округа было направлено 517 уголовных (следственных) дел (в 1940 г. – 1180 дел, в 1943 г. – 596 дел, в 1944 г. – 549 дел, в 1945 г. – 500 дел). Поначалу первое место занимали преступления, связанные с растратами и хищениями (196 в 1942 г.). Причем число таких преступлений почти не снижалось и составляло в 1945 г. 206 случаев. Удалось сбить и уменьшить количество спекуляций, обмериваний и обвешиваний, убийства. Важную роль играли преступления, связанные с военной политикой государства. Например, в год рассматривалось более 70 дел по разбазариванию промышленных и продовольственных товаров (по постановлению ГКО от 22.01.1943). Резко росло количество дел, связанных с хулиганством и должностными правонарушениями. Впрочем, эта статистика неполная⁶.

Целый ряд кампаний прошли почти мимо округа. Из-за небольшого количества колхозов, промышленности структура репрессий оставалась почти такой же, как и в довоенные годы. Количество преступлений по гужевой

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 2. Л. 7; Д. 3. Л. 7; Д. 5. Л. 7.

² ИАОО. Ф. 1825. Оп. 2. Д. 8. Л. 52–59.

³ Там же. Д. 10. Л. 61–70.

⁴ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 801. Л. 23.

⁵ Там же. Д. 907. Л. 43–45.

⁶ Там же. Д. 641. Л. 5; Д. 907. Л. 1, 30–38.

повинности на лесозаготовках, трудовым преступлениям в колхозах, трудовым преступлениям на военных предприятиях, нарушении правил мобилизации в округе оставалось небольшим.

Библиографический список

1. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. М.: Юрид. Изд-во НКЮД СССР, 1942. 144 с.
2. Официальный отдел // Социалистическая Законность. 1941. № 1–2.
3. Официальный отдел // Социалистическая Законность. 1941. № 3–4.
4. Советское право в период Великой Отечественной войны. Уголовное право. Уголовный процесс. Ч. 2. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 215 с.
5. Справочник народного судьи. М.: Юрид. лит. 1946. 719 с.

A.Ya. Kodintsev

Doctor of Sciences (Law), Professor, Associate Professor, Northwest Institute (branch) All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

JUDICIAL ACTIVITY OF THE JUSTICE BODIES OF UGRA IN WARTIME CONDITIONS

The paper analyses history of participation of the Ostyako-Vogul justice bodies in the criminal law campaigns of the Soviet state during the Great Patriotic war. The paper also shows organization of judicial activity in criminal cases. The paper reveals specifics of the work of repressive bodies in an isolated region of the RSFSR.

Keywords: Khanty-Mansiysk District Court, Khanty-Mansiysk District Prosecutor's Office, criminal law campaign, counter-revolutionary agitation, labor crimes.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье анализируются изменения в структуре населения Урала, произошедшие в годы Великой Отечественной войны. На основе материалов ЦСУ СССР и местных органов статистики исследованы параметры количества жителей Уральского региона, их динамика, формирование и состав городского и сельского населения. Выявлены основные тенденции и факторы их трансформации. Показан рост городов и их населения, резкое сокращение селян, происходившее в условиях технологического рывка в военно-промышленном комплексе региона, приведшего к завершению урбанистического перехода.

Ключевые слова: городское и сельское население, Урал, динамика численности населения, демографическая структура.

Одна из дискутируемых проблем в российской и зарубежной историографии состоит в определении людских потерь России в Великой Отечественной войне. Не останавливаясь на спорах историков (он дан в ряде научных публикаций [1]), проанализируем основные параметры количества населения в региональном разрезе и изменения его состава. Сведения об Уральском регионе сосредоточены в фондах ЦСУ СССР, областных и республиканских органов статистики населения, содержащих текущий учет населения.

Цель статьи – на основе выявленных источников историко-демографического характера выявить особенности формирования населения Урала и изменение демографических структур в условиях войны.

В годы Великой Отечественной войны произошло резкое изменение демографического развития региона, несмотря на то, что это был глубоко тыловой регион. Существенное влияние оказали вынужденные массовые миграции (воинские мобилизации, эвакуация и реэвакуация), которые деформировали половозрастную структуру (резкое преобладание женщин над мужчинами), и увеличение смертности (в условиях концентрации населения в городах). Временный или окончательный разрыв семейно-брачных отношений среди уральцев и прибывшего населения привели к резкому снижению рождаемости в регионе.

---

* Корнилов Геннадий Егорович – доктор исторических наук, заведующий Центром экономической истории ФГБУН «Институт истории и археологии УрО РАН», г. Екатеринбург, Россия; e-mail: genakorn@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX – начале XXI вв.: региональный аспект».

Динамика численности населения является результирующей основных тенденций воспроизводства и миграционного движения (см. табл. 1).

Таблица 1

Население Урала в 1941–1945 гг. (оценка ЦСУ СССР, тыс. человек)**

Дата	Все население	Городское	Сельское
1 января 1941 г.	13 972,4	5 236,3	8 736,1
1 января 1943 г.	15 361,5	6 611,4	8 750,1
1 мая 1945 г.	12 894,5	6 360,2	6 534,3

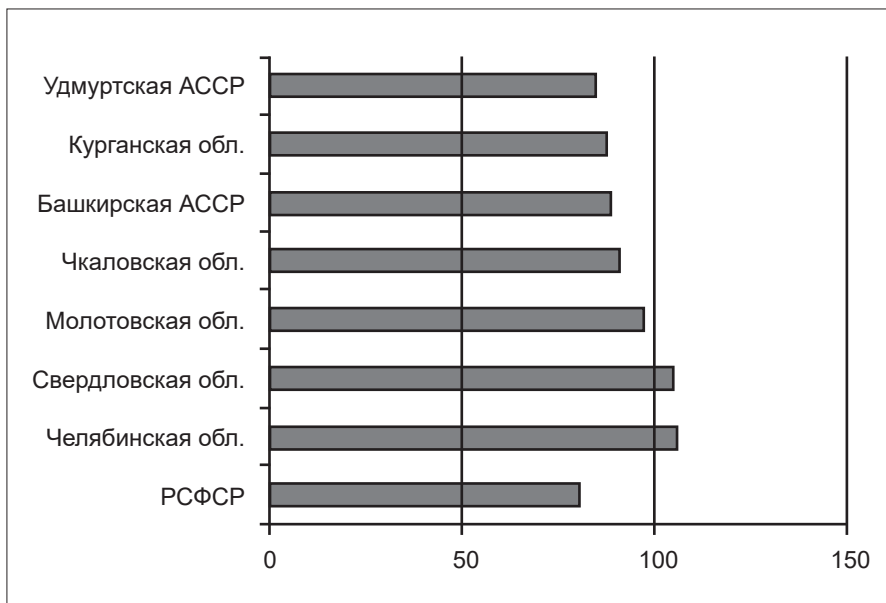
* В границах Башкирской и Удмуртской АССР, Курганской, Молотовской (Пермской), Свердловской, Челябинской и Чкаловской (Оренбургской) областей по административно-территориальному делению.

** Составлено по: 2, с. 22; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 120, 121.

Из данных табл. 1 следует, что за военные годы численность населения региона сократилась на 7,7%. В данном случае подобная картина наблюдалась во всех без исключения тыловых регионах России. Однако развитие военно-промышленного комплекса, эвакуация людских масс в первый период войны обусловили существенный прирост населения, к началу 1943 г. на Урале проживало на 9,9 % больше, чем в 1941 г. При этом рост населения происходил в условиях воинских мобилизаций, отрицательного естественного прироста (начался весной 1942 г.). За 1943–1945 гг. население региона подверглось существенному сокращению (на 16,1 %). Основными факторами были отрицательный естественный прирост населения (он продолжался до 1945 г.) и реэвакуация гражданского населения на свою родину.

Однако на Урале проявлялись ярко выраженные внутри региональные различия демографического развития. Во-первых, размеры общего сокращения населения были различны. Если в Башкирии и Удмуртии население сократилось на 18,4 и 16,1 % соответственно, то уменьшение населения в Молотовской, Челябинской (вместе с Курганской) и Чкаловской областях составляло от 5,7 до 7,1 %. Единственная область, где население выросло за это время, оказалась Свердловская (рост 6,5 %). Это связано с индустриальным развитием области, здесь было произведено 40 % военной продукции региона [3, с. 223]. Квалифицированные рабочие оборонных предприятий не призывались на фронт, они получали бронь (см. рис. 1).

Во-вторых, приток эвакуированных на Урал в первый военный год полностью компенсировал убыль населения и даже привел к увеличению его численности [4, с. 116]. Наибольший рост населения произошел за 1941–1942 гг. в Свердловской (на 22,1 %), Челябинской (на 19,3 %), Чкаловской областях (на 16,8 %). В 1942 г. рост наблюдался в Молотовской области (на 1 %), а в Удмуртии – сокращение на 13,2 %. В 1944 г. произошло самое крупное за военные годы уменьшение численности населения: в Курганской области падение составило 18,2 %, в Чкаловской – 11,4 %, в Свердловской – 8,4 %. В первой половине 1945 г. на всех территориях региона шел процесс

Рис. 1. Все население Урала 1945 г. к 1941 г., в %*

* Составлено по данным таблицы 1.

его дальнейшего сокращения, особенно в Башкирии (7,8 %) и Молотовской области (5,7 %).

На динамику численности жителей Урала в условиях войны безусловно влияли демографические процессы в городах и на селе. Увеличение населения городских поселений произошло повсеместно, особенно в Свердловской (на 24,6 %), Челябинской (на 26,2 %) и Молотовской (на 19 %) областях (см. рис. 2). При сужении естественного воспроизводства оно формировалось за счет механического прироста. Если в 1941–1942 гг. в городскую среду наиболее интенсивно вливались эвакуанты, то в 1943–1945 гг. им на смену пришли местные сельяне (за эти годы фиксировалось даже сокращение горожан на 3,8 %). В основе лежал приток сельян в города для работы в промышленности, на стройках, на транспорте, большое значение приобрели трудовые мобилизации рабочей силы из колхозов. В годы войны более половины вовлеченных в промышленное производство составляли сельские жители. Это свидетельствовало, что людской потенциал уральских городов был исчерпан. Новый технологический рывок в военно-промышленном комплексе с активным освоением сырьевых ресурсов привел уже в военных условиях к завершению урбанистического перехода. Удельный вес городского населения в конце войны составил на Урале 49,3 % (в РСФСР он достиг 39,7 %). В трех промышленно развитых Свердловской, Челябинской и Молотовской областях доля горожан составляла соответственно 71,2, 73,1 и 54,1 %.

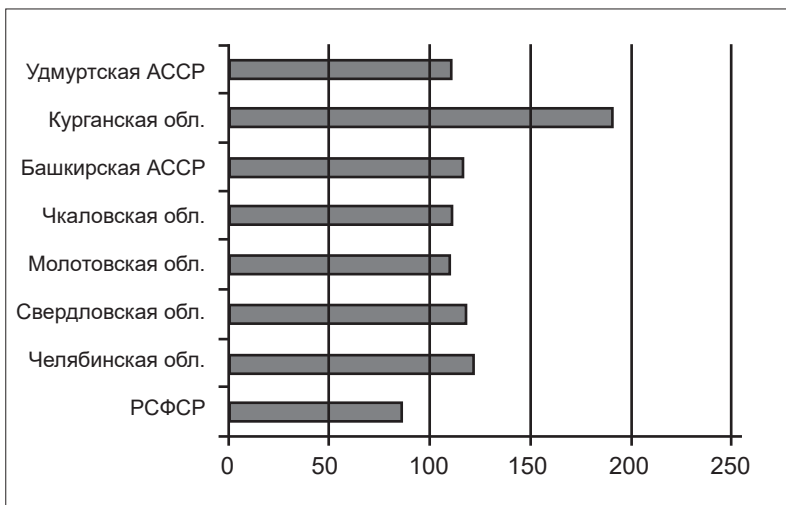

Рис. 2. Городское население Урала 1945 г. к 1941 г., в %*

* Составлено по данным таблицы 1.

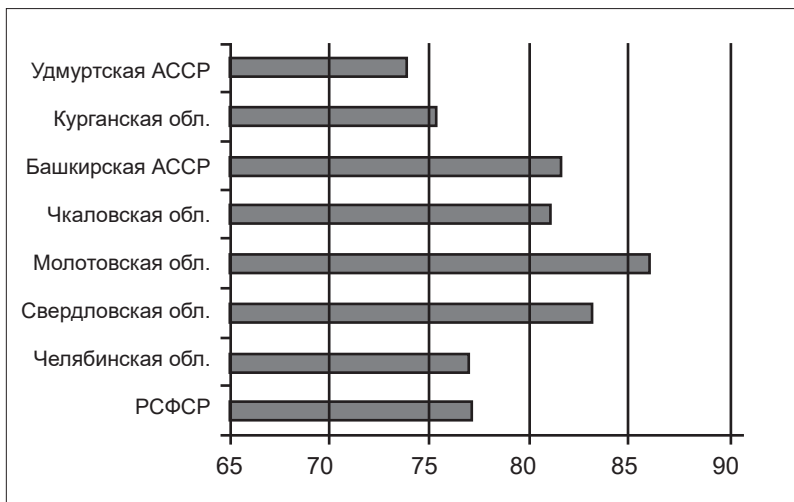

Рис. 3. Сельское население Урала 1945 г. к 1941 г., в %*

* Составлено по данным таблицы 1.

Если в городских поселениях Урала в годы войны соотношение причин и факторов, воздействующих на изменение численности населения, обеспечивало прирост населения, то в сельской местности, напротив, обусловило снижение числа жителей. В целом за военные годы численность сельского населения уменьшилось на 25,2 %, что в абсолютном выражении составило 2201,8

тыс. чел. Наибольшие размеры сокращения сельского населения были зафиксированы в Челябинской и Курганской областях (до февраля 1943 г. находились в составе одной области) на 32,8 %, на 27,0 % – в Удмуртии, на 26,8 % – в Башкирии, на 24,9 % – в Молоотовской, на 21,8 % – в Свердловской, на 14,1 % – в Оренбургской (см. рис. 3).

Темпы сокращения населения сельской местности были связаны с военной обстановкой на фронте, с социально-экономической ситуацией, которая складывалась на различных этапах войны и в различных регионах. Урбанизация и мобилизации в армию оказывали решающее влияние на жизнь деревни и демографическую сферу. Данные по Уральскому региону свидетельствуют, что Великая Отечественная война привела к значительному изъятию людских масс, изменению демографических структур и, как следствие, к колоссальному перенапряжению и истощению демографической подсистемы регионального социума.

Библиографический список

1. Жиромская В. Б., Исупов В. А., Корнилов Г. Е. Население России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2019. № 3. С. 3–17.
2. Корнилов Г. Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.
3. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 336 с.
4. Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 112–121.

G. E. Kornilov

Doctor of Sciences (History), Head of the Center for Economic History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

STRUCTURAL CHANGES IN THE POPULATION OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses changes in population structure of the Urals that occurred during the Great Patriotic war. Based on the materials of the Central Statistical office of the USSR and local statistical bodies, the paper examines parameters of the number of inhabitants of the Ural region, their dynamics, formation and composition of the urban and rural population. The paper reveals the main trends and factors of their transformation. The paper also shows growth of cities and their population, sharp reduction of villagers that occurred in the conditions of a technological breakthrough in the military-industrial complex of the region, which led to completion of the urban transition.

Keywords: urban and rural population, the Urals, population dynamics, demographic structure.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ: СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

В статье рассматриваются прямые и отдаленные последствия Великой Отечественной войны, связанные с семейной структурой сельского населения и изменением семейно-брачного поведения. Война ускорила и деформировала процессы демографического перехода в сельской местности, способствуя созданию кризисной ситуации в деревне во второй половине XX в.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные потери, семья, семейно-брачное поведение, демографический переход.

Великая Отечественная война, наряду с Октябрьским переворотом и распадом СССР, была одним из центральных событий в истории России XX в. Не менее значимыми были и ее последствия, имевшие как прямые, так и отдаленные политические, экономические, социально-демографические результаты. Прямые социально-демографические последствия проявились уже в ходе войны и в послевоенное десятилетие (1940–1950-е гг.). Их обычно обозначают термином демографическая катастрофа, следствием которой стало изменение половозрастной и семейной структуры общества. Отдаленные результаты войны проявились в 1970–1980-е гг. и были связаны с изменением режима воспроизводства. 1960-е гг. в этой динамике занимают особое место и представляют собой поворотный момент, когда меняются социально-демографические тренды. К ним можно отнести кризис смертности, снижение детности на фоне общего роста рождаемости и распад традиционной семьи.

Наиболее ярко эти последствия проявили себя в сельской местности. По разным оценкам, величина человеческих потерь СССР в войне составила от 24,5–25 млн чел. [5] до 43,3 млн чел. [6, с. 64]. Причем пострадало прежде всего сельское население, поскольку оно составляло большинство и в ходе мобилизации служило источником комплектования рядового состава Красной/Советской армии. Помимо военных потерь, затронувших преимущественно мужчин в возрасте 18–45 лет, в годы войны наблюдалась повышенная смертность гражданского населения как в результате военных действий,

---

* Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; LN.Mazur@urfu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00592 «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований».

так и вследствие тяжелых условий жизни – болезней и недоедания, особенно гибельных для детей. Эти потери оставили неизгладимый след в памяти крестьян, переживших войну: «Из нашей деревни на войну ушли сорок человек. Остались подростки, старики, женщины, дети. Вернулись 9, из них два инвалида» [1, с. 183]; «У нас девочка меньшая умерла с голоду как отца взяли, маленькая, полтора годочка ей было. Голод был невыносимый» [7, с. 386]. За 1940–1945 гг. численность колхозников в РСФСР уменьшилась на 8,2 млн чел. (18,3 %), на Урале – на 20 %, в Западной Сибири – на 25 % [2, с. 80].

В результате массовой гибели мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, мобилизованных в первую очередь, семейный статус которых можно определить как неженатые или молодожены, выросла доля молодых женщин, овдовевших или не успевших создать семью. В послевоенные годы эта группа пополняется подростками невестами, которые не смогли найти жениха. Причины женского одиночества, помимо военных потерь, были связаны также с сельской миграцией, основными агентами которой в послевоенной деревне стали мужчины. Гендерный дисбаланс, сложившийся в деревенской среде в 1940–1950-е гг., получил образное название «бабье царство», подчеркивающее не только особенности гендерной структуры сельского населения, но и специфику трудовой занятости. В годы войны женщины были основной рабочей силой, стали занимать руководящие должности, что стимулировало процессы эмансипации, перестройку их сознания и формирование новой социальной идентичности в качестве главы семьи.

«Бабье царство» конструировало свои модели семейно-брачного поведения, ранее осуждаемые деревенским сообществом. Менялись представления о возрасте вступления в брак, возрастной разнице между мужем и женой, отношении к внебрачным связям и внебрачным детям: «Полно народили <...> Они [незамужние женщины] после войны родят, да именины делают <...> У нас приходил Семен, от него у пятерых были дети. Стань их осуждать – [они в ответ]. “Ха, вы, счастливые, до войны нарожали, а мы должны без детей жить” <...> У нас много было девок застарелых. У меня золовка двоих родила» [7, с. 391]. Внебрачные дети были характерным явлением не только в послевоенные годы: спустя 20 лет в сельской местности РСФСР внебрачная рождаемость составляла 14,5 % в общем числе рождений [3, с. 21].

Помимо женского одиночества как социальной проблемы, следует отметить и другую ее сторону – сиротство (полное и неполное). Дети войны рано выросли и становились самостоятельными, не пройдя стадию детства, фактически не имея опыта общения с родителями и полноценных семейных отношений. В дальнейшем эти модели семейного поведения переносились ими на собственных детей, что влияло на стабильность семьи.

Проявлением гендерного дисбаланса стало увеличение удельного веса неполных семей. Причем в послевоенные годы их доля росла не только в результате овдовения, но и за счет рождения внебрачных детей, с одной стороны, а с другой – миграции мужчин из деревни в поисках заработка.

Мужская миграция (стихийная и организованная) из сельской местности способствовала появлению нового типа семьи, в которой при наличии брачной пары глава семьи постоянно отсутствовал, т.е. фиктивной полной семьи. По подсчетам О. М. Вербицкой, на протяжении послевоенного периода от 6 до 10 % трудоспособных колхозников работали вне колхозов, на время отпусков возвращаясь в деревню для помощи семье на приусадебном участке [2, с. 88].

К демографическим последствиям войны относится дестабилизация семейной структуры, она разрушила многие браки, привела к росту разводов и объективно способствовала распаду больших семей, а также снижению детности. Основным типом становится семья из 3–4 чел. с 1–2 детьми. По переписи 1959 г. в среднем на одну сельскую семью в РСФСР приходилось 3,8 человека [2, с. 110].

1960-е гг. – это время, когда завершились восстановительные процессы и формируются новые демографические тренды, отражая общие закономерности демографического перехода. Вместе с тем они несли в себе «эхо» войны, т.е. искажения, связанные с отдаленным влиянием демографической катастрофы. Сельская местность, понесшая наибольшие демографические потери, первой ощутила на себе негативные тенденции завершающего этапа демографического перехода:

1) переход к малодетности и формирование режима суженного воспроизводства. Хотя уже в 1964 г. рождаемость в России упала ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения [3, с. 24], но в силу ряда причин, непосредственно связанных с военной катастрофой, отрицательный демографический баланс проявил себя только в 1990-е гг. В сельской местности режим суженного воспроизводства складывается в 1960-е гг.;

2) демографическое старение населения. В России этот процесс был растянутым и несколько раз приостанавливался, когда люди старших возрастов достигали поколения, родившиеся в годы демографических катастроф первой половины XX в. [3, с. 30]. В сельской местности наблюдается обратная картина: уже в 1960-е гг. здесь фиксируется постарение населения за счет оттока молодежи из деревни;

3) кризис смертности. С 1965 до 1980 г. в России наблюдается рост смертности среди взрослых и снижение ожидаемой продолжительности жизни. По мнению А. Г. Вишневого, Россия не пережила вторую эпидемиологическую революцию [3, с. 11]. Одна из причин роста смертности – старение населения;

4) специфическим явлением для сельской местности стала реструктуризация гендерного дисбаланса сельского населения в молодежных возрастных группах, связанного с появлением «дефицита невест» в результате изменений социального состава сельских мигрантов;

5) трансформация семейной структуры населения, для которой характерна нуклеаризация, высокая доля неполных семей и нестабильность семейных отношений;

6) феминизация семейных ролей, в том числе функций главы семьи. По наблюдениям Т. К. Щегловой, «война ускорила модернизацию деревенского сообщества, проявившуюся в том числе в пересмотре традиционных представлений о роли женщины в быту, производстве, общественно-политической жизни» [7, с. 374].

Отмеченные тенденции прослеживаются по материалам переписи населения 1959 г., а также подтверждаются данными бюджетных обследований колхозников: в 1963 г. среди семей колхозников, участвующих в бюджетном обследовании в Свердловской области, 43,5 % составили неполные семьи; 9,4 % одинокие (из них 90 % женщин в возрасте от 45 до 60 лет); 65 % – двухпоколенные семьи нуклеарного типа; 43,1 % семей возглавлялись женщинами (в 13,8 % случаев это были полные семьи, 86,2 % – неполные); 36,6 % семей не имели детей, 29,2 % имели 1 ребенка, 18,8 % – 2 детей, 16,8 % – 3 детей, 8,9 % – 4 и более детей. Средний возраст главы семьи составил 48,3 года¹.

Таким образом, Великая Отечественная война имела не только ближайшие социально-демографические последствия, но и отдаленные. К ним относятся формирование устойчивой структуры сельского населения, характеризующейся половозрастным дисбалансом, режима суженного воспроизводства, нового стандарта сельской семьи – преимущественно малодетной, нуклеарной и неполной.

Библиографический список

1. Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Изд-во «Ломоносов», 2011. 321 с.
2. Вербицкая О. М. Колхозное крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М.: Наука, 1992. 222 с.
3. Вишневецкий А. Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. № 2. С. 3–42.
4. Вишневецкий А. Г., Щур А. Е. Смертность и продолжительность жизни в России за полвека // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. Т. 5. № 2 (16). С. 10–22.
5. Максудов С. Потери населения СССР в годы Второй мировой войны // Население и общество. 1995. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps5.pdf> (дата обращения: 19.02.2020).
6. Соколов Б. В. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 9. No 1. P. 1–101.
7. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке: Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 527 с.

L. N. Mazur

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Chair of Documentary and Archival Studies and History of State Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3578–3585.

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND PEASANT FAMILY: SOCIO-DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES

The paper discusses direct and long-term consequences of the Great Patriotic War associated with military losses, formation of a displaced age and sex structure of the population, and the change in family and marriage behavior. The most significant changes occurred in the family structure of the rural population of Russia, which culminated in the formation of a negative reproduction regime. The war accelerated and distorted the processes of demographic transition, contributing to the creation of a crisis demographic situation in the village in the second half of the 20th century.

Keywords: World War II, war losses, family, marital behavior, demographic transition.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 ГОДА ОБ ОХРАНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Проанализирована борьба с хищениями государственной собственности в период 1941–1945 гг., связанная с расширенной трактовкой Закона от 7 августа 1932 г. Указаны социальные группы, в отношении которых принимались во внимание смягчающие обстоятельства. Сделан вывод, что в годы войны умышленная, организованная и рецидивная преступность в хозяйственной сфере не получила широкого распространения.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, хищения государственной собственности, Закон от 7 августа 1932 г.

По поводу Закона 7/8 существуют разноречивые оценки. Сторонники утверждают, что он обеспечил эффективную борьбу с хищениями и способствовал победе передовых методов хозяйствования. Противники называют его «узаконенным беззаконием» и предвестником социально-политических потрясений конца 1930-х гг. [1]. Содержание документа уместилось на полутора страницах и сводилось к уравниванию правового статуса государственной, колхозной и кооперативной собственности. В отношении расхитителей декларировалось применение смертной казни с конфискацией имущества. При наличии смягчающих обстоятельств предусматривалось лишение свободы на срок не ниже 10 лет. Если в довоенное время его применение уже подвергалось научному анализу [7–9], то в отношении периода войны этого сказать нельзя. Между тем суровые реалии 1941–1945 гг. заставили распространить предусмотренные им санкции на более широкий состав экономических преступлений.

Данная норма предназначалась для борьбы с хищениями, которые имели место: при перевозке или пересылке материальных ценностей; при перегоне скота в тыловые или освобожденные районы и подмене взрослого поголовья молодняком; при реализации нормированных продуктов и товаров,

---

* Пасс Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; pass_andrey@mail.ru
Усольцева Наталья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, профессиональной педагогики и психологии Южно-Уральского государственного аграрного университета, Челябинск, Россия; usolnatal@yandex.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)».

а также учете и распределении карточек среди населения; при «разбазаривании» государственных зерновых фондов и продовольственных запасов спецназначения по запискам начальствующих лиц; в случае присвоения остатка семян, образовавшегося вследствие преуменьшения норм высева, а также готового хлеба, полученного сверх установленных показателей припека; при совершении организованного группового подлога документов строгой отчетности; при учете и хранении военного, трофейного, бесхозного и выморочного имущества; при махинациях, связанных с выплатами пособий инвалидам Отечественной войны и семьям фронтовиков.

Судебные органы исходили из того, что убыток казна могла понести как по причине непосредственного присвоения ценностей, так и вследствие упущенной возможности увеличения фонда госсобственности, в частности из-за умышленного искажения данных для получения индивидуальных предпочтений, т. е. очковтирательства.

Секретный приказ Наркомюста СССР № 0127 от 26 августа 1942 г. требовал проводить карательную политику «беспощадно, жестко и целеустремленно». Эта установка выполнялась. Трибунал Оренбургской железной дороги в течение первого полугодия 1942 г. осудил за хищения 217 человек, из них 141 – подростки, среди которых две трети – дети до 12 лет. Перегибы объяснялись тем, что судьи панически боялись обвинений в либерализме и осуждали людей заочно, порой даже не заглядывая в дела [4, с. 338].

Чтобы завладение государственным и кооперативным имуществом подпало под Закон 7/8, оно должно было соответствовать ряду признаков. Во-первых, это организованность, подразумевавшая групповой характер. В годы войны 82 % посягательств на государственное или кооперативное имущество осуществлялось двумя и более лицами по предварительному сговору. Во-вторых, систематичность или неоднократность: 62 % краж были предприняты повторно, тем же способом и прежним составом участников. В-третьих, умысел при повреждении или уничтожении государственного имущества: он был усмотрен в 5 % возбужденных и расследованных дел. А вот размеры похищенного существенного значения не имели. Использование данной нормы в годы войны признавалось оправданным, если нанесенный урон превышал 10 тыс. руб. [5]. Высшую степень опасности представляла должностная растрата, поскольку служебное положение облегчало совершение преступления и помогало маскировать его последствия.

Степень наказания во многом определялась социальными характеристиками личности преступника. Смертную казнь и тюремное заключение свыше 10 лет не назначали: несовершеннолетним; фронтовикам, отмеченным наградами; инвалидам Отечественной войны; членам семей военнослужащих; престарелым; больным неизлечимыми заболеваниями; многодетным или имеющим на иждивении малолетних детей. Мог рассчитывать на снисхождение человек, который ранее безупречно трудился или играл в преступном сообществе подчиненную роль.

Что касается проштрафившихся руководителей разного ранга, особенно членов ВКП(б), то вопрос об их ответственности в первую очередь решали партийные органы. Если подозреваемый в воровстве, самоснабжении или взяточничестве человек обладал достаточно высоким общественным статусом или исключительной профессиональной квалификацией, имел какие-либо иные заслуги, то в отношении него дело ограничивалось выговором с занесением в учетную карточку. Именно такое «наказание» получил в апреле 1942 г. второй секретарь Курганского горкома Рогов за то, что из денег, поступивших от населения на приобретение теплых вещей для Красной Армии, на вечера и банкеты израсходовал 6 720 руб. 56 коп.¹

При решении проблемы возмещения ущерба объем компенсации устанавливался Постановлением ГКО от 22.01.1943 «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Любая недостача продуктов подлежала взысканию по рыночным ценам, а изделий ширпотреба – в пятикратном размере прејскурантов коммерческой торговли. Вопрос о компенсации осужденными материального ущерба разрешался при вынесении приговора независимо от предъявления гражданского иска [5, с. 352]. Однако в Челябинской области удавалось вернуть только каждый второй похищенный рубль².

В общем числе краж наиболее тяжкие, в отношении которых был применен Закон 7/8, составили 5 %.³ Они совершались в основном в торговой сети. Треть всех правонарушений касалась хищений в особо крупном размере [2, с. 96, 97]. Качество приговоров по указанной категории дел вызвало вопросы, что выражалось в их отмене, либо изменении в результате процедуры обжалования. По Челябинской области к началу 1944 г. эта цифра достигла 23 %⁴. Даже в столичном регионе, укомплектованном кадрами судебно-следственных работников гораздо лучше, чем периферия, в феврале 1943 г. Верховный Суд РСФСР по итогам проверки пересмотрел почти половину вынесенных вердиктов. Из 13 осужденных высшая мера наказания была оставлена только одному⁵.

Половозрастной и социальный состав осужденных по Закону 7/8 на начало 1946 г. представлен в таблицах № 1, 2 и 3 (без сведений о совершивших должностные растраты) [2, с. 136, 139]:

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 6. Д. 41. Л. 10, 11.

² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 20. Л. 419.

³ В отдельных регионах во второй половине 1944 г. этот показатель достигал 49 и даже 70 % (Молотовская область и Башкирская АССР). В Узбекской ССР систематические хищения госимущества приобрели такой размах, что Политбюро ЦК ВКП(б) 14 марта 1943 г. приняло специальное постановление об образовании чрезвычайной «тройки» в составе секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Юсупова, наркома внутренних дел УзССР А. З. Кобулова и прокурора УзССР Ф. А. Беляева, которую наделило правом во внесудебном порядке приговорить к расстрелу 50 наиболее злостных расхищителей, конфисковать их имущество и объявить приговор в местной печати от имени республиканской прокуратуры (6, с. 275; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 461. Оп. 8. Д. 417. Л. 101).

⁴ ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8. Д. 703. Л. 44.

⁵ Там же. Д. 437. Л. 2.

Таблица 1

Возраст	до 20 лет	до 30 лет	до 40 лет	до 50 лет	свыше 50 лет
% осужденных	4 %	20 %	22 %	35 %	19 %

Таблица 2

Пол	мужчины	женщины
% осужденных	77 %	23 %

Таблица 3

Социальное положение	должностные лица	колхозники	домохозяйки	лица без определенных занятий	профессиональные преступники	рабочие
% осужденных	62 %	12 %	10 %	7 %	6 %	3 %

В целом по стране динамика привлеченных к уголовной ответственности по Закону 7/8 за период войны¹ выражается в следующих цифрах (количество человек) [3, с. 158; 7, с. 56, 57]² (табл. 4).

Таблица 4

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего осужденных	837 141	771 675	867 465	823 347
В т. ч. по Закону 7/8	20 111 (2,4 %)	29 008 (3,7 %)	22 459 (2,5 %)	14 956 (1,8 %)
Из них приговорено к расстрелу	1 553 (7,7 %)	556 (1,9 %)	298 (1,3 %)	Нет данных

Большинство преступлений вскрывалось благодаря разветвленной сети осведомителей, которую создавали отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности Главного управления милиции НКВД СССР на предприятиях и в учреждениях. Если на 1 января 1942 г. их насчитывалось по стране 42 147 человек, то на 1 января 1945 г. уже 218 257 человек³. Среди

¹ Вторая половина 1941 г. не отражена в силу понятных причин, вследствие чего итоговые данные за год не репрезентативны.

² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 89. Л. 15; Д. 93. Л. 22.

³ Там же. Л. 9; Д. 92. Л. 3.

них имелись и так называемые квалифицированные агенты, которые подбирались из среды дельцов и спекулянтов. В 1944–1945 гг. от 21 до 25 % уголовных дел заводилось благодаря негласно добытым сведениям¹.

Таким образом, наращивание мобилизационных усилий в начале войны спровоцировало кризис жизнеобеспечения населения. Возникла питательная среда для таких разновидностей экономического криминала, которые с точки зрения властей, представляли повышенную опасность. Закон 7/8, первоначально инициированный правящей Коммунистической партией для того, чтобы ограничить издержки и эксцессы «социалистической модернизации», в экстремальной обстановке Отечественной войны был вновь актуализирован и дополнен рядом правовых новелл и определений, призванных воспрепятствовать росту умышленной, организованной и рецидивной преступности в хозяйственной сфере. Создание прочного тыла, достижение превосходства над врагом, целенаправленная работа компетентных органов по повышению качества следствия, преодолению дискреционных судебных решений и изъяснов пенитенциарной политики способствовали в дальнейшем как снижению числа деликтов, квалифицированных по указанным признакам, так и ослаблению репрессии за них.

Библиографический список

1. Гоцуленко А. В. О правовых основах деятельности органов государственной безопасности СССР в 1930-е годы по охране и укреплению социалистической собственности в деревне // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 149–161.
2. Грабовская Н. П. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944–1946. 185 с.
3. Григуль А. Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 234 с.
4. Козинцев А. Я. Государственная политика СССР в 30–50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш: ГУП «Куртамышская типография», 2008. 590 с.
5. Кожевников М. В. История советского суда. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 376 с.
6. Органы безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. М.: Русь, 2003. Кн. 1. 796 с.
7. Потемкина М. Н., Филатов В. В. Применение Закона «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности» в уральской деревне в 1932–1933 гг. // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «История и филология». 2018. Т. 28. № 4. С. 542–551.
8. Филатов В. В. Теория советского государства и права и правоприменительная практика по преступлениям против социалистической собственности

¹ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 93. Л. 23.

в уральском регионе в 1930-е годы // Седьмые Татищевские чтения : доклады и сообщения / под ред. С. П. Постникова. 2008. С. 542–546.

9. *Филатов В. В.* Продовольственный кризис на Урале в начале 1930-х годов и репрессии в отношении крестьян // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции / Министерство образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»; Правительство Оренбургской области; Министерство образования Оренбургской области; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. 2013. С. 244–249.

A. A. Pass

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Political Sciences and International Relations, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

N. L. Usoltseva

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Chair of History, Philosophy, Professional Pedagogy and Psychology, South Ural State Agrarian University (Chelyabinsk, Russia).

**FEATURES OF APPLICATION OF THE LAW OF AUGUST 7, 1932
ON PROTECTION OF SOCIALIST PROPERTY UNDER THE
CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The paper analyses fight against theft of state property in the period of 1941–1945, associated with an expanded interpretation of the Law of August 7, 1932. The paper identifies social groups in respect of which mitigating circumstances were taken into account. The paper concludes that during the war years, deliberate, organized and recidivist crime in the economic sphere did not become widespread.

Keywords: the USSR, Great Patriotic war, theft of state property, Law of August 7, 1932.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ СУДОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Проанализированы особенности деятельности судебных учреждений Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. Сделан вывод о том, что работа судов проходила в сложных условиях ослабления финансирования и кадрового состава, чрезмерных нагрузок, ужесточения системы наказаний, следствием чего стали нарушение сроков рассмотрения дел, снижение контроля за исполнением приговоров, смягчение приговоров. следуя своему пониманию справедливости.

Ключевые слова: народный суд, советское государство и право, экономические преступления, Челябинская область, Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всех структур советского государства. Судебной системе также пришлось действовать в экстремальных военных условиях. Исторический опыт функционирования судов в уральском промышленном регионе особенно актуален для понимания специфики судебной системы в современной России.

Главная задача судов – осуществление правосудия на основании принципа законности. В период Великой Отечественной войны к компетенции народных судов относились не только рассмотрение дел и вынесение приговоров или решений. Народные суды могли возвращать дела на доследование, прекращать производство по ним, могли не соглашаться с обвинительными заключениями органов, осуществлявших предварительное расследование, переqualificировать дела с одной статьи на другую. Кроме того, на судей налагалось множество дополнительных обязанностей: анализ и обобщение судебной практики, информирование местного руководства о криминальных тенденциях и «болевых точках», отчеты перед населением, контроль за судебными исполнителями, общественно-политическая и разъяснительная работа с населением и др.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, носившая тотальный характер, усложнила работу правоохранительных органов и привнесла в их деятельность

---

* Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории МГТУ им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; mpotemkina@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)».

некоторые особенности. Уже в первые дни войны часть сотрудников была мобилизована на фронт, сократилось финансирование судебных учреждений. Директива НКЮ СССР от 15 июля 1941 г. предписывала повсеместное сокращение сети и штатов органов суда и юстиции на всех уровнях в связи с военным временем. Уже вскоре начальник Челябинского управления НКЮ РСФСР Лавренков докладывал о сокращении штата управления на 20,4 %, а фонда заработной платы на 16,3 %¹.

Кадровый состав судебных органов был ослаблен не только количественно, но и качественно поскольку пришедшее пополнение зачастую не имело профильного образования и не обладало достаточным опытом работы. Вышестоящие контролирующие инстанции проводили работу по выявлению случаев аморального и преступного поведения среди кадрового состава судов, но случаи привлечения судей к уголовной ответственности в Челябинской области носили единичный характер (в 1943 г. – 2 уголовных дела, в 1944 г. – 1)².

Обострение дефицита ресурсов в экстремальных условиях военного времени привело к усилению борьбы за их обладание, что привело к росту хозяйственных преступлений. Особое внимание судов на дела, связанные с экономическими преступлениями (хищения, разбазаривание социалистической собственности) было обращено путем принятия постановления ГКО от 22.01.1943 г. и приказа НКЮ и Прокурора СССР от 27 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Во исполнение этих указаний были инициированы повсеместные проверки работы судебных органов, был усилен контроль за сроками рассмотрения дел именно этой категории, правомерностью вынесения приговоров и их исполнением³.

Анализ архивных документов [1] позволил выделить ряд проблем, с которыми столкнулись в своей работе народные суды Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. Во-первых, резкое увеличение объема работы народных судов вскоре привело к нарушению сроков рассмотрения дел. Так, в народных судах за 1 полугодие 1944 г. по РСФСР осталось незаконченными 6,5 % поступивших дел⁴. В результате проверки сотрудниками НКЮ РСФСР выяснилось, что народные суды Челябинской области в 3-м квартале 1943 г. в установленный 5-дневный срок рассмотрели всего лишь 30,9 % поступивших дел о хищениях и разбазаривании зерна⁵. Во-вторых, недостаточно качественное рассмотрение дел. Критерием может служить количество дел, возвращавшихся на доследование или отмена вынесенных приговоров вышестоящими инстанциями: по Челябинской области в 3-м квартале 1943 г. оставлено в силе 81,5 % решений, в октябре – 50 %, в ноябре – 42,8 % обжалованных решений⁶. В-третьих, низкий контроль за исполнением судебных

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 16с. Д. 37. Л. 69.

² ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 376. Л. 1–4.

³ Там же. Ф. А353. Оп. 13. Д. 56. Л. 24.

⁴ Подсчитано автором по: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 16. Д. 50. Л. 1, 1об.

⁵ ГАРФ. Ф. А461. Оп. 8. Д. 436. Л. 145.

⁶ Там же. Л. 147.

решений в части возврата похищенных ценностей. Например, по Челябинской области штраф за невыполнение поставок по молоку, яйцам, шерсти и кожсырью в 1943 г. был присужден в сумме 535013 руб., а реально взыскано 160610 руб., т. е. 30 %¹. Чтобы решить эту проблему, наркомат юстиции даже предлагал платить премии судебным работникам за усилия по возврату ценностей². В-четвертых, некачественное состояние делопроизводственной документации и недочеты в организации работы судов. Нередко из-за дефицита бумаги приговоры писались на газетах, на избирательных бюллетенях и на клочках непригодной бумаги; встречались малограмотные формулировки. Плохо велась работа по подбору народных заседателей, затягивались сроки отсылки приговоров для исполнения, судьи за недостатком времени не проводили отчетных докладов перед населением³.

В целом вышестоящие контролирующие инстанции, такие как Наркомат юстиции РСФСР и Челябинская областная прокуратура, в ходе регулярных проверок положительно оценивали работу Челябинского областного суда⁴.

В советской судебной системе судьи постоянно испытывали административно-политическое давление со стороны партийных и государственных органов. Так, по результатам проверки, осуществленной Магнитогорским горкомом партии 5–14 апреля 1942 г., народным судам было рекомендовано «усилить судебную репрессию, обеспечивая нанесение быстрого, меткого и решительного удара по расхитителям социалистической собственности, дезорганизаторам производства, а также нарушителям трудовой дисциплины»⁵. Тем не менее анализ статистики вынесенных судебных приговоров, позволяет утверждать, что, объективно оценивая тяжелое материальное положение населения на местах, городские и районные народные суды пытались скорректировать чрезмерно жесткое репрессивное законодательство военного времени, смягчая приговоры [2]. Так, областной суд не всегда применял конфискацию имущества как дополнительную меру наказания: во втором полугодии 1941 г. конфискация имущества была применена лишь в отношении 71 % по закону от 7 августа 1932 г.; в первом квартале 1942 г. соответственно 83 %⁶.

Исследование роли и функций судебных учреждений Челябинской области в экстремальных условиях Великой Отечественной войны позволяет сделать выводы о том, что, несмотря на усиление давления на суды партийных органов, судьи пытались действовать в соответствии с принципом целесообразности. Работа судов проходила в сложных условиях ослабления финансирования и кадрового состава, чрезмерных нагрузок, ужесточения системы наказаний, следствием чего стали нарушение сроков рассмотрения дел, снижение контроля за исполнением приговоров, низкий процент возврата похищенных ценностей.

¹ ГАРФ. Ф. А461. Оп. 8. Д. 436. Л. 147.

² Там же. Ф. А353. Оп. 13. Д. 51. Л. 44.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 234. Оп. 16. Д. 54. Л. 126; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 40. Л. 44.

⁴ ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 440. Л. 263.

⁵ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 16. Д. 54. Л. 130.

⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 40. Л. 43.

Библиографический список

1. *Потемкина М. Н.* Экономическая преступность в Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны: информационный потенциал исторических источников // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2019. Том 29. № 4. С. 656–659.
2. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: Росспэн, 2008. 484 с.

M. N. Potemkina

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of World History, Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

ACTIVITIES OF THE PEOPLE’S COURTS OF CHELYABINSK REGION TO SUPPRESS ECONOMIC CRIMES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses features of judicial institutions in Chelyabinsk region in extreme conditions of the Great Patriotic war. The paper concludes that the courts worked in difficult conditions of weakening of funding and personnel, excessive loads, and tightening of the system of punishments. This resulted in violation of the terms of consideration of cases and reduced control over execution of sentences, as well as mitigation of sentences, following their own understanding of justice.

Keywords: people’s court, Soviet state and law, economic crimes, Chelyabinsk region, Great Patriotic war.

О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проанализирован один из основных факторов, оказавших значительное влияние на этнодемографическое и мультикультурное развитие Казахстана в 30–40-х гг. XX в. Показана география расселения депортантов. Сделан вывод о конечной цели насильственных переселений этносов в республику в предвоенные и военные годы.

Ключевые слова: депортация, миграция, Великая Отечественная война, спецпереселенцы, полиэтничность, этнос.

Одним из основных факторов, оказавших значительное влияние на этнодемографическое, социально-экономическое, культурное развитие Казахстана, стали депортации репрессированных народов в 30–40-х гг. XX в. Предвоенное и военное время ознаменовано усилением миграционных потоков в Казахстан, которые не просто стимулировались советским государством, но и прямо организовались и направлялись им вплоть до депортации целых народов. В период с 1939 по 1941 г. депортация шла с тех территорий, которые отошли к СССР по пакту Молотова – Риббентропа.

С началом Великой Отечественной войны в СССР началась новая волна насильственных переселений. Их особенностью являлось то, что объектом депортации стали целые народы, изощренными стали методы и формы депортации, сам процесс депортации проходил в жесточайших условиях, приводивших к массовой смертности депортированных.

По мнению Жака Росси, «начав с принудительного переселения национальных меньшинств в 1936–1937 гг., перейдя затем к принудительному выселению значительных масс населения, захваченных в 1939–1940 гг. чужих стран и территорий, органы НКВД настолько овладели техникой, что к началу 40-х гг. могли поголовно вывозить целые автономные республики» [9, с. 381].

Депортации народов с этого времени стали осуществляться преимущественно по этническому признаку. Территория Казахстана, и северного областей в частности, наряду с Сибирью, Уралом и другими регионами была избрана местом ссылки для миллионов граждан СССР.

В размещении депортированных в Казахстан этносов прослеживается определенная особенность. Значительная часть немцев, поляков, украинцев была сконцентрирована в северных областях Казахстана. В Южном Казахстане были расселены в основном народы Северного Кавказа (чеченцы, ингуши,

---

* Табулденов Алибек Нурмагамбетович – кандидат исторических наук, директор Института экономики и права Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Костанай, Казахстан; nauyzy18@mail.ru

турки-месхетинцы, азербайджанцы, грузины), корейцы и представители других национальностей. Как отмечал П. Полян, в плановой установке по размещению высланных «просматривалась несколько размытая, но все же тенденция: игнорировать природно-климатические условия проживания (и, соответственно, хозяйственные навыки) депортированных и не допускать их расселения в регионах, смежных с районами выселения» [8, с. 65].

Насильственное переселение народов во внутренние районы преследовало определенные политические и экономические цели, а именно переселение «ненадежных народов» в Среднюю Азию и Казахстан автоматически означало дисперсию и раздробление народов в новых районах. Дисперсное расселение этносов в будущем создало дополнительные трудности в решении этнических вопросов для обществ переходного типа, когда некоторые этнические группы на территории самостоятельных государств стали претендовать на отделение и создание собственной государственности.

Ученые по-разному интерпретируют миграционную политику советской власти в 30–40-е гг. XX столетия. Так, некоторые из них утверждают, что «попытка сблизить нации путем усиления подвижности населения оказалось на самом деле стремлением центра, в угоду одной державной нации, ассимилировать все остальные под прикрытием ложного советского интернационализма и порочной идеологии коммунизма» [10, с. 34]. По мнению других исследователей, широкомасштабная ассимиляционная политика ВКП(б) проводилась в отношении собственно казахского этноса [7, с. 120].

В реальности, как считают другие, советский режим гораздо больше интересовало освоение природных ресурсов Казахстана посредством переселения русско-славянского населения, обладавшего более высоким уровнем квалификации и лучше приспособленного к промышленным профессиям, по сравнению с аграризированным населением, мало адаптированным к рутинной и механической работе и более привычным к сезонно-полевым работам. Очевидно и то, что регулированием миграций коммунисты не решали проблему конкретных народов, а осуществляли строительство государственности на «национальных окраинах», решали экономические задачи и высылали потенциально оппозиционные силы за пределы европейской части СССР [7, с. 121]. Как считает исследователь Е. Садовская, наиболее яркий пример – так называемые «наказанные народы», причем эти депортации и были наказанием [10, с. 23].

Факты массовых депортаций народов в годы советской власти активно замалчивались, причины и масштабы насильственных переселений тщательно камуфлировались и получали «невинные» определения. Рядом советских историков высказывались мысли о «добровольном» переселении этносов в Казахстан. Так, Н. И. Платунов писал, что «на орошаемые участки Голодной степи переселялись крестьяне с Украины и корейцы, имевшие большие навыки в возделывании риса, хлопка, табака» [1]. На «необходимое» и «добровольное» переселение корейцев указывала Ф. К. Базанова: «Организация специальных рисоводческих

колхозов и совхозов потребовала переселения корейских хозяйств с Дальнего Востока. Культура риса, возделываемая в Приморье, настолько привилась и оказалась выгодной, что там было образовано особое акционерное общество „Дальрис“. Его опыт работы мог быть с успехом применен в Казахстане, поэтому предусматривалось переселение 14 600 хозяйств и организация их в колхозах. По данным на 1 ноября 1938 г., в Казахстан прибыло 18 526 семей корейского населения, и план, таким образом, был выполнен на 126,9 %». [11, с. 22].

Как указывал исследователь Н. Ф. Бугай, в 80-х гг. XX в. попытку объяснить причины насильственных переселений многочисленных народов предприняли ряд авторов. По мнению Красовицкой Т. Ю., выселению подверглись только народы тюркской группы. В. М. Липатов полагал, что перечень выслаемых народов был намного шире и определялся личными симпатиями и антипатиями Сталина, сформировавшимися еще на Северном Кавказе [3, с. 135].

Н. Ф. Бугай полагает, что основным поводом к насильственному переселению целых народов в 30–40-е гг. послужил ряд факторов. Во-первых, это наказание, отместка за предательство отдельных лиц и групп этих народов во время оккупации, и, во-вторых, переселение использовалось как превентивная мера за возможное предательство, а по сути, за принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война [3, с. 136].

В официальных правительственных документах причины выселения народов в 30–40-е гг. объясняются стремлением ослабить этническую напряженность в том или ином регионе страны, стабилизировать политическую обстановку, наказать за пособничество фашистам, выступления против советской власти, ликвидировать бандитизм. Однако последний в те годы был присущ многим регионам страны, но депортация коснулась лишь некоторых из них [4, с. 33].

Известный казахстанский немецкий писатель Г. Бельгер считал, что насильственная депортация народов в 30–40-е гг. была фатальной неизбежностью, роковой акцией, запрограммированной самой природной сущностью новой общественно-социальной формы, возникшей еще до массового переселения национальных групп. Рано или поздно она должна была произойти. «Из людей, народов делали новое поколение манкуртов» [2, с. 4].

По мнению академика М. К. Козыбаева, именно с этого периода и начинаются современные сложности в национальном вопросе, с которыми сталкиваются народы, насильственно лишённые своей автономии. [5, с. 237]. А. Дедерер, председатель Совета немцев Казахстана, отмечал, что широкомасштабная и варварская по методам проведения депортация представляла собой акцию этнического геноцида. Депортированные народы выпали из процесса естественного цивилизационного развития, было прервано развитие их культуры, созидательной истории [6, с. 12, 13]. Конечной целью насильственных переселений этносов в предвоенные и военные

годы было их полное моральное и физическое истребление, «стирание» с лица земли, «смещение» и «растворение» в инонациональной среде, и позднее – забвение.

Печальный итог насильственных миграций населения подводит в своей работе исследователь П. Полян. «Если вспомнить о том, сколько кулаков, немцев, корейцев и народов Северного Кавказа вобрал в себя за годы депортации Казахстан, то думается, что демографический удар, полученный регионом в 1932–1933 гг. в результате голодной смерти и откочевки казахов в Китай был, скорее всего, компенсирован и преодолен» [8, с. 154].

Таким образом, в 30–40-х гг. XX столетия насильственному переселению по так называемому государственному заданию подверглись более 40 народов. Тотальной депортации были подвергнуты десять этносов: немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары (лишились своих национальных автономий), а также финны, корейцы, турки-месхетинцы. Значительный миграционный приток населения непосредственно отразился на численности, этническом, демографическом, социальном составе населения Казахстана.

Библиографический список

1. *Белан П. С.* Советские корейцы. 1937–1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.kz/istorija-kazahstana-belye-pjatna/sovetskie-koreicy-1937-1940-gg.html> (дата обращения: 31.01.2020).
2. *Бельгер Г.* Зловещий лик тирании // Наука Казахстана. № 3 (63).
3. *Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах. // История СССР. 1989. № 6.
4. *Бугай Н. Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32–36.
5. *Козыбаев М. К.* Немцы Советского Казахстана: факты и действительность // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991. С. 237–241.
6. *Кульбаев Т., Хегай А.* Депортация. Алматы: Данекер, 2000. 274 с.
7. *Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В., Алексеенко А. Н., Баратова Г. С.* 8. История Казахстана. Народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 610 с.
8. *Полян П.* Не по своей воле.... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
9. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Часть 2. М.: Просвет, 1991. 269 с.
10. *Садовская Е. Ю.* Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. Алматы: Галым, 2001. С. 175–176.
11. *Черныш П. М., Хан В. Н.* Корейцы Костанайской области. Костанай: Костанайполиграфия, 2000. 347 с.

A. N. Tabuldenov

Candidate of Sciences (History), Institute of Economics and Law, Kostanai State University (Kostanay, Kazakhstan).

ON THE DEPORTATION OF PEOPLES TO KAZAKHSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses one of the main factors that had a significant impact on the ethno-demographic and multicultural development of Kazakhstan in the 30–40s of the XX century. The paper shows geography of settlement of deportees. The paper concludes about the ultimate goal of forced migration of ethnic groups to Kazakhstan in the pre-war and war years.

Keywords: deportation, migration, Great Patriotic war, multi-ethnicity, ethnos.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье рассмотрены изменения в структуре смертности жителей Нижнего Тагила, произошедшие в годы Великой Отечественной войны. Выявлена тенденция увеличения удельного веса людей, скончавшихся в трудоспособных и старческих возрастах. Отмечен рост с 1943 г. доли смертей, приходящихся на причины эндогенного характера при сохранении преобладания умерших от экзогенных причин.

Ключевые слова: городское население, Нижний Тагил, смертность.

Войны оказывают сильное влияние на все демографические процессы, в том числе и на смертность. Не стала исключением и Великая Отечественная война.

Проследить воздействие войны на структуру смертности населения Нижнего Тагила позволяют неопубликованные статистические источники, хранящиеся в трех архивах – Российском государственном архиве экономики, Государственном архиве Свердловской области и Нижнетагильском городском историческом архиве (в основном это документы текущего учета населения).

Анализ архивных данных показывает, что смертность в городе менялась в 1941–1945 гг. волнообразно. Дважды за время войны общий коэффициент смертности резко повышался (в 1942 и 1944 гг.), после чего происходило его снижение (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика общих коэффициентов естественного движения населения
г. Нижний Тагил в 1941–1945 гг., ‰***

Год	1941	1942	1943	1944	1945
Общий коэффициент смертности	25,0	29,2	23,7	28,0	8,5

* Рассчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 48; Д. 484. Л. 37; Д. 629. Л. 85; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 702. Л. 26; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р–1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 776. Л. 47 об.; Д. 778. Л. 67 об.; Д. 778. Л. 64.

* Тараканов Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин филиала Уральского государственного университета путей сообщения в г. Нижний Тагил, Россия; katar.mik@rambler.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX – начале XXI вв.: региональный аспект».

На областном уровне наблюдалась похожая картина (см. табл. 2), но при этом особенностью ситуации в Нижнем Тагиле было менее выраженное понижение смертности в 1943 г. и более выраженное ее повышение в 1944 г. Так, если по области в целом в 1943 г. общий коэффициент смертности снизился по сравнению с предшествующим годом на 39,4 %, то в Нижнем Тагиле только на 18,8 %. Повышение смертности в 1944 г., по отношению к предшествующему году, на областном уровне составило 9 %, а на уровне города – 18,1 %.

Таблица 2

Смертность населения Урала, Свердловской области в 1941–1945 гг., ‰*

Общий коэффициент смертности	1941	1942	1943	1944	1945
Урал	22,8	26,0	17,6	17,9	10,5
Свердловская область	24,0	29,2	17,7	19,3	9,7

*См.: [4, с. 66].

Значительный рост числа смертей начинает проследиваться в городе с конца лета 1941 г. Если в июне указанного года в Нижнем Тагиле скончалось 309 человек, а в июле – 311, то в августе – уже 392 человека. Пикового значения за весь 1941 г. абсолютное число смертей достигло в ноябре, когда показатель июня был превышен в 2,5 раза¹. За весь период войны наибольшее число умерших было зарегистрировано в 1942 г., когда от различных причин в городе скончалось 8502 тагильчанина².

Большое влияние на динамику общей смертности оказывала младенческая смертность [6, с. 85]. Особенно сильным это воздействие было в первые годы войны, когда удельный вес детей, умерших в возрасте до 1 года, среди других возрастных групп был наибольшим (см. табл. 3).

Таблица 3

Младенческая смертность в г. Н. Тагил в 1941–1945 гг.*

Показатель	Год				
	1941	1942	1943	1944	1945
Удельный вес умерших в возрасте до 1 года от общего числа смертей (%)	32,0	20,4	6,9	7,1	10,2
Коэффициент младенческой смертности (‰)	237,7	308,5	120,3	160,2	55,4

* Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 78; Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 776. Л. 47 об.; Д. 778. Л. 64, 67 об.

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 4 об.

² ГАСО. Д. 775. Л. 67.

Из приведенных в табл. 3 данных видно, что максимального уровня младенческая смертность достигла в 1942 г., увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 29,8 %. В последующие годы ее показатель значительно снизился – за три года он уменьшился в 5,6 раза. По мнению Г. Е. Корнилова, столь необычное для периода войны явление может быть объяснено влиянием трех основных факторов: во-первых, резким снижением рождаемости; во-вторых, широким внедрением в медицинскую практику сульфаниламидных препаратов; в-третьих, большой организационной работой органов здравоохранения [4, с. 71]. В 1943 г. в Нижнем Тагиле функционировали 7 детских консультаций, 4 молочных кухни, 4 детских стационара и детский санаторий. Все детские консультации работали по участковому принципу. 28 тыс. детей обслуживались 24 участковыми врачами и 17 патронажными сестрами [2, с. 99].

В течение всего периода Великой Отечественной войны смертность мужчин в городе превышала смертность женщин. Но своих максимальных величин мужская смертность достигла в 1943 г., когда удельный вес лиц мужского пола среди общего числа умерших составил 72,6 % (см. табл. 4).

Таблица 4

Половозрастной состав умерших в г. Н. Тагил в 1941–1945 гг., %*

Возраст, лет	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0–4	30	25	18	16	8,8	7,1	7,7	6,3	10	8,5
5–9	0,8	1,0	0,6	0,5	0,8	0,7	1,1	0,8	1,8	1,5
10–14	0,5	0,4	0,4	0,3	0,5	0,4	0,6	0,4	1,5	0,7
15–19	2,3	0,8	3,1	0,8	2,3	1,1	2,8	1,0	2,9	1,6
20–24	2,2	0,9	3,2	1,0	2,2	1,0	2,7	1,1	3,0	2,0
25–29	2,8	1,2	4,1	0,8	2,7	1,1	2,6	1,2	1,8	1,6
30–34	3,5	1,3	5,8	1,1	4,9	1,3	5,5	1,5	5,5	2,2
35–39	3,4	1,0	6,8	0,8	8,1	1,3	6,7	1,7	5,3	2,5
40–44	3,1	0,8	7,3	1,0	9,1	1,4	7,8	2,0	6,1	1,9
45–49	2,3	0,6	6,9	1,0	11	1,3	8,6	2,1	5,8	2,3
50–54	1,9	0,7	3,2	1,1	9,6	1,0	7,8	1,5	6,1	2,3
55–59	1,7	0,8	2,2	1,1	4,0	1,3	5,0	2,1	3,1	1,9
60 и более	4,5	6,1	5,9	6,2	7,0	8,4	8,4	10	6,9	11
Неизв. возр.	0	0	0,8	0,2	1,1	0,1	0,6	0,1	0	0
Итого	59,2	40,8	67,8	32,2	72,6	27,4	67,8	32,2	60,1	39,9

* Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 67, 67 об.; Д. 775. Л. 71. 71 об.; Д. 776. Л. 50, 50 об.; Д. 777. Л. 1, 1 об., 2, 2 об.; Д. 778. Л. 81, 81 об., 82, 82 об.

Особенно значительный перевес умерших мужчин над женщинами наблюдался в трудоспособных возрастах (15–59 лет). В частности, в 1943 г. среди тагильчан, скончавшихся в возрасте 45–49 лет, лиц мужского пола было в 8,5 раза больше, чем женского, а в возрасте 50–54 лет – в 9,6 раза.

Данная ситуация сложилась не только под влиянием биологического фактора – большей выносливости женского организма. В тылу оставались мужчины, не мобилизованные на фронт по возрасту, болезням, а также в связи с профессиональной необходимостью. В условиях войны и без того ослабленный организм оказывался сильнее подвержен заболеваемости и смертности [1, с. 157]. Более высокий уровень смертности мужчин дополнительно увеличивал диспропорцию полов.

В годы Великой Отечественной войны произошли изменения в возрастной структуре смертности тагильчан. Для Нижнего Тагила во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. была характерна резкая концентрация смертности в детских возрастах. В 1936, 1937 и 1940 гг. доля детей до 5 лет в составе умерших превышала 60 %¹. Однако, начиная с 1941 г., их удельный вес начал сокращаться, и к 1944 г. он снизился до 14 %. Одновременно наблюдалось увеличение доли людей, скончавшихся в трудоспособных и старческих возрастах. Все это позволяет предположить, что в первые годы войны смертность в старших возрастных группах увеличивалась более интенсивно, чем детская.

Изменилось в годы войны и соотношение факторов, приводивших к смерти тагильчан. В 1941–1942 гг., как и в предвоенные годы, в Нижнем Тагиле наибольшее число жизней уносили инфекционные болезни, заболевания органов дыхания и болезни пищеварительных органов (см. табл. 5).

Таблица 5

**Смертность по основным классам причин смерти в г. Н. Тагил
в 1941–1945 гг.***

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города				
	1941	1942	1943	1944	1945
1. Инфекционные болезни	7,3	6,8	4,2	4,5	2,2
2. Болезни пищеварительных органов	3,2	3,7	1,3	1,0	0,4
3. Болезни органов дыхания	5,9	7,8	4,4	4,7	1,4
4. Болезни нервной системы и органов чувств	0,5	0,6	0,5	0,5	0,4
5. Болезни сердца и системы кровообращения	1,6	2,5	2,5	2,5	1,0
6. Злокачественные новообразования	0,5	0,5	0,4	0,2	0,4

¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 1, 1 об.; Д. 100. Л. 1, 1 об.; Д. 773. Л. 84, 84 об.

Причины смерти	На 1 тыс. чел. населения города				
	1941	1942	1943	1944	1945
7. Врожденная слабость, преждевременное рождение, болезни новорожденных и врожденные пороки развития	1,4	0,6	0,2	0,2	0,1
8. Самоубийство, убийство	0,3	0,2	0,3	0,3	0,1
9. Травмы и отравления	0,9	1,2	1,3	1,3	0,8
10. Старческая дряхлость	0,2	0,4	0,3	0,5	0,1
11. Дистрофия	нет св.	нет св.	нет св.	10,7	0,6
12. От всех прочих причин	3,2	4,9	8,3	1,6	1,0

* Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 68, 68 об.; Д. 775. Л. 74, 74 об.; Д. 776. Л. 51, 51 об.; Д. 777. Л. 67, 67 об., 68, 68 об.; Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.

Сохранение высокой смертности от этих причин было связано с тяжелыми условиями существования тагильчан и массовым притоком в город эвакуированных. В пути эвакуированные сталкивались с острым недостатком питьевой воды, продуктов питания, медикаментов. В грязных вагонах, а очень часто в теплушках и даже на открытых платформах люди проводили по несколько недель. Противоэпидемические мероприятия были организованы далеко не во всех пунктах скопления пассажиров. Пристанционные бани, дезинфекционные и дезинсекционные установки бездействовали. Завшивленность была массовой [3, с. 151].

Все это привело к тому, что эвакуированные стали основным источником инфекций, к тому же их приток в город увеличивал скученность населения. Так, для прибывавших в Дзержинский район Нижнего Тагила местная городская власть утвердила распорядок расселения и санитарную норму в 3 кв. м на человека. В четырехкомнатных квартирах под уплотнение изымались две комнаты, в трехкомнатных – одна. В брусковые и частные дома подселялась одна семья [6, с. 36]. Столь стесненные жилищные условия способствовали быстрому распространению инфекционных заболеваний. Смертность от тифа к 1942 г., по сравнению с 1940 г., выросла в Нижнем Тагиле в три раза, от туберкулеза – на 23,1 %, от дизентерии – на 10 %.

Негативно отражались на состоянии здоровья тагильчан и уровне их смертности острая нехватка продовольствия, дефицит белков и витаминов в рационе, снижение калорийности питания. По данным медицинского обследования, проведенного на Уралвагонзаводе в конце 1941 г., дистрофия поразила почти 80 % его работников. Люди пухли от голода. Появились сонливость и медлительность в движениях. Для борьбы с голодом на заводе был создан цех, в котором изготавливались дрожжи и котлеты с добавлением древесных опилок [8, с. 36, 37].

Не лучше была ситуация и на других предприятиях города. В 1943 г. секретарь горкома ВКП(б) Е. Ф. Колышев докладывал Наркому здравоохранения СССР Г. А. Митереву о состоянии дел на заводе № 15 Наркомздрава СССР в г. Нижний Тагил. Он отмечал, что рабочие и служащие завода получают лишь одноразовое питание с вырезкой из продовольственных карточек, исчерпывающихся обычно на протяжении 18–20 дней. Получаемое заводом литерное питание в виде «двух карточек СПБ, 9 карточек СП-1 и 20 карточек на 2-е горячее питание» не обеспечивает двухразового питания даже для руководящих работников завода на протяжении месяца¹.

В таких условиях огромный ущерб населению города наносила смертность от дистрофии, авитаминоза и истощения. Только за I-е полугодие 1943 г. они унесли жизни 1 254 тагильчан². В 1944 г. от дистрофии скончалось 2 549 человек, что составило 38 % от общего числа умерших в городе за год. Радикальное сокращение смертности от данной причины произошло только в 1945 г., когда ее коэффициент снизился по сравнению с предшествующим годом на 94,4 %.

После 1942 г. в структуре причин смерти произошел сдвиг в пользу эндогенных факторов, хотя преобладание экзогенных причин продолжало сохраняться на протяжении всего периода Великой Отечественной войны [5, с. 99]. Удельный вес умерших от болезней пищеварительных органов снизился в Нижнем Тагиле с 12,6 % в 1942 г. до 5,2 % в 1945 г., от заболеваний органов дыхания за тот же период уменьшился с 26,8 до 16,7 %. Улучшение профилактической и лечебной работы в городе, а также уменьшение потока эвакуированных способствовали снижению смертности тагильчан от инфекционных заболеваний. Особенно значительно к 1945 г., по сравнению с первым годом войны, она снизилась от таких болезней, как корь (на 98,3 %), дизентерия (на 95,7 %), скарлатина (на 85 %) и грипп (на 80 %). В два раза сократилась смертность от тифа, коклюша и дифтерии. В то же время увеличилась доля смертей, приходящихся на причины эндогенного характера. Если в 1942 г. в Нижнем Тагиле удельный вес умерших от болезней сердца и системы кровообращения составлял 8,4 %, от злокачественных новообразований 1,9 %, а от старческой дряхлости 1,3 %, то к 1945 г. он увеличился до 12,1 %, 4,3 % и 1,7 % соответственно³.

Перераспределение причин смертности от экзогенных в сторону эндогенных происходило после 1942 г. во многих тыловых районах страны. На Урале в целом за 1942–1945 гг. удельный вес умерших от инфекционных и паразитарных болезней уменьшился с 27,4 до 16,5 %, от болезней органов дыхания – с 20,6 до 9,8 %. В Сибири за 1942–1945 гг. смертность от тифа понизилась почти в 7 раз, от кори – в 17, от дизентерии – в 25, от токсической диспепсии – в 8 раз, от туберкулеза – на 46 % [7, с. 97, 98].

Высокая смертность в годы войны в сочетании с сокращающейся рождаемостью обусловили естественную убыль населения Нижнего Тагила. Отрицательный естественный прирост наблюдался в городе на протяжении

¹ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 31. Д. 94. Л. 55.

² Там же. Ф. 4. Оп. 31. Д. 402. Л. 56.

³ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 775. Л. 74, 74 об.; Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.

1942–1944 гг. Наибольшей естественная убыль населения была в 1944 г., когда она составила 4 тысячи человек. Всего же за годы Великой Отечественной войны численность населения города сократилась за счет превышения смертности над рождаемостью на 6685 человек¹. При этом надо учитывать, что учреждения здравоохранения города проводили огромную работу по борьбе с заболеваниями.

Библиографический список

1. *Араловец Н. А.* Смертность городского населения тыловых районов России, 1941–1945 гг. // *Людские потери СССР в Великой Отечественной войне.* СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 154–159.
2. *Ермаков А. В.* Демографические процессы и ритм рабочего времени в Нижнем Тагиле в годы Великой Отечественной войны // *Человек в историческом измерении: памяти В. А. Сурина.* Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. С. 94–111.
3. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
4. *Корнилов Г. Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.
5. *Корнилов Г. Е.* Население Свердловска в военные годы // *Российская история.* 2010. № 4. С. 94–107.
6. *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // *Уральский исторический вестник.* 2014. № 3 (44). С. 80–89.
7. *Население России в XX веке: истор. очерки.* Т. 2: 1940–1959 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
8. *Панюхин Г. П.* Часовые Уралвагонзавода. Нижний Тагил: Медиа-Принт, 2005. 131 с.

M. Y. Tarakanov

Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Chair of General Scientific Disciplines, Nizhny Tagil Branch of Ural State University of Railway Transport (Nizhny Tagil, Russia).

TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE OF MORTALITY IN THE CITY OF NIZHNY TAGIL IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper considers changes in the structure of mortality of residents of Nizhny Tagil that occurred during the Great Patriotic war. The paper reveals a tendency to increase the proportion of people who died in working age and old age. The paper shows an increase since 1943 in the share of deaths attributed to endogenous causes, while maintaining the predominance of those who died from exogenous causes.

Keywords: urban population, Nizhny Tagil, mortality.

¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 62 об.; Д. 775. Л. 67; Д. 776. Л. 47 об.; Д. 778. Л. 64, 67 об.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье анализируются историко-правовые аспекты профилактики и пресечения экономических преступлений среди несовершеннолетних в военный период (1941–1945 гг.), исследуется политика мобилизационного общества в отношении малолетних преступников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Южный Урал, экономическая преступность, несовершеннолетние, беспризорность, безнадзорность.

Состояние подростковой преступности и борьба с ней являются одним из важнейших направлений правовой политики государства. Ювенальная юстиция, попытки внедрения которой предпринимаются в Российской Федерации, имеет как своих сторонников, так и оппонентов. В связи с этим привлекает внимание исторический опыт предупреждения преступлений среди несовершеннолетних как системы мер, направленных на профилактику и пресечение деликтов в обществе в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

В предвоенные годы преступность среди несовершеннолетних, несмотря на проводимые мероприятия, не была полностью ликвидирована. О существовании угрозы с этой стороны свидетельствует усилившаяся с середины 1930-х гг. репрессивная политика государства. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» возрастной порог наступления уголовной ответственности был снижен до 12 лет. Круг противоправных деяний, за которые наступала ответственность, был широким. Осуждение следовало за побег из школы ФЗО или ремесленного училища (РУ), не говоря уже об асоциальном поведении (бродяжничество, попрошайничество), кражах и пресловутых «трех колосках»². Суд вправе

---

* Усольцева Наталья Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного аграрного университета, Институт агроинженерии, г. Челябинск, Россия; usolnatal@yandex.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)».

² Постановление ЦИК СССР и СНК ССР от 7 августа 1932 г., именовавшееся современниками как «закон 7/8», «закон о трех колосках», вводило смертную казнь за хищение и порчу государственной, колхозной и кооперативной собственности. При наличии смягчающих обстоятельств высшая мера наказания могла быть заменена лишением свободы на срок не менее 10 лет.

был применен к уличным подросткам все меры уголовного наказания [4, с. 381].

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» были упразднены существовавшие при отделах народного образования комиссии по делам несовершеннолетних. Основным субъектом профилактики и пресечения преступлений среди детей и подростков в это время становятся органы НКВД, к ведению которых относились детские комнаты милиции, приемники-распределители для временного содержания беспризорных подростков в возрасте до 16 лет, изоляторы как места предварительного заключения, трудовые колонии.

С началом войны наблюдается ухудшение криминогенной ситуации в стране, обусловленное причинами военно-политического, экономического, социального, психологического порядка. Было зафиксировано двукратное увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. На их долю в 1944 г. приходилось до 11 % всех зарегистрированных в стране преступлений против 5 % в 1941 г. [1, с. 248]. Дети и подростки в условиях массовой эвакуации и мобилизации, тотального дефицита промтоваров и продуктов питания, социально-бытовой неустроенности оказались самой незащищенной категорией, подпадали под влияние улицы, втягивались в преступную среду. Как социальное явление подростковый экономический криминал постоянно «воспроизводился» войной и угрожал дестабилизацией социума. Ответной реакцией законодателя стало дальнейшее усиление уголовного и административного преследования в отношении подростков.

Силы государства, партии и общественности были брошены преимущественно на борьбу с беспризорностью и безнадзорностью, ставшими, наряду с материально-бытовой неустроенностью, основными факторами, толкающими детей и подростков на попрошайничество, мешочничество, занятие спекуляцией, мошенничеством и кражами. Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей» предусматривало создание при местных исполкомах комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей; расширение имеющейся сети приемников-распределителей; направление изъятых с улицы подростков в соответствующие детские учреждения, в школы ФЗО и РУ, устройство на работу и другие подобные меры. Однако намеченное в 1942 г. так и не было реализовано. Об этом свидетельствует, в частности, приказ НКВД № 0482 от 29 декабря 1942 г., указывающий на растущее количество беспризорных и безнадзорных детей, слабую работу милиции в решении этой проблемы, недостаточное привлечение общественности к работе с трудными подростками.

Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» дополнительно к существующим трудовым колониям для содержания уже осужденных подростков предусматривало создание воспитательных трудовых колоний НКВД СССР для задержанных за мелкое хулиганство и незначительные кражи подростков от 12 до 16 лет, уголовное преследование которых признавалось

нецелесообразным. В воспитательной трудколонии дети получали образование и профессиональные навыки. После получения квалификации и при достижении возраста 14–16 лет, подростки выпускались из колонии с обязательным трудоустройством.

Ужесточение правоприменительной практики сказалось на переполненности детских пениitenciарных учреждений. К 1 июля 1947 г. в трудовых колониях для несовершеннолетних МВД СССР содержалось свыше 60 тыс. подростков [2, с. 168].

Следует отметить, что война вносила и либеральные коррективы в уголовное законодательство в отношении ювеналов. Так, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 1 августа 1942 г. приравнял работающих на оборонных предприятиях подростков к их сверстникам – учащимся РУ и школ ФЗО в отношении применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Вместо установленного для рабочих и служащих, самовольно покинувших рабочее место, наказания в виде лишения свободы от 5 до 8 лет, ответственность для подростков за аналогичные нарушения трудовой дисциплины предусматривала заключение в трудовые колонии сроком до 1 года [1, с. 249]. В приказе № 0267 заместителя наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова «Об улучшении следственной работы в органах милиции» разъяснялось, что при привлечении к ответственности несовершеннолетних «нельзя исходить из одних только формальных признаков совершения ими преступления», необходим индивидуальный подход при определении степени вины, указывалось на необходимость применения психолого-педагогического воздействия и расширения практики применения такой меры пресечения как личное поручительство¹.

Оборотной стороной декриминализации ювенальной преступности являлось вовлечение взрослыми детей в свою противозаконную деятельность, создание подростковых криминальных групп. В докладной записке секретарю Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличеву «Об итогах работы милиции в 1943 г.» приводился пример хищения рабочими Кировского завода необходимых компонентов для последующей варки хозяйственного мыла. В роли продавцов подпольного товара использовались дети².

Значимыми формами профилактики и пресечения ювенальной преступности в период войны стали различные формы общественной помощи: усыновление, патронат, опека, сборы вещей и средств для детей-сирот и детей фронтовиков, организация досуга, рейды активистов по изъятию детей с улицы, вовлечение их в кружки и секции, содействие трудоустройству. В условиях дефицита ресурсов привлекалась помощь промышленных предприятий и колхозов, на средства которых открывались летние детские площадки, инициативные интернаты и т. д. [3, с. 17, 18] Эти и другие мероприятия способствовали ресоциализации юных нарушителей порядка и сокращению криминальных показателей в их среде.

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 152.

² Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 288. Оп. 7. Д. 227. Л. 44–45.

В годы Великой Отечественной войны проблема экономических деликтов (проступков) среди несовершеннолетних получила особое социальное и оборонное значение. Пик ювенальной преступности пришелся на 1943 г., когда к уголовной ответственности только в Челябинской области было привлечено 2003 подростка [1, с. 257]. Уголовно-правовая политика окончательно приобрела репрессивно-карательный характер, с некоторыми попытками воспитательного воздействия с учетом особенностей психофизиологического развития детей и подростков. В условиях катастрофической нехватки материальных и людских ресурсов к решению вопросов предупреждения подростковой преступности привлекалась широкая общественность. Совместными усилиями удалось остановить рост совершаемых правонарушений.

Библиографический список

1. Гусак В. А. Деятельность милиции Челябинской области по борьбе с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2006. №5 (60). С. 248–258.
2. Коновалова И. И. Исторический обзор тенденций развития преступности несовершеннолетних XX века // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2011. № 4. С. 163–173.
3. Романович С. В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : автореф. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 463 с.

N. L. Usoltseva

Candidate of Sciences (History), South Ural State Agrarian University (Chelyabinsk, Russia).

PREVENTION OF CHILDREN AND TEENAGERS ECONOMIC CRIMES IN THE SOUTHERN URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses historical and legal aspects of prevention and suppression of economic crimes among minors in the military period (1941–1945). The paper also examines policy of mobilization society in relation to juvenile offenders.

Keywords: Great Patriotic war, Southern Urals, economic crime, minors, homelessness, neglect.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ (УБЫЛЬ) НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье определяются тенденции естественного прироста (убыли) населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны. Анализируются основные показатели естественного движения населения в военный период.

Ключевые слова: естественный прирост (убыль) населения, Волго-Вятский регион, Великая Отечественная война.

Результатом негативных последствий войны стало снижение естественного прироста населения Волго-Вятского региона. Соотношение коэффициентов рождаемости и смертности населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны позволяет выделить следующие тенденции.

В зависимости от динамики изменения демографических процессов (рождаемости и смертности) можно выделить 2 группы территориальных образований. К первой группе относятся Горьковская область, Мордовская и Чувашская АССР. К концу 1941 г. в них наблюдается резкое падение показателей естественного прироста населения, хотя благодаря ряду демографических особенностей данный показатель сохранял положительное значение. В 1942 г. смертность превысила рождаемость (на 1 тыс. чел.). Наблюдается естественная убыль населения. В Горьковской области в 1942 г. естественная убыль населения составила 10,2 %, в Мордовской АССР – 3,1 %, в Чувашской АССР – 1,7 %. Однако с 1943 г. отмечается снижение уровня смертности и повышение рождаемости. Благодаря данной тенденции в Горьковской области (вместе с г. Горький), Мордовской АССР и Чувашской АССР в 1945 г. зафиксирован естественный прирост.

Ко второй группе относятся Кировская область и Марийская АССР. С 1942 г. также отмечается естественная убыль населения, однако и в последующие годы войны показатели естественного прироста имели отрицательное значение. Эти регионы не смогли справиться с отрицательной динамикой естественного движения населения за 1942–1945 гг.

В 1941 г. по РСФСР сохраняется естественный прирост населения, однако в 1942 г. его сменяет естественная убыль. Наибольшая убыль тылового населения РСФСР приходится на 1943 г. (– 638,3 тыс. чел.) (табл. 1, 2) [2, с. 102].

---

* Чернышева Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного гуманитарного университета, Киров, Россия; natich84@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00251 «Население Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)».

Таблица 1

**Соотношение коэффициентов рождаемости и смертности населения
Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны**

Год	Горьковская область		Кировская область		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	Рожд.	Смерт.	Рожд.	Смерт.	Рожд.	Смерт.	Рожд.	Смерт.	Рожд.	Смерт.
1941	30,6	22,0	34,5	25,7	34,7	25,1	32,0	20,6	32,2	25,1
1942	19,1	29,3	26,0	37,3	27,4	30,6	20,3	23,4	26,8	28,5
1943	11,9	20,0	9,8	30,1	11,4	21,0	10,4	15,6	15,0	16,1
1944	16,6	17,5	10,4	26,9	11,6	20,3	11,2	16,5	13,9	20,8
1945	15,7	12,1	13,4	16,1	14,4	16,0	13,4	10,7	14,0	12,1

Таблица 2

**Естественная убыль (прирост) тылового населения РСФСР
в 1941–1945 гг. (без оккупированных и прифронтовых районов)**

Год	Естественная убыль (прирост), человек
1941	+895 711
1942	-162 895
1943	-638 327
1944	-410 378
1945	-357 065

Наибольшее падение естественного прироста (убыли) населения Волго-Вятского региона в годы войны отмечается в 1943 г. в Кировской области (– 20,3 %). В Горьковской и Кировской областях в 1941–1942 гг. отмечаются наибольшие в Волго-Вятском регионе темпы снижения коэффициента естественного прироста (убыли) населения: с 8,6 до –10,2 % и с 8,8 до –11,3 % соответственно (табл. 3). В автономных республиках максимальное снижение показателей естественной убыли населения приходится на 1943–1944 гг.

Данные коэффициента естественного прироста рассчитаны как разность между коэффициентом рождаемости и смертности.

**Естественная убыль (прирост) населения Волго-Вятского региона
в 1941–1945 гг., в промилле***

Год	Горьковская область	Кировская область	Марийская АССР	Мордовская АССР	Чувашская АССР
1939	14,4	16,2	14,1	16,7	16,0
1940	7,6	6,2	7,7	11,7	7,3
1941	8,6	8,8	9,6	11,4	8,1
1942	-10,2	-11,3	-3,2	-3,1	-1,7
1943	-8,6	-20,3	-9,6	-5,2	-1,1
1944	-3,2	-16,5	-8,7	-5,1	-6,9
1945	3,6	-2,7	-1,6	2,7	1,9

* Подсчитано по: 2, с. 24; 4, с. 100; 5, с. 26; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 11. Д. 18. Л. 125, 132–133; Там же. Оп. 23. Д. 443. Л. 70–72 об., 86–88 об., 227–229 об., 231–233 об., 256–258 об.; Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-872. Оп. 17. Д. 12. Л. 29; Там же. Д. 26. Л. 47; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 41, 53–54, 101; Там же. Д. 251. Л. 122; Там же. Д. 252. Л. 3, 6, 24; Там же. Д. 301. Л. 88, 91; Там же. Д. 323. Л. 116, 123; Там же. Д. 324. Л. 20; Там же. Д. 341. Л. 75, 161, 164, 179; Там же. Д. 405. Л. 2; Там же. Д. 418. Л. 59, 167, 170, 185; Там же. Д. 479. Л. 3, 91; Там же. Д. 501. Л. 228, 231, 243; Там же. Д. 564. Л. 40, 53; Там же. Д. 577. Л. 91, 94, 237, 240, 252; Там же. Д. 626. Л. 1; Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 39а. Л. 1; Там же. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 17. Л. 3, 3 об.; 79; Там же. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Там же. Д. 863. Л. 4 об.; Там же. Д. 1226. Л. 4; Там же. Д. 1227. Л. 3 об.; Там же. Д. 1273. Л. 56 об.; Там же. Д. 1275. Л. 2; Там же. Д. 1683. Л. 1, 1 об.; Там же. Д. 1697. Л. 2–42 об.

В городской местности показатели коэффициента естественного движения населения моментально отреагировали на начавшуюся войну, вызвав его резкое падение. Однако восстановительные процессы в городских поселениях проходили быстрее.

По мере возвращения досрочно демобилизованных ситуация постепенно меняется к лучшему. Так, уже в 1945 г. темпы естественного прироста по РСФСР в городских поселениях были в 3 раза выше, чем в сельских. С этого момента постепенно растет рождаемость при стабильном уровне смертности [1, с. 151]. На селе его снижение проходило более равномерно, вызвав глубокие структурные изменения в естественных процессах движения населения (табл. 4).

Таблица 4

**Естественная убыль (прирост) населения Волго-Вятского региона
в 1941–1945 гг. по типу поселений, в промилле***

Год	Горьковская область		Кировская область		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1939	15,0	14,1	14,0	16,6	12,0	14,5	10,0	17,3	14,9	16,2
1940	4,8	9,1	5,2	6,5	12,0	7,1	9,5	11,8	9,3	0,0
1941	9,5	8,4	-0,8	10,9	10,2	9,0	9,4	11,6	7,6	8,2

Год	Горьковская область		Кировская область		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1942	-16,8	-6,5	-15,7	-9,5	-11,1	-1,6	-19,2	-2,2	-9,1	1,0
1943	-17,2	-4,7	-26,3	-17,2	-5,8	-10,4	-9,8	-4,8	-0,3	-1,3
1944	-0,1	-5,9	-12,1	-16,6	-2,4	-11,4	-6,1	-5,3	-0,3	-9,0
1945	7,0	0,9	1,9	-4,2	5,9	-3,6	2,7	2,7	4,6	1,1

* Подсчитано по: 5, с. 26; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 18. Л. 125, 132–133; Там же. Д. 198. Л. 26, 26 об.; Там же. Д. 335. Л. 13–210; Там же. Д. 338. Л. 259–290; Там же. Д. 345. Л. 56–87; Там же. Д. 339. Л. 1–21; РГАЭ. Ф.-1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 32, 41, 53, 54, 101; Там же. Д. 251. Л. 122; Там же. Д. 252. Л. 3, 6, 24; Там же. Д. 301. Л. 88, 91; Там же. Д. 323. Л. 116, 123; Там же. Д. 324. Л. 20; Там же. Д. 341. Л. 75, 161, 164, 179; Там же. Д. 405. Л. 2; Там же. Д. 418. Л. 59, 167, 170, 185; Там же. Д. 479. Л. 3, 91; Там же. Д. 501. Л. 228, 231, 243; Там же. Д. 564. Л. 40, 53; Там же. Д. 577. Л. 91, 94, 237, 240, 252; Там же. Д. 626. Л. 1; ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 3 об.; Там же. Оп. 12. Д. 39а. Л. 1; Там же. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 17. Л. 79; Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2975. Л. 2 об.; Там же. Оп. 2. Д. 464. Л. 6; Там же. Д. 860. Л. 4; Там же. Д. 1225. Л. 93, 93 об.; Там же. Д. 1226. Л. 4; Там же. Д. 1227. Л. 3 об.; Там же. Д. 1229. Л. 15, 15 об.; Там же. Д. 1273. Л. 56 об.; Там же. Д. 1275. Л. 2; Там же. Д. 1683. Л. 1, 1 об.; Там же. Д. 1697. Л. 2–42 об.; Там же. Оп. 5. Д. 1; Там же. Ф. Р-2756. Оп. 5. Д. 2. Л. 4.

В городской местности Кировской области уже в 1941 г. отмечается естественная убыль населения (–0,8 %) и остается таковой до 1944 г. включительно с максимальной естественной убылью городского населения в 1943 г. С 1945 г. коэффициент в городах и городских поселениях был положительным¹. В сельской местности восстановительные процессы имели более длительный характер. Естественная убыль населения также сохраняется в 1945 г. в сельской местности Марийской АССР.

В автономных республиках и Горьковской области естественная убыль населения как в городе, так и в сельской местности фиксируется с 1942 г. Однако всплеск отрицательных показателей в городской местности в 1942 г. сменяется поступательным движением к положительной динамике (с более высокими темпами роста, чем в сельской местности). В Мордовской АССР на протяжении 1942–1944 гг. сохранялось преобладание темпов убыли городского населения над сельским. Однако в 1945 г. здесь наблюдается естественный прирост населения как в городских, так и в сельских поселениях.

Другим способом, определяющим динамику естественного движения населения, является так называемый «индекс жизненности» (индекс Покровского – Пирла), определяемый как отношение числа родившихся к числу умерших за определенный период времени [3, с. 150]. При положительном естественном приросте населения индекс жизненности больше единицы, при отрицательном – меньше.

¹ ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 12. Д. 39 а. Л. 1; Там же. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683. Л. 1, 1 об.; Там же. Д. 1697. Л. 2–4 об.

**Индекс Покровского – Пирла для населения Волго-Вятского региона
в 1941–1945 гг.**

Год	Горьковская область	Кировская область	Марийская АССР	Мордовская АССР	Чувашская АССР
1941	1,6	1,3	1,4	1,6	1,3
1942	0,7	0,7	0,9	0,9	0,9
1943	0,6	0,3	0,5	0,7	0,9
1944	0,8	0,4	0,6	0,7	0,0
1945	1,3	0,8	0,9	1,3	1,2

Таким образом, указанные сведения подтверждают неблагоприятные тенденции естественного движения населения Волго-Вятского региона в 1941–1945 гг. Однако эти тенденции не были однородны в автономных республиках и областях Волго-Вятского региона.

Библиографический список

1. *Вербицкая О. М.* О некоторых особенностях демографического развития городского и сельского населения в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны : сб. статей. СПб.: Блиц, 1995. С. 147–153.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
3. Народонаселение: энциклопедический словарь / ред. А. П. Горкин. М.: Большая российская энциклопедия, 1985. 639 с.
4. Население России в XX веке : в 2 т. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2002. 456 с.
5. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области : стат. сб. / ред. кол. В. А. Зырин и др. Киров: ГИПП Вятка, 1996. 437 с.

N. V. Chernysheva

Candidate of Sciences (History), Institute of Humanities and Social Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russia).

**NATURAL GROWTH (DECLINE) OF THE POPULATION OF THE
VOLGO-VYATSKY REGION OF THE RSFSR DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The paper identifies trends of natural growth (decline) in the population of the Volga-Vyatka region during the Great Patriotic War. The author analyses the main indicators of natural population movement.

Keywords: natural increase (decrease) in the population, Volga-Vyatka region, Great Patriotic War.

Раздел IV.

В БОЯХ ЗА РОДИНУ: МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ ФРОНТОВИКОВ

УДК 94 (575.4)

Д. С. Аннаоразов*

СЛАВНЫЙ ВОИН, ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК (СЛОВО О ГЕРОЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПЕНА РЕДЖЕПОВЕ)

Изучение и пропаганда героических подвигов отцов и дедов занимает важное место в патриотическом воспитании подрастающего поколения. В данной статье описывается жизненный и боевой путь славного сына туркменского народа, участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза П. Реджепова (1918–2007), известного во всем Туркменистане как видного ученого, военного писателя и замечательного человека.

Ключевые слова: воинский долг, защита Отечества, подвиг солдата, патриотическое воспитание, отзывчивость, изучение истории Туркменистана, человеческая драма.

Это было в далеком 1987 г. Мы – студенты исторического факультета Туркменского государственного университета сдавали последние выпускные экзамены. Декан нашего факультета Н. Б. Бабаев, вызвав меня к себе, спросил: «Знаю ли я человека по имени Пена Реджепов?» Кому как не мне, человеку пять лет обучавшемуся в университете ремеслу историка, не знать эту фамилию: это был известнейший человек в республике, Герой Советского Союза, которого я и десятки тысячи моих сверстников, знали еще с детства!

Убедившись в том, что я неплохо знаю биографию и публикации П. Реджепова, декан направил меня в Институт истории им. Ш. Батырова АН ТССР, где тот работал ведущим научным сотрудником. Реджепов гостеприимно принял меня, напоил чаем и по ходу расспрашивал, как я учился и как сдам государственные экзамены. Много вопросов было по истории Великой Отечественной войны. Убедившись, что у меня есть неплохие знания по этой тематике и к тому же, что я еще два года служил в рядах Советской Армии, он предложил мне работать с ним в группе по изучению истории Туркменистана периода Великой Отечественной войны. Так

---

* Аннаоразов Джумаадурды Сейтекович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Всемирной истории Туркменского государственного университета им. Махтумкули, Ашхабад, Туркменистан; j.annaorazow@gmail.com.

я попал в группу П. Реджепова, под руководством которого я работал в течение многих лет.

П. Реджепов (1918–2007) прошел трудный, но славный жизненный путь. Он родился 16 декабря 1918 г. в ауле Курбан-Мамед Казанджикского района Красноводской области Туркменской ССР (ныне Берекетский этрап Балканского велаята Туркменистана) в крестьянской семье. Учился в неполной средней школе, а в 1934–1939 гг. продолжил учебу в Ашхабаде на курсах учителей [19, с. 302].

В мае 1939 г. был призван в ряды Красной Армии. Службу проходил на Украине и в Литве. Вскоре началась Вторая мировая война, а потом и Великая Отечественная. П. Реджепов, как и миллионы советских воинов, стал на защиту Родины. На своих плечах он вынес все тяготы и лишения первых месяцев войны, когда Красная Армия вынуждена была отступать в глубь страны¹.

Начиная с декабря 1942 г., являясь командиром орудия 442-го истребительного противотанкового артиллерийского полка 9-й артиллерийской дивизии, сержант П. Реджепов участвовал в решающих сражениях Сталинградской битвы. 21 февраля 1943 г. в бою на станции Доброполье, когда полк прикрывал отход частей 18-го танкового корпуса, его расчет подбил 2 танка и 2 автомашины немцев, при этом получил тяжелое ранение. За этот бой П. Реджепов получил свою первую боевую награду – орден Отечественной войны 2-й степени [5, с. 636].

После госпиталя Пена ага снова вернулся на фронт. В летних боях 1943 г. наш герой заслужил две медали «За отвагу». Первую получил за бой 24 июля в районе деревни Копанка Изюмского района Харьковской области, а вторую – 22 августа за два подбитых самоходных орудия «Фердинанд» [4, с. 123].

В боях за освобождение Украины в январе 1944 г. артиллерист Реджепов вновь отличился. С 10 по 15 января при прорыве обороны в Божидаровском районе Днепропетровской области огнем из орудия уничтожил 3 пулеметные точки и средний танк, а в начальный период Никопольско-Криворожской наступательной операции его расчет уничтожил еще 3 пулеметные точки. За эти боевые заслуги П. Реджепов был награжден вторым боевым орденом Красной Звезды. А третий боевой орден – снова Отечественной войны 2-й степени старший сержант Реджепов получил за участие в Западно-Карпатской операции [4, с. 123].

С 11 по 15 февраля 1945 г. расчет П. Реджепова в составе батареи нес охрану моста в районе юго-западнее польского города Краков. 13 февраля 1945 г. батальон немецкой пехоты при поддержке танков в течение всего дня предпринял 10 контратак, пытаясь захватить мост и отрезать советские части, находящиеся в ближайшей деревне [18, с. 248].

В этом кровопролитном бою расчет П. Реджепова отразил 9 контратак противника и уничтожил один танк и свыше 100 солдат и 2 офицеров,

---

¹ Заман. 2007. 14 апреля.

а 70 солдат взял в плен [7, с. 604]. За этот подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1945 г. старшему сержанту П. Реджепову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза [6, с. 124].

После демобилизации из армии П. Реджепов вернулся на родину и поступил в Туркменский государственный пединститут, после окончания которого в 1950 г. находился на партийно-советской работе.

Начиная с 1958 по 1998 г., до выхода на пенсию П. Реджепов, бесценно работал в Отделе истории Советского периода Институте истории, посвятив всю свою жизнь изучению истории промышленности республики и Великой Отечественной войны. Здесь же защитил кандидатскую [9; 10], а потом и докторскую [12; 13] диссертации.

Пена Реджепов – автор нескольких десятков научных статей и монографий. Им были опубликованы три монографии, посвященные истории нефтегазовой промышленности Туркменистана [13; 15; 16], последняя из которых стала итогом его многолетних научных изысканий в этой области. Одна из его работ, написанных в соавторстве, была опубликована в Москве [17].

Среди школьной и студенческой молодежи республики были популярны воспоминания П. Реджепова [8]. На примере его книг было воспитано не одно поколение молодых туркмен. Он является также автором книг о войнах-туркменах, полных кавалерах орденов Солдатской славы [11; 14].

Послевоенные трудовые заслуги П. Реджепова были отмечены орденами и медалями Союза ССР. В 1978 г. Указом Верховного Совета ТССР ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель культуры Туркменской ССР».

Пена Реджепов был одним из тех наших коллег старшего поколения, кто нас, молодых, учил азам исторической науки. Благодаря ему за мной закрепили научную тему «Туркмены в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. (Историография проблемы)», а научным руководителем назначили известного историка, ветерана войны, профессора К. Б. Мухаммедбердыева (1924–2000), имя которого было известно далеко за пределами нашей республики. В 1993 г. благодаря бескорыстной помощи и поддержке П. Реджепова и моих коллег, я успешно защитил кандидатскую диссертацию [1].

С первых дней работы в группе по изучению истории Великой Отечественной войны под руководством П. Реджепова, мы продолжили работу по составлению трехтомного сборника воспоминаний ветеранов войны и тружеников тыла. Первый два тома этого сборника были посвящены ратным подвигам воинов-туркменистанцев, а 3-й том – доблестному труду тружеников тыла. Объехав республику вдоль и поперек, он собрал большое количество воспоминаний ветеранов. Кто-то сам приносил свои воспоминание, а кто-то отправлял по почте в адрес нашей группы. Поэтому почти каждую неделю к нам в группу приходили сами ветераны или их письма. Первый том сборника удалось опубликовать [2], но к выходу 2–3 томов сборника распался СССР, и поэтому они так и не увидели свет.

Пена Реджепов проводил также большую общественную работу. Он долгие годы возглавлял Ашхабадскую секцию ветеранов Великой Отечественной войны и часто выступал по телевидению и радио: был отличным ведущим и вел передачи на военно-патриотические темы. На страницах газет и журналов регулярно печатались его популярные статьи.

Пена Реджепов был очень отзывчивым человеком. Хотя не он возглавлял республиканскую организацию ветеранов войны, тем не менее к нему с разных концов республики постоянно приходили ветераны и их родственники со своими вопросами и проблемами, которым он изо всех сил старался помочь их решить.

Как мне помнится, это было в 1989 г.: он получил телеграмму от своего друга, проживавшего в Киеве, тоже Героя Советского Союза (к сожалению, забыл его фамилию). Друг обращался к П. Реджепову с просьбой: у них с женой (тоже участница войны) открылась язва желудка, и теперь никакие лекарства и лечения уже не помогают им от кровотечения, а врачи посоветовали им принимать кунжутное масло, только оно может помочь при лечении этого недуга, а кунжутное масло можно достать в Средней Азии.

Пена Реджепов немедленно позвонил родственникам супруги в Ташаузской области, где всегда культивировался кунжут. Через несколько дней масло было доставлено в Ашхабад. В Управлении Гражданской авиации ему обещали помочь в доставке масла в Киев. В назначенный день мы на его инвалидном «Москвиче» отвезли в аэропорт 20-литровый бидон с маслом. Как сегодня помню, в зале ожидания аэропорта командир воздушного судна, курсирующего между Ашхабадом и Киевом, сам подошел к нам и, отдавая честь громким голосом представился: «Товарищ Герой Советского Союза! Командир воздушного судна...». Вокруг стояла толпы людей. Пассажиры с огромным воодушевлением смотрели на это зрелище. Мне как молодому человеку было так приятно наблюдать за этим со стороны. Меня сразу же охватывала откуда-то появившаяся гордость за свою страну, за его истинных героев. Как тогда люди уважали друг друга, каково было отношение к человеку и каков был почет заслуженным людям!

Через некоторое время получено сообщение о том, что кунжутное масло так эффективно стало помогать ему и его супруге, что прекратилось кровотечение.

У П. Реджепова было много друзей в нашей республике и за ее пределами. Среди них были партийно-советские работники, военные, писатели, ученые, преподаватели, врачи, писатели, люди разных профессий, но большинство из них были участниками Великой Отечественной войны. По признанию П. Реджепова, самым близким его другом был и остался Курбан Дурды¹, который рано ушел из жизни.

---

¹ Славный сын туркменского народа Курбан Дурды (1917–1976) является гордостью туркменского народа, который первым среди младших командиров стрелковых войск Вооруженных Сил СССР удостоился высокого звания Героя Советского Союза [3, с. 33]. Он также является первым Героем Советского Союза из числа туркмен и среднеазиатских народов.

Конец 80-х – начало 90-х гг. для многих людей, особенно старшего поколения, был самым драматичным, если не сказать мрачным периодам в их жизни. На их глазах рушилась огромная страна. Как и миллионы других людей, Пена Реджепов очень переживал за происходящее в стране и за ее судьбу, больно реагировал на всякое недоброе упоминание о Великой Отечественной войне. Он ведь был участником этой войны и не только, он был еще и ученым, написавшим ее историю!

Однажды к нам в группу пришел молодой журналист, сотрудник одной из республиканских газет. Он предложил нам стать участниками круглого стола, посвященного войне 1941–1945 гг. Как помню, за круглым столом сидели пять-шесть человек, среди них был и автор этих строк. Но Реджепову изначально не понравились тон задаваемых на круглом столе вопросов. Журналист все время клонил к тому, что эта война чужая для туркмен. П. Реджепов сильно нервничал, тряслись его руки. Мы напряженно сидели, готовились к худшему сценарию, и думали, что он вот-вот встанет и побьет журналиста, знакомой всем нам своей знаменитой тростью. Но профессор К. Б. Мухаммедбердыев, держа за руки, сумел его успокоить и удержать от этого опрометчивого шага. В итоге, круглый стол завершился тем, что все участники остались во мнении – война 1941–1945 гг. для туркмен был и всегда останется Великой Отечественной войной!

В сентябре 2007 г. наш П. Реджепов, гордость и слава своего народа, отважный солдат Великой Победы, скончался в возрасте 89 лет. Он был последним из оставшихся в живых Героев Советского Союза-туркменов, который в своем гордом лице олицетворял героическое прошлое туркменского народа.

Спустя многих лет мы особой теплотой вспоминаем наших наставников-фронтовиков, у кого нам посчастливилось учиться профессии историка, и с кем нам выпала великая честь работать в самое непростое время в истории СССР – в конце 80-х и начале 90-х гг. Их уже нет с нами, но величественные и незабываемые образы Солдат Победы навсегда остались в нашей памяти. Среди этих личностей был славный воин, видный ученый и замечательный человек Пена Реджепов, которому 18 декабря 2019 г. исполнился бы 101 год.

Библиографический список

1. *Аннаоразов Дж.* Туркмены в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Историография проблемы : автореф. дис. .... канд. ист. наук.. Ашхабад, 1993. 25 с.
2. Боевые и трудовые подвиги туркменистанцев в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / сост. П. Реджепов. Т. I. Ашгабат, 1988. 388 с.
3. Герои Советского Союза. М.: Воениздат, 1984. 288 с.
4. Ими гордится Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1973. 210 с.
5. История Туркменской ССР. Т. 2. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1959. 808 с.

6. Мухаммедбердыев К., Оразклычев Я. Материалы по истории Туркменистана. Ашхабад: Рух, 1997. 279 с.
7. Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад: Туркменистан, 1965. 816 с.
8. Реджепов П. Батарей идет на Запад. Ашхабад: Туркменистан, 1970. 216 с.
9. Реджепов П. История Кизыл-Арватского паровозо-вагон-ремонтного завода (1880–1937 гг.) : автореф. ... канд. ист. наук. Ашхабад, 1964. 23 с.
10. Реджепов П. История Кизыл-Арватского паровозо-вагон-ремонтного завода (1880–1937 гг.). Ашхабад: Ылым. 1968. 198 с.
11. Реджепов П. П. История трех звезд. Ашхабад: Магарыф, 1981. 63 с.
12. Реджепов П. Нефтяная и газовая промышленность Туркменистана в 1917–1970 годах: исторический опыт и проблемы : автореф. ... канд. ист. наук. Ашгабат, 1994. 64 с.
13. Реджепов П. Развитие нефтяной и газовой промышленности в Туркменистане (1959–1970 гг.). Ашхабад: Ылым, 1988. 176 с.
14. Реджепов П. П. Солдатская слава. Ашхабад: Туркменистан, 1984. 168 с.
15. Реджепов П. Трудящихся Туркменистана в борьбе за большую нефть. Ашхабад: Ылым, 1972. 261 с.
16. Реджепов П. Туркменские нефтяники – фронту. Ашхабад: Ылым, 1980. 88 с.
17. Реджепов П. П., Чирков Н. П. В едином строю народов-братьев: Расцвет и сближение наций в условиях развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1980. 183 с.
18. Сухарь М. С. Гайдувсыз гахрыманлар. Ашгабат: Туркменистан, 1965. 229 с.
19. Туркменская Советская Энциклопедия. Ашхабад, 1987. Т. 7. 512 с.

J. S. Annaorazov

Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of World History, Mahtumkuli Turkmen State University (Ashgabat, Turkmenistan).

GLORIOUS WARRIOR, PROMINENT SCIENTIST, WONDERFUL PERSON (A WORD ABOUT THE HERO OF THE SOVIET UNION PENA REJEPOV)

The study and promotion of the heroic deeds of fathers and grandfathers has a great role in the patriotic education of the younger generation. The paper describes life and battle path of the glorious son of the Turkmen people, a participant of the Great Patriotic War, Hero of the Soviet Union Pena Rejepovich Rejepov (1918–2007), known throughout Turkmenistan as a prominent scientist, military writer and remarkable person.

Keywords: Military duty, defense of the Motherland, feat of a soldier, patriotic education, responsiveness, studying the history of Turkmenistan, human tragedy.

**ПОДАРКИ ФРОНТОВИКАМ ОТ ШКОЛЬНИКОВ:
ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)**

Охарактеризованы практики сбора и отправки посылок школьниками Урала фронтовикам. Прослежены общие черты и выявлены особенности этого вида общественно-полезной деятельности учащихся в Первую мировую и Великую Отечественную войны. На этом примере продемонстрирована преемственность в воспитании у подрастающего поколения патриотизма и гражданственности в дореволюционной России и в СССР.

Ключевые слова: учащиеся, социальная мобилизация, тыл, патриотизм, воспитание.

В середине декабря 1941 г. уральские газеты выходили с крупными заголовками: с перепечатки призыва работников Свердловского завода тяжелого станкостроения¹. «Пошлем тысячи новогодних подарков защитникам нашей родины», начиналась мощная политико-идеологическая компания. Стахановцы-медаленосцы Г. Бобин, Н. Каменский и другие писали: «Самый скромный новогодний подарок, отправленный в действующую армию, – это дорогой знак внимания к бойцам, это – помощь им. Отправляя посылку на фронт, мы вложим в нее частицу своего сердца, своей нежности и любви к защитникам родины»². Уральцы единодушно одобрили почин: отклики поступали из цехов, советских учреждений и школьных классов. Подрастающее поколение активно поддержало инициативу взрослых. По сообщению газеты «Большевик», в 1941–1942 учебном году только из школ Режевского района была отправлена фронтовикам 51 посылка³. В дальнейшем поток почтовых отправлений нарастал. За первое полугодие 1943–1944 учебного года учащиеся первоуральского района собрали и отправили на фронт более 300 посылок⁴. 200 из них были на счету пионеров и тимуровцев г. Первоуральска. Свои подарки они приурочили к встрече нового 1943 г.⁵ К тому времени отправка посылок превратилась в обычную предпраздничную затею: призывы к ней перекочевали на вторую полосу газет и сообщали о митингах в цехах передового

* Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avokilog@mail.ru.

¹ Осенью 1941 г. на площадке строящегося Свердловского станкозавода было размещено эвакуированное производство зенитных пушек подмосковного артиллерийского завода № 8. Следовательно, Свердловского завода тяжелого станкостроения уже не существовало, а его территория (по состоянию на декабрь 1941 г.) была включена в состав Уралмашзавода.

² Под знаменем Ленина. 1941. 17 декабря.

³ Большевик. 1942. № 79. 28 июня.

⁴ Под знаменем Ленина. 1943. 31 января.

⁵ Там же. 10 февраля.

(а лучше – победившего в социалистическом соревновании) предприятия, трудящиеся которого в очередной раз призывали: «Пошлем новогодние подарки славным защитникам родины»¹.

В обращениях 1941–1942 г. присутствовал обязательный отсыл к традиционности данного мероприятия. Трудящиеся Свердловского завода тяжелого станкостроения в декабре 1941 г. писали: «Все мы помним старый русский обычай – в день нового года преподносить своим близким и друзьям новогодние подарки»². Спустя год им вторили работники танкового завода № 76: «Есть у нашего народа исконный русский обычай своим родным людям и друзьям посылать новогодние подарки»³. Умалчивалось, исходя из идеологических соображений, только то, что существовала и традиция отправки посылок в армию вообще и праздничных посылок туда же в частности и возникла она в годы Первой Мировой войны. В ту, как называли ее современники, вторую Отечественную войну учащаяся молодежь также активно занималась сбором и отправлением посылок в действующую армию, а ее патриотический порыв нашел широкое отражение на страницах тогдашней уральской прессы. Сопоставление практик этого направления социально значимой работы подрастающего поколения в двух самых кровопролитных войнах XX столетия поможет выявить сходства и различия между ними, наметить пути развития патриотических устремлений молодежи и внесет вклад в набирающие силу сравнительные исследования первого и второго мировых вооруженных конфликтов.

Уже на молебне по случаю начала учебы в сентябре 1914 г. инспектор призывал воспитанниц Екатеринбургского епархиального училища «жертвами из своих карманных денег» «выполнить свой сыновний долг перед Родиной в переживаемый ею тяжелый момент» [8, с. 845]. Подводя итоги того года в учебно-воспитательном отношении, он мог сказать: «воспитанницы по личной инициативе несколько раз в году делали между собой денежные сборы на приобретение разных подарков для дорогих защитников отечества <...> все это <...> при удобных к тому случаях отсылалось по назначению» [5, с. 39]. Самыми подходящими поводами считались Рождество и Пасха. Более 67 рублей, вырученных от благотворительного литературно-музыкального вечера в 1916 г., епархиалки собирались потратить на пасхальные подарки воинам [6, с. 31]. В советское время общим с дореволюционным остался только новогодний праздничный сезон. В остальном перечень дат, к которым высылались посылки, изменился и расширился. Три самых значимых из них – новый год, годовщина Октябрьской революции и, естественно, день рождения Красной армии. Именно к 24-й годовщине рабоче-крестьянской Красной армии ученики 12-й школы г. Первоуральска подготовили своим «друзьям» на фронт 12 посылок⁴. Коллектив Синарского трубного завода 2 октября 1942 г. обратился ко всем трудящимся Свердловской области с очередной

¹ Под знаменем Ленина. 1942. 9 декабря.

² Там же. 1941. 17 декабря.

³ Там же. 1942. 9 декабря.

⁴ Там же. 1942. 15 февраля.

инициативой: встретить 25-ю годовщину Октября организацией массового сбора праздничных подарков фронтовикам.¹ В том году посылками поздравляли женщин-фронтовичек с 8 марта, а летом молодежь собирала и отправляла их советским партизанам.

«Посильная лепта» школьников на «алтарь отечества», как правило, идеологически направлялась и находилась под контролем педагогов. Советская печать первым делом отмечала, что сбором посылок руководили учителя или комсомолцы-пионервожатые. Газета «Под знаменем Ленина» в феврале 1942 г. сообщала, что юные патриоты 12 школы г. Первоуральска собирают посылки под руководством директора Е. А. Сандуковой, а в 11 первоуральской школе это дело возглавила учительница Исакова². Схожую ситуацию при сборе посылок накануне празднования нового 1915 г. описал наблюдатель за церковно-приходскими школами Екатеринбургской епархии протоиерей А. Катагощин: «Задумались милые детские головки над вопросом: как это сделать? И при помощи своих воспитателей и учителей исполнили задуманное» [7, с. 367].

Советские педагоги неизменно отмечали активность школьников и проявление ими «большой инициативы». Учащиеся проявляли эти качества и в годы Первой мировой войны: «Заработали спицы и крючки и замелькала игла в милых и дорогих детских ручонках. Появились на свет варежки, теплые шерстяные шлемы, шарфы и фуфайки, а там, смотришь, запестрел сделанный из разноцветных лоскутков кисет, набитый бумагой, карандашами, перьями, гостинцами (орехами и пряниками), которые в другое время быстро бы уничтожили детские зубки. Все это школьниками с любовью и от чистого сердца прикапливалось, а потом отсылалось в действующую армию дорогим нашим солдатам в подарок» [7, с. 367]. Ученицы образцовой церковно-приходской школы при Екатеринбургском епархиальном училище «сами участвовали в упаковке вещей, шили мешочки и раскладывали в них подарки воинам» [2, с. 45]. Их старшие подруги – ученицы этого училища и в следующем учебном году продолжали «с неослабевающей энергией и исключительным усердием» готовить фронтовикам посылки сначала рождественские, затем пасхальные [6, с. 156]. По данным епархиального наблюдателя А. Обтемперанского, в некоторых учебных заведениях учащиеся отказались даже от проведения школьной елки, пожертвовав собранные для нее средства «на нужды войны» [4, с. 28]. Однако личные или собранные в качестве пожертвования деньги играли в сборе ученических посылок не главную роль. Ребята экономили, копили продукты и бытовые предметы. Екатеринбургские епархиалки «делали сбережения от получаемых ими порций чаю, сахару, белого хлеба (сухарей), письменных принадлежностей и т. п.». «По мере накопления» эти запасы перекочевывали в посылки [5, с. 39]. К следующему рождеству масштабы подобных «пожертвований» составили 3 пуда 7 фунтов сахару, 2,5 фунта чаю, 2 ящика белых сухарей и 50 открыток [3, с. 156].

¹ Под знаменем Ленина. 1942. 2 октября.

² Там же. 15 февраля.

Содержимое посылок в годы Первой и Второй мировых войн почти не изменилось: в перечнях отправленного фигурировали теплые вещи, кисеты и табак, бумага и принадлежности для письма, сладости. Ученицы екатеринбургской образцовой церковно-приходской школы в первый год войны через комитет уральских горных заводов отправили в действующую армию 4 пуда 30 фунтов сухарей и еще 6 ящиков, в которых находилось «несколько комплектов белья, теплых вещей, табаку и спичек, сахару и т.п. необходимых вещей» [2, с. 45]. Учащиеся екатеринбургского епархиального училища в канун нового 1916 г. изготовили и уложили в посылки для отправки в армию по 20 простыней, наволочек, рубашек, кальсонов, 18 пар варежек, 24 пары теплых чулок, 9 теплых рубашек, 19 шлемов, 14 полотенец, 32 платка, 10 бинтов, 3 пары напульсников из приобретенного на свои средства материала и 32 шарфа, 50 рубашек, 66 кальсон, 72 портянки, 8 пар рукавиц и 200 кисетов из материала, предоставленного благотворительными организациями. В каждой посылке воины обнаружили «кое-что из белья», бумагу, мыло, кисет с табаком и «прочую мелочь» [3, с. 156–157]. Газеты 1942 г. рекомендовали вкладывать в отсылаемые на фронт посылки «теплые вещи, бритву или зубную щетку, пачку табаку, бутылку вина и бритвенный прибор, пакетик с сахаром, баночку с медом, сухари, консервы»¹.

«Любовно собранная посылка» включала в себя «душевное письмо». В неперенное сопровождение подарков фронтовикам оно превратилось уже в Первую мировую. Протоиерей Катагощин в 1915 г. пояснял: «Не обошлось, конечно, и без писем. И надо самому прочитать эти милые каракульки, чтобы понять всю силу любви, привязанности и сострадания детских душ к тем, кто защищает родину» [7, с. 367]. Пресса времен Первой и Второй мировых войн с удовольствием печатала отклики фронтовиков на полученные посылки. Сопоставление таких текстов обнаруживает в них много общего. В 1915 г. «Екатеринбургские епархиальные ведомости» опубликовали обращение военного фельдшера Михаила Артамонова к екатеринбургским епархиалкам: «Нет слов выразить Вам свою благодарность славные незнакомые, но дорогие нам барышни! Если бы только Вы видели, какое счастье, какую радость они принесли нам, горсточке людей, заброшенных в Карпаты и затерянных среди гор и ущелий! <...> Так приятно чувствовать здесь, что там, в России помнят о нас, не забывают <...> Пусть этот новый 1915 год принесет вам счастье. От лица 39 человек команды шлю вам благодарность» [3, с. 157]. В подобных же выражениях младший лейтенант ленинградского фронта А. Зарецкий писал в 1942 г. первоуральским девушкам Фене и Дусе. Его письмо в газете «Под знаменем Ленина» гласило: «Извините, дорогие, что так запросто обращаюсь к вам, незнакомым, но вместе с тем близким друзьям. В нашем богатом русском языке не найти слов, которые могли бы передать те чувства, которые появились у меня при получении вашей заботливой посылки и письма, и выразить бесконечную благодарность»².

¹ Под знаменем Ленина. 1942. 2 октября.

² Там же. 29 апреля.

Уже в годы Первой мировой войны отправление праздничных посылок в действующую армию было признано важным звеном смычки фронта и тыла как из-за распределения скудных материальных ресурсов, так и в отношении духовного единения народа. Во время Великой Отечественной войны эти обстоятельства вновь стали значимы. Синарские трубки отмечали: «Война оторвала фронтовиков от дома и семьи, от близких друзей и товарищей. Наша задача – крепить связь тыла и фронта, еще сильнее заботиться о доблестных войнах». И добавляли: посылки «еще и еще раз напомнят бойцам о безграничной любви к ним, о внимании и заботе советских людей о них»¹. Широкое же распространение в учебных заведениях практики подготовки и отправки праздничных посылок еще в годы Первой мировой войны стало свидетельством «правильной постановки религиозно-нравственно-патриотического воспитания» в них. [4, с. 32]. Известный публицист В. В. Брусянин в 1917 г. заявлял: «...сознательное участие молодежи в войне или *около войны* запишется в историю русской общественности золотыми буквами» [1, с. 41]. Великая Отечественная война развила и увеличила потенциал этого ресурса социальной мобилизации подрастающего поколения, особенно в тяжелый и во многом неблагоприятный для СССР начальный период борьбы с врагом. В частности, сбор денежных средств на покупку крупных видов вооружения во многом воспринимался в качестве подарка тыла фронту. Организационно он вырос из практики сбора и отправления на передовую как теплых вещей, так и праздничных посылок, а затем стал самостоятельным направлением патриотического движения по оказанию помощи армии. В 1941–1943 гг. учащиеся местных школ собирали средства на эскадрилью «Советский пионер», танковую колонну «Свердловский комсомолец». Новым явлением стало также стимулирование сбора посылок (или средств на них) с помощью соревнования. «Принимайте наш вызов!» – заявили ровесникам ученики 3а класса школы № 3 г. Первоуральска, собрав на танковую колонну 100 рублей и призвав остальных учащихся следовать их примеру². Газета «Под знаменем Ленина» в конце первого военного учебного года с воодушевлением отмечала: «Борьба советского народа с ненавистными захватчиками вызвала огромный патриотический подъем среди школьников. В многочисленных и разнообразных общественных делах дети проявили свое пламенное чувство любви к родине и Красной армии»³.

Библиографический список

1. Брусянин В. В. Война, женщины и дети. Петроград, М.: «Млечный путь». 129 с.
2. Далматов И. Отчет о состоянии образцовой одноклассной церковно-приходской при Екатеринбургском епархиальном женском училище школы

¹ Под знаменем Ленина. 1942. 2 октября.

² Там же. 1942. 1 апреля.

³ Там же. 10 июня.

- за 1914–1915 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 49. Дополнение. С. 43–45.
3. Из жизни Епархиального училища // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 8. Отд. неофиц. С. 155–158.
4. *Обтемперанский А.* Отчет екатеринбургского епархиального наблюдателя школ за 1914–1915 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 3. Приложение. 58 с.
5. *Слюнков Н.* Отчет о состоянии Екатеринбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебный год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 49. Дополнение. 42 с.
6. *Слюнков Н.* Отчет о состоянии Екатеринбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1915/1916 учебный год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 9. Приложение. 43 с.
7. Школьный праздник // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 19. Отд. неофиц. С. 365–369.
8. *Н. В.* В Епархиальном училище // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1914. № 38. Отд. неофиц. С. 844–846.

S. V. Golikova

Doctor of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

**GIFTS TO VETERANS FROM SCHOOLCHILDREN:
PARALLELS BETWEEN THE GREAT PATRIOTIC WAR AND
THE FIRST WORLD WAR (ON EXAMPLE OF THE URALS)**

The paper describes practices of collecting and sending parcels by Ural schoolchildren to front-line soldiers. The paper identifies features of this type of socially useful activity of students during the First World War and the Great Patriotic war. Using this example, the author demonstrates continuity in educating the younger generation of patriotism and citizenship in pre-revolutionary Russia and the USSR.

Keywords: students, social mobilization, home front, patriotism, education.

ДЕЛО НКВД КАЗАХСКОЙ ССР: НЕМЕЦКИЕ АГЕНТЫ-ПАРАШЮТИСТЫ

Автор акцентировала внимание на деятельности НКВД Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Стратегическое расположение западных областей Казахстана и Сталинградского фронта детерминировала отнесение их к прифронтовой зоне. На основании впервые вводимых в научный оборот источников, показана агентурно-оперативная операция НКВД «Легион», направленная на борьбу с немецкими диверсантами.

Ключевые слова: Казахстан, парашютисты, диверсанты, Туркестанский легион, НКВД, Гурьевская область.

История Великой Отечественной войны вызывала и будет вызывать исследовательский интерес. Несмотря на имеющийся объем печатной продукции, освещающей практически все военные события 1941–1945 гг., каждый раз появляются новые неизвестные страницы, находятся новые героические персоналии. Для Казахстана 9 мая имеет особое значение – каждый пятый казахстанец ушел на фронт, более 350 тыс. человек не вернулись, более 500 казахстанцев стали Героями Советского Союза, 4 из них – дважды [1].

Фашистская Германия имела собственные планы на среднеазиатские республики, получившие отражение в плане Барбаросса. Немецкое руководство предполагало захватить западные области Казахстана, а именно город Уральск 1 сентября 1942 г. Театр военных действий оказался слишком близко к западной области Казахстана, где 12 августа 1942 г. ввели военное положение.

Немало героических страниц в историю Великой Отечественной вписали войска НКВД. Перестройка органов НКВД на военный лад произошла очень быстро, по-военному. Именно они поставили заслон уголовной преступности, бандитизму в военные годы, многие из сотрудников погибли в неафишируемой борьбе с уголовниками, диверсантами. НКВД СССР и КазССР, располагало сведениями о возможном появлении вражеских шпионов и диверсантов на территории Казахстана. Содержание Циркуляра НКВД Казахской ССР указывало на возможность переброски квалифицированной немецкой агентуры, обученной в диверсионной школе. Согласно имеющимся данным, немцы должны были забросить разведывательные диверсионные группы численностью 18 чел. в Северный Казахстан, группу из 6 чел. в Западный Казахстан. Кроме того, для последующей заброски в среднеазиатские республики в Брестской школе было подготовлено 44 чел.¹

* Жанбосинова Альбина Советовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан; sovetuk@rambler.ru

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-9479С. Оп. 1с. Д. 50. Л. 23.

Приказом от 22 декабря 1941 г. Вермахтом были созданы четыре легиона из восточных народов – Туркестанского, Армянского, Грузинского и Кавказско-мусульманского. Туркестанский легион формировался из военнопленных тюркской национальности с целью создания очагов сепаратизма в тылу СССР, а именно на территории национальных республик. Диверсантов из тюркских этносов готовили в лесном лагере Освитц, что находился в пяти километрах от города Бреслау. Школа в Бреслау готовила разведчиков глубокого тыла для переброски в район Южного Урала, в Среднеазиатские области с заданиями разведывательного и агитационного характера.¹ Одна из групп, засланных в Казахстан, прошла полуторагодовичную школу разведчиков в специальном центре, в 60 километрах от Берлина.

Деятельность управлений НКВД была сориентирована на реализацию агентурно-оперативных мероприятий, направленных на борьбу с диверсантами. Повсеместно были организованы истребительные отряды и группы содействия из партийно-советского актива, в постоянной готовности находились оперативно-поисковые группы и действовали наблюдательные посты, нацеленные на повседневный розыск вражеской агентуры.

Малоизвестным фактом из истории Великой Отечественной войны в Казахстане являются факты задержания в 1943–1944 гг. на территории Гурьевской области сотрудниками УНКВД нескольких групп немецких парашютистов-диверсантов. Обезвреженные группы состояли из числа бывших военнослужащих Красной армии, плененных и привлеченных немцами в Туркестанский легион.

Нефтяные районы Гурьевской области часто становились объектами немецких диверсий. С разницей в один день 21, 22, 23 августа 1943 г. в Гурьевскую область были переброшены три диверсионные группы². Ни одна из указанных групп не вышла на связь по причине договоренности между ними еще в городе Бердянске о явке с повинной в органы НКВД после приземления в тылу советской армии. Выброшенные с самолетов на территорию Гурьевской области в радиусе 15–20 км друг от друга, «мы все 17 человек явились с повинной в органы НКВД и при этом были задержаны. Мы явились в органы НКВД города Гурьева 27 августа 1943 года, к этому времени уже были в здании все участники группы Казбанова и Тулегенова»³.

3 и 6 мая 1944 г. вновь на территории области десантировались две группы немецких диверсантов в составе 14 чел. 10–12 мая того же года в районе Эмба (Джаркомыс) в 300 километрах от Караганды была выброшена еще одна группа немецких парашютистов. На ликвидацию групп парашютистов были отправлены 4 оперативные группы общей численностью до стрелковой роты.

¹ Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 2. Д. 2021. Л. 32.

² СГА ДП ВКО. Ф. 20. Проверочно-фильтрационные карточки.

³ Там же. Ф. 19. Оп. 2. Д. 2021. Л. 64.

16 мая опергруппа НКВД вступила в бой с диверсантами, двигавшимися вдоль реки Эмба на северо-восток. В результате были задержаны двое парашютистов Басчибаева Джапара и Джакмфова Шапсады, имевших автоматы и пистолеты. Переброска осуществлялась четырехмоторным самолетом с аэродрома в районе Бухареста. О серьезности намерений диверсантов свидетельствует захваченный НКВД арсенал одной из групп, брошенных 6 мая. Ими были закопаны 3 радиостанции (одна дальнего и две ближнего действия) с полным питанием, арматурой, ножной динамо-машиной, ее код и шифр, 3 автомата, 2 немецкие автоматические самозарядные винтовки, 3 русские винтовки, ручной пулемет, 2 маузера, 4 пистолета, 25 гранат, около 30 килограммов взрывчатки, 30 зажигательных шашек, 20 000 патронов. Дополнительно были найдены военное и гражданское обмундирование, 12 комплектов различных военных и гражданских документов, 130 штук каучуковых печатей и штампов, 200 000 рублей и 3 000 антисоветских листовок¹.

В разосланной ориентировке указывалось, что разыскиваемые парашютисты одеты в форму Красной армии, вооружены 11 автоматами, 1 ручным пулеметом, пистолетами и гранатами. Особо отмечалось, что намерений сдаваться органам советской власти не имеют, думают биться до последнего патрона и в случае безвыходного положения покончить самоубийством.

В отличие от августовской группы диверсантов 1943 г., добровольно явившихся с повинной в НКВД, майская группа 1944 г. была нацелена на вооруженное сопротивление. Вероятное объяснение тому – различие базовых центров подготовки; августовская группа готовилась на территории Польши, а майская – в Германии, где был более жесткий целевой отбор потенциальных диверсантов.

17 мая 1944 г. оперативной группой УНКВД Гурьевской области в Жилкосинском районе у колодца Саркаска была обнаружена часть брошенных парашютистов, совершивших налет на ферму колхоза имени Кирова. Диверсанты ограбили колхозников, забрав верблюда, две лошади и продукты питания, увели с собой бригадира, которого впоследствии расстреляли, так как не могли использовать его в качестве проводника.

18 мая оперативной группой НКВД были задержаны 5 немецких парашютистов, остальные 7 человек скрылись в направлении Гурьева. В этот же день военизированная охрана нефтекачки в результате нападения диверсантов во время перестрелки убила двоих в форме офицеров Красной армии, со знаками различия капитанов. У каждого из них имелись по одному ордену Красной звезды и по одной медали. 5 парашютистов не удалось задержать. 19 мая в районе нефтекачки парашютисты были окружены, на предложение сдаться, они ответили сильным ружейно-пулеметным огнем, из оставшихся пяти 3 были убиты, 2 скрылись. Последних задержали 24 мая в Макатском районе².

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479С. Оп.1с. Д. 50. Л. 37.

² Там же. Л. 41.

В телеграмме на имя Л. Берии от 28 мая 1944 г. сообщалось, что группа парашютистов, выброшенная немцами 3 и 6 мая в Жилокосинском районе в количестве 14 чел., полностью ликвидирована, взято живыми 9 чел., из них добровольно сдались 2 чел., в процессе задержания убито 5 чел.¹

Операция по ликвидации немецких парашютистов УНКВД Гурьевской и Актюбинской областей получила название «Легион». Важно отметить, что активную помощь оперативным группам НКВД оказывало местное население. По версии Вермахта этнические группы СССР должны были сыграть ведущую роль в разжигании сепаратизма в среднеазиатских республиках, в том числе и в Казахстане, а в качестве фитиля служили засылаемые диверсионные группы из «своих» же, оказавшихся в плену у немцев. Бдительность жителей области, их активная помощь в поимке засланных туркестанских легионеров позволяла НКВД оперативно уничтожать немецких диверсантов.

Одним из руководителей диверсионной группы оказался Агаев Али-Хан, бывший работник Наркомзема Казахстана, уроженец Гурьевской области, имевший звание обер-лейтенанта немецкой армии, был одет по форме капитана Красной армии². Среди тех, кто готовился к переброске, был Куттабаев Муса, которого за просоветское настроение и намерение явиться после переброски в НКВД, Агаев лично расстрелял перед строем в Бухаресте. В обнаруженном дневнике Агаева была запись: «Написал письмо в Берлин, где выдвинул вопрос об организации казахских джигитов и взятия этого вопроса в свои руки». Свою мечту об организации казахского «национального легиона» из числа пленных красноармейцев казахов Агаеву не удалось осуществить, 20 мая в перестрелке с оперативным отрядом он был застрелен³.

Далекий фронт Великой Отечественной оказался намного ближе к Казахстану, ежедневная война с диверсантами стала частью вклада в победу как местных жителей, так и органов НКВД Казахстана.

Библиографический список

1. На каждый 1 миллион казахстанцев – участников Великой Отечественной войны приходится 33 героя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/4502636-na-kazhdyj-1-mln.-kazakhstancev.html> (дата обращения: 16.07.2012).

A. S. Zhanbossinova

Doctor of historical Sciences, East Kazakhstan state University. S. Amanzholov (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan).

¹ ГАРФ. Ф. Р-9479С. Оп.1с. Д. 50. Л. 47.

² Там же.

³ Там же. Л. 57–60.

NKVD CASE OF THE KAZAKH SSR: GERMAN AGENTS-PARATROOPERS

The author focused on the activities of the NKVD of Kazakhstan during the great Patriotic war. The strategic location of the Western regions of Kazakhstan and the Stalingrad front determined their attribution to the frontline zone. On the basis of the sources first introduced into scientific circulation, the NKVD's agent-operative operation "Legion" is shown, aimed at fighting German saboteurs.

Keywords: Kazakhstan, paratroopers, saboteurs, Turkestan Legion, NKVD, Guryev region.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В РЕШЕНИЯХ ГОРОДСКИХ КОМИТЕТОВ ОБОРОНЫ¹

Городские комитеты обороны обладали в период Великой Отечественной войны широким кругом полномочий, что способствовало максимально эффективному в тех условиях решению важнейших военных и социально-экономических задач. Работа чрезвычайных органов власти имела большое значение в городах, территория которых в военный период стала ареной ожесточенных боев. Таковым городом был Сталинград. Военно-организационные задачи в его работе являлись первоочередными. Однако значительное внимание уделялось и решению социально-экономических вопросов. Работа в этой области была направлена на сохранение относительной социальной стабильности в городе, нормализацию условий проживания и снабжения населения, организацию медицинского обслуживания и поддержания санитарного благополучия в городе, оказание социальной помощи отдельным категориям населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, городские комитеты обороны, социально-бытовые проблемы, повседневность.

Великая Отечественная война была и остается центральной темой отечественной исторической науки и вызывает интерес исследователей. Одним из факторов, обусловивших победу СССР в ней, стала работа государственного аппарата, не только центрального, но и местного. В первую очередь это касается местных чрезвычайных органов власти российской провинции – городских комитетов обороны (ГорКО), внесших существенный вклад в укрепление обороноспособности страны, в сохранение социальной стабильности и разгром противника.

Важное значение работа городских комитетов обороны имела в городах, территория которых в военный период стала ареной ожесточенных боев. Таковым городом был Сталинград. На его территории был решен исход крупнейшей битвы Второй мировой войны. Немаловажную роль в победе под Сталинградом сыграла работа городского комитета обороны.

Военно-организационные задачи в работе Сталинградского городского комитета обороны являлись первоочередными. Однако значительное внимание уделялось и решению социально-экономических вопросов.

Особенности работы чрезвычайного органа власти Сталинграда в военный период были обусловлены географическим положением города, спецификой

---

* Красноженова Елена Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Санкт-Петербург, Россия; eleena@inbox.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-20072 «Вторая Международная научно-образовательная конференция «СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.)».

его экономического развития. Огромное влияние на работу Сталинградского городского комитета обороны оказывали события на советско-германском фронте. Так, до июля 1942 г. Сталинград был тыловым городом. Уровень жизни горожан с началом войны резко упал, обострились повседневно-бытовые проблемы, сократились ресурсы потребления. Повсеместно недоставало продовольствия [4]. Отмечалось ухудшение санитарно-эпидемической ситуации. Значительные трудности возникли вокруг снабжения населения предметами первой необходимости. Рост производства военной продукции неизбежно привело к сокращению отъемов их выпуска.

Поскольку возможности централизованного снабжения в военный период были значительно снижены, в регионе получила распространение деятельность артелей и мастерских. Однако их возможности не обеспечивали производство необходимого региону объема промышленных товаров. Особенно тяжелая ситуация сложилась после окончания Сталинградской битвы, когда все предприятия, обеспечивающие социально-экономические потребности населения, были полностью разрушены.

В начале Великой Отечественной войны региональные продовольственные фонды укомплектовывались городским комитетом обороны за счет централизованного снабжения населения, продукции подсобных хозяйств и огородов предприятий, учреждений и граждан. Пищевые продукты приобретались сталинградцами и на колхозных рынках. Однако продовольственное снабжение посредством использования продукции централизованных государственных фондов оставалось основным каналом приобретения горожанами продуктов питания. Такая продукция реализовывалась для сталинградцев через закрытую и свободную торговую сеть.

В условиях крайней ограниченности централизованных государственных фондов чрезвычайные органы власти в центре и на местах вводили карточную систему распределения продовольствия, что давало гражданам некоторую гарантию получения минимального набора пищевых продуктов. Нормированное снабжение хлебом, сахаром, кондитерскими изделиями вводилось в Сталинграде 23 августа 1941 г.¹ С 29 октября оно было распространено на рыбу, мясо, жиры, крупы и макаронные изделия². Общая калорийность питания сталинградцев упала на четверть по сравнению с довоенным периодом³.

Период коренного перелома в войне явился временем тяжелых испытаний для экономики и социальной сферы Сталинграда. Территория области была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Постановление Государственного комитета обороны № 2072 сс от 21 июля 1942 г. стало основанием для частичной эвакуации из Сталинграда предприятий местной промышленности. В первую очередь вывозились материалы, сырье, оборудование, готовая продукция. Кроме того, эвакуировались инженерно-технические рабочие и члены их семей [5, с. 319]. Производственная эвакуация имела значительные масштабы. Однако

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 391. Л. 34.

² Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 2115. Оп. 3. Д. 19. Л. 334.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 686. Л. 66.

в условиях наступления немецко-фашистских войск на сталинградском направлении вывезти все промышленное оборудование города не представлялось возможным. Поэтому Сталинградский городской комитет обороны был вынужден 19 августа 1942 г. принять решение об уничтожении промышленных объектов [5, с. 431, 432]. Частичному уничтожению подлежало оборудование сталинградского тракторного завода, завода химической промышленности, завода «Баррикады», судостроительного завода, Сталгрэс, нефтебазы, завода им. Сакко и Ванцетти, Нефтемашстрой и ряда других предприятий [5, с. 434].

Сталинградским городским комитетом обороны рассматривались и вопросы, связанные с частичной эвакуацией из города некоторых категорий его населения. Так, в июле-августе 1942 г. из региона в Молотовскую область были эвакуированы детские дома¹. В Куйбышевскую область было вывезено 15 тыс. женщин с детьми. Около 65 тыс. чел. было эвакуировано в августе-октябре 1942 г. из Ворошиловского района, 60 тыс. чел. – из Краснооктябрьского [3, с. 158]. Всего же в августе-ноябре 1942 г. за Волгу было переброслено 400 тыс. чел. [2, с. 112].

Поиском ресурсов для эвакуации занимался городской комитет обороны. Были использованы гражданские переправы, транспорт предприятий и личный транспорт. Однако, несмотря на реализуемые меры по вывозу отдельных категорий населения, решений о проведении массовой эвакуации горожан в этот период не было. Кроме того, не учитывая ситуации на фронте в районе Сталинграда, центральная Комиссия по эвакуации вплоть до сентября 1942 г. направляла сюда эвакуируемых из Ленинградской и Смоленской областей [2, с. 120]. Таким образом, к началу массированных налетов вражеской авиации на город 23 августа 1942 г. в нем пребывало значительное количество мирного населения.

С началом боев на территории города и области прекратили свою работу предприятия торговли и общественного питания, больницы, поликлиники и амбулатории. Рост производственных нагрузок, падение качества жизни и боевые действия в регионе неизбежно вели к распространению заболеваемости и смертности среди жителей города. Поэтому уже зимой 1941 г. из-за нехватки мыла, отсутствия электроэнергии, воды, топлива в Сталинграде появилась угроза эпидемии сыпного тифа, дизентерии, брюшного тифа и ряда других заболеваний².

В январе 1943 – июне 1944 гг. Сталинград быстрыми темпами восстанавливался. Городским комитетом обороны проводились санитарно-эпидемические работы и мероприятия по разминированию.

Особенностью работы Сталинградского городского комитета обороны явилось то, что он продолжил свою деятельность до 7 сентября 1945 г., в то время как большинство чрезвычайных органов власти регионов РСФСР сложили свои полномочия в 1943 г. Это связывалось в первую очередь со сложностями восстановительного процесса в регионе и необходимостью наращивания производства военной оборонной продукции для фронта. В 1945 г. количество нормативных документов, издаваемых Сталинградским городским комитетом обороны, резко сократилось.

¹ ГАВО. Ф. 2115. Оп. 3. Д. 26. Л. 34.

² Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО) Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 7–12.

В заключение необходимо отметить, что анализ работы чрезвычайных органов власти в центре и в Сталинграде в условиях Великой Отечественной войны показал, что они играли ключевую роль в управлении городом. Их взаимодействие в области решения социально-экономических вопросов было направлено на нормализацию условий проживания и снабжения населения, организацию медицинского обслуживания и поддержания санитарного порядка. Система чрезвычайного государственного управления в центре и на местах, сложившаяся в период Великой Отечественной войны, позволила решить важнейшие задачи, направленные на обеспечение социальной стабильности в российских городах, доказав тем самым свою эффективность.

Библиографический список

1. *Водолагин М. Л.* Очерки истории Волгограда. М.: Наука, 1968. 448 с.
2. *Данилов В. Н.* Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Поволжского филиала Российского учебного центра, 1996. 392 с.
3. *Красавин В. С., Бородин А. М., Логинов И. М., Красавин В. С.* Подвиг Сталинграда. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1975. 367 с.
4. *Красноженова Е. Е.* Организация общественного питания в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (34). С. 40–46.
5. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2003. 920 с.

E. E. Krasnozhenova

Doctor of Sciences (History), Professor, St. Petersburg Polytechnic University, (St. Petersburg, Russia).

MILITARY EVERYDAY LIFE IN DECISIONS OF CITY DEFENSE COMMITTEES

During the Great Patriotic War, the city defense committees had a wide range of powers, which contributed to the most effective solution of the most important military and socio-economic problems in those conditions. The work of emergency authorities was of great importance in cities, the territory of which during the war period became the scene of fierce fighting. That city was Stalingrad. Military-organizational tasks in his work were priority. However, considerable attention was paid to the solution of socio-economic issues. Work in this area was aimed at maintaining relative social stability in the city, normalizing living conditions and supplying the population, organizing medical care and maintaining sanitary welfare in the city, and providing social assistance to certain categories of the population.

Keywords: World War II, Stalingrad, city defense committees, social problems, everyday life.

ОТ УРАЛА ДО КУРСКОЙ ДУГИ: УЧАСТИЕ 70-й АРМИИ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ НА ТЕПЛОВСКИХ ВЫСОТАХ

На основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ реконструируется ход событий, связанных с участием частей и соединений 70-й армии Центрального фронта в Курской стратегической оборонительной операции. Особое внимание уделяется ключевым боям 5–10 июля 1943 г., в ходе которых советским войскам удалось остановить наступление немецкой армии на северном фасе Курской дуги.

Ключевые слова: Курская битва, 70-я армия, Центральный фронт, северный фас.

В дни празднования предыдущего юбилея Великой Победы, 7 мая 2015 г., в районе села Молотычи Курской области был открыт мемориальный комплекс «Поклонная высота 269» в честь подвига воинов 70-й армии. Надпись у основания Поклонного креста, положившего начало мемориалу, гласит: «Здесь в июле 1943 года шли тяжелейшие бои Курской битвы – решающего сражения Великой Отечественной войны. Ценою своих жизней, воины 140-й стрелковой дивизии не допустили врага на стратегические высоты. За один день 10 июля убито 513 и ранено 943 человека. Вечная память защитникам Отечества».

Свой путь к Победе 70-я армия начинала на Урале. 14 октября 1942 г. было издано постановление ГКО № 2411 о формировании из войск НКВД отдельной армии. В ее состав вошли 6 дивизий, укомплектованных из личного состава пограничных округов и внутренних войск. Более половины бойцов и командиров составляли кадровые военнослужащие. Например, 52,4% воинов Уральской дивизии участвовали в боевых действиях.

После формирования части и соединения из пунктов комплектования передислоцировались на Урал. На 1 февраля 1943 г. численность Отдельной армии составляла 69236 чел. 5 февраля она стала 70-й армией РККА, а ее дивизии получили нумерацию. 12 февраля на 76 железнодорожных эшелонах армия направилась на фронт. Из района Ельца 70-я армия пешим порядком выдвинулась в район сосредоточения на рубеж Тагино – Фатеж [3, с. 11].

К началу Курской битвы 70-я армия Центрального фронта обороняла на северном фасе выступа участок протяженностью 62 км. Четыре дивизии находились в первом эшелоне армии, еще 4 занимали вторую оборонительную полосу [1, с. 34]. 5 июля 1943 г. в 9.30 утра противник нанес сильный удар

* Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, кафедра конституционного права Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия; vlavikor@yandex.ru

по правому флангу 70-й армии (132 сд и 280 сд). Но с ходу прорвать их оборону немецкие войска не смогли.

В первый день сражения, нанося удар в стык 13-й и 70-й армий, группа немецких танков с мотопехотой вела наступление в юго-западном направлении. Отступление 15 стрелковой дивизии (сд) 13-й армии оголило правый фланг 70-й армии. Для ликвидации угрозы обхода был направлен 712-й стрелковый полк (сп) 132 сд. Но продолжившееся наступление противника не позволило выполнить поставленную задачу. Одновременно с обходом фланга 132 сд, немецкие войска вновь перешли в атаку с фронта, прорвали оборону дивизии, создав угрозу окружения 712 сп с севера. Упорно сопротивляясь, части 132 сд начали отход.

Поддерживая наступление своих войск, немецкая бомбардировочная авиация перенесла удары на правый фланг 70-й армии. Отход 132 сд прикрывал 1-й батальон ее 605 сп, принявший бой с превосходящими силами противника. В течение полутора суток войны батальона под командованием капитана П. Ф. Козменко, оказавшись в окружении западнее Гнильца, оказывали сопротивление врагу. Впоследствии по приказу командира дивизии они смогли прорвать кольцо окружения и соединиться со своими частями [1, с. 159–160].

Воинам соединений, находившихся во втором эшелоне обороны, с началом сражения тоже представилась возможность отличиться в боевой обстановке. Так, старший телефонист 282-го Свердловского стрелкового полка 175-й Уральской стрелковой дивизии младший сержант Ф. Е. Лопаткин, находясь 5 июля на наблюдательном пункте батальона, заметил пикирующий «мессершмитт». Тремя бронебойно-зажигательными выстрелами из винтовки ему удалось сбить атаковавший позиции полка вражеский истребитель, за что был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени¹.

В течение 6 июля 1943 г. в полосе обороны 70-й армии противник, скованный контрударом войск 17 гв. стрелкового корпуса и 16 танкового корпуса, не предпринял активных действий. Но уже 7–8 июля 1943 г. наиболее сильные удары нанес по стыку 175-й и 140-й стрелковых дивизий у Самодуровки.

В 175 сд только 282-й Свердловский стрелковый полк под командованием полковника Ф. И. Комаринца в течение 7 июля 1943 г. отразил 8 атак вражеской пехоты, поддерживаемой 76 танками, сумев уничтожить 7 единиц бронетехники противника. 8 июля батарея 76-мм пушек из этого полка подбила 6 танков и 3 бронемшины противника. Старшина Федотов в этот день бутылкой с горючей смесью уничтожил немецкий танк².

7 июля 1943 г. оперсводкой № 236 штаб 140 сд докладывал командованию 70-й армии, что авиация противника с 5 часов утра непрерывно воздействовала на боевые порядки частей, которые одновременно подверглись артиллерийско-минометному обстрелу. В полдень на рубеже высот севернее

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1647. Л. 239.

² ЦАМО РФ. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 6. Л. 15-об.

Самодуровки были сосредоточены около 300 немецких танков. Артиллерия дивизии уничтожила 30 из них, сорвав запланированную танковую атаку. В 17 час. 132 сд стала отходить в направлении Самодуровки и южнее. Потери 140 сд за этот день составили 42 убитых и 66 раненых¹.

8 июля в течение дня части 140 сд отражали атаки танков и пехоты противника, вели борьбу с его бомбардировочной авиацией. В этот день на позиции 96 сп в районе Самодуровка – Теплое вели наступление от 150 до 200 немецких танков. Наибольшая тяжесть в отражении танковых атак легла на воинов 2-го батальона, которые смогли отбить пять из них. Понеся большие потери и израсходовав весь боезапас, батальон отошел. Атаку 100 вражеских танков смог отбить артиллерийским огнем 258 сп 140 сд.

Повторной атакой танки противника нанесли удар в стык 258-го и 96-го стрелковых полков и овладели восточной окраиной с. Теплое. Контратаками 3-го батальона 96 сп было уничтожено до двух взводов пехоты, а 2-й батальон этого полка восстановил свое исходное положение. За этот день частями дивизии было уничтожено 34 танка и до двух батальонов пехоты². 70-я и 175-я дивизии удерживали позиции. Введя в бой резервы у Самодуровки, они закрыли прорыв, отрезав танки с пехотой от главных сил противника [1, с. 174].

Понеся потери, 9 июля противник активности не проявлял. Лишь ранним утром до 40 танков атаковали позиции 101-й танковой бригады (тбр) северо-восточнее Молотычей. Оставив 16 танков подбитыми и горящими, остальные отошли в район Самодуровки. В 19.30 до 250 бомбардировщиков разных типов в течение получаса произвели массированный налет на восточную окраину Молотычей и высоты севернее.

С рассветом 10 июля противник перешел в наступление силами до 300 танков. Части 140 сд оборонялись на высоте 238.1. Против 3-го батальона 258 сп велось наступление с фронта и левого фланга. Его 7-я и 8-я роты были почти полностью уничтожены, что дало возможность немецким пехотинцам ворваться в траншеи на занимаемой высоте. Ни один боец не оставил своих позиций, успешной контратакой в 17 час. враг был выбит с высоты 238.1³.

К 14.00 противнику удалось прорваться на северные скаты высоты 253.5. Противник подошел к высотам вплотную, имея впереди автоматчиков и до 30 «тигров». Со стороны восточной окраины села Теплое до 150 немецких танков развернутым строем в два эшелона подходили к высотам.

В 16.00 бой достиг высшего напряжения. Вражеская пехота под прикрытием танков ворвалась в окопы. До роты автоматчиков вышли на высоту 253.5 к позициям 101 тбр, которая, потеряв к этому времени до 25 танков и до 100 мотострелков, ослабила сопротивление.

В 16.30 для восстановления положения был направлен последний резерв – часть саперного и мотоциклетного батальонов. К 17.00 при поддержке двух командирских танков 19-танкового корпуса они контратаковали по западным

¹ ЦАМО РФ. Ф. 427. Оп. 11105. Д. 17. Л. 410.

² Там же. Л. 412.

³ Там же. Л. 418.

скатам высоту 253.5 и отбросили пехоту противника в направлении с. Теплое [2, с. 19]. В контратаке принимали участие 2-й и 3-й батальоны 283 сп 140 сд.

В это время разведывательный батальон контратаковал на восточных скатах высоты 253.5 прорвавшуюся группу автоматчиков противника. Положение было временно восстановлено. К 18.00 подошли 10 танков Т-34 из 251-го танкового полка, которые сходу отправили в оборону на северо-восточные скаты высоты 253.5. К 19.00 туда же подошли остальные танки.

Исследованные документы дают основание согласиться с оценкой командования о том, что воля к победе всех участников боя была безгранична. Каждая успешно отраженная атака противника поднимала дух бойцов, стремление как можно ближе подпустить противника и уничтожить его. Командиры и бойцы повторяли клятву, данную командующему 70-й армии генерал-лейтенанту И. В. Галанину: «Умрем, но не отойдем!» Отстояв в этот день Тепловско-Молотычевские высоты, воины 70-й армии лишили противника последнего шанса прорваться к Курску с севера.

Библиографический список

1. Битва под Курском: От обороны к наступлению. М.: АСТ-ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 826 с.
2. Головин В. В., Коровин В. В. Оборонительные бои 19-го танкового корпуса на северном фазе Курской дуги // Курский военно-исторический сборник. Вып. 18. Курск: Университетская книга, 2018. С. 10–25.
3. Рогожкин Н. Е. «...Приравнять во всех отношениях к гвардейским частям». Боевой путь 70-й армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 10–14.

V. V. Korovin

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Constitutional Law, South-Western State University (Kursk, Russia)

FROM THE URALS TO THE KURSK BULGE: PARTICIPATION OF THE 70TH ARMY IN DEFENSIVE BATTLES AT THE TEPOV HEIGHTS

Based on the documents of Central archive of Ministry of Defense of Russian Federation, the paper reconstructs course of events related to the participation of units and formations of the 70th army of the Central front in the Kursk strategic defensive operation. The author pays special attention to the key battles of July 5–10, 1943, during which the Soviet troops managed to stop the German army's offensive in the northern part of the Kursk bulge.

Keywords: battle of Kursk, 70th Army, Central front, northern part of the bulge.

БОРЬБА С ДИВЕРСАНТАМИ И ДЕЗЕРТИРАМИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье рассмотрены формы и методы борьбы органов внутренних дел с диверсантами и дезертирами на территории Вологодской области в завершающий период Великой Отечественной войны. Показана роль истребительных батальонов и групп содействия из числа местного населения в противодействии противнику и преступности, в обеспечении охраны общественного порядка.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вологодская область, органы внутренних дел, диверсанты, дезертиры.

Одной из важных задач, поставленных перед органами внутренних дел Вологодской области в годы Великой Отечественной войны [1, 2], являлась борьба с диверсантами и дезертирами, представлявшими серьезную опасность в условиях военного времени. В отличие от начального периода войны, когда вражеские диверсионно-разведывательные группы активно действовали на территории Вологодской области и соседних регионов, по мере приближения войны к завершению их деятельность значительно уменьшилась. Если в четвертом квартале 1943 г. на территории области было задержано 35 диверсантов противника, сброшенных с самолетов, то в первом квартале 1944 г. только два, при этом полеты вражеской авиации значительно сократились².

Для иллюстрации процесса задержания вражеских парашютистов приведем следующий пример. Одна из обезвреженных в 1943 г. диверсионно-разведывательных групп противника сотрудниками Отдела контрразведки «Смерш» была успешно включена в разведывательную «игру». В ходе радиообмена от противника в первых числах марта 1944 г. поступило указание о подготовке к приему двух человек и 28 мест груза. Для задержания парашютистов к месту предполагаемого сброса были направлены 15 бойцов Вожегодского истребительного батальона и оперативная группа сотрудников местного РОВД. Они подготовили площадку и зажгли сигнальные костры. 17 марта 1944 г. над площадкой с вражеского самолета были сброшены два

---

* Кузьминых Александр Леонидович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, Россия; istorial@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № № 18–09–00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера России)».

² Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (Архив УМВД России по ВО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

парашютиста с грузом. Один из них был задержан в районе костров, а второй скрылся и был пойман на следующий день в дер. Лупачиха Раменского сельсовета при движении в направлении станции Вожега Северной железной дороги. По показаниям задержанных было установлено, что они в числе 96 чел. обучались в диверсионной школе в местечке Печке под Псковом, затем передислоцированной в г. Ригу. После пятимесячной подготовки они были выброшены с самолета, взлетевшего с Рижского аэродрома. Также они сообщили, что остальные диверсанты разделены на группы и ожидают выброски. Благодаря анализу полученной информации был сделан вывод, что внимание противника приковано к Северной железной дороге, после чего было принято решение о дополнительных мерах по ее защите¹.

В июле 1944 г. для борьбы с диверсантами на территории Вологодской области действовали 38 истребительных батальонов и 54 отдельных подразделения общей численностью 3693 чел.² Командный состав истребительных батальонов в основном состоял из работников НКВД и милиции. Кроме того, из числа населения области было сформировано 1 075 групп содействия, насчитывающих 13 820 чел., принимавших активное участие в задержании вражеских парашютистов. Помимо наблюдения за маршрутами полетов вражеских самолетов, бойцы истребительных батальонов участвовали в операциях по задержанию бандитов, дезертиров, в патрулировании и проверках документов у населения.

Служебно-оперативная деятельность истребительных батальонов по задержанию бандитов и дезертиров проводилась в сочетании с агентурно-оперативной работой. Так, сотрудникам Верховажского РОВД поступила информация о местонахождении вооруженного дезертира П. В. Шутова, занимавшегося грабежами. Через агентуру было установлено, что Шутов скрывается в сооруженной им в глухом лесу землянке, в шести километрах от деревни Окуловская. Продуктами дезертира снабжали председатель колхоза «Северный колхозник» и его родственник. Высланной к месту нахождения землянки группой бойцов истребительного батальона дезертир был задержан³.

На 1 апреля 1944 г. агентурно-осведомительная сеть отделения по борьбе с бандитизмом (ОББ) Управления НКВД по Вологодской области, направленная на предупреждение формирования бандитских и повстанческих группировок, насчитывала 536 сотрудников (17 агентов, 18 резидентов и 501 осведомителя). Агентура вербовалась преимущественно из числа лесников, объездчиков, скотников, охотников, лесорубов, пастухов. В результате оперативных мероприятий в первом квартале 1944 г. было задержано 192 дезертира и 120 лиц, уклонявшихся от военной службы. Из них 86 чел. были арестованы, 231 – передан местным райвоенкоматам и воинским частям, 5 – отделению контрразведки «Смерш»⁴. К примеру, в Тотемском районе продолжительное

¹ Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.

² Там же. Д. 52. Л. 3 об.

³ Там же. Д. 51. Л. 3 об.

⁴ Там же. Д. 51. Л. 4.

время скрывался дезертир Скуликов. Для его разработки был завербован его близкий родственник. Последнему было дано задание уклонить Скуликова к добровольной явке. В результате успешно выполненного задания 28 июля 1944 г. дезертир явился с повинной¹.

Борьба с бандитами и дезертирами требовала профессионализма и мужества со стороны сотрудников милиции и органов НКВД. В качестве примера приведем следующий факт. В январе 1944 г. в Белозерском районе неизвестным преступником была убита гражданка Игнатьева. 14 февраля 1944 г. обнаружившие его след в лесу и двигавшиеся по этому следу старший оперуполномоченный ОББ Ф. П. Некрасов, старший лейтенант милиции Т. А. Петров и боец К. Артамонов были сражены очередью из автомата затаившегося в засаде преступника. Высланная опергруппа из числа работников УНКВД, милиции и бойцов истребительного батальона вновь обнаружила бандита в лесу недалеко от места убийства. Последний оказал вооруженное сопротивление и при завязавшейся перестрелке был убит. Возле него были обнаружены автомат ППШ, трехлинейная винтовка, два пистолета ТТ, патроны, а также куски мяса, срезанные им с трупов Игнатьевой и Петрова, которые он употреблял в пищу. Никаких документов у бандита не имелось, поэтому его личность осталась неустановленной².

Другое резонансное преступление произошло в сентябре 1944 г. Трое вооруженных военнослужащих на тракте Вологда – Пошехонье – Володарск остановили автомашину, убили из автомата шофера и находившуюся в машине рабочую и, завладев машиной, скрылись. Принятыми мерами бандгруппа была задержана уже на следующий день. При задержании у преступников были изъяты автомат и 75 патронов. Задержанные оказались военнослужащими РККА, дезертировавшими из 72-й зенитно-артиллерийской бригады ПВО³.

Для предотвращения совершения тяжких преступлений сотрудниками органов внутренних дел проводились мероприятия по выявлению и изъятию незаконно хранящегося у населения оружия. Только за четвертый квартал 1944 г. у населения и преступников были изъяты пулемет, 10 автоматов, 15 винтовок, 33 пистолета и револьвера, 13 гранат, мина, 4 108 патронов⁴.

К октябрю 1944 г. количество истребительных батальонов на территории области сократилось до 29 (2 997 чел.), а групп содействия – до 986 (12 264 чел.)⁵. В связи с удалением линии фронта и прекращением заброски диверсантов в конце 1944 г. истребительные батальоны на территории Вологодской области были расформированы.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что сотрудники органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны успешно боролись с вражескими диверсантами и дезертирами, обеспечивая безопасность в прифронтовом регионе, которым являлась Вологодская

¹ Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

² Там же. Д. 51. Л. 4 об.

³ Там же. Д. 53. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 54. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 53. Л. 3 об.

область. Важная роль в противоборстве с диверсионно-разведывательными группами противника и в поддержании общественного порядка отводилась истребительным батальонам и группам содействия, сформированным из местного населения. Для выявления и задержания диверсантов и дезертиров органы НКВД широко использовали как гласные, так и негласные методы, что повышало эффективность борьбы с преступностью и диверсиями на территории области.

Библиографический список

1. *Безнин М. А.* и др. История полиции Вологодского края : монография; УМВД России по Вологодской области; Вологодский государственный университет. Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. 864 с.
2. Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории : в 2 ч. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. Ч. 1. 244 с.

A. L. Kuzminykh

Doctor of Sciences (History), Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (Vologda, Russia).

FIGHT AGAINST SABOTEURS AND DESERTERS IN THE VOLOGDA REGION IN THE FINAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses forms and methods of struggle of the regional units of Ministry of Internal Affairs against saboteurs and deserters in the Vologda region during the final period of the Great Patriotic war. The paper shows role of fighter battalions and assistance groups from the local population in countering the enemy and crime and in protecting of public order.

Keywords: Great Patriotic war, Vologda region, Ministry of Internal Affairs, saboteurs, deserters.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ. В. С. ЧЕРНИКОВ

Статья посвящена Солдату Победы, участнику Сталинградской битвы, моему Учителю В. С. Черникову и написана на основе его воспоминаний «Изюминки в черном хлебе войны. Свидетельства очевидца». В его воспоминаниях перед нами предстает вовсе не героическая и пафосная история войны, а суровая правда военного времени. Война жестоко ломала судьбы людей, подвергая жестоким испытаниям и проверяя на стойкость. Воспоминания, свидетельства очевидца представляют огромную ценность как исторический источник.

Ключевые слова: война, Сталинградская битва, Мамаев курган, участник и очевидец сражений.

22 июня 1941 год. Обычный воскресный день, предвещавший приятные занятия. И вдруг страшная весть. Война! Словно взорвалась вся земная благодать. Заработали военкоматы, начался массовый призыв в армию. Перроны вокзалов омывались слезами матерей и жен. Уже через неделю почтальоны разносили письма – треугольнички с фронта. Вскоре пришли и первые похоронки. Безутешное горе стало врываться в семью все чаще и чаще. Война изменила всю жизнь людей, сломала привычный ритм жизни и обыденные порядки. Война всех подчиняла своим строгим законам, устроив проверку крепости духовных и физических сил каждого человека. Одним из них был В. С. Черников, человек прошедший войну, Солдат Победы.

9 Мая 2020 г. исполняется 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Многих очевидцев трагических событий тех времен уже нет в живых. Уходят герои войны выстоявшие, победившие, но остается память.

Эту статью посвящаю своему учителю В. С. Черникову – участнику Великой Отечественной войны, очевидцу Сталинградской битвы и многих других сражений – Солдату войны.

Свои воспоминания о войне под названием «Изюминки в черном хлебе войны. Свидетельства очевидца» он начинает со слов: «С годами память все чаще возвращает назад: <...> к берегам Волги и в степи Украины, в песчаные равнины Польши и на широкие автобаны Германии» и далее «Бои, переправы, марши, привалы, бомбежки и артналеты, дымящиеся на дороге кухни, разматывающаяся на ходу обмотка и склонившийся над ней солдат, последняя воинская почесть над вечным покоем боевых товарищей» [1, с. 6].

Читая его воспоминания, я подумала о том, какое «плотное описание», позволяющее с первых страниц представить, что вмещали в себя 1418 дней

* Рахимбекова Ажар Кабдуловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан; ajag_60@mail.ru

и ночей. Это рассказы о днях войны, о черном хлебе и о людях на войне – изюминках войны, с кем связала молодого парня в неполные 19 лет лихая година.

С душевной теплотой и огромной благодарностью вспоминаются насыщенные глубокими мыслями лекции В. С. Черникова в студенческой аудитории, где он порой, смахнув слезу, рассказывал нам студентам правдивую историю войны – вовсе не героическую.

Память о пережитом, о фронтных друзьях, не вернувшихся с войны, «без сединок в волосах, без морщинки на лице, навеки 20–30 летние» возвращала его, как бы это ни было трудно и больно в грохочущие сороковые.

21 июня 1941 г. моим героем получен Аттестат зрелости и мысли были о поступлении в институт. Война изменила все. Вместо аудиторных лекции и студенческой жизни – мобилизация и прохождение военного обучения. Армейские университеты Василия Черникова начались в конце 1941 г. с полковой школы и военно-политического училища. Армия и народ ждали европейского взрыва, революции, вселявшей веру в победоносное окончание войны. В приказе Верховного от 1 мая 1942 г. приказано уже в текущем году очистить советскую землю от фашистов. Однако в мае 1942 г. произошла Харьковская катастрофа, когда впервые Совинформбюро объявило о 70 тысячах пропавших без вести. Как теперь известно, армия потеряла 240 тысяч попавших в плен. И как удар знаменитый Приказ под номером № 227. Все курсанты военно-политического училища направлены в действующую армию. В. С. Черников стал заместителем политрука роты противотанковых ружей (ПТР) 1047-го стрелкового полка 284 стрелковой дивизии.

Как он вспоминает, недолгие сборы, ужин, посадка в эшелоны – и на запад. Прощание с мирной жизнью в неполные 19 лет. Впереди Сталинград. И первый бой, когда ему казалось, что это самый главный участок всего советско-германского фронта. Первые ощущения потери времени, первые взгляды в лица убитых и раненных немецких солдат, когда не было чувства злорадства и ненависти к ним, скорее было недоумение, вылившееся в наивный вопрос: «Зачем вы к нам пришли?» [2, с. 12].

Впереди предстояли жестокие кровавые схватки лицом к лицу с врагом. Физически изнуренные и голодные защищали Мамаев курган, означенный на топографических картах как высота 102,0, отражая по 5–6 жестоких атак и штурмуя эту высоту вечером. 600 граммов хлеба, утром котелок перлового супа на двоих, вечером та же каша с кусочками мяса, чай, столовая ложка сахара. Перед глазами встает суровая правда военной действительности: «немыслимые затраты физических и душевных сил человека в экстренных условиях боевой обстановки, получасовой артналет, ядерный мат».

В. С. Черников не только мысленно возвращался к боевым дням своей молодости. Он посещал места сражений – Сталинград, Мамаев курган в мирное время. В одну из своих поездок в 1955 г. он нашел монограмму «Саша+Вася = 40». На двоих было 40 лет. Саша – так звали его друга Александра Томина. Ему был 21 год. Он дошел до Берлина. Погиб за 1,5 часа до окончания войны. Об этом вспоминает и его дочь, Н. В. Вялицина: «Откуда это

щмящее чувство боли о смерти неизвестного тебе человека?» Невозможно читать без слез и волнений, когда Василий Сергеевич нашел свой блиндаж и балку с этими буквами на черных шпалах и был погружен в атмосферу тех дней. Нетрудно представить, что он думал, но невозможно, наверное, прочувствовать, что он испытывал в эти минуты. Через два года блиндажа не стало. Начали сооружать грандиозный мемориальный комплекс. У солдата войны особое отношение к мемориальному комплексу: Грандиозно. Величаво. «Но души – нет, по-человечески трогает лишь траурный зал», – вспоминает Солдат войны и приводит пример Верденской битвы 1916 г., когда французы сохранили стрелковые ячейки, ходы сообщения, артиллерийские и пулеметные позиции... восстановили солдатские блиндажи и командные пункты со всех их содержанием – от солдатских раскладушек и котелков до штабных карт и средств связи, одним словом, сумели сохранить атмосферу тех суровых дней и «живую душу» [1, с. 14].

Известный русский писатель, участник Сталинградской битвы В. П. Некрасов, автор повести «В окопах Сталинграда» в другом уже произведении «По обе стороны океана» писал в свое время: «то, что происходит сейчас на Мамаевом кургане в Сталинграде, ничего, кроме горечи, вызвать не может. Там возводится безвкусный громоздкий ансамбль, с обилием гранитных лестниц, барельефов, скульптур и бюстов – одним словом, от Мамаева кургана, каким он был в сорок втором году, когда весь мир следил за событиями, развернувшимися на его пологих склонах, – от этого Мамаева кургана ничего не останется». И далее... «Когда восстанавливали „дом Павлова“, кто-то додумался замазать на нем все надписи, которым он был испещрен в дни обороны. На его глазах лихой маляр толстой кистью замазывал розовой краской надпись: „Этот дом защищали сержант Яков Павлов и бойцы...“» дальше прочесть было нельзя [2]. Очевидцу и участнику этих сражений удалось лишь сфотографировать последние секунды этой надписи. Сейчас «дом Павлова» стоит гладкий, розовый и скучный, будто и не воевал никогда [1, с. 24–25].

Предстояло пройти много еще дорог войны, но все они меркнут перед жестокими кровавыми схватками лицом к лицу на Мамаевом кургане. Не раз В. С. Черников возвращался в своих рассказах к перипетиям ноябрьско-декабрьских боев на Мамае, чтобы понять цену человеческой жизни за стремление овладеть вершиной кургана. По его мнению, «говоря военными терминами, противник, взятый в кольцо, нес потери от голода, холода, болезней и настойчивое стремление овладеть вершиной кургана любой ценой не имело никакого оправдания». На одной из страниц воспоминаний читаешь: «...своих людей гнали на убой», – это было его глубокое убеждение, вынесенное с фронта.

И сколько еще впереди сражений, крупных наступательных операций, форсирование рек среди которых и бой за село Голая Долина, о которой в своих мемуарах напишет маршал Чуйков. Следует заметить, что село располагалась на том же самом месте, где в 1185 г. князь Игорь воевал с половцами. Таковы повороты истории. Какой ценой досталась битва лишь за одно село?

«Полк семь раз брал село и семь раз оставлял его. Из строя вышли два комбата, большинство командиров рот, взводов, потери рядового состава были катастрофическими», – вспоминает и солдат войны. Многие полегли под Голой Долиной.

В воспоминаниях В. С. Черникова раскрываются неведомые страницы истории войны и мир человеческих взаимоотношений из которых складывается жизнь.

Автор ставит вопрос о военном профессионализме и профессионализме офицеров, сетуя на то, что рассуждения и мысли о военном профессионализме очень редко встречаются в мемуарах военачальников, а в художественной литературе упоминаются лишь «Ночь полководца» Г. Березко, «Народ бес- смертен» В. Гроссмана, «Волоколамское шоссе» А. Бека.

Тяжелые и неоправданные потери были при берлинской операции. 102 тысячи убитых. Среди них и его друг – Саша Томилин. «Выдержать ад Сталинграда, пройти с боями весь путь до Берлина и пасть за полтора часа до Победы – что может быть коварнее такой судьбы?»

После войны из документальных публикации и рассказов фронтовиков стали известны кровавые битвы под Киевом и Харьковом, Вязьмой и Ржевом, Витебском и Будапештом. И это осмысливаемая бессмыслица таких потерь угнетала больше всего Солдата войны, участника и очевидца этих военных событий.

Весомое слово сказано о советских полководцах, о масштабах личности. Кто они? Из какого рода-племени? Дети рабочих, крестьян, мещан. Эти «великие голодранцы» по происхождению били по всем правилам и без правил военной науки Манштейна и Гудериана, Моделя и Кейтеля, Браухича и Лееба, Бока и Паулюса. Вот с кем схлестнулись мысли, идеи, военное искусство скорняков Егора Жукова и Василия Чуйкова, деревенского парня Ивана Конева и поповского сына Александра Василевского, рабочих сыновей Константиана Рокоссовского и Василия Соколовского.

Дважды посчастливилось В. С. Черникову видеть легендарного маршала Жукова – в начале августа 1945 г. в штабе армии в Веймаре и 1 сентября 1945 г. в Потсдаме, где размещалось Политуправление группы советских войск в Германии. Маршал выступал на семинаре-совещании политработников. Тяжело переживал он отстранение Жукова и в 1946, и в 1957 гг. В своих воспоминаниях задавался вопросом: что знали мы о Жукове в тот первый осенний день 45-го? Казалось, все: от Халхин-Гола до Берлина. Лишь осмыслив поистине геологические пласты литературы о минувшей войне, начал приближаться к пониманию этой гигантской фигуры Второй мировой войны.

Широта познания, начитанность, эрудиция, широкий кругозор, знание мировой литературы и истории – все это результат потрясающего описания людей, с которыми свела его военная судьба. Одним из них был Гена Кошкаров, погибший от пули снайпера. Любили его всем батальоном за надежность в бою и за звучный, красивый баритон, за хватающую за сердце мелодию. Другой – замполит Виноградов, на гражданке бывший секретарь парткома

Московского завода «Динамо». Пишет Василий Сергеевич о командире 284-й дивизии Н. Ф. Батюке – о талантливом военачальнике и мужественном человеке, прошедший путь от рядового до генерала, не вернувшегося с войны.

Перед глазами предстает жалкое зрелище капитуляции в последний день Сталинградской битвы, казалось бы знакомое нам по фильмам и литературе: согрбенные, с опущенными вниз глазами, в разорванных, грязных шинелях, летних пилотках, покрытых одеялами, женскими платками, невообразимым тряпьем, в соломенных «ботах»... обмороженные лица, изможденные голодом, заросшие щетиной; ледяные сосульки на глазах, на носу, на подбородке; трясущиеся от холода и страха «завоеватели». Однако «И опять... все тот же наивно-ребяческий вопрос: зачем вы к нам пришли?»

Битва на Волге закончилась. Как это в действительности было? «...вышли на берег Волги. Справа, слева и перед нами тянулись колонны пленных – туда на восток, в заволжскую степь. Но не было поздравлений друг другу, не летели вверх шапки <...> Как-то буднично <...> направились в свои привычные хоромы. Сейчас даже самому не верится, что это было так. Но все же это было именно так. Тогда мы не подозревали, что в тот день на берегу Волги произошел коренной перелом всей мировой войны» [1, с. 94]. Свой боевой путь В. С. Черников закончил в Берлине в звании гвардии капитана в должности инструктора политотдела 62-й армии.

Особенность ветеранов войны и участников тех страшных событий рассказывать больше о смешных незатейливых историях, а не о героизме и смерти товарищей. С этим, я думаю, знакомы многие. Вопросы о войне задевали не стихающую боль потерь родных, друзей, однополчан. Они часто отворачивались и замолкали.

В мирное время с 1956 г. Василий Сергеевич начал работать в Петропавловском педагогическом институте. Он – создатель кафедры истории, основатель исторического факультета, декан факультета, проректором по научной работе, ученый, лектор, публицист.

Находясь на заслуженном отдыхе, продолжал печататься. Не мог он промолчать, когда в вихрях жизни 90-х на ее авансцену выдвинулись сложнейшие вопросы. В свойственной ему манере писал и говорил о сложнейших проблемах ясно и четко, подтверждая примерами из истории. Так, по просьбе редакции газеты «Трибуна»¹ на основе исторических документов в статье под названием «Званье казачье, а жизнь собачья» под рубрикой «Листая страницы истории» от 18 июля 1992 г. рассказал о сути сибирского казачества, их жизни и становлении. Статья под названием «Не предьявляйте счет векам. История: мифы и реальность» была опубликована в областной газете Северо-Казахстанской области «Ленинское знамя»² за 23 сентября 1993 г.

Научные труды Василий Сергеевич посвятил и истории родного края – Северного Казахстана, проникая вглубь эпох, ведя читателя в лабиринты истории, запечатленных в манускриптах летописцев, сочинениях историков

¹ Трибуна. 1992. 8 июля.

² Ленинское знамя. 1993. 23 сентября.

и литераторов [3]. Публикации в таких ведущих журналах того времени, как «Вопросы истории», «История СССР» подтверждают его высокий научный уровень.

Много дорог войны прошел В. С. Черников. Участвовал в освобождении Донбасса, Запорожья, польских городов – Люблин, Лодзь, Познань; форсировал Одер и дошел до Берлина и вернулся домой. Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, орденом Красного Знамени, медалью за отвагу и 14 другими медалями.

Мой отец был ранен при форсировании Одера в апреле 1945 г. и находился в Познани в военном госпитале, затем в Казани, где он встретил День Победы, когда медсестра разбудила его словами: «Солдат. Победа». И в руках она держала яблоко.

Нет их рядом с нами. И хочется сказать: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были». Остались воспоминания солдата о войне и память об Учителе. Он был требователен и не навязчив, искренен и правдив всегда. Удивительно человечный и добрый. Рассказывал нам о том, как было страшно на войне и об изюминках-людях на войне.

Библиографический список

1. Василий Сергеевич Черников. Воин. Учитель. Ученый / сост. Н. В. Вялицына. Петропавловск: Издательство «Северный Казахстан», 2014. 260 с.
2. Некрасов В. П. По обе стороны океана. Записки зеваки. Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы... / сост. А. Парниса. М.: Худож. лит., 1991. 400 с.
3. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. Алматы: Казахстан, 1993. 392 с.

A. K.Rakhimbekova

Candidate of Historical Sciences, associate professor L. N.Gumilov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan).

SOLDIER OF VICTORY V. S. CHERNIKOV

The paper tells about a soldier of Victory, a participant in the battle of Stalingrad, my Teacher V. S. Chernikov. The paper is based on his memoirs called «Raisins in the black bread of war. The eyewitness account». In his memoirs, we see not the heroic and pathetic history of the war, but the harsh truth of wartime. The war cruelly broke fates of people, challenging them harshly and testing their firmness. Memories and eyewitness accounts are historical sources of great value.

Keywords: war, the battle of Stalingrad, Mamayev Kurgan, participant and eyewitness of the battles.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ В МАНЬЧЖУРИИ В ПРЕДДВЕРИИ СОВЕТСКО- ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 г.

На материалах воспоминаний бывших русских эмигрантов и архивно-следственных дел показано противостояние советской и японской разведок в Маньчжурии в период, предшествовавший советской-японской войне 1945 г. Благодаря поддержке со стороны эмиграции эффективность работы советской разведки была намного выше японской. Необходимость сохранить контроль над Маньчжурией привела к созданию разведсети из эмигрантов, работавшей до конца 1940-х гг.

Ключевые слова: советская разведка, японские военные миссии, русская эмиграция, советско-японская война, русские воинские отряды, Маньчжурия.

Боевым действиям Красной армии против японских войск в Маньчжурии в августе 1945 г. предшествовала серьезная разведывательная подготовка. В настоящем сообщении мы сосредоточили свое внимание на фактах осуществления советскими разведорганами разведывательных акций на территории Маньчжурии (государство Маньчжоу-го), нашедших отражение в воспоминаниях бывших русских эмигрантов.

Несмотря на то, что Советский Союз и Япония на протяжении Великой Отечественной войны сохраняли нейтралитет, и та и другая сторона осуществляли мероприятия по подготовке возможного вооруженного столкновения. Для этих целей командование Квантунской армии и подчиненные ему разведывательные структуры (Японские военные миссии – ЯВМ) стремились использовать русских эмигрантов, численность которых в Маньчжоу-го в первой половине 1940-х гг. составляла около 70 тыс. чел. Эмигрантская молодежь отбывала воинскую повинность в русских воинских отрядах (РВО – всего три общей численностью до 700 чел.), формально входивших в состав армии Маньчжоу-го, а также привлекалась для подготовки в специальных разведшколах. В 1944–1945 гг. такие школы существовали на станциях Имяньпо, Шитоухэцзы, в Хайларе, Сахаляне, Муданьцзяне, Трехречье.

Разведывательная школа или отряд «Облако» (отряд 900, 323, 322, 25217) была учреждена харбинской Военной миссией в конце апреля 1944 г. под руководством майора Ямагата Мотомэ. Отряд должен был состоять из штаба (ст. Имяньпо) и четырех оперативных отделов. Из русских

---

* Смирнов Сергей Викторович – доктор исторических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; smirnov_sergei@mail.ru

эмигрантов были укомплектованы четыре из шести отделений первого отдела. В окрестностях ст. Имяньпо, в сопках размещались три русские учебные группы школы – местечки Лянцзялинь и Цинлуншань (в дальнейшем отряд 323). Две группы должны были готовить разведчиков-диверсантов, одна – радистов. Четвертая группа, имевшая агитационно-пропагандистский профиль, находилась на станции Шитоухэцзы (в дальнейшем отряд 322).

Отбор курсантов для разведшколы осуществлялся главным образом из числа русских резервистов. Общее число курсантов всех учебных групп составило около семидесяти человек. Хайларская разведшкола располагалась в квартале Мауця старого Хайлара, в здании Военной миссии, и начала работу еще в сентябре 1942 г. Начальником школы являлся капитан Накамура, его русский заместитель – сотник А. И. Савватеев. Программа обучения была аналогична программе отряда «Облако». Последний набор курсантов Хайларской разведшколы (12 чел.) в мае 1945 г. вместе с их русскими преподавателями были отправлены в район ст. Якеши для участия в строительстве базы учебного разведывательно-диверсионного центра, неофициально именованной «медвежий отряд». Известно, что отдельные курсанты разведшкол засылались на советскую территорию [5, с. 171–175].

Русские воинские отряды с момента создания первого из них в 1938 г. привлекали пристальное внимание советской разведки. Большой удачей для нее стало назначение в конце 1943 г. командиром Сунгарийского РВО (бывший отряд Асано), самого крупного из отрядов полковника Я. Я. Смирнова, бывшего сотрудника харбинской ЯВМ, имевшего связи с советской резидентурой. Другим видным «асановцем», сотрудничавшим с советской разведкой, являлся подполковник Г. Х. Асерьянц (Наголян), заместитель начальника Союза резервистов, в который входили все уволенные в запас военнослужащие РВО [5, с. 198–199]. Впрочем, в преддверие августовских событий 1945 г. японцы расформировали русские воинские отряды и не сумели в значительной мере использовать их бойцов в боевых действиях против частей Красной армии.

В отдельных случаях советская разведка использовала перевербовку забрасывавшихся на советскую территорию шпионов-эмигрантов. Так, летом 1944 г. на территорию Забайкалья были направлены хайларской ЯВМ С. В. Виноградов и Н. Е. Перминов, которые сразу же сдались советским властям. После перевербовки Виноградов возвратился в Маньчжурию с заданием осесть в Хайларе и внедриться в работу японских разведорганов. Японцы после жесткой проверки направили Виноградова в качестве инструктора в Хайларскую разведшколу, где он находился под постоянным присмотром [4, с. 54–62]. Настоящая работа Виноградова, а также еще целой группы бывших военнослужащих РВО, которые не были арестованы СМЕРШем или освобождены вскоре после ареста, по заданию советской разведки началась только после перехода Маньчжурии под китайское управление. На протяжении 1945–1949 гг. оперативные группы из русских эмигрантов поставляли

советской разведке сведения о военно-политической и экономической ситуации в Маньчжурии.

По воспоминаниям бывших эмигрантов, живших в Трехречье и на западной линии КВЖД, за несколько месяцев до войны на маньчжурской территории стали появляться советские разведчики. Главной целью этих акций, вероятно, было выявление японских военных объектов и изучение транспортной инфраструктуры. Местные власти организовывали их поимку, и было несколько случаев гибели разведчиков, но русское население в массе своей стремилось скрывать факты появления незнакомых людей и даже оказывало им продовольственную помощь [2, с. 69, 70; 3, с. 40].

Встречаются и совсем анекдотические случаи. Например, воспоминания о некоем Иване или Степане из г. Маньчжурия, горьком пьянице, освоившем все канавы в районе японской жандармерии и военной миссии, который, в конце концов, оказался капитаном РККА и совершенно непьющим человеком. Или советский перебежчик-почтальон, который был взят в качестве прислуги в японскую жандармерию и в последствии исчез, прихватив с собой секретные документы [1, с. 11].

Несмотря на кажущуюся фантастичность некоторых историй, сам факт повышенной активности советской разведки, по крайней мере в Трехречье, на западной линии КВЖД (японский Хайларский укрепрайон) и в Харбине является общим местом в воспоминаниях бывших эмигрантов о событиях, предшествовавших советско-японской войне. И если эффективность действий японских военных миссий по заброске разведчиков-эмигрантов на советскую территорию была крайне невысока по причине нежелания эмигрантов участвовать в войне против СССР, то деятельность советской разведки наряду с другими факторами внесла серьезный вклад в быстрый разгром японских войск в Маньчжурии в августе 1945 г. В дальнейшем, после вывода частей Красной армии из Маньчжурии, советская сторона до конца 1940-х гг. сохраняла контроль над этой территорией, инструментом которого в том числе была деятельность целой сети разведгрупп из прошедших специальную подготовку русских эмигрантов.

Библиографический список

1. Берзин Г. П. Пути из Латвии в Маньчжурию. История семьи Берзиных // Русская Атлантида. 2019. № 74. С. 4–14.
2. Воросова А. И. Август 1945 года в Хайларе // Русская Атлантида. 2011. № 40. С. 66–72.
3. Зоркальцев Г. П. Странички из жизни Трехречья // Русская Атлантида. 2013. № 46. С. 40–50.
4. Перминов В. В. Наказание без преступления. Чита, 2010. 96 с.
5. Смирнов С. В., Буюков А. М. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 320 с.

S. V. Smirnov

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chair of Modern and Contemporary History, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

SOVIET INTELLIGENCE ACTIVITIES IN MANCHURIA ON THE EVE OF THE SOVIET-JAPANESE WAR OF 1945

Based on the memoirs of former Russian emigrants and investigative cases from archives, the paper shows confrontation between Soviet and Japanese intelligence in Manchuria in the period preceding the Soviet-Japanese war of 1945. Due to the support of emigration, effectiveness of Soviet intelligence was much higher than the Japanese. The need to maintain control over Manchuria led to the creation of an emigrant intelligence network that operated until the late 1940s.

Keywords: Soviet intelligence, Japanese military missions, Russian emigration, Soviet-Japanese war, Russian military detachments, Manchuria.

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются военно-учебные заведения, эвакуированные в Чкаловскую (Оренбургскую область) в годы Великой Отечественной войны. Автор приводит некоторые статистические данные о выпуске командиров Красной Армии в учебных заведениях Южно-Уральского военного округа. Используются архивные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-учебные заведения, подготовка офицерских кадров, Чкаловская область, эвакуация, Южно-уральский военный округ.

Начавшаяся Великая Отечественная война показала, что фашистская Германия обладает военной мощью и обстановка на советско-германском фронте остается крайне напряженной. Впереди еще предстояли новые бои, требующие пополнения офицерского корпуса. Сеть военно-учебных заведений на Южном Урале дала тысячи офицеров [4, с. 116–118]. Источником пополнения офицеров в Чкаловской (Оренбургской области) наряду с локальными военно-учебными заведениями, стали эвакуированные военные академии, училища, офицерские школы.

Некоторые училища выводили материальную часть в условиях бомбежек. Так, 5 училищ, прибывших в Южно-Уральский военный округ, вынуждены были принять участие в боевых действиях. Среди них три пехотных училища: 2-е Астраханское, Одесское, Рижское, а также Ленинградское артиллерийское и Камышинское танковое училища. Директива Сталинградскому военному округу о формировании Астраханского пехотного училища поступила 18 февраля 1942 г. Согласно приказу НКО № 0194 от 17 марта 1943 г. училище стало именоваться 2-м Астраханским пехотным училищем.

В связи с наступлением германской армии на южном направлении, училище в октябре 1942 г. эвакуировалось в г. Бузулук Чкаловской области, на основании директивы командующего 28-й армией от 4 октября 1942 г. [1, с. 10] По прибытии в г. Бузулук в его составе находилось: 561 курсант и 204 чел. начсостава¹. Выпуск офицеров в Астраханском пехотном училище с 12-месячным

* Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии Оренбургского государственного аграрного университета. Оренбург, Россия; istogau@yandex.ru

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 159. Оп. 13096. Д. 8. Л. 15, 63.

сроком обучения в 1943 г. дал Красной Армии 230 командиров в звании младших лейтенантов, из них – 110 командиров стрелковых взводов, – 120 командиров минометных взводов [2, с. 26].

В апреле 1944 г. состоялся выпуск 194 младших лейтенантов [2, с. 26]. Большой выпуск пришелся на осень 1944г.: 533 курсанта получили звание офицера. 5 марта 1945 г. училище выпустило 222 офицера, а 5 августа 1945 г. – 123 чел. По данным Р. В. Стрельца, только за 1943–1945 гг. Астраханское пехотное училище подготовило не менее 6 выпусков и направило на фронт 1128 офицеров [2, с. 26]. За образцовую подготовку кадров для Красной Армии преподавателя тактики В. Н. Зырянова наградили орденом Красной звезды. Командира взвода курсантов лейтенанта П. Г. Мишкевича представили к медали «За боевые заслуги». Он окончил 2-е Астраханское училище в 1942 г., воевал, а затем был направлен в училище.

В документах оренбургских архивов встречаются сведения о Бердичевском пехотном училище. В сборник-справочник «Урал ковал победу» оно внесено как «2-е Бердичевское» (Славутское, 2-е Тамбовское, Черниговское) пехотное училище. Это связано с тем, что в период наступления вражеских сил училище вынуждено было временно базироваться в Славуте, Чернигове, Тамбове, Сызране. В Чкалове училище дислоцировалось с 1941 г. по август 1942 г. Следующим пунктом назначения стал г. Актюбинск Казахской ССР. Оренбургским историкам еще предстоит раскрыть эту страницу Великой Отечественной войны и в первую очередь выяснить количество подготовленных командиров в период пребывания Бердичевского училища в Чкалове.

В Чкаловскую область было эвакуировано военно-политическое училище Орловского военного округа. Как и Бердичевское пехотное училище, Орловское училище эвакуировалось поэтапно: Курск, Воронеж, Балашов, Мензелинск, Бузулук. Эвакуация военно-политического училища началась 12 октября 1941 г. из пос. Моква Курской области. В Бузулук училище прибыло 11 февраля 1942 г. Военно-политическое училище Орловского военного округа 3 марта 1942 г. получило наименование Окружное военно-политическое училище Южно-Уральского военного округа. Училище подготовило 8 выпусков: на фронт отправили 2 313 младших политруков, политруков, заместителей политруков [2, с. 34].

Кроме училищ, на Южный Урал прибыли и курсы усовершенствования командного состава. С июля 1941 по ноябрь 1944 г. в Чкалове находились курсы усовершенствования командного состава зенитной артиллерии Красной Армии, эвакуированные из г. Евпатория (Крым). Курсы приняли в г. Чкалов 18 июля 1941 г. Здесь готовили по специальностям: аэростаты заграждения, ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), зенитно-артиллерийской, зенитно-прожекторной. 20 июля 1942 г. курсы реорганизовали в курсы усовершенствования командного состава войск Противовоздушной обороны территории страны. Год спустя, 30 июля 1943 г., курсы переименовали в Высшую Краснознаменную офицерскую

школу Противовоздушной обороны Красной Армии. В 1943 г. в школе обучалось 348 чел.

23 июля 1941 г. в пос. Сорочинск Чкаловской области из г. Киева прибыли курсы усовершенствования командного состава Противовоздушной обороны Красной Армии. На курсах в ноябре 1941 г. обучалось 603 чел. Курсы готовили командиров взводов по следующим специальностям: зенитно-пулеметной, зенитной артиллерии, зенитно-прожекторной. На курсах в сентябре 1941 г. обучали специалистов аэростатов заграждения. Курсы расформировали 17 июля 1943 г. Личный состав курсов направили на комплектование зенитного пулеметного училища и курсов усовершенствования командного состава Противовоздушной обороны территории страны.

В начале 10 августа 1941 г. в Чкалов прибыла Академия командно-штурманского состава ВВС Красной Армии из г. Монино Московской области. Академию возглавлял генерал-майор Нарышкин, военный комиссар – дивизионный комиссар Изотов. Позднее начальником академии назначили генерал-майора Шкурина, военным комиссаром стал полковой комиссар П. Иваненко. Занятия велись на двух факультетах – командном, штурманском. Преподавательский состав трудился на кафедрах аэронавигации и авиационных приборов, авиационной техники, авиационной связи, бомбардировочной и воздушно-стрелковой подготовки. 1 сентября 1941 г. в академии числилось 848 слушателей, 725 из них были направлены из войск. К 20 сентября 1941 г. поступил учебно-авиационный полк в количестве 315 чел. [2, с. 44]. Военная академия штурманского состава за годы войны произвела 48 выпусков и подготовила 3617 чел.

Из Тушино в пос. Абдулино Чкаловской области эвакуировали Вторую Московскую авиационную школу, в которой получали специальность электромехаников и механиков по приборам. Только в 1942 г. школа подготовила 1369 чел. В Москву школа вернулась в мае 1943 г.¹ Город Бугуруслан 16 марта 1942 г. принял эвакуированную 9-ю военную авиационную школу первоначального обучения. С июня по октябрь 1944 г. в школе также обучались солдаты и офицеры польской армии. За годы Великой Отечественной войны школа подготовила более 3 500 летчиков.

Среди авиационных школ Южного Урала заметное место занимала 10-я авиационная школа первоначального обучения. Школа окончательно была сформирована 28 июня 1941 г. в г. Гомеле². С 30 июня 1942 г. она приступила к переезду из Уфы в пос. Сорочинск. За три года было выпущено 2440 пилотов [3, с. 352]. К выпускникам военно-учебных заведений предъявлялись высокие требования. В училищах и офицерских школах подготовку приближали к потребностям войсковой жизни. Дисциплины перестраивались с учетом практических задач в боевой обстановке, особое внимание уделялось изучению опыта войны.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 159. Оп. 13075. Д. 34. Л. 41.

² Там же. Ф. 60430. Оп. 35985. Д. 3. Л. 18.

Библиографический список

1. *Скоробогатов В.* На астраханском направлении. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1973. 434 с.
2. *Стрелец Р. В.* Организация Южно-Уральского военного округа и его роль в подготовке военных кадров в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ун-та, 2004. 110 с.
3. *Федорова А. В.* Военно-учебные заведения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 6. С. 341–352.
4. *Федорова А. В.* Подготовка военных кадров в Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2019. № 9. С. 116–124.

A. V. Fedorova

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of History and Philosophy, Orenburg State Agrarian University (Orenburg, Russia).

EVACUATED MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON EXAMPLE OF THE CHKALOV REGION)

The paper deals with military educational institutions evacuated to Chkalov (Orenburg) region during the Great Patriotic war. The author provides some statistical data on the release of Red Army commanders in educational institutions of the South Ural military district. The author uses archival documents of Central archive of Ministry of Defense of Russian Federation.

Keywords: Great Patriotic war, military educational institutions, officer training, Chkalov region, evacuation, South Ural military district.

Раздел V.

В ДУХОВНОМ ЕДИНЕНИИ: КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОБЕДЫ

УДК 94 (470.5)

К. Д. Бугров*

ПАМЯТЬ О СВЕРДЛОВСКОМ СУЛЬФИДИНЕ: И. Я. ПОСТОВСКИЙ И УРАЛЬСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ШКОЛА В РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Рассмотрено место исторического сюжета о И. Я. Постовском и внедрении на Уральском заводе медицинских препаратов промышленного производства сульфидиновых лекарств в региональной и национальной историографических традициях. Сделан вывод о существовании зазора между региональным (уральским) и центральным (московским) взглядами на историю советского тыла в годы Великой Отечественной войны и вклада советских ученых в победу.

Ключевые слова: И. Я. Постовский, сульфидин, Урал, Свердловск, Великая Отечественная война, тыл, трудовой подвиг.

В 1937 г. в Свердловске коллектив под руководством профессора И. Я. Постовского (в состав коллектива входили Б. Н. Лундин, З. В. Пушкарева, В. И. Хмелевский, Н. П. Беднягина) впервые в Советском Союзе синтезировал медицинский препарат сульфидин – эффективное антибактериальное средство. С 1941 г. Постовский и его коллеги работали над промышленным выпуском сульфидина, однако наладить его удалось только в начале 1942 г. В том же году в Москве профессор З. Е. Ермольева смогла синтезировать советский пенициллин, но производство этого препарата не стало на промышленные рельсы [5, с. 428]. Основным антибактериальным препаратом был именно

---

* Бугров Константин Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; k.d.bugrov@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–49–660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модерна: вехи становления (конец XIX – конец XX вв.)».

сульфидин, производившийся по технологии Постовского на Уральском заводе медицинских препаратов; сам Постовский разработал заживляющую комбинацию сульфамидных лекарств с бетонитовой глиной, получившей известность как «паста Постовского». В 1946 г. И. Я. Постовский и Л. Н. Голдырев были удостоены за создание сульфидина Сталинской премии.

Уральская историография отводит И. Я. Постовскому и разработкам уральцев в годы Великой Отечественной войны чрезвычайно важное место. Биография Постовского была беллетризована в научно-популярной книге известной уральской писательницы Б. А. Дижур «Конструкторы молекул» (1978). Вклад ученых Уральского индустриального института был зафиксирован в обобщающем издании об Уральском политехническом институте в честь 50-летнего юбилея УПИ (соответствующую главу подготовили Н. С. Добровольский и Т. Д. Шерстнева); здесь подробно была охарактеризована практическая работа различных факультетов института, и в том числе вклад лаборатории Постовского [15, с. 148–149]. В 1970-е гг. вклад Постовского был, можно сказать, на официальном уровне оценен свердловскими городскими властями: имя ученого было присвоено улице.

Все это означает, что к позднесоветскому времени в уральской историографии уже сложился консенсус, в котором Постовский и его разработки занимали ключевое место. Данная позиция была закреплена в ряде обобщающих и специальных работ, характеризующих вклад Урала в Победу. Историография уральского тыла весьма обширна [14, с. 180–220]. В сохранении памяти о Постовском и его школе участвовали не только историки, но и химики [12]. В последние годы вопрос о вкладе уральской химической школы в фармацевтическую индустрию страны был разработан детально: в работе В. В. Запария и А. В. Дерябиной рассмотрена история работы Постовского и его коллег над сульфидином [4], а в статье Р. Х. Зулкарнеева, Ш. З. Загидуллина и Н. А. Власовой проанализировано практическое применение разработок коллектива Постовского – сульфидинов – в лечении пневмонии [5]. Наконец, крупнейшая из имеющихся работ, посвященных системному описанию вклада Среднего Урала в победу, – капитальная монография А. В. Сперанского «На войне как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг.», – включает Постовского в число примерно 60 ключевых фигур Урала времен войны – организаторов производства, героев войны, военачальников, деятелей науки и культуры. Этим фигурам в издании посвящены отдельные биографические справки [13, с. 206].

По-другому обстоят дела с трудами, издаваемыми в центре. Так, единственная работа, посвященная советской науке как единому комплексу в годы войны, вышедшая в 1983 г. за авторством Б. В. Левшина, полностью игнорирует не только Постовского и его коллег, но и всех уральских ученых – при том, что в работе имеется специальный раздел «Медицинская наука в борьбе за жизнь бойцов» [7, с. 241–253]. Таково же положение дел и с большей частью обзорных работ по истории советской химии в годы войны. К. В. Осколок, в специальной статье анализируя историю химических факультетов

советских вузов в годы войны, фактически ограничивает свое внимание двумя химфаками – МГУ и ЛГУ; Свердловск в статье упомянут лишь как место эвакуации МГУ [11]. Равным образом и обзорная статья Д. И. Мычко, включающая ряд конкретных примеров промышленного внедрения фармацевтических изысканий ученых СССР, все же ограничивается центральными московскими институтами Академии наук [9]. Нет Постовского и в биографической энциклопедии «Великая Отечественная война» авторства К. А. Залесского, включающей 2 350 биографий [3]. Были, конечно, и исключения: работа М. Р. Круглянского, специально посвященная высшей школе и, по крайней мере, упоминающая отдельно разработки уральцев [6, с. 179]. Фиксируется вклад Постовского и в работах А. Г. Натрадзе, ведущего специалиста в области истории советской фармацевтической промышленности [10, с. 123]. Упомянут Постовский в обзорной статье Д. Миндича [8], которая, правда, носит популярный характер.

Рассмотрим в заключение крупнейший отечественный научно-обзорный проект, посвященный победе – 12-томную энциклопедию «Великая Отечественная война», в создании которой участвовали крупнейшие специалисты по истории СССР. 7-й том 12-томной энциклопедии довольно-таки скупо говорит об академической науке и ее отклике на нужды охваченной войной страны; о вузовской же науке авторы нашли лишь до крайности лаконичную формулировку: «Ученые Московского, Ленинградского, Казанского, Киевского университетов и других высших учебных заведений выполнили много научных работ, имевших важное народно-хозяйственное и оборонное значение. Ряд из них получил промышленное применение» [1, с. 76]. Из ученых и техников содержательные характеристики получили лишь те, кто разрабатывал образцы вооружения, но не те, кто работал над получением материалов. В 10-м томе энциклопедии отдельный раздел посвящен науке и образованию, но упомянут здесь только круг наиболее известных советских академиков; в части, посвященной фармацевтике, речь идет только о «мази Вишневого», созданной под руководством А. В. Вишневого в Казани, и о синтезе пенициллина под руководством З. Е. Ермольевой в Москве [2, с. 466].

Конечно, историография трудового фронта Великой Отечественной войны чрезвычайно обширна и не может быть рассмотрена в рамках настоящей статьи в полной мере. Однако даже краткий анализ ряда тематических работ, предложенный выше, позволяет констатировать беспокоящую тенденцию. Сюжет о внедрении сульфидина в промышленное производство заслуженно занял ключевое место в уральской историографии победы. Однако в пространстве национальной историографии, создаваемой в центральных научно-образовательных учреждениях, данный сюжет практически не представлен. Данный факт не предполагает критики отмеченных работ, которые являются крупными, важными и содержательными исследованиями; констатация этого факта лишь призвана обратить внимание на то, что в общесоюзной истории естественным образом доминируют имена тех деятелей науки, которые в годы войны занимали руководящие должности в центральных научных

институтах либо вузах Москвы и Ленинграда. К сожалению, такой подход подчас несет с собой опасность «проглядеть» вклад руководителей конкретных научных коллективов, быть может, не являвшихся в указанный период административными «тяжеловесами», но внесшими ценнейший вклад в конкретное производство; случай Постовского – скромного по административной мерке руководителя свердловской лаборатории Уральского филиала АН СССР и заведующего кафедрой в Уральском индустриальном институте – показателен. Это указывает на фрагментированность исторического нарратива о вкладе отечественной науки и техники в разгром гитлеровского фашизма, на существование разрыва между региональной и центральной историографиями даже в таком хорошо изученном и чрезвычайно значимом вопросе, как экономико-технологическая основа победы. Думается, более тесная интеграция центральных и региональных изысканий позволит преодолеть этот досадный зазор.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 860 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 860 с.
3. *Залесский К. А.* Великая Отечественная война. Большая биографическая энциклопедия. М.: АСТ, 2013. 832 с.
4. *Запарий В. В., Дерябина А. В.* Участие уральских ученых в разработке антибиотиков в 1930-х – 1940-х годах // Антибиотики и химиотерапия. 2017. № 11–12. С. 43–49.
5. *Зулкарнеев Р. Х., Загидуллин Ш. З., Власова Н. А.* Сульфидинотерапия пневмонии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Пульмонология. 2017. № 3. С. 427–430.
6. *Круглянский М. Р.* Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1976. 315 с.
7. *Левшин Б. В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 381 с.
8. *Миндич Д.* Советские лекарства во время войны // Новостной портал «Новости GMP» [Электронный ресурс]. URL: <https://gmpnews.ru/2010/05/sovetskie-lekarstva-vo-vremya-voyny/> (дата обращения: 18.01.2020).
9. *Мычко Д. И.* Химическая наука и промышленность в годы Великой Отечественной войны // Хімія: проблеми викладання. 2010. № 3. С. 3–11.
10. *Натрадзе А. Г.* Очерк развития химико-фармацевтической промышленности СССР. М.: Медицина, 1967. 328 с.
11. *Осколок К. В.* Химические факультеты университетов СССР в годы Великой Отечественной войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6(22). С. 23–30.
12. *Салютин В. И.* Академик И. Я. Постовский – один из основоположников химии фторорганических соединений в России // Аналитика и контроль. 1998.

№ 1. С. 94–95.

13. Сперанский А. В. На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург: Сократ, 2015. 408 с.

14. Урал в контексте российской и мировой истории XX века / гл. ред. А. В. Сперанский. Екатеринбург: Сократ, 2017. 392 с.

15. Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова. 1920–1970. Исторический очерк. Свердловск: Изд. УПИ, 1970. 403 с.

K. D. Bugrov

Doctor of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS; Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

REMEMBERING THE SVERDLOVSK SULFAPYRIDINE: I.YA. POSTOVSKIY AND THE URAL CHEMICAL SCHOOL IN THE REGIONAL AND NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper analyses the narrative of I.Ya. Postovsky and the start of industrial production of sulfapyridine at the Sverdlovsk chemical plant in the central and regional historiographical traditions. The author concludes that there exist certain gap between the regional (Ural) and central (Moscow) vision of the history of the Soviet home front and the contribution of Soviet scientists into the achievement of victory over Hitler.

Keywords: I.Ya. Postovsky, sulfapyridine, the Urals, Sverdlovsk, Great Patriotic War, labour front.

КИНОТЕАТРЫ ЧЕЛЯБИНСКА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОСУГА ИЛИ АГИТМАССОВОЙ РАБОТЫ?¹

Показаны особенности функционирования кинотеатров города Челябинска в период Великой Отечественной войны с точки зрения концепта «социального пространства». На основе анализа репертуара и специфики работы государственных киноструктур сделан вывод о том, что кинотеатры военного времени продолжали играть преимущественно роль центров досуга и развлечений.

Ключевые слова: городской кинотеатр, социальное пространство, досуг, агитмассовая работа, Челябинск, Великая Отечественная война.

Советская киноиндустрия Урала периода Великой Отечественной войны изучена современными историками в таких аспектах, как организация кинопроизводства, кинопрокат, кинопропаганда, восприятие кинозрителей [1–5]. Следующим шагом для исследователей – на наш взгляд – должно стать изучение процесса взаимодействия институтов кинопроката (производителей фильмов и специализированных органов киноиндустрии) и основного их потребителя – зрителя. Точкой пересечения указанных институций и субъектов в городе являлся кинотеатр, который может быть позиционирован как особое социальное пространство, имеющее собственные, явно выделяющиеся среди всех остальных, характерные черты. Кинотеатр, особенно в военный период, с одной стороны, являлся местом досуга, а с другой – площадкой для проведения агитационно-массовой работы.

Теоретической основой данной работы выступает концепт социального пространства, который активно разрабатывается в зарубежной и отечественной социологии последних десятилетий [6]. Несмотря на отсутствие устоявшихся представлений о данном концепте, можно тем не менее выделить его характерные черты, разделяемые большинством исследователей, на основе ставших классическими в этой области работ А. Лефевра, П. Бурдьё, Д. Лэппле. Любое социальное пространство может быть представлено как взаимопересечение и взаимодействие трех составляющих: «взгляд сверху» (требование власти к организации социального пространства с позиций

---

* Волков Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; volkovev@susu.ru
Сапронов Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; sapronovmv@susu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20–09–00–107 «Городской кинотеатр советской эпохи: трансформация социального пространства (Москва – Ленинград – Челябинск)».

закрепления своего господства), «взгляд снизу» (ожидания общества от присутствия в социальном пространстве с точки зрения наибольшей комфортности для себя) и реальная практика функционирования социального пространства (то, как оно было на самом деле) [2, с. 51, 52].

В данном исследовании с точки зрения концепта социального пространства реконструирована специфика работы и проблемы функционирования киносети Челябинска в военное время: требования власти по поводу организации кинопроката и операционные возможности зрителя («куда пойти» и «что посмотреть»). Источниками для исследования стали материалы нескольких фондов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО)¹ и номера главной городской газеты «Челябинский рабочий» за 1941–1945 гг. – основного медиаинформатора населения в тех условиях. На основе анализа анонсов и афиш «Челябинского рабочего» была составлена база данных демонстрации кинопродукции и проанализирован репертуар кинотеатров. В ходе работы с архивными источниками выявлена специфика функционирования кинотеатров Челябинска в военный период.

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы. На протяжении 1941–1944 гг. в Челябинске постоянно работало 3 кинотеатра – «имени А. С. Пушкина» (889 мест), «Пролетарий» (300 мест), «МЮД» (425 мест). В 1942 г. осталось два кинотеатра – «Пролетарий» закрыли для военных нужд, но в 1943 г. открылся новый кинотеатр «XXV лет Октября». В летний период для кинозрителей работали 2 летние крытые киноплощадки в садах культуры и отдыха. В первой половине 1945 г. ввели в строй еще два временных кинотеатра в рабочих поселках на окраине города – «имени 27-летия РККА» (на 480 мест) и «Строитель» (на 210 мест). Несмотря на существенное уменьшение киномест в связи с резким увеличением населения Челябинска (до 430 тыс. жителей по данным на 1943 г.) и переоборудованием некоторых кинотеатров для военных нужд, нельзя однозначно говорить о «походе в кино» в военное время как о дефицитном и труднодостижимом мероприятии. Архивные материалы и заметки в «Челябинском рабочем» свидетельствуют о том, что премьерные и популярные отечественные и иностранные фильмы могло посмотреть от 20 до 25% населения города.

При этом кинорепертуар в период войны изменился в соответствии с условиями военного времени. С одной стороны, теперь на экране демонстрировались в большом количестве «оборонные» художественные и документальные фильмы с военной и антифашистской тематикой, кинохроника и киножурналы. Но с другой стороны, советским кинозрителям стал доступен целый ряд иностранных кинокартин, преимущественно созданных в жанре мелодрамы или комедии. За весь период войны, начиная с октября 1941 г., в челябинских кинотеатрах демонстрировалось не менее 17 художественных фильмов и 2 документальные киноленты американского и британского производства. Зарубежные кинокартины имели длительную прокатную историю (2–3 недели

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-92. Оп. 5. Д. 48; Оп. 13. Д. 51; Ф. П-288. Оп. 3. Д. 611; Оп. 7. Д. 243; Оп. 8. Д. 264; Ф. Р-914. Оп. 1. Д. 223; Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 23а; 34; 37; 46; 49; 54.

с последующими повторами) и огромную, доходившую до ажиотажа, популярность среди городского населения. При этом для всей отчетной делопроизводственной документации как партийных, так и государственных структур иностранные фильмы являлись своеобразной «фигурой умолчания», о них очень кратко сообщалось лишь в прессе без всякого анонсирования.

Вообще ситуация с информированием горожан о проводимых киномероприятиях оставляла желать лучшего. Зрителям в этих условиях приходилось опираться на мнения людей уже посмотревших ту или иную кинокартину и на информацию из газет. Следует отметить, что «Челябинский рабочий», за редким исключением, в каждом номере публиковал афишу кинотеатров, периодические анонсы премьер и последующие их обзоры.

Особое внимание органы управления кинофикации и кинотеатры уделяли детям. В каникулярное время и в дни советских праздников устраивались специальные детские сеансы, проводились кинофестивали. При кинотеатрах действовали разнообразные кружки.

Война, безусловно, отразилась на самой практике «похода в кино». Если опираться на указанные выше параметры концепта «социального пространства», то можно говорить о двух встречных тенденциях. С одной стороны, официальные органы кинопроката стремились максимально использовать кинотеатр как агитплощадку, требуя от администрации проведения лекций на соответствующую тематику, обязательный показ пропагандистской кинопродукции, заполнения фойе и фасадов зданий плакатами и листовками. С другой стороны, массовый зритель желал получить от «похода в кино» приятный отдых, кратковременный уход от трудностей военного времени в мир грез и развлечений. И, конечно, кинотеатр являлся таким пространством для его посетителей: перед сеансами, как в довоенный период, продолжали играть джаз-оркестры (пусть и минимизированные до предела), репертуар был достаточно сбалансированным в плане присутствия в нем не только пропагандистских фильмов, но развлекательного кино «легких» жанров.

Таким образом, однозначного ответа на вопрос о том, что представлял собой кинотеатр военной поры в крупном тыловом городе, нет. Он одновременно являлся и агитплощадкой, мобилизуя население на трудовые и боевые подвиги, и местом отдыха для проведения досуга. Обе эти ипостаси были важны и необходимы и внесли свой вклад в обеспечении победы в войне.

Библиографический список

1. *Кириллова Н. Б.* Кино Урала: от прошлого к будущему. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2013. 407 с.
2. *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
3. *Рянусова Д. Н.* «На вечернем сеансе в небольшом городке...»: кино в контексте Великой Отечественной войны по воспоминаниям и письмам уральцев // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. № 3 (30). С. 99–109.

4. *Ряусова Д. Н.* По сценарию великой мечты: Киноиндустрия Урала в 1941–1953 гг. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2017. 265 с.
6. *Сперанский А. В.* В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 350 с.
7. *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: В. Даль, 2008. 290 с.

E. V. Volkov

Doctor of Sciences (History), Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

M. V. Sapronov

Candidate of Sciences (History), Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

**CHELYABINSK CINEMAS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
SOCIAL SPACE OF LEISURE OR MASS PROPAGANDA WORK?**

The paper analyzes the features of cinemas functioning in Chelyabinsk during the Great Patriotic War from the point of view of the «social space» concept. Authors of this research, based on analysis of the repertoire and specifics of the work of state film structures, concludes that wartime cinemas continued to play mainly the role of leisure and entertainment centers.

Keywords: city cinema, social space, leisure, mass propaganda work, Chelyabinsk, the Great Patriotic War.

СВЕРДЛОВСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА¹

В статье рассматривается влияние войны на рост человеческого потенциала г. Свердловска. Среди наиболее значимых факторов развития населения стала эвакуация, в ходе которой в город были перемещены не только промышленные предприятия, но и образовательные, научные, культурные учреждения столичного уровня. Их влияние способствовало формированию инновационной городской среды и преобразованию промышленного города регионального уровня в многоотраслевой центр республиканского значения. Особую роль в изменении статуса сыграло усиление научного сегмента в структуре экономики города с уклоном в технические и естественные науки.

Ключевые слова: Свердловск, эвакуация, человеческий потенциал, городская среда, вузовская наука, академическая наука.

Екатеринбург – Свердловск за свою 300-летнюю историю пережил несколько переломных моментов, которые способствовали накоплению его административного, экономического, а главное – человеческого потенциала и обусловили трансформацию заводского поселения в один из крупнейших городов-мегаполисов России.

Человеческий потенциал в этом процессе играет ключевую роль, поскольку составляет основу поступательного развития регионального сообщества и одновременно является индикатором его качественного уровня. Человеческий потенциал измеряется через совокупность демографических и социальных показателей – динамику численности населения, продолжительности жизни, грамотность и социальный состав населения и формируется под влиянием ряда факторов – экономических, демографических, социокультурных. Они носят объективный характер и определяют общие параметры человеческого потенциала. Но есть факторы другого порядка – субъективные, связанные с принятием управленческих решений и имеющие в ряде случаев далеко идущие последствия, которые могут способствовать росту качественных

---

* Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; og_06@mail.ru

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; LN.Mazur@urfu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19–29–07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга – Свердловска)».

показателей населения или, напротив, снижению достигнутого ранее уровня человеческого потенциала. К субъективным факторам можно отнести, например, указы 1781 г. и 1807 г., когда Екатеринбург получил сначала статус уездного, а затем горного города, придавшие ему дополнительные возможности развития экономической, бытовой и культурной среды и, соответственно, человеческого потенциала. Если в 1724 г. население завода составляло 4 000 человек; в 1781 г. – 7 969; в 1807 г. – 10 023, то к 1917 г. оно достигло 71 590 человек [4, с. 95–96].

Наиболее высокие темпы развития город демонстрирует в XX в., удваивая численность населения к каждой переписи (1926 г. – 148 200; 1939 г. – 426 996; 1959 г. – 803 506 чел.)¹. К 1966 г. число жителей Свердловска превысило миллионный показатель и в дальнейшем, несмотря на экономические кризисы и негативные демографические тенденции, город сохранял позиции одного из крупнейших городов России. Особую роль в этом росте сыграли два события – административная реформа 1923 г., когда Екатеринбург стал столицей Уралобласти, а также Великая Отечественная война. Несмотря на общий негативный фон, война способствовала развитию не только промышленной, но и культурной, научной, образовательной сферы города, формируя инновационную среду, необходимую для развития его человеческого потенциала. За годы войны население Свердловска выросло с 450 тыс. чел. (в начале 1941 г.) до 548,8 тыс. – в январе 1943 г. и 489,4 тыс. в июне 1945 г. [3, с. 45]. 22 апреля 1943 г. Свердловск получил статус города республиканского подчинения. Важнейшим фактором такого роста стала эвакуация.

Накануне Великой Отечественной войны Свердловск сложился как крупный региональный промышленный центр. В годы первых пятилеток здесь были построены промышленные гиганты – Уралмаш, Химмаш, Эльмаш и другие предприятия оборонно-промышленного комплекса. В 1940 г. в Свердловске насчитывалось 140 фабрик и заводов [2]. Параллельно промышленному строительству шел процесс формирования научно-образовательной среды города, поддерживающей индустриальную специфику. В 1932 г. здесь был образован Уральский филиал АН СССР, включавший 3 института (химический, геофизический и геохимический). К концу первой пятилетки в городе функционировало 18, а к концу второй – 25 ведомственных научно-исследовательских институтов промышленного профиля. В 1938 г. в 12 вузах Свердловска обучалось 11,6 тыс. студентов. Кроме того, в городе действовало 20 средних специальных учебных заведений [1, с. 105]. В городе работали 5 театров, филармония, художественный музей, что позволяет говорить о тенденции преодоления «заводского» наследия и создания предпосылок превращения Свердловска в многофункциональный центр.

В годы войны развитие человеческого потенциала Свердловска характеризуется противоречивыми тенденциями, связанными, с одной стороны, с демографическими потерями и деформацией половозрастной структуры населения, снижением уровня жизни и ухудшением жилищно-бытовых

¹ См. итоги соответствующих переписей населения.

условий, а с другой – с развитием промышленной составляющей экономики города и мощным наращиванием научного и культурного потенциала. В результате при сохранении «рабочей» специфики социальной структуры Свердловска создается база для его преобразования в послевоенный период в вузовский и академический научный центр всесоюзного масштаба.

За годы войны число промышленных предприятий Свердловска выросло до 200, а объем промышленного производства – в 7 раз [2]. Эвакуированные предприятия оставили свой след на карте города, где благодаря им появились Уральский приборостроительный завод; завод им. Калинина; Уралхиммаш; фабрика «Уральские самоцветы»; завод резинотехнических изделий и шинный завод, НПО «Автоматика»; Уральский оптико-механический завод и другие предприятия, ориентированные на наукоемкие производства.

Эвакуация способствовала созданию уникальной по насыщенности культурной жизни города [5]. В годы войны в Свердловске были размещены Эрмитаж, МХАТ им. А. П. Чехова и Центральный театр Красной Армии, президиум и институты Академии наук СССР, МГУ им. Ломоносова, киевская консерватория, Ленинградская лесотехническая академия, Белорусский лесотехнический институт, Киевский ветеринарный институт, Ленинградский горный институт и др.

В конце войны в Свердловской области было образовано три новых высших учебных заведения, в том числе Театральный институт. Поднялись на новый уровень вузы, созданные в 1930-е гг. [5]. Благодаря эвакуированным профессорам из Москвы и Ленинграда, Свердловский государственный университет получил право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации, а в 1945 г. был переименован в Уральский государственный университет имени А. М. Горького. В послевоенные годы в Уральском университете сложились научные школы, получившие всесоюзную известность: в 1957 г. профессор П. Г. Конторович организовал первое в России после 1917 г. математическое общество; в 1960 г. М. Н. Руткевич создал социологическую лабораторию, а профессор Б. В. Павловский – первую за пределами Москвы и Ленинграда кафедру истории искусств; на историческом факультете сформировалась научная школа византистов во главе с М. Я. Сюзумовым; были открыты астрономическая обсерватория, ботанический сад, вычислительный центр [7].

Не менее внушительным был рост академического научного потенциала Свердловска. К концу 1942 г. в Свердловске работали 15 учреждений АН СССР, в том числе Президиум АН, вели научную работу 250 научных сотрудников АН СССР, в том числе 35 академиков и членов-корреспондентов [6]. В 1944 г. Свердловским обкомом ВКП(б) были предприняты шаги по расширению структуры УФАИ СССР за счет создания исторического, планово-экономического и биологического институтов. Однако не всем планам было суждено воплотиться. Промышленная специализация региона определяла направленность научных разработок, где приоритет сохранялся

за естественными и техническими науками. Так, в составе УФАН были образованы новые институты, в том числе Институт биологии (1944), Институт физики металлов (1945), Институт металлургии (1953) и др.

Гуманитарные научно-исследовательские институты (Институт истории и археологии и Институт философии и права) появились в Свердловске только в 1988 г., завершив полувековой путь становления Уральского отделения Академии наук и пополнив научную палитру региона гуманитарной составляющей. Следует отметить особую роль Уральского университета в гармонизации научной среды, поскольку он на протяжении 1950–1980-х гг. выступал центром развития гуманитаристики на Урале, смягчая существовавший дисбаланс научных направлений.

Таким образом, эвакуация научных, образовательных институтов, учреждений культуры и творческих объединений в Свердловск способствовала трансформации промышленного города в научный и культурный центр региона и созданию благоприятных предпосылок для развития человеческого потенциала, что непосредственно отразилось на динамике численности населения города, уровне образованности и творческой активности уроженцев Свердловска, занявших достойное место в рядах политической, творческой, научной элиты России.

Библиографический список

1. Екатеринбург. Листая страницы столетий (1723–2008). 2-е издание, исправленное и дополненное. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 240 с.
2. Екатеринбург // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/Earth_sciences/geografiya/EKATERINBURG.html (дата обращения: 26.02.2020).
3. *Кругликов В. В.* Городское население Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 17(72). 2006. С. 44–52.
4. *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г.* Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100.
5. *Сперанский А. В.* Средний Урал в Великой Отечественной войне: вклад в победу // Урал индустриальный. Екатеринбург, 2007. С. 241–245.
6. Страницы истории // Уральское отделение Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uran.ru/node/2454> (дата обращения: 26.02.2020).
7. Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск, Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 168 с.

O. V. Gorbachev

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Documentary and Archival Studies and History of State Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

L. N. Mazur

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Chair of Documentary and Archival Studies and History of State Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

SVERDLOVSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: FACTORS OF HUMAN DEVELOPMENT

The paper discusses the impact of war on the growth of human potential in Sverdlovsk. Among the most significant factors in the development of human potential was the evacuation, which covered not only industrial enterprises, but also educational, scientific, cultural institutions. Their influence contributed to the formation of an innovative urban environment and the transformation of an industrial city of a regional level into a diversified center of republican significance. Strengthening the scientific segment in the structure of the city with a bias in technical and natural sciences played a special role in changing the status.

Keywords: Sverdlovsk, evacuation, human potential, urban environment, university science, academic science.

**«УРАЛ В ОБОРОНЕ: ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»
М. С. ШАГИНЯН: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛОКУСА¹**

Показано, что М. С. Шагинян связывает эффективность функционирования промышленного тыла на Урале в годы войны с сущностью социализма, нацеленного на труд и творчество. Она признает подвиги советских людей в тылу и на фронте вершиной советской системы, научившей видеть в общественном благе свой личный интерес, и полагает, что война лишь обострила волю и силы советского человека.

Ключевые слова: Урал, М. С. Шагинян, социализм, писатель, рабочий класс.

По своим масштабам вывоз людей и оборудования в годы Великой Отечественной войны был крупнейшим в мировой истории и стал одним из ключевых факторов, обеспечивших победу. Благодаря эвакуации творческой интеллигенции мобилизационная модель советской экономики получила новые идеологические стимулы к труду и обороне. Писатель Мариетта Сергеевна Шагинян (1888–1982) как корреспондент газеты «Правда» по Уралу проживала в Свердловске (1941–1943). Основным итогом работы, кроме корреспонденций в московских газетах, стало издание сборника «Урал в обороне: дневник писателя» (1944). Он состоит из четырех очерков: «Дела и люди Урала», «Урал в Отечественной войне», «Уральский город», «Менделеев о будущем Урала».

Первый раздел несоизмеримо больше других, ведь в нем идет речь о человеческом капитале как ключевом ресурсе великой победы. Очерки питали поездки по крупным предприятиям, поэтому коснулись главным образом «хозяина родной земли» – рабочего. Воспевание трудящихся как особого племени людей-богатырей в «царстве коленчатого вала» есть лейтмотив произведения. Большинство героев – молодежь, недавние фабзавученики, здесь, на заводах, обретшие новую семью. Метафора семьи выступает фактором, формирующим подчинение индивида государству и его готовность самопожертвования во имя нации. Автор пишет: «В войну эти новые молодые люди – лицо поколения, молодежь сороковых годов XX века, раскрылись с необычайной яркостью и определенностью» [1, с. 167]. М. С. Шагинян использует свойственный соцреализму концепт «перековки» личности в деле воспитания советского человека. Так, есть сюжет о токаре Вите Толкачеве, который в дни работы над

* Журавлева Нелли Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории НИУ «Южно-Уральский государственный университет», Челябинск, Россия; zhurnell@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16–04–00118–ОГН «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века».

оборонным заказом сбежал на футбольный матч. Из-за его неблагонадежности на нем «поставили крест». Но «старый» мастер в него поверил и «подтянул». И благодаря усердному труду Витя, превратившись в Виктора, заслужил прозвище «Толкач». Именно ему поручили опробовать новую норму: за 8 часов он сделал 15-часовую работу. Да еще и пожертвовал 1000 руб. на танковую колонну. Образ «мудрого» наставника, в числе прочих, использовался для легитимации нации, которая базируется на национальной общности, по сути, семье: «Как массовое явление на наших заводах и в наших уральских людях наблюдается сейчас вот такое материнское, кровное, „пристрастное“ отношение к делу» [1, с. 169]. Совсем не важно, на каком заводе произошла эта история, важнее типизация явлений. Между тем, освещая профессии оборонного производства, автор использует прием персональности. Читатель соприкасается с биографией героев и с попытками автора разобрать мотивацию людей, правда, через советскую проекцию: «советский оптимизм, вера в жизнь, в помощь товарищей; убеждение, ставшее почти инстинктом, что в нашей стране <...> человек никогда не останется одиноким» [1, с. 198].

В этой новой семье изменилось положение женщин. Тыловая специфика Урала привела к смене моделей женственности и мужественности. Бывшие домохозяйки оказались лучшими работниками, накопив «культуру времени и привычку хозяйственного отношения к материалу» [1, с. 175]. На Кировском заводе Усольцева использовала в работе ритм, позволяющий ей меньше уставать. Эмансипация женщин не лишила их женских качеств, заботы о ближнем. Одна девушка-машинист «слушала голос своего друга, паровоза, кормила его, сколько следует, откликалась ему» [1, с. 163].

М. С. Шагинян отмечает возросшую потребность страны в поддержке интеллигенции. Ученые стали изобретателями. В Магнитогорске удалось наладить производство лекарств из химических отходов, например аммиака, из-за отсутствия которого хирурги не могли делать операции. Медицина шагнула вперед не только в полевой хирургии. Врачи получили шанс заглянуть в тайны психики при ранении мозга и поражениях нервной системы, в тайну состава крови, развить учение о витаминах. Достижения уральских литераторов также вышли на общесоюзный уровень. Например, «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова показывает, «как чистая и совестливая душа народа побеждает соблазны алчности и легкой наживы, как высокий труд <...> человеческое мастерство помогает преодолеть темные страсти, <...> как не умирал человек в самых страшных, рабских, беспросветных условиях, а умел высоко поставить над ними свое человеческое достоинство» [1, с. 190]. Это позволяет автору назвать уральские сказы очень «русскими» и современными. Урал в годы войны признается наследником славных традиций народа, боевых и трудовых.

В тексте подчеркиваются черты местного характера: «уральская упряминка», «старинные культурные навыки к заводскому труду», молчаливость, замкнутость. Рассказывается об одном инженере из Кривого Рога, который не мог привыкнуть к местным и их образу жизни. Скучая из-за дефицита общения и событий, он «сидел на чемоданах». Но после истории с экскаваторщиком,

который на спор поднял ковшом спичку, «загорелся» идеей рацпредложения, благодаря которому за четыре дня удалось выполнить месячную норму.

Прогресс человеческой мысли коснулся и сельского хозяйства, а ведь раньше на Урале сажали мало овощей, даже картофеля: «Нигде и никогда раньше не знала наша земля таких тщательных и богатых сборов, такого знания и умения разобраться в дикорастущих злаках...» [1, с. 185]. Война превратила колхоз в новостройку, где повсюду – индустриальный пейзаж: водокачка, буровая, огромные чаны для квашения капусты на 75–100 тонн и пр. Эти и другие трансформации всех сфер советского социума в годы войны, по мнению М. С. Шагинян, воплощали специфику социализма, который пробудил в человеке творца, а значит, победа – это «непрерывно разматывающийся клубок творчества, непрерывное новаторство, непрекращающаяся тенденция побеждать» [1, с. 182].

Таким образом, в сборнике очерков М. С. Шагинян Урал представляет проекцию фундаментальных для социализма процессов роста производительности труда на основе развивающейся техники. «Почти все, что у нас было опытного, талантливого, знающего, перекочевало на восток» [1, с. 138], – в этой фразе заключен тезис автора о том, что Урал в числе прочих регионов аккумулировал достижения СССР первых десятилетий. Она пишет, что «мы перенесем на освобожденные территории уральские находки: скоростные методы строительства, скакнувшую вперед технику упрощенную и ускоренную технологию» [1, с. 230]. Вследствие войны произошло «обострение воли и сил советского человека» с целью преобразования действительности: «В мирное время мы не замечали, какую жадность к труду и творчеству пробудил в нас наш строй, а Красная армия углубила и обнажила эту потребность, сделала ее знаменем, за которое наши полки бросаются в бой, побеждают и победят» [1, с. 198]. Писательница подчеркивает, что инстинкт деятеля-творца позволил Уралу за два года заменить собою технически более передовой и мощный Юг.

Показательно отсутствие характерных для советской пропаганды отрицательных коннотаций образа врага для активизации борьбы «своих» против «чужих». Подвиги советских людей есть венец советской системы, которая научила видеть в общественном благе свой личный интерес: «Произошла удивительная историческая перестановка: немец, хваставший своим умением работать и высоким искусством организации, вдруг опьянел от разрушения, а тот самый „большевик“, которым как призраком разрушения пугали всю Европу, показал миру свое великое стремление к творчеству» [1, с. 230]. Восприятие М. С. Шагинян Урала как «места силы» советского народа не исчерпывается лишь его статусом оборонительного рубежа: регион олицетворяет иную модель общественного развития. В частности, в вопросах адаптации демобилизованных с фронта. Пример – судьба директора одного завода, лишившегося рук, но сделавшем так, что благодаря военному опыту по расстановке и воодушевлению людей «сотни рук стали его руками». В отличие от Европы, где после Первой мировой войны сложился термин «послевоенное поколение»: люди нравственной травмы, отчаявшиеся, «списанные в брак».

В публицистике важен адресат, он – центр конструирования реальности: очерки создавались о людях Урала и для них же самих. А также для тех, кто будет эвакуирован в тыл (большинство текстов были написаны в 1942 г.). Очевидно, что акцента на трудности автор сознательно избегает. Также за скобками остается освещение событий на фронте. Нарратив совсем не напоминает язык функционеров, привыкших к официальной стилистике, что объясняется не только литературным опытом М. С. Шагинян. Требовалось показать живых людей в реальной жизни, буднично созидающих в тылу ресурсную базу, призванную восполнить потери огромной страны из-за оккупации европейской части. Автор признает беспрецедентность этого явления: «В том, что произошло на самом показательном участке нашего тыла, на промышленном Урале, есть черты эпохального значения» [1, с. 230].

Библиографический список

1. Урал в обороне // М. С. Шагинян. Собрание сочинений : в 9-ти т. Т. 4. Кик: Роман-комплекс; Очерки, 1941–1979. М.: Художественная литература, 1987. С. 151–298.

N. S. Zhuravleva

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

«THE URALS IN DEFENSE: DIARY OF A WRITER» BY M. S. SHAGINYAN: FEATURES OF PERCEPTION OF LOCUS

The paper shows that M. S. Shaginyan connects effectiveness of the industrial rear in the Urals during the war with the essence of socialism aimed at work and creativity. She recognizes exploits of the Soviet people at the rear and at the front as pinnacle of the Soviet system, which taught them to see their personal interest in public good. She also believes that the war only tempered the will and strength of the Soviet man.

Keywords: the Urals, M. S. Shaginyan, socialism, writer, working class.

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕТЕРАНА (СБОРНИК-АЛЬБОМ УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Н. Я. ГОЛУБЧИКОВА)

В статье представлен сборник записей солдатского песенного фольклора участника Великой Отечественной войны Н. Я. Голубчикова. Сравняется работа ветерана с «дембельскими» альбомами и блокнотами современных солдат, призванных в армию в мирное время. Показаны жанровые особенности этих произведений.

Ключевые слова: солдатский фольклор, текст, концептуальная особенность, композиционная целостность.

Предметом исследования стала рукописная книга ветерана Великой Отечественной войны, переданная в дар фольклорному архиву УрФУ вдовой Н. Я. Голубчикова, проживавшей в пос. Верхняя Синячиха Алапаевского района Свердловской области. Книга представляет собой две скрепленные вместе самодельные тетради размером 4 в зеленой клеенчатой обложке, которые сверху еще покрыты «суперобложкой» из коричневого дерматина. Все это свидетельствует о повышенном внимании Н. Я. Голубчикова к данному артефакту.

В обеих тетрадях 190 л., исписанных с лицевой и обратной стороны, содержится 360 поэтических текстов. Это прежде всего сделанные владельцем на фронте, записи солдатского песенного фольклора. «Старый фронтовой альбом был начат писать в начале 1942 г., когда я был уже в действующей на фронтах армии частей и подразделений, участвующих в боях, – начинает свой рассказ ветеран (особенности его стилистики я сохранил). – По май м-ц 1946 г., то есть пока был не отчислен в запас, домой, на родину, альбом всегда был в полевой сумке, пройдя со мной суровые дороги войны... В начале тех жестоких и военных лет мне тогда лишь было 18 лет <...> [В начале марта 1980 г.] я решил переписать, восстановить уже совсем развалившийся, истершийся и почерневший фронтовой альбом как никогда не забываемую войну, как память суровых лет, как реликвию прошлых исторических лет». «Альбом переоформлен со всевозможными фотографиями, открытками и картинками из литературы уже в настоящем, но сопоставляя и вспоминая фронтовой дух»¹.

* Липатов Владислав Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; lipatov_v_a@mail.ru

¹ Голубчиков Николай. Сборник-альбом фронтовых песен и стихов (1941–1945 г.) // Фольклорный архив (ФА) УрФУ. Колл. «В-Синячиха – 2004». Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 0–1.

Воинский, а в нашем случае фронтовой дух – не поэтический образ, а признанный научный термин [2; 3, с. 253–253; 6, с. 252–253; 7]. Опережая выводы, скажу, что Н. Я. Голубчиков не просто скопировал истлевший фронтовой альбом с памятными для него записями фронтовых песен. Мемориальный артефакт он превратил в современное публицистическое произведение, внося туда небольшие историко-публицистические вставки, пусть несколько тенденциозные, но искренние, обращенные прежде всего к поколениям наследников Великой Победы.

Цельность его работе придает не только оформление, но даже такие мелочи, как сквозная пагинация страниц и нумерация текстов. «Фотографии, открытки, картинки», часто снабженные комментариями составителя, и, наконец, завершающая текст копия письма Марии Федоровны Смирновой, матери героя Советского Союза Юрия Смирнова, также являются частью того, что называют *текстом*, но уже не вербальным, а пиктографическим и предметным.

«Текст, — как утверждал Д. С. Лихачев, — это языковое выражение замысла его создателя» [4, с. 9], и надо сказать, что свой замысел показать эволюцию воинского духа своих товарищей за четыре года войны Н. Я. Голубчикову удалось реализовать. Меня в этом убедило сравнение работы ветерана с дембельскими альбомами (ДА) и блокнотами (ДБ) современных солдат, призванных в армию уже в мирное время. Ведь прежние и нынешнее поколения начинают свою службу восемнадцатилетними юношами, а заканчивают мужчинами и солдатами. «Солдатами не рождаются, а становятся» написал в самом начале своей книги Н. Я. Голубчиков. «Не тот мужик, кто был женат, а тот мужик, кто был солдат», по-своему интерпретируют эту мысль молодые, замечая при этом: «Армия ума не прибавляет, но дурь вышибает»¹. А еще в этих же блокнотах есть наблюдение о том, что «Служишь два года (для старших поколений три, четыре, а то и шесть лет. — В. Л.), а вспоминаешь потом всю жизнь»:

Пройдет зима, пройдет и лето,
Пройдут и юности года,
Возможно, будет все забыто,
Но годы службы никогда².

И в этом солдаты-ветераны и их не знавшие войны дети и даже внуки едины во мнении. «В альбоме, — пишет Н. Я. Голубчиков, — есть фронтовые переживавшиеся выдержки в те времена, а также и [в] послевоенный период».

Однако различает составителя военного сборника-альбома и тех, кто увозил домой альбомы и блокноты в мирные годы, одна важная черта: то, что Н. Я. Голубчиков делал нередко интуитивно, как говорят, «по умолчанию», составители современных воинских артефактов выражают в вербальной форме.

¹ ФА УрФУ. ДМБ-культура. Ед. хр. 2. Оп. 1. № 78; Ед. хр. 7. Оп. 1. № 12; Ед. хр. 16. Оп. 1. № 50, 92; Ед. хр. 18. Оп. 6. № 11.

² Там же. Ед. хр. 3. Оп. 2. № 116; Ед. хр. 6. Оп. 2, № 47; и др.

Именно поэтому я, анализируя альбом ветерана, фактическая основа которого была заложена в военные годы, нередко пользовался формулировками юных армейских поэтов конца XX века.

Как и труд Н. Я. Голубчикова, дембельские артефакты отличает и композиционная, и смысловая цельность. Главная *смысловая цельность*: выполнить свой мужской и солдатский долг и, по возможности, остаться живым и здоровым для последующей гражданской жизни. Что *до цельности композиционной*, то в ДБ она хорошо выражена в двустихии, обозначающем временные границы текста:

Служба два мгновения – призыв и увольнение.

Все остальное – мрак: кто, с кем, откуда, где и как.

Этот «мрак» нелинейных, то есть не связанных причинно-следственными отношениями текстов филологи называют *гипертекстом* [5, с. 4–7; 7, с. 22–36]. Для молодежи, чувствующей себя уверенно в цифровом компьютерном зазеркалье, гипертекст — привычная среда обитания. Н. Я. Голубчиков – старшее поколение, поэтому ему приходится придумывать для воплощения своего замысла достаточно сложную композиционную схему. Начало и конец службы, «призыв и увольнение», конечно, тоже были, но между ними он располагает привычную для него *линейную схему*, состоящую из прожитых на войне и отмеченных на полях книги лет фронтовой службы. Однако песни, нередко описывающие не один год жизни бойца, не всегда помещались в это хронологическое «прокрустово ложе». Отсюда *анахронизмы*, которые, однако, не портят общую психологическую картину изменения настроений в нашей армии. Цепочка дат, изредка дополняемая упоминанием о годах и странах, через которые прошла война, создавали динамику текста, то, что в гуманитарных науках называют *хронотопом*.

В качестве примера приведу лишь «два мгновения» из сборника-альбома. Война для юного Коли Голубчикова началась «...в белоснежных полях под Москвой», а потому его собрание фронтовых песен открывается «Землянкой» А. Суркова. Именно эта песня, а не пафосная «Священная война», выражает настроения, в которое окунулся уральский юноша после призыва на военную службу в начале 1942 года (эта дата стоит на полях рядом с песней).

Однако, выпустив песню на волю, автор теряет над ней власть. Теперь «авторские права» на песню у коллективного бессознательного, которое с этим может и не согласиться. Так в варианте, записанном Н. Я. Голубчиковым, вместо строчки «...Пой гармоника *вьюге* назло...» мы находим иные слова: «Пой, гармоника, *немцам* назло...». Ведь суровая русская природа в годы Великой Отечественной часто была союзником, а не врагом русского солдата. И еще есть в этой народной редакции «Землянки» оптимистический финал:

Скоро, скоро настанет весна,
На полях зацветут васильки,
Роковые четыре шага
Будут так далеки, далеки (№ 1)¹.

¹ Здесь и далее в тексте нумерация произведений, представленная в сборнике Н. Голубчикова.

Это самое начало альбома-сборника Н. Я. Голубчикова, его временная граница, и логично было бы предположить, что финал сборника будет посвящен Великой Победе:

Мы дрались за Вену на Дунае,
На австрийских бились мы полях,
И стране чудесной утром в мае
Принесли Победу на штыках... (№ 125).

Войну Н. Я. Голубчиков закончил в Вене, однако после Победы пришлось солдату прослужить еще целый год. Этот 1946 год в его книге пополнился еще тридцатью пятью поэтическими текстами. Это, судя по стилю, уже не народное творчество, да и «композиционный год», судя по содержанию стихов растянулся на несколько десятилетий. По крайней мере в последних стихотворениях сборника «Присяга» и «Клятва Родине» (№178, 179) лирический герой присутствует на принятии сыном воинской присяги, а чуть ранее в произведении «Солдатский разговор» на вопрос ветерана о мужском и солдатском долге...

Внук ответил: «Будь спокоен,
Нам отчизна дорога,
Для того и служит воин,
Чтобы насмерть бить врага...» (№160).

Наверное, последний послевоенный раздел книги Н. Я. Голубчикова, а также некоторые прозаические вставки, которые автор назвал «Выдержки», я бы определил, как наименее удачные. Коллективное бессознательное в их создании, похоже, не присутствовало. Что же касается сердцевинной части того, что следует назвать *гипертекстом*, то здесь, в народных редакциях как известных текстов, так и в оригинальных произведениях, немало интересного найдет для себя фольклорист и диалектолог, литературовед и психолог. Впрочем, и специалист-историк, может быть, увидит и оценит в авторских «Выдержках» «русско-простонародное понимание европейских вещей» [2, с. 437] и суждения о войне, которые я не разглядел.

Библиографический список

1. *Белинский В. Г.* Статьи о народной поэзии / Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 863 с.
2. *Ковылов О. В., Пряхин А. М.* Моральный дух военнослужащих как важнейшая составляющая потенциала силовых структур российской федерации // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2013. № 4 (19). С. 96–99.
3. *Леер Г. А.* Энциклопедия военных и морских наук : в 7 т. Т. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1885. 621 с.
4. *Лихачев Д. С.* Текстология. Краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. 102 с.
5. *Лутовинова О. В.* Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Вестник ВГПУ. 2009. № 1. С. 4–7.

6. Новицкий В. Ф. Воинский (военный) дух // Военная энциклопедия : в 18 т. Т. 7. СПб.: Т-во И. Сытина, 1912. 320 с.
7. Петрий П. В. Духовные ценности российского общества и армии. М., 2001. 216 с.
8. Субботин М. М. Гипертекст: новая форма письменной коммуникации // ВИНТИ. Сер. «Информатика». М., 1994. Т. 18. С. 22–36.

V. A. Lipatov

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Chair of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

**VETERAN'S WILL (FOLKLORE COLLECTION BY PARTICIPANT
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR N.YA. GOLUBCHIKOV)**

The paper presents a collection of handwritten soldier folklore of the time of the Great Patriotic War. The paper examines N. Golubchikov's collection and contemporary notepads and sketchbooks of demobilized soldiers for genre peculiarities.

Keywords: soldier folklore, text: conceptual and compositional integrity.

«ИХ ИМЕНА ОТНЫНЕ БУДУТ НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНЫ С ИСТОРИЕЙ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ»: ЭВАКУАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СВЕРДЛОВСК (1941 Г.)¹

На примере эвакуации музейных коллекций Херсонесского музея из Севастополя в Свердловск в 1941 г. авторы рассматривают вопросы сохранения культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено личностному фактору, а также проблеме взаимодействия органов власти в ходе эвакуации объектов культурного наследия. Исследование основано на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музейное дело, охрана культурного наследия, Херсонесский музей, источниковедение.

23 декабря 1941 г. в Свердловск прибыл товарный состав, в одном из вагонов которого находился груз, эвакуированный из героического Севастополя. Восемь тонн имущества Херсонесского государственного историко-археологического музея сопровождал всего один человек – старший научный сотрудник Станислав Францевич Стржелецкий (1910–1969). По подсчетам Т. В. Диановой, в Свердловск было перевезено 11 298 артефактов, 3 579 томов библиотеки, 573 архивных дела, 581 единица научной картотеки, более 7 000 фотонегативов [3, с. 50–52].

Важнейшим источником по истории эвакуации бесценных коллекций является «Отчет об эвакуации Государственного историко-археологического Херсонесского музея (сентябрь – декабрь 1941 года)», написанный С. Ф. Стржелецким в декабре 1942 г. в Свердловске. В настоящее время документ хранится в Государственном архиве Свердловской области². По нашему мнению, создание этого документа было связано с деятельностью Уральского филиала Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР.

* Мохов Антон Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; rkb2004@yandex.ru

Шаманаев Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; shamanaev@mail.ru

Капсалькова Карина Рамазановна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; Carinne.kapsalikova@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00106 «Сохранение культурного наследия России в условиях военных конфликтов первой половины XX в.».

² Государственный Архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 1–36.

Судя по сохранившимся архивным документам, уже во второй половине 1942-го – первой половине 1943 г. филиал получил письменные отчеты нескольких музеев и вузов, в том числе эвакуированных в Свердловск¹.

В «Отчете» С. Ф. Стржелецкий подробно описал подготовку музейных ценностей к эвакуации и события, происходившие по пути из Крыма на Урал. Из Севастополя груз был отправлен 18 сентября 1941 г. на самоходной плавбазе «Волга», которая доставила его в порт Потти. Далее по железной дороге С. Ф. Стржелецкий прибыл в Тбилиси, а затем – в Баку. 20–22 ноября 1941 г. ему удалось переправиться через Каспий из Баку в Красноводск. Дальнейший маршрут до Свердловска шел по железной дороге через Ашхабад, Ташкент, Арысь, Оренбург и Челябинск.

В заключительной части «Отчета», оглядываясь на проделанный путь, С. Ф. Стржелецкий отметил: «Так усилиями многих и многих советских патриотов, проследовав 6000 км пути, переплыв два моря, пробыв в пути 105 дней и при затрате менее, чем 6000 рублей прибыли в полной сохранности ценнейшие собрания памятников, архив, научные, материалы и библиотека в надежный тыл, где им была обеспечена полная безопасность и сохранность до окончания войны»².

Материалы «Отчета» свидетельствуют, что исполнить миссию по спасению музейных ценностей Херсонеса С. Ф. Стржелецкий не смог бы без содействия «советских патриотов». Всего автор назвал более 30 чел., с которыми ему приходилось встретиться. О большинстве из них он писал с теплотой и благодарностью. Однако автор «Отчета» упоминает и тех, кто пытался помешать ему или проявил равнодушие к его проблемам.

В заключительной части текста С. Ф. Стржелецкий посчитал нужным особо «отметить ряд лиц, усилиям которых Херсонесский Музей обязан за сохранение своих ценнейших памятников и материалов, отметить их имена, которые отныне будут неразрывно связаны с историей Херсонесского Музея»³.

В эту небольшую группу лиц он включил прежде всего директора Херсонесского музея И. Д. Максименко (1894–1977), который «своевременно добился отправки ценностей в глубокий тыл, в количестве значительно превышающем те рамки, в которые был поставлен Музей и во время, когда еще риск перевозки ценностей на Кавказ еще не был велик»⁴. Несомненно, что участник Гражданской войны И. Д. Максименко использовал свои связи в партийных и советских органах Крыма и Севастополя [8, с. 6]. Это позволило спасти музейные ценности Херсонеса, что особенно отчетливо контрастирует при сравнении с судьбой остальных крымских музеев, понесших в годы войны тяжелые утраты [5, с. 130–131; 1, с. 171–180; 4, с. 63–64].

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Оп. 1. Д. 8. Л. 81–171.

² ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 34.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Там же.

Наибольшее содействие С. Ф. Стржелецкий получил в гостеприимной Грузии. Несмотря на трудности военного времени, академик, вице-президент АН ГрузССР С. Н. Джанашия (1900–1947) [7, с. 28–38] изыскал возможность для того, чтобы груз из Севастополя смог «быстро проследовать через Грузию к месту назначения»¹. Финансовые проблемы С. Ф. Стржелецкого были решены благодаря опыту и связям начальника финансового отдела К. Э. Мачебели и главного бухгалтера АН ГрузССР А. С. Мдивашвили².

В Азербайджане С. Ф. Стржелецкому пришлось значительно сложнее. Однако и здесь нашлись «товарищи, которые по-настоящему, по-советски подошли к делу сохранения государственных ценностей. Приятно было даже говорить с ними. С полуслова все понимали, не было необходимости лгать, выдумывать, преувеличивать значения научных материалов»³. Это были научный работник Исторического института П. Н. Валуев [2, с. 51] и начальник спецчасти АзФАНа Тимошенко, который «сыграл очень большую роль <...> в быстрой переброске на восточный берег Каспийского моря»⁴.

По прибытии в г. Свердловск профессор В. Ф. Левинсон-Лессинг (1893–1972) – директор Свердловского филиала Государственного Эрмитажа [6, с. 272–291], любезно выделил помещение для временного хранения памятников Музея⁵.

«Немедленную и активную помощь музею» оказали в Свердловске заведующий ОблОНО Н. Ф. Хлесткин (1897–1943), директор Свердловского областного краеведческого музея А. П. Курбатова (1905–1986) и зав. сектором снабжения ОблОНО А. П. Худякова (1898–1990)⁶. Согласно «Отчету» С. Ф. Стржелецкого: «Н. Ф. Хлесткин сразу же оказал содействие Музею и мне. Для Музея были выделены средства на доплату за проезд; я получил единовременное пособие и зачислен в число сотрудников Краеведческого Музея. Немедленно получил теплую комнату и обувь <...> 1 января 1942 года имущество Херсонесского Музея было водворено в Музей и картинную галерею Свердловска, занимаемую филиалом Гос. Эрмитажа»⁷. «Из уральцев особо выделяем Евгения Георгиевича Сурова – доцента Свердловского Педагогического Института, который не только сам лично включился в работу проверки вывезенного имущества, но привлек к этому делу и своих студентов. В нетопленном помещении при температуре ниже 0° эти добровольцы самоотверженно тратились для блага Музея. В глазах херсонцев Евгений Георгиевич Суров полностью заслужил *προξενία* – равные гражданские права с прирожденными херсонеситами. Что было

¹ ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 454. Л. 32.

² Там же. Л. 32.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 33.

⁵ Там же.

⁶ На смену! 1985. 27 августа; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 22. Д. 3532 (Худякова Антонина Петровна); ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 14. Д. 1231 (Курбатова Антонина Петровна); ЦДООСО. Ф. 1448. Оп. 1. Д. 2595 (Хлесткин Николай Федорович).

⁷ ГАСО. Ф. Р-678. Д. 454. Оп. 1. Л. 31.

особенно приятно в этих людях – это сочетание прекрасных деловых качеств с теплым настоящим советским участием к Херсонесскому Музею, скитающемуся вдали от своей матери-земли Городища»¹.

«Скитания» завершились только вместе с войной. Станислав Францевич Стржелецкий совершил настоящий подвиг: благодаря его самоотверженности и смелости бесценные сокровища Херсонеса были спасены. В отсутствие плана эвакуации, достаточных финансовых, средств, транспорта ему помогли люди не столько в силу служебных обязанностей, сколько совершенно добровольно и бескорыстно. Они осознавали значимость исторического наследия Родины для ее будущего.

Библиографический список

1. *Андросов С. А.* Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. 2004. № 6–7. С. 171–180.
2. *Гусейнов Г. Н.* Азербайджанский филиал АН СССР // Вестник АН СССР. 1944. № 4–5. С. 47–53.
3. *Дианова Т. В.* Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. 2016. № 1 (20). С. 47–57.
4. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 334 с.
5. *Разгон А. М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона): научные чтения / отв. ред. Т. И. Игумнова. М.: Государственный исторический музей, 1999. С. 122–133.
6. *Русаков Ю. А.* Владимир Францевич Левинсон-Лессинг (1893–1972) // Советское искусствознание. 1978. Вып. 1. С. 272–291.
7. *Хоштария Э.* Академик С. Н. Джанашиа (Краткий очерк научной и общественной деятельности) // Симон Джанашиа (1900–1947). Библиография. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С. 22–38.
8. *Шевченко В. И.* Сокровища исчезнувших городов: записки музейного работника. Л.: Лениздат, 1948. 87 с.

A. S. Mokhov

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Ancient and Medieval History, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

A. V. Shamanaev

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Chair of Archaeology and Ethnology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

K. R. Kapsalykova

Candidate of Sciences (History), Assistant, Chair of Orient Studies, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

¹ ГАСО. Ф. Р-678. Д. 454. Оп. 1. Л. 33–34.

«THEIR NAMES WILL BE INEXTRICABLY LINKED TO HISTORY OF CHERSONESSES MUSEUM»: THE EVACUATION OF CULTURAL PROPERTY IN SVERDLOVSK (1941)

The authors consider the issues of preserving cultural heritage in the Great Patriotic War. The paper shows evacuation of the museum collections of the Chersoneses Museum from Sevastopol to Sverdlovsk in 1941. The authors pay main attention to personality factor and problem of interaction between administrative organs in evacuation process. The research based on unpublished archive documents.

Keywords: Great Patriotic War, museum affairs, protection of cultural heritage, Chersoneses Museum, source study.

ГЕРОИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СВЕРДЛОВСКА – ЕКАТЕРИНБУРГА¹

В статье показан вклад жителей одного из крупнейших промышленных и культурных центров Уральского региона в Великую Победу над фашизмом. Дана характеристика расположенных на территории города произведений монументального искусства, отражающих трудовой и боевой подвиг свердловчан. Сделан вывод о неоплатном долгу нынешнего поколения екатеринбуржцев перед героями Великой Отечественной войны и необходимости продолжения увековечивания памяти о них.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, подвиг, память, памятник, мемориальный комплекс, мемориальная доска.

О роли Свердловска-Екатеринбурга в годы Великой Отечественной войны написаны десятки книг и сотни статей. С началом войны город стал одним из главных arsenалов страны. Сюда были эвакуированы свыше пятидесяти заводов и фабрик, ряд ведущих научно-исследовательских и конструкторских организаций. Такие гиганты индустрии, как Уралмаш, Уральский турбомоторный, Уралхиммаш, завод транспортного машиностроения сыграли огромную роль в оснащении Красной Армии современным вооружением и боевой техникой. Всего за годы войны объем промышленного производства Свердловска вырос в семь раз по сравнению с довоенным уровнем.

Город внес существенный вклад в сохранение культурного достояния страны. Здесь временно размещались коллекции Эрмитажа, работали Центральный театр Красной Армии, Московский художественный академический театр.

Более 100 тыс. жителей города были призваны в действующую армию. Почти 42 тыс. из них не вернулись с войны. 62 свердловчанина были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в их числе дважды герои летчики М. П. Одинцов и Г. А. Речкалов, а также легендарный разведчик Н. И. Кузнецов.

---

* Постников Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор, советник ректората Уральского государственного архитектурно-художественного университета, Екатеринбург, Россия; spostnikov@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–49–660002 «Екатеринбург в первой четверти XX века: городская повседневность и культурный ландшафт».

В Свердловске располагался штаб Уральского военного округа, на базе которого было сформировано более 500 воинских частей и соединений, в том числе 22 армия и Уральский добровольческий танковый корпус.

В честь боевых и трудовых подвигов уральцев в Свердловске-Екатеринбурге возведено свыше тридцати мемориалов и обелисков. Увековечение памяти героев началось еще в 1950-е гг. Одним из первых был открыт в 1953 г. бюст летчику-штурмовику, дважды Герою Советского Союза М. П. Одинцову возле Суворовского училища (скульптор М. Г. Манизер, архитектор Г. А. Столяров).

Эта деятельность активизировалась в 1960-е гг., когда стали уходить из жизни первые ветераны Великой Отечественной. В 1961 г. на площади им. С. М. Кирова был открыт памятник студентам и преподавателям УПИ, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны (скульптор В. М. Друзин, архитектор Г. И. Белянкин). Через год на Привокзальной площади был возведен памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса (скульпторы В. М. Друзин, П. А. Сажин, архитектор Г. И. Белянкин).

К 20-летию Победы был создан памятник Герою Советского Союза младшему сержанту Н. Н. Васильеву (ул. Караванная, 1) (скульптор Я. П. Зайцев, художник И. А. Коновалов).

С конца 1960-х гг. стали возводиться мемориальные комплексы. Первым из них стал Мемориал уралмашевцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, открытый 8 мая 1969 г. на площади Первой пятилетки (скульпторы И. И. Симонов, С. П. Романов, архитектор Г. И. Белянкин).

Самым масштабным стал Ширококореченский мемориал в память о воинах, умерших от ран в госпиталях Свердловска в 1941–1945 гг. Он был возведен к 30-летию Великой Победы (скульптор Ф. Ф. Фаттахутдинов, архитектор Г. И. Белянкин). К 40-летию и к 70-летию Победы мемориал был реконструирован. 9 мая 2015 г. на мемориале был зажжен вечный огонь.

Наконец, к 250-летию Верх-Исетского завода в 1976 г. на площади Субботников был открыт Мемориал рабочим Верх-Исетского завода, погибшим на фронте, и тем, кто ковал Победу в тылу (скульпторы А. И. Бельдюжкин, А. В. Рыбкин и А. С. Новиков).

В 1995 г. к 50-летию Победы в городе было воздвигнуто два новых знаковых памятника: памятник маршалу Г. К. Жукову на проспекте Ленина на площади перед зданием штаба Центрального военного округа (скульптор К. В. Грюнберг) и памятник воинам-мотоциклистам 7-го отдельного гвардейского разведывательного батальона в ЦПКиО им. Маяковского (архитектор Г. А. Голубев).

Увековечивание памяти о ратном и трудовом подвиге уральцев в годы войны продолжилось и позже. К 60-летию Победы на площади Обороны (отсюда провожали свердловчан на фронт) был открыт памятник «Седой Урал» (скульптор Г. А. Геворкян).

Память о воинской и трудовой славе свердловчан в годы Великой Отечественной войны сохранилась также в названиях улиц и площадей

Свердловска-Екатеринбурга, в мемориальных досках на зданиях военных штабов, эвакогоспиталей, в школьных музеях и мемориальных классах. Коллективы трех заводов Свердловска были награждены Орденом Ленина, один – орденом Красного Знамени, два – орденом Отечественной войны I степени, восемь заводов – орденом Трудового Красного Знамени. 7 коллективов предприятий получили на вечное хранение переходящие Красные знамена ЦК ВКП (б), Государственного комитета обороны, ВЦСПС и наркоматов. 75 лет минуло с окончания войны. Много сделано для увековечения памяти о бессмертном подвиге земляков. Но нынешнее поколение екатеринбуржцев остается в неоплаченном долгу у ветеранов Великой Отечественной войны. Ведь они сражались на фронте, трудились в тылу ради жизни на земле нынешних и будущих поколений.

Библиографический список

1. Бердников Н. Н. Город в двух измерениях. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. 112 с.
2. Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 728 с.
3. Их подвиг бессмертен. Памятники и памятные места Великой Отечественной войны. Свердловск – Екатеринбург. М.: Офис – Принт, 1995. 24 с.
4. Лукьянин В., Никулина М. Прогулки по Екатеринбургу. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 240 с.
5. Свердловск. Справочник-путеводитель. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. 240 с.

S. P. Postnikov

Doctor of Sciences (History), Professor, Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg, Russia).

HEROIC LEGACY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE OF SVERDLOVSK-YEKATERINBURG

The paper shows contribution of residents of one of the largest industrial and cultural centers of the Urals to the Great Victory over Nazism. The paper describes works of monumental art located on the territory of the city, reflecting labour and combat feats of Sverdlovsk residents. The paper concludes that current generation of Yekaterinburg residents owes an unpaid debt to the heroes of the Great Patriotic war and there is need to continue perpetuating memory of them.

Keywords: World War II, feat, memory, monument, memorial complex, memorial board.

УРАЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНЫХ ВОЕННО- ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ НОВОГО ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСА¹

Проанализированы некоторые тенденции восприятия истории Великой Отечественной войны, сформировавшиеся в последнее время. Предложено создание интернет-ресурса, посвященного истории Урала в годы Великой Отечественной войны. Раскрыты особенности создания ресурса, содержащего информацию на пяти языках. Сделан вывод о научной, образовательной и социальной значимости подобных информационных продуктов.

Ключевые слова: военно-публицистический дискурс, Урал, Великая Отечественная война, цифровой архив, интернет-ресурс.

История Великой Отечественной войны – особая страница истории России. За годы «позднего социализма» в стране сложилась своеобразная культурная традиция восприятия этой истории как уникального и во многом сакрального явления, в обсуждении которого нет места политическим дискуссиям и спорам. Базовые оценки ключевых событий и процессов, связанных с Великой Отечественной войной, сформировались еще в 60–70-е гг. XX века и с тех пор серьезно не менялись.

Однако в мире за эти годы произошли очень существенные изменения. Распад СССР и КПСС, исчезновение так называемого «социалистического лагеря», радикальные изменения в социальной структуре российского общества, в его политической системе, в политике средств массовой информации, создали новую культурно-историческую реальность, новое информационное пространство, в рамках которых сохранить прежний дискурс при обсуждении различных аспектов истории Великой Отечественной войны становится все сложнее. Кроме того, проблема сохранения памяти о Великой Отечественной войне приобретает важное значение в современном внешнеполитическом контексте в условиях глобальной политизации истории, когда вокруг

---

* Солопова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; o-solopova@bk.ru

Сибиряков Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; sibirjkovig@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192 «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)».

интерпретации многих важных исторических событий разворачиваются настоящие «войны памяти». В этих условиях особое значение приобретают документальные свидетельства той эпохи.

Наступает неизбежный период поиска новых способов трансляции информации о войне. Особенно эта потребность заметна в молодежной среде [4]. Сегодня в стране проживают несколько поколений людей, у которых сформированы совершенно различные представления о Великой Отечественной войне. В основу этих представлений положены разные источники информации, научные концепции и культурные традиции, что делает важным выработку такого канала трансляции исторического знания, который будет принят многими крупными группами населения и позволит не только сохранить преемственность исторических образов и смыслов, но даст возможность интегрировать память о войне в исторические представления тех граждан России, которым предстоит жить и работать в XXI в. Представляется, что одним из таких способов трансляции знаний о прошлом могут являться факсимильные интернет-архивы, посвященные отдельным сражениям, отдельным периодам и отдельным регионам в истории войны [1, 7]. Такая специализация позволит существенно упростить для пользователя поиск необходимой информации и позволит улучшить научный уровень, представляемого пользователю контента. Именно в рамках такого подхода учеными Южно-Уральского государственного университета была реализована первая часть проекта «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивов СССР и стран Западной Европы)», поддержанного РФФИ. Опыт подготовки и реализации данного проекта, на наш взгляд, может оказаться полезным для организации и других масштабных исследований, посвященных истории Великой Отечественной войны. Одним из главных итогов проекта должен стать интернет-ресурс «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны». Его уникальность состоит в том, что в нем наряду с отечественными текстами, посвященными истории уральского региона в годы Великой Отечественной войны, будут представлены тексты иноязычных военно-публицистических дискурсов (британского, французского, испанского, итальянского) [7]. Военно-публицистический дискурс является гибридным форматом институционального дискурса и представляет собой механизм трансформации макросоциального феномена (военный конфликт) на микросоциальный уровень с помощью дифференцированного информационного воздействия, формирующего в сознании аудитории определенные ценностные фрагменты [5, 6, 8].

Уральский регион всегда являлся одним из ключевых регионов России. В истории страны он часто становился стратегическим и мобилизационным центром развития государства, так было и во время Великой Отечественной войны [3, 9, 10.]. Именно поэтому роль Урала во временном контексте Великой Отечественной войны вызывает интерес исследователей

и общественности, особенно в связи с пересмотром ключевых сюжетов, связанных с историей войны в современном мировом медиапространстве. Интернет-ресурс предлагает особый взгляд на военный период в истории Урала, взгляд из исторического прошлого. Документальная информация, представленная на данном ресурсе, – это тексты, опубликованные в годы Великой Отечественной войны в средствах массовой информации пяти стран: СССР, Великобритании, Франции, Италии и Испании: аналитические материалы журналистов, пишущих на внешнеполитические темы, выступления лидеров политических партий, комментарии политологов. Это уникальные документы, которые позволяют посмотреть иначе на многие события Великой Отечественной войны, особенно происходившие в тылу. Естественно, этот взгляд в какой-то мере политизирован в зависимости от того, в какой стране и в каком издании был опубликован материал. Но он очень полезен для формирования нового образа войны, более глубокого понимания проблем военного времени.

Источниками для формирования контента являются авторитетные оцифрованные архивы исторических газет и журналов, существующие на базе крупных музеев и библиотек¹. Выборка в архивах осуществляется с помощью поисковых менеджеров по словоформе «Урал» (Urals (англ.), Oural/Ourals (фр.), Urali (ит.), Ural, Urales (исп.)) [7, 10]. В дальнейшем сформированные массивы текстов обрабатываются вручную, так как, учитывая общее физическое состояние архивных документов, датированных 1941–1945 гг., преобразованный текстовый файл часто некорректно отображает содержание оригинального документа, что значительно затрудняет автоматизированную обработку материала.

С одной стороны, такой ресурс позволит расширить доступ к документальной базе по истории Великой Отечественной войны: в нем пользователь сможет найти оригинальные документы пяти стран об Уральском регионе, фотоматериалы, тексты СМИ, передающие, помимо фактических свидетельств современников событий, эмоциональную составляющую эпохи. С другой стороны, такой ресурс будет иметь не меньшую ценность в социальном плане. «Виртуализация» истории, способность интернет-ресурса охватить многомиллионную аудиторию и возможность посещения виртуальной выставки из любой точки мира позволит представителям современного поколения увидеть события войны глазами ее современников и участников, как соотечественников, так и западных партнеров и противников, образы войны, часто отличные от транслируемых современными официальными политическими дискурсами. Материалы, представленные в факсимильном архиве, могут быть использованы как в организации современного

¹ The British Newspaper Archive, Gallica, La Stampa, Prensa Histórica, La Vanguardia и др. К примеру, британский корпус the British Newspaper Archive, совместный проект Британской Национальной библиотеки и службы генеалогии findmypast, является одним из авторитетных, постоянно пополняемых архивов Великобритании, включает тексты из разнообразных источников и представляет собой уникальное собрание исторических газет и журналов Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии, в коллекции которого представлено более 35 млн изданий регионального и национального значения с 1700 г. по 2017 г.

учебного процесса в рамках школ, лицеев, университетов, так и в научно-исследовательских проектах [7, 10]. Первый этап реализации проекта выявил несколько проблем, связанных с отбором материала для контента и методикой работы с этим материалом. Очевидно, что процесс трансформации дискурса о великой войне и Великой Победе будет носить противоречивый характер, но, как показывает опыт подобной трансформации, накопленный в других странах, он является важным и необходимым элементом сохранения памяти о войне для новых поколений российских граждан.

Библиографический список

1. *Ачкасова О. Г., Ярош М. В.* О Великой Отечественной войне в глобальной сети интернет и на страницах печатных изданий // Образование. Карьера. Общество. 2010. № 1. С. 71–76.
2. *Вагина Т. С.* Общие принципы построения и использования корпуса the British Newspaper Archive // Гороховские чтения: материалы десятой регион. музейн. конф. Челябинск, 2019. С. 20–22.
3. *Рапохин К. И.* Города Челябинской области в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9. С. 68–73.
4. *Рачила А. В., Бурьков В. В.* Великая Отечественная война и историческая память молодого поколения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 11. С. 112–114.
5. *Солопова О. А.* Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 124–134.
6. *Солопова О. А., Салтыкова М. С.* Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 762–783.
7. *Солопова О. А., Салтыкова М. С.* Проект «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны»: интеграция научной и образовательной деятельности // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием. Екатеринбург, 2019. С. 219–222.
8. *Солопова О. А., Наумова К. А.* Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15–21.
9. *Якунцов И. А.* Урал в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 166 с.
10. *Bernat O., Chernysheva M., Shatrovich N., Raevskaya M.* Peculiar features of representing historical facts when teaching a foreign language (based on the material on the Urals published in periodicals of France, Italy and Russia in 1941–1945) // ICERI2019 Proceedings. 12th International Conference of Education, Research and Innovation, Seville, Spain: Iated.org, 2019. P. 2340–1095.

O. A. Solopova

Doctor of Philological Sciences, Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

I. V. Sibirjakov

Doctor of Historical Sciences, Department of Russian and Foreign History, Institute of Media, Social and Humanitarian Sciences, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia).

**THE IMAGE OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN RUSSIAN AND FOREIGN MILITARY AND PUBLICIST
DISCOURSES: SOME PROBLEMS
OF CREATING A NEW WEB RESOURCE**

The authors analyse present trends of perceiving the history of the Great Patriotic war. The authors suggest to develop a web resource dedicated to the history of the Urals during the Great Patriotic war. The authors pay attention to some peculiarities of the resource that has documents in five languages. The paper concludes about the academic, educational and social significance of such information products.

Keywords: military and publicist discourse, the Urals, Great Patriotic war, digital archive, web resource.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: ОБРАЗЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ¹

Представлены основные приемы актуализации исторического опыта Отечественной войны 1812 года в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Выявлены особенности использования стратегии «синхронизации» «исторической контекстуализации» исторических событий для агитации внутри страны, так и в процессе контрпропаганды среди солдат и офицеров противника.

Ключевые слова: агитация, военная карикатура, историческая память.

Использование в кризисные периоды исторических аналогий, позволяющих укрепить уверенность современников в неизбежности достижения необходимого для общенациональных целей результата, является одним из наиболее распространенных способов консолидации общества. Особенно востребованным данный инструмент становится во время масштабных военных столкновений. В данном контексте показательно, что и в 1812 г., и в 1941 г. звучали призывы ориентироваться на примеры самоотверженного героизма предшествующих поколений. Так, например, в манифесте 6 июля 1812 г. российский император призывал к объединению народа вне зависимости от сословной принадлежности и выражал уверенность что враг «встретит <...> в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина»². Аналогичная стратегия объединения примерами героического прошлого использовалась в радиообращении зам. председателя СНК СССР В. М. Молотова 22 июня 1941 г.: «Не первый раз приходится нашему народу иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны»³. В одном

* Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, заведующий Центром социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; dmitrtim@yandex.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16–31–00007–ОГН «От источника к исторической реальности: методология «истории понятий» в исследованиях по истории общественной мысли России XVIII – первой половины XIX в.».

² 1812 г., июля 6. Манифест. О сборе внутри государства земского ополчения / Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. 1812–1815. СПб., 1830. С. 388.

³ Правда. 1941. 23 июня.

выпуске с этим обращением в газете «Правда» была опубликована статья Е. Ярославского, в которой, наряду с упоминанием битвы 5 апреля 1242 г., также проводились прямые аналогии с временем, когда «русский народ разгромил величайшего из полководцев – Наполеона, заставив его бежать с жалкими остатками разбитой армии из России»¹. Позднее И. В. Сталин, обращаясь к советским гражданам на параде 7 ноября 1941 г., выразил уверенность в том, что их будет вдохновлять «мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»². Таким образом, исторические образы с первых дней войны становятся важнейшим идеологическим инструментом.

Одной из наиболее востребованных исторических тем в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. был опыт Отечественной войны 1812 г. Отступление в начале войны, возникновение партизанского движения и народного ополчения, а также последующее освобождение войсками стран восточной и центральной Европы – все это нередко преподносилось как отражение исторической общности двух войн и неизбежности победы над врагом.

В контексте изучения опыта формирования исторической памяти принципиально важным представляется выявление механизмов актуализации возникновения, корректировки, форм и приемов обращения к истории Отечественной войны 1812 г. Содержательно основными структурными элементами такого рода исследований может быть несколько взаимосвязанных сюжетов.

1. Использование в 1941–1945 гг. исторических аналогий как для агитации внутри страны, так и как инструмента контрпропаганды среди солдат и офицеров противника. Выстраивание в общественном сознании представления о сходстве освободительного и народного характера двух войн основывалось прежде всего на акцентировании внимания к значению партизанского движения и народного ополчения в победе над армией Наполеона. Так, например, по подсчетам О. Будницкого, только за июль 1941 г. в газете «Известия» Отечественная война 1812 г. упоминалась 13 раз (4 статьи были полностью посвящены данной теме) [1, с. 160]. В это же время издается 6 брошюр по истории ополчения и партизанского движения в 1812 г. Наряду изданием статей и брошюр, не менее важным инструментом, позволявшим наглядно синхронизировать события двух войн, стали агитационные плакаты и карикатуры. Одним из наиболее показательных примеров – плакат 1941 г. А. Н. Долгорукова. В верхней части плаката изображена убегающая от вил и штыка фигура Наполеона и надпись «Так было...», а в нижней части в карикатурной форме – А. Гитлер, насаженный на красный штык. Под этим изображением расположено продолжение надписи: «Так будет!» Аналогичный прием синхронизации истории и современности использовали художники, объединившиеся под псевдонимом «Кукрыниксы». На одном из плакатов 1941 г. они представили хорошо узнаваемый образ Наполеона, который показан как тень от падающей

¹ Правда. 1941. 23 июня.

² Там же. 8 ноября.

фигуры Гитлера. При этом на тень Наполеона направлена крестьянская деревянная рогатина, а фигура Гитлера падает под ударом приклада винтовки. Продолжением «осовременивания» исторического прошлого был плакат «Кукрыниксов» 1942 г. с изображением памятного обелиска на Бородинском поле с летящим Орлом на вершине, от которой разбегаются волки в касках с фашистской свастикой. В верхней части плаката надпись: «Не даром помнит вся Россия про день Бородина...».

Заметную роль в актуализации исторического прошлого в начале войны играли и театральные постановки пьес А. К. Гладкова «Давным-давно», А. Кочеткова и К. Липскерова «Надежда Дурова»¹. Главный персонаж – сбежавшая на войну в форме корнета девица А. Азарова, реальным прототипом которой была Н. Дурова. В 1941 г. пьеса А. К. Гладкова представлена на сцене Ленинградского театра комедии, а в 1942 г. – эвакуированного в Свердловск Центрального театра Красной армии.

Актуализация образа войны 1812 г. для эмоционального воздействия на *вражеских солдат* осуществлялось посредством обращения в форме листовок к сюжетам, связанным с судьбой армии Наполеона, которая потерпела поражение не только от регулярной армии и партизанского движения, но и в связи с неблагоприятными условиями холодной русской зимы [4]. Изображение тел погибших немецких солдат и разбитой военной техники на фоне заснеженных полей и лесов должно было подчеркнуть сходство судьбы армий Наполеона и Гитлера [2; 3, с. 285].

2. Особенности обращения к истории Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г. в официальном дискурсе немецкого политического руководства. В современной историографии обозначенная исследовательская проблематика оказывается недостаточно разработанной. На этом фоне важный вклад вносят работы М. В. Дацишиной, в которых прослеживается двойственное отношение немецкой политической элиты к неизбежно возникшим аналогиям войны с СССР и военного вторжения французов в 1812 г. С одной стороны, в официальной прессе и публичных выступлениях никаких аналогий войны против СССР и войны 1812 г. не проводилось. Лишь в некоторых случаях подчеркивалось не сходство, а различия двух войн: Германия в отличие от Наполеона, нанесла удар по СССР, не ослабляя одновременно военного давления на Великобританию [2; 3]. С другой стороны, по мере того как немецкие войска вынуждены были тратить значительные ресурсы на борьбу с партизанскими отрядами, в окружении Гитлера все чаще звучали разговоры о необходимости внимательно изучить историю вторжения Наполеона в Россию [3, с. 282]. В результате анализа двух этих позиций автор приходит к заключению о существовании в официальном политическом дискурсе Германии риторических приемов, позволявших избежать прямой аналогии, но не через отрицание самой возможности сравнения, а посредством утверждения о превосходстве немецкой армии по отношению к военным подразделениям Наполеона по целому ряду принципиально важных признаков: «1) немецкая

¹ За главную роль в этом спектакле В. П. Марецкая получила в 1941 г. Сталинскую премию.

армия продолжала сражаться, якобы, в более сложных погодных условиях, чем армия Наполеона; 2) немецкая армия не отступала, как Наполеон, и не убегала из России, а значит, не будет разбита» [3, с. 289].

Таким образом, сравнительный анализ стратегий актуализации исторической памяти о войне 1812 г. позволяет утверждать, что в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и СССР, и Германия использовали исторические образы прошлого с целью повышения патриотических настроений и боевого настроя солдат и офицеров, применяя для этого различные риторические и художественные приемы. В публичном пространстве СССР основным инструментом была своеобразная синхронизация двух войн посредством включения исторического события в современность, демонстрации закономерности, а следовательно, и неизбежности победы над противником в случае, если в борьбе с ним участвуют не только военные, но и все население страны как на фронте, так и в тылу. Такая стратегия обращения к прошлому позволяла при необходимости осуществлять историческую контекстуализацию современных событий, подчеркивая общность происходивших ранее процессов с современностью (например, партизанского движения и ополчения), либо трактовать исторические факты, актуализируя их значимость для осознания принципиальной возможности победы над фашисткой Германией и демифологизации образа непобедимого врага. В конечном итоге используемая стратегия «идеологической синхронизации» Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в совокупности с другими средствами агитации, могла оказать важную роль в победе над фашизмом. Для определения ее значения необходимо продолжение исследований не только по истории деятельности официальных газет, деятелей театрального и изобразительного искусства, но и выявление непосредственной реакции, восприятия и оценок предлагаемых исторических аналогий советскими гражданами, находившимися как на фронте, так на территориях, отдаленных от линии непосредственного военного столкновения противоборствующих армий.

Библиографический список

1. Будницкий О. В. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // Российская история. 2012. № 6. С. 157–169.
2. Дацишина М. В. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 149–156.
3. Дацишина М. В. Наполеон в официальном политическом дискурсе нацистской Германии. 1933–1945 // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М.: Ключ-С, 2011. С. 280–291.
4. Тихонов В. В. Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х – начала 1950-х годов // История московского края проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 4. М.: Альянс-Архео, 2013. С. 186–194.

D. V. Timofeev

Doctor of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia).

**ACTUALIZATION OF HISTORICAL MEMORY AS A TOOL OF
IDEOLOGICAL MOBILIZATION: IMAGES OF THE WAR OF 1812
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945**

The paper presents the main methods of updating the historical experience of the Patriotic war of 1812 during the Great Patriotic war of 1941–1945. The paper reveals the features of using the strategy of «synchronization» of «historical contextualization» of historical events for agitation within the country, and in the process of counter-propaganda among enemy soldiers and officers.

Keywords: agitation, military caricature, historical memory.

ОБРАЗ ПОБЕДЫ В ГАЗЕТЕ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» (1946–1956 гг.)¹

Проанализированы материалы, опубликованные в газете «Уральский рабочий» в 1946–1956 годах, позволяющие выявить, какие основные объектно-субъектные элементы составляли феномен образа Победы, каким образом они формировались и эволюционировали, насколько воздействовали на них официальные идеологемы, политическая конъюнктура и специфика уральского региона.

Ключевые слова: образ Победы, газетная периодика, коммеморация.

В целом образ Победы как и образ ее носителя – народа-победителя является важнейшей составляющей российского цивилизационного кода. В истории и культуре российского социума на протяжении столетий воспроизводилось стремление к достижению идеала, бескорыстное служение Отечеству, обретение патриотических ценностей, героическое проявление себя в экстремальных ситуациях, способность совершать невозможное, мобилизовав для этого все собственные силы и резервы.

Общепризнано, что в российской исторической памяти особое место принадлежит Великой Отечественной войне. Многогранный образ Победы, который в общественном сознании СССР / России складывался на протяжении последних семидесяти пяти лет, определялся как «великая», «всемирно-историческая», «закономерная», «проявление духовной мощи советских людей», «подвиг во имя человечества» и т. д.

В контексте формирования в общественном сознании и исторической памяти образа Победы в Великой Отечественной войне средства массовой информации в послевоенные годы выполняли идеологические, пропагандистские, коммуникативные, интегративные функции. Газетное пространство в Советском Союзе являлось одной из общедоступных и понятных для разных категорий населения территорий формирования общезначимых смыслов, способов и технологий реализации коммеморативных практик, в частности в нем сохранялась, закреплялась и транслировалась в социум память о Великой Отечественной войне. Коммеморация предполагает процесс отбора того, что подлежит «вспоминанию» и «забвению». «Вспоминается» то, что кажется важным с позиций настоящего [1, с. 11]. Коммеморация исторического

* Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и философии Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия; 2519612@rambler.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ».

события опирается на сложившуюся социально-культурную инфраструктуру памяти и вместе с тем предполагает ее достраивание, создавая и поддерживая традиции, ритуалы, символы.

Обращение к анализу материалов, опубликованных в газете «Уральский рабочий» в 1946–1956 гг., позволяет выявить, какие основные объектно-субъектные элементы составляли феномен образа Победы, каким образом они формировались и эволюционировали, насколько воздействовали на них официальные идеологемы, политическая конъюнктура и специфика уральского региона.

Алгоритм освещения Победы в «Уральском рабочем», сложился на ее первую годовщину в 1946 г. и воспроизводился в дальнейшем до середины 1950-х гг. В трех майских номерах газеты выстраивалась информационная линия: в выпусках газеты, выходявших накануне 9 мая, актуализировалась тематика Великой Отечественной войны (заметки, очерки); в номерах, выходявших 9 мая, публиковалась передовая (редакционная) статья, приказ министра Вооруженных сил (обороны) СССР, статьи, репортажи; в следующем номере – публиковалась информация о состоявшихся в стране и на Урале, мероприятиях, посвященных празднику.

В содержательном плане конструирование образа Победы определялось официальными политико-идеологическими установками. Редакционные статьи и весь контент акцентировал внимание читателей на историческом значении Победы в Великой Отечественной войне, формировал представления о роли в ней Красной / Советской армии, советского народа, социалистического государства, лично И. В. Сталина, нацеливал на выполнение плана четвертой пятилетки, укреплении социалистического лагеря и т.п. Названия и заголовки подчеркивали и закрепляли в сознании эти идеологемы: «Армия-освободительница», «Штурм рейхстага», «Величие и слава Родины», «День Победы», «День всенародного торжества»; «Триумф советского народа»; «Несокрушимая сила Советского государства», «Солнце победы», «Великая победа народа-героя», «Всемирно-историческая победа советского народа», «Могуч лагерь мира и демократии», «Советский народ празднует день Победы», «Оправдать доверие вождя», «В упорном труде, как в победном бою, мы снова прославим отчизну свою» и т. п.

Экзистенциальный опыт войны был тогда у всех авторов публикаций и ее читателей. Это обстоятельство отражалось в стилистике подачи материалов. Газетные тексты были наполнены пафосом Победы, надеждой на лучшую жизнь, верой, что все самое тяжелое и страшное остались позади, равно, как и идеологически правильными коннотациями. «Солнце Победы стоит в зените над Советской страной. Ярко светит оно над возрождающейся израненной землей, над восстающими из мертвых городами и заводами. И ветер с Востока разносит по миру несмолкающий грохот восстановления – бодрый веселый шум созидания, радостный смех счастливых детей и уверенные песни молодежи... Советские люди не ведают „действий без надежды“, им чужд пессимизм и беспросветность, индивидуализм

и национальная вражда». Тогда как иначе встречает капиталистическое общество своих воинов победителей, например, в Лондоне: «Не предложит ли мне кто-нибудь работу? Я готов взяться за любую работу. Я усидчивый работник, имею необходимое образование. Семь лет я служил лейтенантом пилотом в королевском военно-воздушном флоте».¹

В институциональной плоскости в первое послевоенные десятилетие складывались традиции, символы, ритуалы проведения праздника. Образ Победы ассоциировался с праздничным салютом, митингами, спортивными соревнованиями, массовыми народными гуляниями, торжественными собраниями в городах и на предприятиях, семейными воспоминаниями. «Уральский рабочий» в разножанровых публикациях (репортажи, комментарии, очерки, письма), знакомил читателей с событийным рядом состоявшихся мероприятий, создавал картину всенародного праздника. Стремление усилить позитивную составляющую «праздника, со слезами на глазах» можно проиллюстрировать обращением к заметке «Советский народ празднует день Победы», в которой рассказывалось о том, как 9 мая 1946 г. в Свердловске опытный распорядитель народного гуляния призывал присутствующих: «Внимание! Говорит площадь 1905 года. Сегодня здесь строго воспрещается молчать, не смеяться, не петь, не шутить»².

Информация о масштабе празднования дня Победы в стране содержала рубрика «Вся страна отмечала праздник Победы». Так, в 1947 г. были опубликованы репортажи из Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Севастополя, в Свердловской области – из Свердловска, Серова, Ревды, Краснотурьинска, Красноуральска, Зайково. В материале «День Победы за рубежом» 11 мая 1950 г. газета сообщала о праздничных мероприятиях в Чехословакии, Венгрии, Болгарии, КНР, Румынии.

С 1948 г., когда день Победы становится рабочим днем, несколько меняется стилистика проведения и освещения праздника. В газете появляется больше материалов, в которых повествуется о том, как жители Урала трудовыми успехами встречают праздник, «бывшие фронтовики идут во главе социалистического соревнования». В мае 1949 г. в заметке «В честь всенародного праздника Победы» сообщается, что «в Свердловске на предприятиях города работают тысячи фронтовиков и в честь дня Победы они встали на стахановскую вахту»³.

Образ народа-победителя на страницах «Уральского рабочего» складывался через призму судеб конкретных людей, выкованных войной, сложилась традиция, в праздничные дни, знакомить читателей с героями-уральцами. Например, в опубликованных 9 мая 1948 г. очерке «Сын Отечества» речь шла об А. И. Гурьеве, материал «Кавалер Славы» был посвящен А. Катаеву, 8 мая 1949 г. газета познакомила читателей в статье «Подвиг разведчика» со ставшим впоследствии легендарным Н. И. Кузнецовым.

¹ Уральский рабочий. 1947. 9 мая.

² Там же. 1946. 11 мая.

³ Там же. 1949. 10 мая.

Важнейшей составляющей образа Победы до начала 1950-х годов была фигура И. В. Сталина. До 1953 г. упоминание о нем происходило в персонально-мифологическом контексте: «генералиссимуса», «вождя», «организатора Победы» и т. п. В ежегодных приказах министра Вооруженных сил (обороны) обязательно провозглашалось здравица «в честь вождя и полководца, Генералиссимуса Советского Союза великого Сталина, организатора и вдохновителя наших побед».

Газета демонстрировала всеобщую востребованность образа Сталина в ходе празднования дня Победы. Так, сообщалось, что 9 мая 1946 г. коллектив фабрики «Одежда» (г. Свердловск) «соберется театре Юных зрителей и в семейной обстановке подымет тосты за творца нашего счастья – товарища Сталина»¹, а накануне 9 мая 1950 г. в Дворце культуры «Уралмашзавода» была проведена лекция на тему «Иосиф Виссарионович Сталин – вдохновитель и организатор нашей победы в Великой Отечественной войне»².

В дальнейшем имя Сталина стало включаться лишь в институциональный контекст: «партия Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина», председатель ГКО. В десятилетний юбилей Победы в передовой статье «Уральского рабочего» говорилось, что «решающим источником Победы явилось мудрое руководство Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, во главе с великим продолжателем дела Ленина – И. В. Сталиным, монолитная сплоченность и единство партийных рядов»³. Важную роль в мифологизации образа Сталина и его роли в Победе играл советский кинематограф. Газета подробно рассказывала о содержании и достоинствах, вышедших в послевоенные годы художественных фильмов «Александр Матросов» (1947 г.), «Третий удар» (1948 г.), «Сталинградская битва» (1949 г.).

В мае 1956 г. впервые в «Уральском рабочем» не было опубликовано передовой статьи, посвященной дню Победы. 9 мая 1956 г. первые полосы занял проект «Закона о государственных» пенсиях. Дню Победы были посвящены только два небольших информационных материала: приказ министра обороны Г. К. Жукова о проведении в ознаменовании праздника Победы праздничного салюта и о возложении венков на могилы советских воинов в Берлине.

Сложившиеся в первое послевоенное десятилетие контуры образа Победы в значительной степени сохранились в современном коммомеративном пространстве. В постсоветский период произошла сущностная корректировка ряда элементов этого образа, таких как «советский народ», «социалистический строй как источник Победы» и др., продолжают дискуссии о роли И. В. Сталина в войне, очевидным стало признание «Урала – опорным краем державы», победившей самую страшную угрозу человечеству в XX веке.

¹ Уральский рабочий. 1946. 8 мая.

² Там же. 1950. 9 мая.

³ Там же. 1955. 8 мая.

Библиографический список

1. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4. С. 6–22.

A. V. Trofimov

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of History and Philosophy, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia).

IMAGE OF THE VICTORY IN NEWSPAPER «THE URAL WORKER» (1946–1956)

The paper analyses materials published in newspaper «The Ural worker» in 1946–1956, which allow us to identify the main object-subject elements that made up the phenomenon of the image of Victory, how they were formed and evolved, how they were influenced by official ideologies, political conjuncture and specifics of the Ural region.

Keywords: image of Victory, newspaper periodicals, commentary.

ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ МАГНИТОГОРСКОГО ГОРНО- МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)

В годы Отечественной войны в вузах происходили изменения не только в учебном процессе, научной работе, но и в финансово-хозяйственной деятельности. Материалы по истории Магнитогорского горно-металлургического института (МГМИ) свидетельствуют, что на финансирование института большое влияние оказало увеличение студенческого контингента в связи с эвакуацией в г. Магнитогорск вузов и предприятий. По ряду позиций происходило сокращение ассигнований из центра.

Ключевые слова: МГМИ, финансирование, хозяйственная деятельность, расходы, эвакуация.

Актуальность исследования объясняется тем, что объективное изучение Великой Отечественной войны складывается из различных аспектов жизнедеятельности государства и общества. На первый взгляд, такая не столь важная сфера как финансово-хозяйственная деятельность позволяет понять отношение государственных структур к системе высшего образования в экстремальных условиях.

В годы Отечественной войны происходили изменения в финансово-хозяйственной деятельности высших учебных заведений. В тяжелое военное время государство было стеснено в средствах и возможностях для дальнейшего развития вузов. Однако, как показывает опыт МГМИ, даже в этих условиях много делалось в центре и на местах в подготовке инженерных кадров, в обеспечении необходимым материально-технической составляющей учебного процесса и научной деятельности.

Особенностью того времени являлось то, что в г. Магнитогорск стали прибывать не только эвакуированные предприятия, но и их работники, часть из которых являлась студентами. Осенью 1941 г. в состав МГМИ влился эвакуированный Днепропетровский металлургический институт – потребовалось разместить прибывшее учебно-лабораторное оборудование, студентов и профессорско-преподавательский состав на крайне ограниченных учебных и жилых площадях [5, с. 10].

Кроме того, в результате эвакуации МГМИ пополнился студентами Казанского финансово-экономического института и Воронежского университета.

---

* Филатов Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия; v.philatov@mail.ru

Студенческий контингент стал составлять более тысячи человек¹. Для сравнения летом 1940 г. в МГМИ студентов с отрывом от производства обучалось 190, а без отрыва от производства – 176². По сравнению с 1934 г., когда был создан институт, численность студентов тогда возросла вдвое [3, с. 62]. К концу 1944/45 учебного года контингент студентов-дневников уже достиг 496, а вечерников – 651³.

Работа в новых условиях при объединении двух институтов и прибытия новых студентов из других городов потребовала иных подходов, чем ранее. До войны не хватало площадей для лабораторий, аудиторий [4, с. 76, 77], а теперь приходилось изыскивать дополнительные площади для размещения прибывшего оборудования. Как писал заместитель директора МГМИ по учебной и научной работе С. И. Тельный, лабораторная база в институте значительно пополнилась. Была создана новая электротехническая лаборатория, вновь оборудовались лаборатории металлургии черных металлов и металлургии чугуна. Намечалось строительство нового лабораторного корпуса⁴.

К тому времени институт имел 21 лабораторию и 19 кабинетов, из них лишь 9 кабинетов частично оборудованных. Считалось, что большинство лабораторий по качеству их оборудования и занимаемой площади в основном удовлетворяют требованиям вуза⁵.

Хотя и появлялись новые лаборатории, но не доставало современного оборудования и помещений. На заседании Совета института по итогам 1943/44 учебного года вновь звучали слова о недостатках в оборудовании лабораторий, изготовлении моделей. На строительном факультете не могли отремонтировать помещения, поскольку не было нарядов на стройматериалы⁶. Старые лаборатории МГМИ (физики, химии, металловедения, металлургических печей и кабинет геологии) требовали нового оборудования для проведения исследовательских работ⁷. Как писал студент той поры В. Пацекин, лаборатории института были бедными [2, с. 97].

Напряженное положение было на ведущих профилирующих кафедрах института – металлургии чугуна и металлургии стали, которые почти не имели лабораторной базы и не могли полностью обслужить практические работы учебного процесса. Вообще отсутствовала лабораторная база на строительном факультете, созданном в декабре 1942 г. Там имелось всего два кабинета (строительного производства и строительных конструкций)⁸.

В годы Отечественной войны ассигнования из центра увеличивались. Утвержденная на 1944 г. смета расходов МГМИ в 1,7 раза превышала

¹ За кадры. 1983. 7 апреля.

² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска (МКУ ГАМ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 53. Л. 19.

³ Там же. Д. 79. Л. 43–45.

⁴ Магнитогорский рабочий. 1942. 18 июня.

⁵ Там же. Д. 79. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 74. Л. 8, 9, 20, 21.

⁷ Там же. Д. 69. Л. 1, 2.

⁸ Там же. Д. 79. Л. 33.

прошлогоднюю (с 3,7 млн руб. до 6,3 млн руб.). Это было связано с планировавшимся увеличением контингента студентов с 758 до 1 028 человек. Особенно большое увеличение госбюджетных расходов намечалось на научно-исследовательские работы – с 9,2 тыс. до 20 тыс. руб. (в 2,2 раза). Столь небольшие суммы не учитывали работы, проводившиеся по особым планам предприятий. Тогда ученые МГМИ активно работали на Магнитогорском металлургическом комбинате и других заводах по оборонной тематике. В связи с увеличением преподавательского состава и студентов средства на зарплату ППС возросли с 1,9 млн руб. до 2,4 млн руб., стипендии – с 1,3 млн руб. до 3,1 млн руб. В то же время предусматривалось сокращение средств на учебные расходы (с 92 тыс. до 86 тыс. руб.), командировки (с 15,2 тыс. до 14,5 тыс. руб.), защиты диссертаций (с 7,5 тыс. до 7 тыс. руб.), приобретение книг в библиотеку (с 42 тыс. до 12 тыс. руб.)¹. На первом курсе один учебник по учебной дисциплине приходился на 40–70 студентов, а на втором курсе – на 60–70 студентов².

В конце войны затраты на оборудование возросли до 90,8 тыс. руб³. В 1945 г. институт построил лабораторный корпус вблизи главного учебного здания. В этом корпусе оборудовали лабораторию сопротивления материалов, лабораторию и кабинеты военной кафедры [1, с. 12]. Однако это привело к большим финансовым трудностям. Тогда в МГМИ произошел перерасход сметы на 418 тыс. руб., который не покрыло Главное управление учебными заведениями Наркомата черной металлургии. Поэтому институт испытывал серьезные финансовые затруднения. Это отразилось на задержке выплаты заработной платы и стипендии⁴.

Проведенное исследование показывает, что в высших учебных заведениях в годы Отечественной войны существовали определенные трудности в укреплении материально-технической базы. Значительное увеличение численности студентов, присоединение к МГМИ Днепропетровского металлургического института, с одной стороны, позволило получить новое оборудование, а с другой стороны, приходилось искать площади для его размещения. Выделяемые ассигнования на приобретение нового оборудования были ограничены. Но даже и в этих условиях государство изыскивало средства для развития высшего образования.

Библиографический список

1. XV лет МГМИ: Сборник статей / под ред. проф. В. М. Огиевского. Магнитогорск, 1947. 57 с.
2. История МГТУ им. Г. И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2014. 249 с.
3. Колокольцев В. М., Филатов В. В. Магнитка. Сталь и люди // Черные металлы. 2016. № 12. С. 60–67.

¹ МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–4.

² Там же. Д. 69. Л. 6.

³ Там же. Д. 73. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 83. Л. 58.

4. *Филатов В. В.* История Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова: 1930-е годы. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2015. 261 с.

5. *Филатов В. В.* История Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова: 1940-е годы. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2015. 394 с.

V. V. Filatov

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of World History, Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS UNDER THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF MAGNITOGORSK MINING AND METALLURGICAL INSTITUTE)

There were changes in universities during the Great Patriotic War – not only in the educational process and scientific work, but also in financial and economic activities. Materials on the history of the Magnitogorsk Mining and Metallurgical Institute (MGMI) indicate that the increase in student contingent in connection with the evacuation of universities and enterprises in Magnitogorsk had a great influence on the financing of the institute. For a number of positions there was a reduction in allocations from the center.

Keywords: MGMI, financing, economic activity, expenses, evacuation.

УРАЛЬСКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТЫЛ В ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРАНЦИИ 1939–1945 гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ОЦИФРОВАННЫХ ТЕКСТОВ ОНЛАЙН-БИБЛИОТЕКИ GALLICA)¹

В статье анализируются прагматические характеристики французских публицистических текстов, посвященных строительству и работе военно-промышленных предприятий Урала в 1939–1945 гг. Исследование выполнено на материале оцифрованных текстов Национальной онлайн-библиотеки Франции Gallica.

Ключевые слова: военно-публицистический дискурс, оцифрованный архив, онлайн-библиотека Gallica, Великая Отечественная война, Уральский регион.

Дискурс, рассматриваемый как единство текста и коммуникативной ситуации [2], предопределен историческим контекстом. А история – «открытый интерпретации беспредельный мир смысловых соотношений» [4, с. 269]. Подобное видение назначения истории особенно ярко демонстрируется в исследованиях военно-публицистического дискурса.

Первичная цель военно-публицистического дискурса – недопущение войны. В военное время он призван оперативно информировать население о происходящих военных действиях, укреплять моральный дух армии, формировать общественное мнение о роли участников военных действий и союзников в войне [1].

В преддверии 75-летия Победы особую актуальность приобретают исследования междисциплинарного характера, посвященные военно-публицистическому дискурсу СССР и стран западной Европы периода Великой Отечественной войны и Второй мировой войны [3] и роли уральского промышленного тыла в победе над фашистской Германией [5; 6].

Материалом настоящего исследования послужили оцифрованные публицистические тексты Национальной онлайн-библиотеки Франции Gallica за 1939–1945 гг. [7].

В период Второй мировой войны Франция пережила оккупацию гитлеровскими войсками, капитуляцию и разрыв отношений с Великобританией, авторитарный коллаборационистский режим маршала Петена. Вместе с тем

---

* Чернышева Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), Челябинск, Россия; marina_cher@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192 «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)».

французский народ отчаянно сражался в рядах движения Сопротивления, легендарный французский истребительный авиационный полк Нормандия-Неман принимал активное участие в боевых действиях на советско-германском фронте [5]. Французская пресса военного периода «старалась осветить все важные события на фронте и в уральском тылу, положительно высказывалась о стратегических инициативах советского военного руководства, отмечала героизм уральцев».

Предвоенные и первые военные годы характеризуются во французской прессе тревожным тоном, в частности, связанным с угрозой потери Советским Союзом крупного промышленного центра на Украине. Так, издание «Le Matin» в статье «Les pertes de l'U. R.S. S. après trois mois de guerre» («Потери СССР за первые три месяца войны») отмечает:

«Aujourd'hui, devant l'imminence de la menace sur Kharkov, l'industrie russe se replie en hâte vers l'Asie. Déjà, quelque temps avant la guerre, trois millions d'hommes avaient été transportés de gré ou de force vers l'Oural et la Sibérie» (9 octobre 1941).

«Сегодня, столкнувшись с угрозой, нависшей над Харьковом, русская промышленность в спешке отступает в азиатскую часть страны. Уже за несколько лет до начала войны три миллиона человек были перевезены добровольно или принудительно на Урал и в Сибирь» (9 октября 1941).

В той же статье с озабоченностью говорится о проблемах региона и страны в целом:

«On sait <...> aussi que l'Oural représente un quart de l'industrie lourde soviétique, mais que le fer et le charbon sont distants de 1.100 kilomètres, et l'on touche ici à la grande faiblesse de l'U. R.S. S.: la rareté, la médiocrité des voies de communication» (9 octobre 1941).

«Известно <...> также, что Урал представляет собой четвертую часть советской тяжелой промышленности, но железо и уголь находятся за тысячу сто километров. И здесь мы имеем дело со слабым местом СССР: неразвитостью и посредственностью путей сообщения» (9 октября 1941).

В статьях доминирует лексика, свидетельствующая о серьезной обеспокоенности Франции положением в уральском тылу, трудностями, ставящими под угрозу всю военную кампанию СССР: «menace» («угроза»), «se replier» («отступать»), «faiblesse de l'U. R.S. S.» («слабость СССР»), «médiocrité» («посредственность») и др.

Позднее тон статей меняется. Уже к 1944 г. уральский промышленный тыл работал на полную мощь, выпуская разные виды боевой техники: танки, оружие, боеприпасы. Так, говоря о построенном за несколько месяцев заводе в Миассе, издание «L'Éclairer de l'Ain» в статье «L'U. R.S. S. au travail» («Работающий СССР») отмечает:

«En juillet 1944, l'usine avait produit 41.000 automobiles, 60.000 carrosseries et pour une valeur de 34 millions de roubles de pièces détachées» (25 novembre 1944).

«В июле 1944 г. завод выпустил 41000 автомобилей, 60000 кузовов, а также запчасти на общую сумму 34 миллиона рублей» (25 ноября 1944).

А в феврале 1945 г. издание «Regards» в статье, посвященной работающему Уралу, пишет:

«Les travailleurs de Tchéliabinsk ont fait à l'Union Soviétique de superbes étrennes pour l'année 1945 : ils ont donné à l'industrie métallurgique des hauts-fourneaux une production annuelle de 350.000 tonnes et une deuxième batterie de coke qui portera la production du centre à 840.000 tonnes. Au cours de l'année qui commence, les installations métallurgiques en construction s'augmenteront de trois hauts-fourneaux, d'une section électrique pour le traitement de l'acier, de neuf laminoirs, d'un grand nombre d'ateliers mécaniques, d'autres batteries de coke et d'une centrale thermique» (1 février 1945).

«Накануне 1945 г. труженики Челябинска преподнесли своей стране великопленные новогодние подарки: за год они выплавляли в доменных печах 350 000 тонн чугуна и запустили вторую коксовую батарею, которая позволит достичь показателя в 840 000 тонн. В течение года строящееся металлургическое производство будет увеличено на три доменных печи, участок электрических методов обработки стали, девять прокатных станов, большое количество цехов, другие коксовые батареи и теплоцентраль» (1 февраля 1945).

Позиция Франции как союзника проявляется во внимании к деталям (например, статистика производства) и в выборе лексик: «les armes nécessaires à la victoire» («оружие, необходимое для победы»), «arsenal de l'Armée rouge» («арсенал Красной Армии»), «de superbes étrennes» («великопленные новогодние подарки») и др.

Таким образом, прагматический потенциал французского военно-публицистического дискурса 1939–1945 гг. предопределен союзнической позицией Франции, и Уральский регион представлен в нем как мощный промышленный форпост СССР, сыгравший ключевую роль в победе.

Библиографический список

1. *Бернат О. С., Раевская М. В., Чернышева М. А.* Военно-публицистический дискурс периода Великой Отечественной войны (на материале русскоязычных и франкоязычных статей об Уральском регионе) // Наука ЮУрГУ : материалы 71-й науч. конф. проф.-препод. состава, аспирантов и сотрудников. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2019. С. 317–322.
2. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
3. *Солопова О. А., Чудинов А. П.* Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313–337.
4. *Яснец К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
5. *Bernat O., Chernysheva M., Shatrovich N., Raevskaya M., Kozlova A.* Peculiar features of representing historical facts when teaching a foreign language (based on the material of articles on the Urals published in periodicals of France, Italy and Russia in 1941–1945) //

ICERI2019 Proceeding: 12th International Conference of Education, Research and Innovation. Seville: IATED. Pp. 6079–6086.

6. Chernysheva M., Bernat O., Raevskaya M., Shatrovich N. The development of intercultural competence of students at a foreign language lesson when working with digital archives of the Second World War period (based on the material of periodicals) // ICERI2019 Proceeding: 12th International Conference of Education, Research and Innovation. Seville: IATED. Pp. 6051–6058.

7. La Bibliothèque numérique Gallica [Электронный ресурс] URL: <https://gallica.bnf.fr/html/und/presse-et-revues/presse-etrevues?mode=desktop> (дата обращения: 30.01.2020).

M. A. Chernysheva

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, South Ural State University (National Research University), (Chelyabinsk, Russia).

THE URAL INDUSTRIAL REAR IN THE MILITARY-PUBLICISTIC DISCOURSE OF FRANCE IN 1939–1945 (BASED ON THE MATERIAL OF ARTICLES AVAILABLE IN THE GALLICA DIGITAL LIBRARY)

The paper analyses pragmatic characteristics of French publicist texts devoted to the construction and operation of the military-industrial enterprises in the Urals in 1939–1945. The study based on the digitized texts of digital library Gallica (France).

Keywords: military and publicist media discourse, digitized archives, digital library Gallica, Great Patriotic War, the Urals.

Раздел VI.

ЦЕНА ПОБЕДЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

УДК 81–144 + 81–112

Т. С. Вагина*

ОБРАЗ СССР В БРИТАНСКОМ ВОЕННО- ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Рассмотрен образ СССР в британском военно-публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны. Изучен способ его моделирования с использованием лингвистических средств, основным из которых является политическая метафора. Сделан вывод о градации восприятия образа, что свидетельствует о динамике образа Советского Союза в британском дискурсе.

Ключевые слова: метафорическое моделирование, Вторая мировая война, военно-публицистический дискурс, образ СССР.

Вторая мировая война осталась в нашей памяти самым кровопролитным и глобальным событием в истории человечества [1]. Обычно говорят, что в войнах не может быть победителей – все платят высокую цену за триумф: благополучие, состояния, жизни... Тем не менее в *этой* войне были победители и побежденные; сложись все иначе, мир, каким мы его знаем сейчас, не существовал бы. Фашизм поставил под вопрос само право на жизнь и мирное существование, право, которое современное общество воспринимает как само собой разумеющееся.

Наше государство, совместно с Британией и США, внесло значительный вклад в создание того мира, в котором мы живем сейчас. Заслуги антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом невозможно недооценивать: кто бы ни был главной движущей силой победы – СССР, Британия или США, – мы, все жители планеты, обязаны коалиции тем, что мы живы.

---

* Вагина Татьяна Сергеевна – магистрант 2-го курса направления 45.04.01 «Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание» кафедры лингвистики и перевода, ИЛИМК, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский Государственный Университет (НИУ)», Челябинск, Российская Федерация; tatian_cher@mail.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–012–00192 «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)».

В канун 75-летия победного окончания Великой Отечественной войны и победного окончания Второй мировой войны представляется интересным проследить динамику восприятия действий Советского Союза в британском дискурсе. С этой целью мы прибегли к использованию метода метафорического моделирования [6]. Нашей целью стало исследование моделирования образа СССР в британском военно-публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны.

Для проведения данного исследования мы изучили источники по истории Второй Мировой войны, имея целью выявить знаменательные периоды в этом конфликте. То, что мы остановились на выборе именно этих исторических срезов (1939, 1943, 1945 гг.), объясняется следующими факторами¹ [1]: 1) 1939 г. – начало Второй мировой войны, в которую Советский Союз вступит лишь в 1941 г.; тем не менее именно на этот год приходится противоречивые события: объявление нейтралитета СССР, ввод советских войск в Польшу и русско-финская война; 2) 1943 г. – переломный год в ходе Второй мировой войны; операция «Кольцо», Курская битва, битва за Днепр, помимо прочих событий, сыграли важную роль в победе; 3) 1945 г. – последний год ведения Второй мировой войны (и Великой Отечественной).

Итак, остановив выбор на 1939, 1943 и 1945 годах, мы приступили к сбору материала для проведения исследования. Источником данных стал британский сайт The British Newspaper Archive, предоставляющий доступ к оцифрованным в высоком разрешении газетным документам². Сайт располагает большим набором инструментов поиска, среди которых: тип поиска, поиск по ключевым словам, по дате публикации, по дате добавления в архив сайта, по месту публикации и т. д. Для поиска материала мы использовали следующие параметры: *расширенный поиск, ключевые слова (USSR, Russia), дата публикации (Sep, 1, 1939 – Dec, 31, 1939; Jan, 1, 1943 – Dec, 31, 1943; Jan, 1 – Sep, 2, 1945)*. Из отсортированного по релевантности списка результатов для каждого из трех поисковых запросов мы исследовали первые 100 документов для последующего анализа с целью нахождения метафор.

В проведении исследования, как уже упоминалось выше, мы использовали метод метафорического моделирования, описанный А. П. Чудиновым [2]. Ученый указывает, что, обращаясь к метафоре как к способу осмысления и понимания мира, «человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы» [2]. Базисная формула метафоры, по А. П. Чудинову, X – это Y. В настоящий момент существует ряд исследований военно-публицистического дискурса заявленного периода, в которых анализируются типичная для него доминантная метафорика в статике и в динамике [2–5]. Настоящая работа призвана уточнить и дополнить полученные ранее данные.

¹ World War 2 Timeline – 1943 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofBritain/World-War-2-Timeline-1943> (дата обращения: 02.03.2020).

² British Newspaper Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 02.03.2020).

Наше исследование показало, что в 1939 г. образ СССР воспринимался в целом негативно, что объясняется позицией нейтралитета Советского Союза и противоречивыми ей действиями в отношении Польши и Финляндии. Так, возможно выделить 3 доминирующие метафоры: *СССР – это Обманщик*; *СССР – это Вор*; *СССР – это Враг*. Интересен тот факт, что в самом начале Второй мировой войны (первые дни сентября) о позиции нейтралитета СССР дается фактическая информация без использования метафор и оценочной лексики. Как только становится известным о переговорах Советов и Германии, в статьях они появляются, характеризуя действия нашего государства с негативной стороны. В использовании лингвистических средств заметна своеобразная градация: вначале СССР – это обманщик (the USSR's ideological swindle manifested itself again and again this year; the Soviet's action yesterday morning demolished the Russian claim that one fundamental of sovietism was that it had no aggressive design), затем – вор, в стоворе с Германией «обокравший» Польшу (Germany and Russia have entered into a partnership to commit robbery with violence and to divide the spoils allowing the victim to retain a small parts of her possessions under control of the thieves) и враг (...must work against the democracies; USSR [is] technically the enemy of Britain and France).

В 1943 г. наблюдается совершенно иное восприятие образа СССР: теперь это союзник, вступивший в войну в июне 1941 г. В сознании британцев произошли кардинальные изменения в оценке Советов, что отражено в статьях. Мы наблюдаем использование типичной для войны *метафоры театра*: война – это театр, и *страны* в нем – *актеры*. Также при изучении текстов нам встретилось использование *метафоры уборки*: СССР воспринимался в качестве уборщика, наводящего порядок в своей стране и избавляющегося от мусора, т.е. фашистских оккупантов. В нескольких статьях приводится цитата англиканского епископа: «именно советский народ спас мир». Учитывая экстралингвистические факторы (говорящий – священник, епископ церкви Англии), можно сказать, что в своей речи он использовал религиозную *метафору спасения*. Интересно то, что градация метафор 1943 г. не представляется возможной, что позволяет говорить о том, что образ СССР в Британии в этом году воспринимался неизменно положительно.

Положительная оценка Советов достигает апогея в 1945 г. В результате анализа мы выявили 3 метафоры: СССР – это Гостеприимный Хозяин (the great hospitality and friendly welcome shown to our [British] delegation everywhere were very evident signs of this goodwill), СССР – это Герой (the tremendous sacrifices and strain imposed on Russia by her heroic campaign against Nazi Germany) и СССР – это Товарищ, что было подчеркнуто в официальном обращении короля Георга VI («if this comradeship in arms spelt disaster for the enemies of freedom, its perpetration in the years that lie ahead will be a promise that the ideas for which our peoples fought shall not be lost nor their sacrifices squandered»).

Обобщение результатов исследования представлено в таблице 1.

Результаты исследования

Год	Метафора	Пример	Исторический контекст
1939	СССР – это Обманщик	the U. S. S. R.'s ideological swindle	Ввод советских войск в Польшу, несмотря на заявления о нейтралитете
	СССР – это Вор	...to commit robbery with violence and to divide the spoils	Соглашение СССР и Германии о разделе Польши
	СССР – это Враг	the veil was torn off the Kremlin	В конце сентября британская пресса сообщала о будущих переговорах Москвы и Берлина
1943	СССР – это Актер	U. S. S. R. intends to take a leading role	В планы СССР после окончания войны входило быть одним из главных игроков в мировой политике
	СССР – это Уборщик	sweeping Germans out of Ukraine	Советские войска «очищали» территории от немецкой оккупации
	СССР – это Спаситель	it is the Russian people who have saved the world	В речи британского епископа можно увидеть сравнение советского народа с Иисусом
1945	СССР – Гостеприимный Хозяин	the great hospitality and friendly welcome shown to our [British] delegation	В марте британская делегация посетила СССР
	СССР – Герой	the tremendous sacrifices and strain imposed on Russia by her heroic campaign	СССР понес значительные потери, но это не помешало ему выиграть войну
	СССР – Товарищ	if this comradeship in arms spelt disaster for the enemies of freedom	СССР воспринимался как «брат по оружию»; надежды на сохранение дружеских отношений высказывались в британской прессе и в официальной речи Георга VI

Анализ образа Советского Союза в британском военно-публицистическом дискурсе показал, что его восприятие не было однозначным и однородным; наоборот, можно проследить градацию в изменении отношения к СССР. Проведенный анализ показывает, что образ СССР в британском

военно-публицистическом дискурсе изменялся, отражая отношение Британии к событиям Второй Мировой войны: негативное восприятие действий Советов в 1939 г. резко контрастирует с таковым в 1943 и 1945 гг. Это объясняется тем, что в 1939 г. СССР не вступил в войну на стороне Британии и преследовал свои внешнеполитические цели, но после вступления в войну СССР стал союзником и товарищем Британии.

Библиографический список

1. *Бивор Э.* Вторая мировая война. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 992 с.
2. *Солопова О. А., Салтыкова М. С.* Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. № 23 (3). P. 762–783.
3. *Солопова О. А., Салтыкова М. С.* Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская Дуга» в военно-публицистическом дискурсе союзников // *Взаимодействие языков и культур : материалы междунар. науч. конф.* Челябинск: ЮУрГУ, Т. 1. 2018. С. 135–139.
4. *Солопова О. А.* Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 4. С. 124–134.
5. *Солопова О. А., Чудинов А. П.* Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 313–337.
6. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

T. S. Vagina

Master's student, ILIC, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

THE IMAGE OF THE USSR IN THE BRITISH MILITARY AND PUBLICIST DISCOURSE OF THE SECOND WORLD WAR: DYNAMIC ASPECT

The paper analyses the image of the USSR in British military and publicist discourse of the Second World War. The paper examines method of modelling the discourse using linguistic tools, including such basic tool as a political metaphor. The paper concludes about the gradation of perception of the image, which indicates dynamics of the image of the Soviet Union in British discourse.

Keywords: metaphoric modelling, World War II, military and publicist discourse, image of the Soviet Union

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследованы основные проблемы интерпретации Второй мировой войны в англоязычной историографии. Проанализированы вопросы освещения роли Советского Союза в войне и победе над Германией. Охарактеризована источниковедческая база и методологический подход. Сделан вывод о том, что в силу ряда факторов, в частности доминирования немецких военных источников и отсутствия адекватного критического подхода, современные англоязычные исследования в целом остаются в рамках традиционной прозападной интерпретации эпохи холодной войны.

Ключевые слова: источники, англоязычная историография, методология.

Несмотря на то, что самый кровопролитный конфликт XX века закончился 75 лет назад, интерес к нему как никогда высок. Но чем дальше событие в истории, тем больше интерпретаций предлагается общественности. Опасность заключается в том, что без тщательного и критического изучения источниковедческой базы правда может превратиться в миф, который имеет мало общего с реальностью. В эпоху информатизации задача историков придерживаться правдивой и объективной перспективы является не только вопросом научной этики, но и условием дальнейшего развития истории как дисциплины.

В последние годы история приобрела характер публичности и как таковая представляет собой бездонный колодезь для всевозможных, часто излишне политизированных интерпретаций, которые не всегда основаны на строго научной методологии. С другой стороны, англоязычные историографические исследования Второй мировой войны в целом все еще остаются в стандартизированных, традиционных рамках эпохи холодной войны и поэтому лишены должной объективности, а в некоторых случаях – и состоятельности. Несмотря на это, такой подход не был подвергнут критическому пересмотру, что дает пищу к дальнейшим трактовкам и порождает мифы в общественном сознании.

В своей статье я собираюсь провести краткий обзор англоязычных исторических работ за последние 10 лет, посвященных Второй мировой войне и роли России в частности. Моя цель – исследовать основные проблемы современной интерпретации, а также проанализировать обоснованность такого

---

* Веллс Маргарита В. – кандидат исторических наук, Королевский колледж Лондона, Лондон, Великобритания; elselsa@mail.ru

подхода. Для этого я выбрала 8 монографий англоязычных историков, опубликованных в период 2009–2019 гг.

Говоря в целом о позиции англоязычного Запада на роль России в конфликте, историк Давид Шталь отмечает, что: «В английском языке Восточный фронт Второй мировой войны <...> представлен недостаточно, учитывая его общее значение для войны. <...> Прозападная ориентация имеет тенденцию принимать во внимание только самые крупные и наиболее известные сражения на Восточном фронте, и часто придает им значение, аналогичное тем сражениям, которые велись в то же время западными союзниками. <...> Существующая пропасть в важности этих битв часто упускается из виду». Он указывает, что «...мелкие сражения в Северной Африке, Франции и Италии получили гораздо большее значение и стали предметом многочисленных исследований и дискуссий», что, по его словам, порождает «тревожное заблуждение, которое продолжает расширяться...» [8].

Недостатки презентации темы сужают и упрощают перспективу на такой комплексный и масштабный конфликт, коим явился Восточный фронт во Второй мировой войне.

Ряд историков утверждает, что война с Советским Союзом заведомо не сулила победы Германии. В частности, Александр Хилл придерживается мнения, что война против СССР была проиграна с самого начала [6]. Эту позицию разделяет Норман Стоун: «... немцы, конечно, взяли на себя слишком много, их экономика не была готова к долгим испытаниям» [7]. Шталь идет дальше и утверждает что потенциальный победитель (СССР) определился несколько недель спустя после 22 июня [8].

Подобные утверждения, однако, звучат несколько амбициозно и не проходят проверку реальностью 1941 г. когда немецкие войска только что провели успешный рейд по Европе, и Советский Союз остался один на один с мощной немецкой машиной. В подтверждение этому можно привести слова Уинстона Черчилля, который в июне 1942 г. сказал: «год назад <...> почти все авторитетные военные специалисты полагали, что русские вскоре потерпят поражение и будут в основном уничтожены» [1]. Это свидетельство одного из выдающихся политических деятелей того времени фактически противоречит широко распространенному предположению англоязычных историков о столь ранней предсказуемости исхода. В этой связи внимания заслуживает более взвешенный подход Криса Беллами, которой утверждает, что «в критические годы 1941–1942 <...> само выживание Советской России висело на волоске <...> после успешной битвы за Москву Россия все еще могла проиграть – или просто прийти к коллапсу, и по всем нормальным правилам она должна была это сделать в 1942 году» [3].

Особенностью западной историографии являются фокус на военной стороне конфликта и многообразие точек зрения на то, какая битва стала решающей на Восточном фронте – Московская, Сталинградская или Смоленская [8, 9]. Общим в подходе англоязычных историков является взгляд на причины победы Советского Союза строго в материальном контексте, поэтому много внимания уделяется оценке боеспособности армий, количеству и соотношению

ресурсов у противников, материальному и военному обеспечению, а также численности и пополнению командного состава [6]. К предпосылкам победы большинство историков относит политические и экономические решения Советского правительства, такие как эвакуация промышленности на восток и перестройка экономики на военный лад, политика «выжженной земли», а также массовый характер сопротивления, пространство и климат [7, 8]. Давид Шталь указывает на структурные недостатки германской армии, недооценку германским командованием потенциала Советского Союза, фундаментальные просчеты Гитлера и начальника штаба Германской армии генерала Франца Гальдера [8], который руководил планированием и осуществлением операции «Барбаросса». Значение вышеперечисленных аспектов несомненно, однако за всем этим упускается один важнейший фактор, а именно – патриотизм советских людей. Во многих работах он упоминается лишь мельком и в неразрывной связке с идеологической направленностью внутренней политики. Примечательно выкладка историка Хилла: «Русский и советский патриотизм, возможно, был существенным мотивационным фактором <...> но когда он был подкреплен ненавистью к захватчику, чья жестокость превосходила жестокость даже Сталина, этот патриотизм получил дополнительную и более широкую трактовку» [6]. Очевидно, что у западных исследователей замешательство вызывает само происхождение советского патриотизма, который они пытаются объяснить реакцией на свирепость немецких войск, жесткой политикой Сталина в отношении предателей и пособников нацистов, а также умелой пропагандой советской идеологической машины. Учитывая, что в английском языке, как и в русском, «патриотизм» означает любовь к Родине, различений быть не может, однако вышеприведенные трактовки западных исследователей ни коим образом не объясняют феномен массового патриотизма советского народа.

Рамки данной статьи не позволяют углубиться в анализ причин указанных недочетов освещения войны Германии с Россией в современной англоязычной историографии. Тем не менее сам собой напрашивается вопрос об источниках и методологии исследований. Следует отметить, что на Западе в основном доминируют германские военные источники, которые составили основу для многих исследований послевоенного времени [7]. По иронии судьбы особая «заслуга» в этом принадлежит уже упомянутому Францу Гальдеру, немецкому генералу, начальнику штаба Верховного командования Сухопутных войск в нацистской Германии с 1938-го по сентябрь 1942 г., одному из главных зачинщиков и исполнителей «Барбароссы», который своими указами санкционировал зверства нацистов против мирного населения. После войны Гальдер служил ведущим консультантом в историческом отделе армии США. Он руководил написанием более чем 2 500 исторических документов, более чем 700 бывшими нацистскими офицерами, которым он поручил удалить материалы, наносящие ущерб имиджу германских вооруженных сил. Гальдер использовал свое влияние, чтобы создать ложную историю германо-советской войны, в которой немецкая армия вела «благородную войну» и не совершала

военные преступления. Гальдер преуспел в своей цели оправдать немецкую армию: сначала с американскими военными, затем среди расширяющихся кругов политиков и, наконец, в американской массовой культуре [5, 8]. К сожалению, плоды «мирных» трудов Гальдера нашли продолжение и развитие в исследованиях многих западных историков, лишив их научности и объективности. С другой стороны, языковой барьер и отсутствие свободного доступа к советским архивам [8] обусловили недостаток источниковедческой базы, который несомненно способствовал усилению проамериканской версии истории Второй мировой войны в англоязычной историографической традиции.

Только недавно в исторической литературе был поставлен вопрос о методологии и выражена озабоченность засильем американско-германской источниковедческой базы [8]. В действительности в условиях единого интернет-пространства и облегченного доступа к информации, исторический дискурс требует пересмотра и обновления, иначе история рискует стать ненаучной, потерять авторитет и лишиться доверия в глазах общественности. Справедливости ради следует отметить, что прослеживается тенденция переломить стереотипы за счет привлечения свидетельств советских участников военных событий. Например, труд Криса Беллами – это попытка выйти из рамок устоявшейся модели презентации войны «в числах», придать эмоциональный оттенок, усилить человеческий фактор [3]. Тем не менее сложившаяся традиция остается в силе. По словам Дэвида Штала: «Многие западные представления о Второй мировой войне <...> предлагают ограниченную перспективу, которая умаляет вклад Советского Союза и впоследствии препятствует нашему пониманию Восточного фронта во Второй мировой войне» [8].

Некоторые историки все же отдают дань вкладу СССР в разгром фашизма: «Без сомнений, Советский Союз сыграл большую, если не решающую роль в победе» [10]. Однако на фоне утверждений, что восточный поход Гитлера был обречен на провал с самого начала, признание роли нашей страны больше напоминает использование исторического факта победы в качестве доказательства этой теории, чем попытку понять причины этой победы. Кроме того, во многих работах совершенно не упоминается цена, которую Советский Союз заплатил за освобождение Европы от фашизма, срезая фокус исторической перспективы на этот судьбоносный конфликт [2, 4, 7].

Таким образом, можно сказать, что англоязычная историография при всем богатстве наследия исторической мысли стала заложницей фальсификации истории. В то же время научный подход подразумевает поиск правды, требует объективности и критического отношения к источникам, который не практиковался западными историками в освещении войны. В западных трудах, как правило, характерно отсутствие анализа источниковой базы, на основании которой строилось исследование. Таким образом, недостатки методологии и отсутствие критического подхода к первичным и вторичным источникам обусловили ограниченность и формализованность перспективы, способствовали необъективности и мифологизации Второй мировой войны в англоязычной историографии.

Библиографический список

1. *Черчилль У.* Вторая Мировая война : в 3 кн. Кн. 2. Т. 3. Великий Союз. Т. 4. Поворот судьбы. 6-е издание. М.: АНФ, 2015. 735 с.
2. *Beevor A.* The Second World War. Weidenfeld & Nicolson, 2012. 863 p.
3. *Bellamy Ch.* Absolute War: Soviet Russia in the Second World War. A Modern History. Pan books, 2009. 814 p.
4. *Kirchubel R.* Barbarossa. Osprey Publishing. 2013. 96 p.
5. *Baker L.* The Wehrmacht: History, Myth, Reality. By Wolfram Wette (review) // The Journal of Military History. Volume 70. Number 4. October 2006. Pp. 1156–1157.
6. *Hill A.* The Red Army and the Second World War. Cambridge: Cambridge university press, 2017. 738 p.
7. *Holland J.* The Eastern Front 1941–43: Book 5 of the Ladybird Expert History of the Second World War (The Ladybird Expert Series). London: Penguin, 2018. 56 p.
8. *Stahel D.* Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East. N. Y.: Cambridge University Press, 2009. 483 p.
9. *Stone N.* A Short WWII History. Penguin Books, 2014. 272 p.
10. *Hartmann Ch.* Operation Barbarossa: Nazi Germany's war in the East 1941–1945. Oxford: Oxford University Press, 2013. 184 p.

M. V. Wells

MA in Public history, Royal Holloway University of London (London, Great Britain).

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MODERN ENGLISH HISTORIOGRAPHY

The paper investigates the main problems of the interpretation of World War II in English historiography. The paper analyses the issues of coverage of the role of the Soviet Union in the war and victory over Germany. The paper characterizes source study base and methodological approach. The paper concludes that due to a number of factors, in particular, the dominance of the German military sources material and the lack of appropriated critical approach, modern English-language studies generally remain within the traditional pro-Western interpretation of the Cold War era.

Keywords: sources, English-language historiography, methodology.

РЕВИЗИОНИСТСКИЕ ТЕОРИИ КАК ОРУДИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ¹

Статья посвящена анализу ревизионистских теорий как орудия информационно-психологической войны. Описаны языковые и речевые механизмы, используемые авторами подобных материалов. Делается вывод о том, что ревизионистские теории функционируют в рамках феномена постправды, когда происходит инверсия не только текущих геополитических, но и произошедших в далеком прошлом исторических событий.

Ключевые слова: ревизионистские теории, информационно-психологическая война, постправда, инверсия, речевые средства, Вторая мировая война.

Накануне празднования 75-летия окончания Второй мировой войны многие зарубежные страны и политические лидеры стараются не замечать реальных исторических свидетельств, не видят архивных документов, создают дискредитирующий прошлое исторический нарратив. Попытки фальсифицировать историю и переписать ее в соответствии с текущими политическими целями – это мощное орудие информационно-психологической войны, которую можно определить как противоборство сторон, возникающее «из-за конфликта интересов и/или идеологий» и осуществляемое «путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения» [3, с. 13]. Как видно из приведенного определения, языковая (в более узком смысле речевая) составляющая – это неотъемлемый элемент материалов ревизионистского характера, лейтмотив которых заключается в стремлении превратить историю в оружие массового поражения, призванного «формировать в сознании населения своей страны и других государств определенное видение событий настоящего» [4, с. 131], прошлого и будущего в случае экстраполяции рассуждений дискредитирующего характера в завтрашний день.

Целью настоящего исследования является анализ языковых и речевых механизмов, применяемых авторами материалов ревизионистского характера, функционирующих в межкультурном политическом пространстве в качестве мощнейшего орудия информационно-психологической войны. К основным тактикам стратегии дискредитации прошлого относим:

---

* Кошкарова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия; nkoshka@rambler.ru

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192 «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)».

1) Тактика перекалывания ответственности, когда определенные исторические постулаты изменяются в соответствии с текущими политическими целями и задачами. Так, в последнее время активизировались обвинения Польши в адрес СССР за развязывание II Мировой войны, «коммунистическое пленение», причастность к последствиям военных разрушений. Например, 17 января 2020 г. заместитель главы польского МИД П. Яблоньский заявил, что 17 января 1945 г. Красная Армия вошла в Варшаву, но это было не освобождение, а «коммунистическое рабство».

2) Тактика обвинения, действие которой проявляется на аксиологическом, онтологическом и когнитивно-дискурсивном уровнях. В январе 2020 г. Польша обвинила Россию в присвоении нескольких произведений искусства и в потерях, которые понесла польская культура «из-за действий СССР» в ходе II Мировой войны. В списке картин, на которые претендовала Польша, находятся «Мадонна Глоговская» Лукаса Кранаха Старшего, «Девочка с голубем» Антуана Пэна, «Птичий двор» Даниэля Шульца, а также «Лесной пейзаж» Яна Брейгеля Старшего.

3) Тактика требования, когда адресант призывает адресата изменить свое поведение и выполнить определенные предписания. 25 января в интервью немецкому изданию *Bild* председатель польской правящей партии «Право и Справедливость» Ярослав Качиньский заявил следующее: «Россия должна платить за ущерб, понесенный Польшей во время Второй мировой войны». Однако, добавил политик, он не думает, что нынешнее поколение доживет до того, когда «Россия признает свою ответственность». Подобные высказывания – это яркий пример того, как «в идеологизированном историческом дискурсе устанавливается связь между историческим прошлым и историческим настоящим [7, с. 176–177]. События прошлого оцениваются через «кривое зеркало» настоящего, так как заявляется, что в России нет «демократически избранного правительства», и здесь не «действует власть закона».

4) Тактика «наклеивания ярлыков», когда не свойственные объекту характеристики или присущие ему в незначительной степени обобщаются или гипертрофируются. Так, 13 июня 2019 г. на пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Дональдом Трампом его польский коллега Анджей Дуда в контексте обсуждения событий II Мировой войны и современной геополитической ситуации заявил, что во время указанных событий «Польша находилась под советской оккупацией», а сейчас она проявляет «свое злое, неприятное и имперское лицо». В подобных экспрессивно-оценочных номинациях эксплицируется базовая категория политического дискурса «свой-чужой», которая с течением времени и под влиянием исторического прошлого модифицируется в оппозицию «они – мы».

5) Тактика запрета, без которой как прохибитивного высказывания не может не обойтись не один социум [1]. Ограничения, налагаемые на действия своих политических оппонентов, уместны и допустимы в межкультурном политическом дискурсе. При этом прагматический

потенциал тактики запрета детерминирован идеологическими установками и приоритетами акторов политической коммуникации. Именно так произошло в ситуации российско-польских отношений, когда в Польше решили запретить России «переписывать историю». Вице-спикер нижней палаты национальной ассамблеи Польши Малгожата Кидава-Блоньска в январе 2020 г. заявила о готовящейся резолюции, направленной против «российской пропаганды, очерняющей Польшу». Такая реакция была инспирирована словами В. В. Путина о польском после в Германии 1930-х гг., который обещал поставить памятник Гитлеру за высылку евреев в Африку. Президент России назвал польского посла «сволочью и антисемитской свиньей». Данный случай реализации тактики оскорбления, на наш взгляд, можно трактовать как «выражение обиды на какое-то действие, совершенное оппонентом (третьим лицом)» [2, с. 215]. Безусловно, эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы и усугубили антисоветскую и русофобскую риторику в Польше.

Полагаем, что сократить и элиминировать подобную риторику возможно только в случае обращения к архивным документам. Так, в январе 2020 г. Министерство обороны Российской Федерации обнародовало документы, посвященные освобождению Варшавы от гитлеровских войск. В подборку включены как ранее рассекреченные материалы, так и документы, которые никогда прежде не публиковались. Именно такие документы позволяют создавать нарратив, основанный «на солидных, подкрепленных широкой источниковой базой, аргументах, а не на сиюминутных псевдоисторических инсинуациях, базирующихся на идейно-политической или коммерческой конъюнктуре» [6, с. 13]. В случае обращения к историческим фактам и документам есть возможность противостоять ревизионистским теориям, функционирующим в рамках феномена постправды, когда «публично транслируемая ложь уже только в силу своей высокой медийной тиражируемости априори получает информационно-политическую легитимацию» [5, с. 13]. Постправда создает такой контекст, при котором происходит инверсия не только текущих геополитических, но и произошедших в далеком прошлом исторических событий. Постправда создает не только псевдоновости, но и ту историческую картину мира, которая выгодна апологетам ревизионистских теорий и создателям сфальсифицированной версии того, что произошло в истории мира и отдельного государства.

Важным при этом является умелое противостояние рассуждениям подобного толка и их интерпретация с точки зрения разных исследовательских парадигм. Одним из приоритетных векторов анализа полагаем лингвистическое изучение ревизионистских теорий. В своих попытках дискредитировать прошлое авторы ревизионистских теорий задействуют широкий арсенал языковых и речевых средств, позволяющих выступать таким заявлением мощным орудием информационно-психологической войны.

Библиографический список

1. Астапенко Е. В. Высказывания о ситуациях запрета (как феномен английского языка и как феномен американской культуры). Тверь: Тверской государственный университет, 2012. 92 с.
2. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 441 с.
3. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Кн. 1. Красноярск: Сиб. федер. ун-т., 2017. 340 с.
4. Матусевич О. А. Конфликт интерпретация прошлого в современном обществе // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2015. № 5 (178). С. 131–135.
5. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти // Дискурс-Пи. 2015. Том 16. № 2 (35). С. 10–27.
6. Сперанский А. В. История как социальная память человечества: взгляды, позиции, убеждения // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 8–13.
7. Чернявская В. Е., Молодых Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

N. N. Koshkarova

Doctor of Sciences (Philology), South-Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

REVISIONIST THEORIES AS A WEAPON OF PSYCHOLOGICAL AND INFORMATION WARFARE

The paper analyses the revisionist theories as a weapon of psychological and information warfare. The paper describes language and speech mechanisms used by the authors of such materials. The paper concludes that revisionist theories function within the framework of the post-truth phenomenon, when there is an inversion of not only current geopolitical, but also historical events that occurred in the distant past.

Keywords: revisionist theories, information and psychological warfare, post-truth, inversion, speech means, World War II.

ШКОЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

В статье анализируется работа школьного педагога по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны. Рассматриваются уроки войны в современных реалиях национальной безопасности РФ. Подчеркивается значимость бессмертного подвига нашего народа и Цена Великой Победы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фальсификация истории, причины Второй мировой войны, реалии национальной безопасности, цена победы.

О высочайшей степени актуальности нашего исследования говорит факт подписания резолюции Европейского парламента от 19 сентября 2019 г. «о важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», где одиозно, грубо и кощунственно попрана память о великой и трагической войне, о нашей священной битве за существование. Тем самым нашу историю и наше государство пытаются уничтожить, пересмотрев уроки войны и заставить всех молчать, не говорить, не вспоминать о той цене, которую наш советский народ заплатил для того, чтобы добиться победы. Забыть уроки и последствия той, священной, войны в современных реалиях национальной безопасности России – значит поставить само существование нашего государства на грань распада и исчезновения.

Однако, как показывает недавние выступление президента РФ, этого, к счастью, не произойдет. Глава государства четко и ясно дал понять, что пересмотр итогов Второй мировой войны не будет. Что касается вопроса цены нашей Победы, то Президент России В. В. Путин мудро заметил, что какой бы ни была эта цена, она была достигнута благодаря героизму нашего народа, для освобождения советского и всех других народов мира от международной фашистской клики. В. В. Путин особо указал на то, что нынешняя Россия является правопреемницей Советского Союза и втапывать в грязь наше прошлое не позволено никому: «Мы тоже всегда с вами вместе стремились обеспечить это качество истории, ее правдивость, открытость и объективность. Хочу еще раз подчеркнуть, это касается нас всех, потому что мы в известной степени наследники Советского Союза. Когда говорят о Советском Союзе говорят о нас»¹.

* Королев Петр Иванович – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, ОБОУ Центр дистанционного образования «Новые технологии» Курск, Россия; ivanuch2107@yandex.ru

¹ Путин В. В. Это все что-то очень напоминает // Российская газета. № 289 (8047). 2019. С. 1.

Современные реалии национальной безопасности России требует от всех нас, и прежде всего от школьного учителя истории полного и объективного понимания механизма начала войны, так сказать причин и следствий, осознания того, какую страшную цену заплатила наша Советская Родина для того, чтобы остаться непокоренной, чтобы не быть уничтоженной и униженной навсегда. Когда на Западе говорят о причинах Второй мировой войны, то всю ответственность пытаются возложить, лишь на Гитлера, а еще совершенно неправдоподобно на Советский Союз. Было время в ЕС уже строили «новый порядок в Европе», чем это кончилось – все хорошо помнят. Обратимся к работам И. В. Сталина, где он в свойственной ему острой публицистической манере разоблачает порядки хозяев Европы: «Это называется у них – „новый порядок в Европе“. Но что это за „основа“, что это за „новый порядок“? Только гитлеровские самовлюбленные дурачки не видят, что „новый порядок“ в Европе и пресловутая „основа“ этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический гаточный домик» [3, с. 103].

Таким образом, наша российская государственная и национальная безопасность требует в преддверии очередного юбилея Великой Победы разобраться со всеми фальсификаторами истории Второй мировой войны, дабы бессмертный подвиг советского народа не был оболган и забыт. И не столько с зарубежными, хотя и это поле идеологической и информационной битвы должно остаться за нами, сколько с отечественными «правдолюбями». Прежде всего речь о субъективных и тенденциозных «историках», таких как Марк Солонин. Когда этот боец с ветряными мельницами рассказывает обществу со страниц своих книг о героизме и честности Власова или Бендеры – это просто дикое невежество. Но, когда он со страниц своих книг рассказывает причудливые думки о том, что СССР пытался развязать войну, он подобно предателю Резуну-Суворову, нагло лжет и уродует факты, которые были сотни раз изучены и детально разобраны и проанализированы повсеместно признанными маститыми историками Второй мировой войны такими, как А. В. Исаев, С. И. Дробязко, Ю. Н. Жуков. Говорит М. Солонин и о том, что война, которую вели нацисты, была якобы освободительной, что ее вели исключительно против большевизма, а не против России. Это не так, и одним из первых это отметил еще 75 лет назад наш главнокомандующий И. В. Сталин: «Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует как Наполеон и что он во всем походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А, во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва, ибо Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами» [3, с. 103].

О том, что именно коллективный Запад, и прежде всего Германия, Англия, Польша, Франция, страны Балтии и Венгрия виноваты в развязывании войны, говорит в своих выступлениях и Президент РФ В. В. Путин: «СССР

оставшись в одиночестве, вынужден был принять реальность, которую западные государства создали своими руками. Раздел Чехословакии был предельно жестоким и циничным, по сути это был грабеж. Можно со всеми основаниями утверждать, именно мюнхенский сговор послужил поворотным моментом в истории, после которого Вторая мировая война стала неизбежной. В 1938 г. Гитлера еще можно было остановить коллективными усилиями европейских государств. Это признавали и западные лидеры¹.

Современный учитель истории, рассказывая ребятам об итогах войны в современных реалиях национальной безопасности России, должен подчеркнуть, насколько глупо, опасно и необоснованно повторять вслед за некоторыми либеральными витиями «черный миф» о том, что Россия была технически отсталой страной накануне вторжения Гитлера. Период с 1927 по 1941 г. – это период небывалых и невиданных доселе в мире гигантских строек, сравнимых по размаху разве что со стройками Древнего Египта. Да и то более сконцентрированными по времени и развернувшихся на 1/5 части суши. Это эра эпохального промышленного строительства, такого строительства, которое не знало себе равных ни до, ни после.

Школьный педагог, анализируя историю Великой Отечественной войны на своих уроках, должен вместе с ребятами понимать, что, разумеется, без всего этого: без «тридцатьчетверок», «катюш», «илов», ППШ и прочей техники разгромить и уничтожить Третий рейх, в союзниках у которого была практически вся континентальная Европа, было невозможно. Но прежде всего Великая Победа 1945 г. была перво-наперво победой советского общества и тех советских людей, которые, от рядовых до старших сержантов, от младших лейтенантов до маршалов, сражались на фронтах, бились в партизанских отрядах, приближали победу в своих НИИ, трудились на производстве и на полях в тылу, противостояли немецко-фашистским агрессорам на оккупированных территориях нашей страны советского народа и советского государства... Как верно заметил обозреватель газеты «Завтра» Владимир Винник: «Только поэтому Советский Союз, вдвое уступая странам-агрессорам по численности населения и почти втрое – по экономическому потенциалу, потеряв на пике отступления осенью 1942 г. почти половину своей европейской территории и почти треть населения страны, смог практически в одиночку перемолоть многомиллионные армии вторжения, дойти до Берлина и водрузить Красное знамя над зданием Рейхстага».

В своем исследовании мы подчеркиваем, что именно учитель истории должен сделать все от него зависящее, чтобы подрастающее поколение юных граждан РФ никогда не забывало: истинную цену Победы; бессмертный, многострадальный подвиг советского народа; уроки народной, освободительной войны и то, что итоги Великой Отечественной войны являются предметом геополитическом противоборства на международной арене. Как верно отмечают современные политологи: «История сейчас – инструмент

¹ Путин В. В. Это все что-то очень напоминает // Российская газета. № 289 (8047). 2019. С. 2.

политики, попытки „отобрать“ у нас Победу в войне явно усиливаются. Самое время отсортировать наконец настоящих и фальшивых сторонников ее и России»¹. Также существует опасность представлений о некоем «самостоятельном вкладе» ныне независимых государств бывшего СССР в «победу Объединенных Наций» над нацистами. Суть ее заключается в стремлении «вдолбить» в общественное сознание титульных этносов тезисы борьбы союзных республик за «национальное освобождение от советского оккупационного режима» [2, с. 481].

Весьма кстати для учителя истории будет отметить на уроке, что на эти разногласия, на которые нажимают сегодня советники из ЦРУ и АНБ в национальных суверенных государствах бывшего Советского Союза, в свое время делала упор нацистская пропаганда: «Немцы рассчитывали, во-вторых, на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьезного удара и первых неудач Красной Армии откроются конфликты между рабочими и крестьянами, начнется драка между народами СССР, пойдут восстания и страна распадется на составные части, что должно облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала. Но немцы и здесь жестоко просчитались» [3, с. 82]. Последнее десятилетие именно педагогам-историкам чаще других приходится на своих уроках развешивать самые глупые небылицы и мифы о Великой Отечественной войне. Например, такой, который породил на свет Сванидзе: «Какой-то работник ТАСС был послан на кондитерскую фабрику в блокадном Ленинграде, где делают торты, пирожные и ромовые бабы для начальства, сфотографировать продукцию» [1, с. 226]. Интересно какой работник? Почему им не заинтересовались особые органы? Где в осажденном городе брали ром для ромовых баб? И самое главное, кому предназначались все эти торты и пирожные, если большинству руководителей Ленинграда они были категорически противопоказаны по состоянию здоровья?

В заключение выразим надежду, что у школьных учителей истории всегда найдется время, силы и нужные слова – чтобы донести все правду до ученика. От того, как мы воспитаем молодежь, зависит то, сможет ли Россия сбечь саму себя.

Библиографический список

1. Бушин В. С. Маршал Жуков. Против потока клеветы. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
2. Королев П. И. Школьный учитель истории и противодействие фальсификации истории Великой Отечественной войны // Социальное воспитание молодежи на основе традиционных ценностей Русского мира / под ред. А. В. Репринцева : в 2 т. Т.1. Курск: ООО «Мечта», 2016. С. 476–482.
3. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1946. 237 с.

¹ Крашениникова В. Ю. Филтр Победы // Литературная газета. № 52 (6719). 2019. С. 18.

P. I. Korolev

Candidate of Sciences (History), Teacher of History and Social Studies, Center for Distance Education «New Technologies» (Kursk, Russia).

**SCHOOL TEACHER AGAINST FALSIFICATION OF HISTORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
MODERN REALITIES OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA**

The paper analyses work of a school teacher to counteract falsification of history of the Great Patriotic war. The paper discusses lessons of the war in modern realities of national security of Russia. The paper emphasizes significance of the immortal feat of our people and price of the Great Victory.

Keywords: the Great Patriotic war, falsification of history, causes of the Second World War, national security realities, price of the Victory.

СОВЕТСКИЕ (РУССКИЕ) МЕМОРИАЛЫ И ВОЕННЫЕ КЛАДБИЩА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

В статье дана характеристика действующих на территории Германии кладбищ и мемориалов воинов Красной армии, а также представителей мирного населения Советского Союза, насильно вывезенных для работы в Третьем рейхе. Показана политика немецкого государства и отношение немецкого народа к проблеме сохранения исторической памяти о трагедии Второй мировой войны. Сделан вывод о необходимости их бережного сохранения и использования в борьбе с современными угрозами войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, кладбище, мемориал, солдаты, офицеры, военнопленные, мирная политика.

Во время Второй мировой войны Советский Союз защищал свою территорию от агрессии фашистской Германии и ее союзников (Италии, Венгрии, Румынии). Потери Советского Союза среди гражданского населения и военнослужащих составили около 27 миллионов человек. Во время войны, которую в России называют «Великая Отечественная», в немецком плену находилось около 5 миллионов советских военных, 3 миллиона из которых погибли.

В результате кровопролитных боев Красная Армия при поддержке союзников (США, Англия, Франция) освободила Германию от фашизма, что стало основой 75-летнего мирного периода в Европе, давшего возможность созидательного труда 3 поколениям ее жителей.

На территории современной Германии действуют 4 тысячи мемориалов и военных кладбищ с захоронениями советских граждан. В последнее время работа по их сохранению и содержанию осуществляется в результате совместной работы посольства Российской Федерации в Берлине и целого ряда немецких государственных и общественных организаций, таких как Немецко-Русский музей (Берлин-Карлсхорст), Немецкий Красный Крест, Народный Союз Германии по уходу за военными мемориалами.

Эти советские (русские) мемориалы представляют собой большие кладбища военнопленных и представителей мирного населения, насильно вывезенного в годы войны для работы в Третий рейх. Они расположены в бывших концентрационных лагерях, организованных фашистами как на востоке (бывшая ГДР), так и на западе (бывшая ФРГ) Германии.

---

* Ландграф-Дитц Дитер Рихард – доктор технических наук, профессор, член правления Народного Союза Германии по уходу за военными мемориалами, Дрезден, Германия; info@landgraf-dietz.de

На востоке Германии (бывшая ГДР) существуют также кладбища, где покоится прах советских солдат и офицеров, освобождавших немецкую территорию от «коричневой чумы» в 1945 г. Почти все эти мемориалы являются совместными захоронениями, включающими в себя могилы военнопленных, насильно вывезенного населения и воинов-освободителей.

Согласно договорам, заключенным между Германией и Россией в 1992–1994 гг., немецкая сторона взяла на себя ответственность за содержание и уход советских мемориалов и кладбищ на своей территории и выделяет для этого необходимые финансовые средства. Со своей стороны Российская Федерация оказывает действенную помощь по организации и уходу за немецкими военными кладбищами на русской территории.

Эта совместная работа двух стран основывается на взаимном понимании существующих проблем, полном доверии друг к другу, способствует сохранению исторической памяти о трагическом периоде их военного противостояния, позволяет выявлять судьбы погибших воинов и представителей мирного населения.

Благодаря правильной государственной политике, немецкий народ хранит в своем сознании все ужасы минувшей войны и бережно относится к советским мемориалам, расположенным на территории Германии. Нередко они становятся местами проведения антивоенных и антифашистских мероприятий, способствуют укреплению исторической памяти, объединяют молодые поколения Германии и России в борьбе против возрождения фашизма и военных угроз.

Так, Народный Союз Германии по уходу за военными мемориалами ежегодно (15 ноября) проводит день памяти погибшим и умершим солдатам в годы Второй мировой войны. В этот день происходит возложение венков как на захоронения немецких солдат, так и на могилы советских воинов в Берлине-Тиргартен, в Берлине-Трептов, в Саксонии, в Баварии и в других городах и землях Германии.

К сожалению, в сложной ситуации находятся советские мемориалы, расположенные на бывших немецких территориях, вошедших после окончания Второй мировой войны в состав Польши. Здесь в результате недальновидной политики польских властей происходит разрушение и осквернение могил, демонтаж памятников погибшим воинам-освободителям, лживо именуемым сегодня «оккупантами». Подобные действия вызывают чувство осуждения и не могут содействовать объединению народов против новой военной опасности.

D. R. Landgraf-Dietz

Doctor of Sciences (Engineering), Professor, Member of the Board of «People's Union of Germany for the care of War Memorials» (Dresden, Germany).

THE SOVIET (RUSSIAN) MEMORIALS AND WAR CEMETERIES OF THE SECOND WORLD WAR IN GERMANY

The paper describes cemeteries and memorials of soldiers of the Red Army operating in Germany, as well as representatives of civilian population of the Soviet Union forcibly removed to work in the Third Reich. The paper shows policy of the German state and attitude of the German people to the problem of preserving the historical memory of the tragedy of World War II. The paper concludes that they should be carefully preserved and used in the fight against modern threats of war.

Keywords: World War II, cemetery, memorial, soldiers, officers, prisoners of war, peace policy.

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В КАДЕТСКОЙ СРЕДЕ

Представлены некоторые результаты обработки анкеты «Кадет. Патриотизм. Музей» 1047 учащихся кадетской школы-интерната «Екатеринбургский кадетский корпус» в возрасте от семи до семнадцати лет. Проанализировано мнение респондентов о предназначении музея и доминировании отдельных видов творчества в воспитании чувства патриотизма.

Ключевые слова: кадеты, патриотизм, музей, фильмы, книги, песни, картины.

Особый пласт молодежной среды составляют кадеты. Это дети, с юных лет надевшие на себя фактически военную форму и мечтающие посвятить свою жизнь служению Отечеству, благородному и трудному делу, в основе которого лежит чувство патриотизма, являющегося фундаментом гармонически развитой личности. Под патриотизмом мы будем понимать любовь к Родине и своему народу, привязанность к месту рождения и жительства [1, с. 885; 2, с. 496], то есть его духовную, иррациональную составляющую. Она формируется у человека в достаточно юном возрасте в семье, в общении со сверстниками и взрослыми и в процессе обучения в различных образовательных учреждениях. С годами эта составляющая, конечно же, остается, но к ней добавляется практическая компонента – стремление своей деятельностью сделать страну краше и могущественнее. Нам показалось интересным выяснить состояние патриотизма в кадетской среде Екатеринбурга и попытаться выявить мнение кадет о том, какой же из творческих факторов наиболее эффективно формирует чувство патриотизма и каково предназначение музея в становлении гармонической личности.

Уральский государственный военно-исторический музей уже в течение ряда лет занимается изучением молодежной аудитории, разрабатывая целенаправленные анкеты и проводя анкетирование среди различных групп учащихся. В данной статье приводятся некоторые результаты обработки анкеты «Кадет. Патриотизм. Музей», по которой в ноябре 2016, декабре 2017 и феврале 2019 гг. опрашивались 1 047 учащихся кадетской школы-интерната «Екатеринбургский кадетский корпус» в возрасте от семи до семнадцати лет, из которых 732 респондента были мужского пола, а 315 – женского.

* Лобанов Вячеслав Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий научно-методическим сектором Уральского государственного военно-исторического музея, Екатеринбург, Россия; Lobanov-46@yandex.ru

Обработка проводилась в рамках частотно-вероятностных представлений. Расчет среднего патриотизма $\langle\Pi\rangle$ для каждой возрастной группы респондентов проводился с использованием стандартной формулы полной вероятности:

$$\langle\Pi\rangle = \sum_{i=1}^k P(H_i)P(\Pi/H_i)$$

В этой формуле: $P(\Pi/H_i)$ – вероятность наступления события Π при обязательной реализации события H_i , или, другими словами, вероятность появления требуемого утверждения из ответов на данный вопрос. В нашем случае i пробегает значения от 1 до 7, и коэффициент $P(H_i)$ в данной формуле равен $1/7$, поскольку на определение среднего патриотизма из тридцати шести вопросов анкеты обрабатывалось семь, характеризующих привязанность и любовь кадет к своему краю и Отечеству. Вклад каждого из вопросов в расчет $\langle\Pi\rangle$ предполагался равновероятным. Итоговое значение $\langle\Pi\rangle$ получалось после деления на семь суммы семи слагаемых $P(\Pi/H_i)$. Средняя ошибка σ_i рассчитывалась по другой формуле:

$$\sigma_i = \pm [r(1-r)/n_i]^{1/2}$$

Здесь r – вероятность появления требуемого утверждения из ответов на вопрос, n_i – число респондентов в возрастной группе. В зависимости от их числа, погрешности при расчете $\langle\Pi\rangle$ несколько отличались и составляли, в основном, $\pm 3-6\%$, а при построении диаграмм – $\pm 1-2\%$.

На рисунке 1 представлена зависимость чувства патриотизма $\langle\Pi\rangle$ от возраста кадет. Видно, что с годами $\langle\Pi\rangle$ уменьшается по линейному закону, составляя в семь-восемь лет около 85%, а в семнадцать – уже на 20% меньше. Причина такого снижения, как нам кажется, достаточно многофакторная, а истоки ее нужно искать и в состоянии жизни страны в целом во всех ее сферах, и в семье, и в учебном заведении, и в том потоке информации, которую получают дети из различных источников. Показательно, что в результате экстраполяции графика на нулевой возраст, то есть на возраст родившегося ребенка, он приходит в стопроцентный патриотизм, поскольку в данном случае априори ребенок является патриотом той страны, где он родился.

Пути формирования у молодежи чувства патриотизма достаточно многообразны, и одним из них может явиться творческая компонента, связанная, например, с влиянием на молодое сознание просмотров фильмов, посещения выставок картин художников, чтением книг и прослушиванием песен. Особую роль здесь играет творчество, связанное с Великой Отечественной войной, когда все наши люди, и взрослые, и подростки, на фронте и в тылу ковали Великую Победу.

Из представленных на рисунке 2 ответов респондентов на вопрос анкеты о том, «Что наиболее эффективно способствует формированию

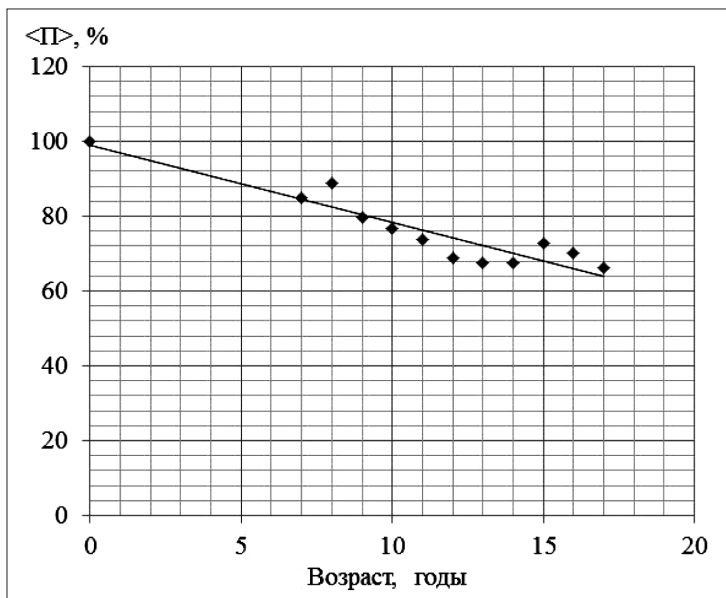

Рис. 1. Возрастная зависимость чувства патриотизма в кадетской среде Екатеринбурга

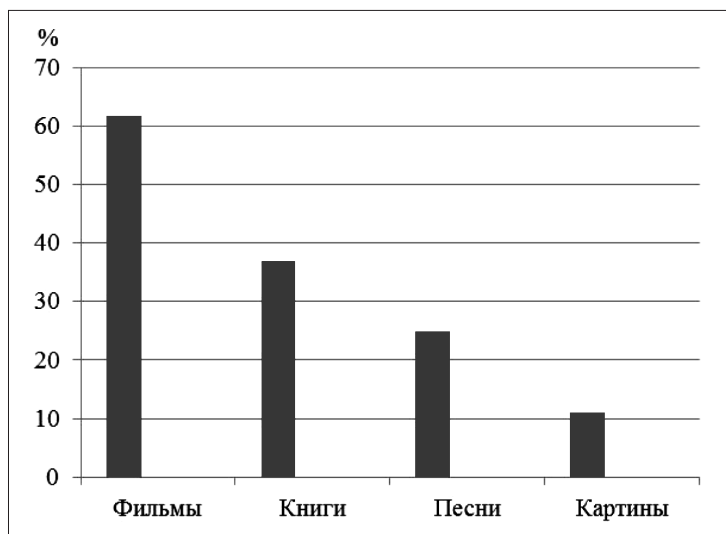
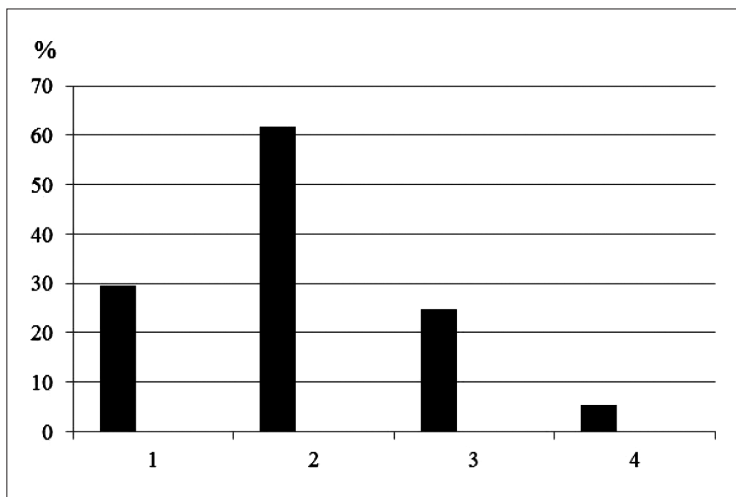

Рис. 2. Процент ответов респондентов на вопрос анкеты «Как Вы думаете, что наиболее эффективно способствует формированию патриотических чувств у человека?»

- 1.Расширение кругозора посетителя. 2.Сохранение памяти о прошлом.
3.Воспитание любви к своему краю, Отечеству. 4.Затрудняюсь ответить.

Рис. 3. Процент ответов респондентов на вопрос анкеты «В чем, с Вашей точки зрения, заключается основное предназначение музея?»

патриотических чувств у человека: фильмы, книги, песни, картины?»), видно, что фильмы набирают около шестидесяти двух процентов, примерно тридцать семь процентов – книги, двадцать пять процентов – песни и одиннадцать процентов – картины художников. Это и понятно: художественные фильмы – самый простой для восприятия, доступный и зрелищный вид искусства. Следовательно, значение кинематографа в воспитании чувства патриотизма у молодого поколения играет существенную роль, и особенно важны здесь, как нам кажется, фильмы военной тематики, поскольку высшая степень патриотизма проявляется у человека в экстремальных условиях военных действий, в ходе которых, выполняя приказы, иногда приходится жертвовать и своей жизнью. Отрадным фактом является и тот, что ощутимые проценты, далеко выходящие за пределы погрешностей, набрали книги и песни. Следовательно, многие кадеты любят и читать, и слушать. Сравнительно меньший процент ответов, одиннадцать, дали картины, но это и неудивительно, поскольку для понимания картин нужна определенная предварительная подготовка, да и посещение выставочных залов – дело достаточно хлопотное.

Несомненно, что просмотр кинофильмов и посещение вернисажей, чтение книг и прослушивание песен способствуют формированию чувства патриотизма и становлению гармонически развитой личности, но здесь нельзя не сказать и о роли музеев в этих вопросах, о том, как понимают предназначение музея его потенциальные посетители. На рисунке 3 приведены результаты

ответов кадет на вопрос анкеты «В чем, с Вашей точки зрения, заключается основное предназначение музея?». Предложены четыре варианта ответов: расширение кругозора посетителя; сохранение памяти о прошлом; воспитание любви к своему краю, Отечеству; затрудняюсь ответить.

Показательно, что только у 5 % (примерно 50 человек из 1 047 опрошенных) – возникли затруднения с ответом на этот вопрос. Доминирующим оказался ответ «Сохранение памяти о прошлом» – близок к 62 %. Нам думается, что в этом ответе кадеты не разделяют понятия «память» и «историческая память», но интуитивно они чувствуют, что без сохранения памяти о прошлом своего Отечества нельзя воспитать чувство патриотизма у современного человека. Отрадно, что последнее напрямую понимают 25 % респондентов, выбирая ответ «Воспитание любви к своему краю, Отечеству» как основное предназначение музея. Отметим, что нередко один отвечающий указывал два, а иногда и сразу три ответа, поэтому тридцать процентов ответов «Расширение кругозора посетителя», работающих на становление гармонически развитой личности, порой соседствуют со вторым либо третьим ответами.

Таким образом, воспитание чувства патриотизма и формирование гармонически развитой личности необходимо проводить как с использованием разнообразных видов творчества, так и различных форм музейной деятельности, непрерывно совершенствуя эти виды и формы и адаптируя их к современной действительности.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2005. 944 с.

V. V. Lobanov

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of Research and Methodological sector, Ural State Military History Museum (Yekaterinburg, Russia).

TO THE QUESTION OF THE CREATIVE COMPONENT OF FORMATION PATRIOTISM IN THE CADET ENVIRONMENT

This paper presents some results of questionnaire processing on the topic «Cadet. Patriotism. Museum», conducted among 1047 students at the age of seven to seventeen years studying at the cadet boarding school «Yekaterinburg cadet corps». The author analyses opinion of respondents about the purpose of the Museum and domination of certain types of creativity in the fostering a sense of patriotism.

Keywords: cadets, patriotism, museum, films, books, songs, paintings.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕМЕЙНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ЭССЕ СТУДЕНТОВ БЕЛАРУСИ И УРАЛА

Проанализированы формы исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере семейных биографических эссе студентов Беларуси и России. Сделан вывод о том, что биографические эссе являются важным элементом сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Беларусь, Урал, Великая Отечественная война, воспоминания, студенты, эссе.

По причинам возраста, болезней у ветеранов Великой Отечественной войны все меньше остается возможностей напрямую доносить аудитории правду об исторических событиях военных лет. Но у ветеранов появились рассказчики в лице студенческой молодежи. Институтом трансляции исторической памяти стала семья. Обнаружив этот ресурс, технические университеты Беларуси и Урала трансформировали семейную вербальную и фотографическую историческую память в жанр биографических студенческих эссе.

В Белорусском национальном техническом университете обучающимся было предложено принять участие в написании двух книг. Каждая фокусируется на одном из юбилейных событий, связанных с Великой Победой. Методика работы с молодежью основана на стремлении ввести через поисковую деятельность в историческую память новые свидетельства очевидцев о Великой Отечественной войне. Этому решению способствовала совместная работа с российскими исследователями в рамках изучения семейных фотографических альбомов [4].

Данный подход созвучен ментальности современной молодежи, делающей акцент в анализе информации на сочетание текста, фотографии, аудиовизуальной технологии. С точки зрения строгих критериев научности студенческие биографические работы не являются в полном смысле научными исследованиями. Они носят поисковый характер, содержат текстовые компоненты, не отличающиеся строгостью научного аппарата. Но они дают важную социологическую информацию о преемственности исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Особое место занимает портретная фотография. Она имеет не только теоретическое, но и жизненно практическое значение вплоть до вопросов сохранения исторической памяти. Исследование фотографических и биографических

---

* Лойко Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, Минск, Республика Беларусь; alexander.loiko@tut.by

практик в белорусском и российском пространствах культуры дает информацию о белорусско-российской системе ценностей.

Суть фотографического альбома заключена в идеях, лежащих в основе бытования этой разновидности письма, в тех функциях, которые этот артефакт выполняет [3]. Рубрики фотоальбома отталкиваются от порождающих их социальных традиций. Фотографии структурируют системы социальных смыслов. Приоритетность феноменологического прочтения проблематики жизненного мира обусловлена необходимостью исследования свидетельств людей, их повествований о себе, какими они складываются в мире повседневности.

Семейные фотографии интегрируют членов семьи в структуру идентичности. Семейный альбом детерминирован сменой поколений. В крестьянских семьях, доминировавших в социальной структуре довоенного советского общества, фотографии хранились на видном месте. Их заботливо вставляли в раму, как правило большую, и вывешивали на стену. Затем в эту же рамку добавляли новые фотографии. Подобным образом формировались коллекции семейных фотоальбомов. Кроме групповых семейных фотографий, в фотоальбомах хранятся изображения многочисленных родственников.

Для фотографий мужчин характерна тематика армии. Фотографии демонстрируют роль армии в жизни советского общества, значение офицерской формы в повышении мужского статуса и престижа. Военнослужащие с гордостью позируют перед фотообъективом, даже в неофициальной обстановке имеют строгий подтянутый вид, форма одежды соответствует уставным требованиям.

В течение ряда лет белорусской и российской исследовательскими группами формировался фотографический и аудиоархив. Сравнение позволило сделать выводы о единых формах фотографических практик, общих символических архетипах и технологиях их репрезентации. Совместный проект РГНФ-БРФФИ № Г073-029 «Техногенная визуализация и социальный смысл семейного фотографического альбома» предполагал обмен полученными результатами. Они были обсуждены на международном семинаре «Визуальные аспекты культуры», организованном на кафедрах философии и философии культуры в Удмуртском государственном университете.

Основная часть результатов, полученных коллективом российских и белорусских участников проекта «Техногенная визуализация повседневности и социальный смысл семейного фотографического альбома», опубликована в сборнике «Визуальные аспекты культуры – 2007». В сборнике представлены статьи как российского, так и белорусского коллективов ученых, здесь рассматриваются особенности современной философской, социологической и антропологической интерпретации семейных фотографических альбомов. При помощи студентов была организована работа по сбору семейных фотоальбомов и интервью для мультимедийного пособия.

Как российским, так и белорусским коллективами проведены полевые работы по сбору материалов семейных архивов. В ходе полевых работ было исследовано около 100 семейных фотографических альбомов. Были

организованы просмотры фотографических альбомов, интервьюирование их владельцев. Проводилась запись интервью на аудио- и видеоносители с последующей текстовой обработкой собранного материала. Фотографии из альбомов сканировались и переводились в электронные изображения. Плохо сохранившиеся фотографии редактировались в программе «Adobe Photoshop». Были созданы каталоги, осуществлено сопоставление изображений и текстовых описаний, обмен полученными материалами.

Созданный фотографический архив содержит оцифрованные фотографические изображения из семейных фотоальбомов и краткие описания историй их создания, основных этнических, социальных, религиозных, гендерных особенностей семей, предоставивших фотоальбомы для исследования. Фотографические изображения рубрицированы по основным темам исследования.

Одними из лучших помощников в этой работе стали студенты. Они собрали в семьях ветеранов уникальные материалы свидетельств участников Великой Отечественной войны. Для книги, посвященной 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов, были отобраны 75 эссе [2].

Следующим этапом практической реализации участия студентов в поисковой деятельности стало издание собранных материалов к 70-летию Великой Победы [1]. Этот проект был реализован Ижевским государственным техническим университетом имени М. Т. Калашникова и Белорусским национальным техническим университетом. Отношения двух университетов имеют богатую традицию. Одной из форм постоянного диалога стал совместный пробог представителей университетов от Урала до Беларуси, приуроченный к 9 мая. Он проводится ежегодно. К 75-летию Великой Победы также ожидаются совместные мероприятия. Их значимость подкрепляет ежегодный Форум технических университетов Беларуси и России в рамках реализации программ Союзного государства.

Библиографический список

1. Мы помним... Студенческие эссе [К 70-летию Великой Победы]. Ижевск: Изд-во ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2015. 256 с.
2. Страницы подвига. Студенты размышляют, пишут о Великой Отечественной войне (к 70-летию освобождения Беларуси). Минск: Донарит, 2014. 167 с.
3. *Струтинская Н. В.* Фото/текст: демонстрационные практики семейных фотоальбомов // Визуальные аспекты культуры. Ижевск: Изд-во ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2007. С. 120–127.
4. *Якимович Е. Б., Лойко А. И., Мушинский Н. И., Струтинская Н. В.* Техногенная визуализация повседневности и социальный смысл семейного фотографического альбома. Минск: БНТУ, 2009. № ГР 20072967. 108 с.

A. I. Loiko

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of Chair of Philosophy, Belarusian National Technical University (Minsk, Belarus).

**HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FAMILY
BIOGRAPHIC ESSAYS OF STUDENTS OF BELARUS
AND THE URALS**

The paper analyses the forms of historical memory of the Great Patriotic war on the example of family biographical essays by students of Belarus and Russia. The paper concludes that biographical essays are an important element of guarding the historical memory of the Great Patriotic war.

Keywords: Belarus, the Urals, World War II, memoirs, students, essays.

ЦЕНА ПОБЕДЫ И УРОКИ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Самоотверженная борьба советского народа с нацистской Германией, высокая цена, заплаченная за победу, подвергается в современной информационной войне искажению и прямой фальсификации. История многочисленных войн сформировала такую российскую идентичность, основополагающим компонентом которой стала идея защиты своего отечества от иноземного вторжения. Основной урок, оставленный войной: любой враг будет побежден, если власть сумеет добиться консолидации всех социальных групп и народов. Внутренняя солидарность всегда для России была и сегодня остается аксиологической основой базовой основой национальной государственной безопасности.

Ключевые слова: власть, нацистская Германия, СССР, пропаганда, уничтожение, защита Отечества, консолидация, преступления, потери, историческая память, информационная война, безопасность.

Стремление выстоять и победить агрессора составляло духовную основу морально-политического и духовного единства советского народа в годы Великой Отечественной войны, оно стало сильным побудительным мотивом беспрецедентной, самоотверженной героической борьбы за Победу. Главным и решающим источником Победы был советский народ – уникальное сообщество, объединившее все социальные группы, нации и народности СССР.

С началом войны политика органов советской власти в экстремальной обстановке оказалась в достаточной степени адекватной сложным и не абсолютно однозначным интересам основных социальных страт. Тем не менее власть сумела обратить в единое русло разноплановые общественные отношения, создала условия для осуществления консолидированной стратегии отражения внезапной агрессии со стороны нацистской Германии. Как бы сегодня ни оспаривалось это создававшееся единство, именно оно легло в основу качественно нового многонационального сообщества во всем его многообразии и сложности. Целенаправленно формировавшаяся в процессе социалистического строительства новая историческая общность – советский народ сумел защитить страну от иностранного вторжения. Общая цель консолидировала общество, стало мощным источником Победы, одержанной над нацистской Германией и ее европейскими союзниками.

* Малышева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, Республика Адыгея, Майкоп, Россия; emalysheva@yandex.ru

Идентичность аксиологических ценностей для всех социальных групп легла в основу внутренней солидарности, которую сформировала целенаправленная многоплановая воспитательная работа органов советской власти в предвоенные годы XX века. Одним из основных источников и неоспоримых факторов нашей Победы стала организованная за годы советской власти социальная государственная система, создавшая мобилизационный характер экономики, который позволил в невероятно сложных условиях оперативно перевести всю жизнь общества и государства на военные рельсы и выстроить стратегию поэтапного отражения германской агрессии.

В соответствии с планами нацистской Германии война против СССР должна была и на самом деле стала войной на уничтожение («Vernichtungskrieg»). Министерством пропаганды Германии еще до начала войны в специально созданном Восточном отделе была разработана концепция оккупационной политики. Плакаты, книги, брошюры, инструкции имели целью изменить ценностные ориентиры народов СССР, сломить их волю к сопротивлению, привести к необратимым деформациям внутри советского общества, и создать обстановку наибольшего благоприятствования для коллаборационизма [4, с. 427–430].

На сокрытие действительных целей войны против Советского Союза и дезинформацию были направлены все германские СМИ, журналы, газеты, радио, кино, литература. Этому была противопоставлена многоаспектная работа центральных и региональных органов власти по организации отпора врагу и достижения победы.

Развернулась беспрецедентная идеологическая борьба за общественное сознание, получившая наивысшую остроту в период битвы за Кавказ и Сталинградской битвы. Антифашистская пропаганда советской стороны была призвана поднять боевой дух и моральную стойкость советских граждан и дезавуировать нацистскую контрпропаганду. Одним из эффективных средств становятся сводки и сообщения Совинформбюро, в которых размещались материалы, опровергавшие выступления руководителей германского рейха и сообщения немецкого Информбюро.

Война оставила опыт борьбы за общественное сознание – опыт пропаганды и контрпропаганды воюющих сторон с целью деморализовать вражеский тыл и армию. К моменту вторжения на советскую территорию в немецких войсках, предназначенных к войне на Восточном фронте, в ведомствах рейха подготовлено 19 рот и 6 взводов пропаганды, военных корреспондентов СС. С помощью дезинформации противник пытался воздействовать на советских солдат, население временно оккупированных районов СССР и на мировое общественное мнение. Великая Отечественная война существенно повлияла на общественное сознание и менталитет советского гражданина. Сформировалось особое поколение 40-х годов – поколение победителей, отличавшихся такими особыми морально-психологическими качествами, как мужественность, пассионарность, невиданная выдержка и сила их проявления на фронтах и в тылу.

Свою несомненную роль в достижении победы сыграла Всесоюзная коммунистическая партия большевиков – ВКП(б), как составная часть советской политической и социальной системы. Ее роль явилась одним из источников Победы. Став частью государственного управления, партия большевиков сумела мобилизовать народ, обеспечить консолидацию общества, о чем свидетельствуют факты. Ряды ВКП(б) за 1941–1945 гг. пополнили 5 млн советских людей, 3 млн пали смертью храбрых на фронтах. 2,5 млн коммунистов получили боевые награды за подвиги. Более 80 % состава ВКП(б) служили в Вооруженных Силах СССР, трудились в оборонных отраслях. ВКП(б) в своей деятельности уделяла большое внимание идеологической работе и интернациональному воспитанию воинов и тружеников тыла, их духовной мобилизации. Была развернута эффективная работа военных средств массовой информации: центральные военные газеты, 19 газет фронтов и флота, свыше 100 – армий и флотилий, сотни многотиражек в дивизиях и бригадах; 20 журналов тиражом около 2 млн экземпляров. Только для национальных воинских формирований на фронтах выходило 64 газеты на языках народов СССР, выпускалось огромное количество листовок, плакатов, брошюр [3, с. 64].

Результативность всей идеологической работы, СМИ по интернациональному воспитанию проявилась уже в огне первых кровопролитных сражений лета и осени 1941 г. и была показательной до конца войны.

Главный урок истории, оставленный потомкам прошедшей войной в том числе заключается в том, что для России единство власти и народа является необходимым условием максимальной мобилизации всех сил общества. Так сложилось исторически, что непосредственный опыт осуществления этой мобилизации является одним из ключевых факторов, предопределивших нашу победу. Организовавшийся в годы войны консенсус командно-административной системы управления советских органов власти и народных масс позволил обеспечить мобилизацию всех материальных ресурсов страны, духовных и физических сил общества. И это стало одним из важнейших уроков событий 75-летней давности. Невиданное подвижничество советских людей в тылу сопрягалось с массовым героизмом бойцов и командиров на поле боя.

Великая Отечественная война явилась важнейшим событием в истории нашей страны и мира. А победа в ней по всем меркам – политическим, стратегическим, морально-нравственным, мировоззренческим – стала моментом истины, когда наша страна и весь мир осознали неразрывность, цельность тысячелетнего пути нашего Отечества и бессмысленность попыток разговаривать с ним с позиции силы. Главным итогом Великой Отечественной войны было то, что СССР отстоял свою свободу и независимость, заплатив высокую цену за Победу. Советский Союз понес наибольшие людские потери, запланированные германским генеральным планом «Ост», в котором предписывалось переселить и уничтожить свыше 75 % его населения – около 28 млн человеческих жизней.

В соответствии с гитлеровским планом «Ост» было преднамеренно истреблено мирного населения на оккупированной территории более 7,4 млн чел. Из общего числа советских граждан, насильственно вывезенных на работы в Германию (5 млн 269 тыс. 513 чел.), после окончания войны было репатриировано на Родину 2 млн 654 тыс. 100 чел. Остальные 2 млн 164 тыс. 313 чел. погибли и умерли в неволе из-за непосильного труда, плохого питания и условий содержания, а также жестоких наказаний за малейшие отклонения от лагерного режима. 451 тыс. 100 чел. оstarбайтеров стали эмигрантами. Эти граждане не возвратились в СССР: они при содействии военных властей Англии, США и Франции были завербованы и отправлены в качестве дешевой рабочей силы в страны Западной Европы, Латинской Америки, в США и Австралию. За время частичной оккупации районов СССР погибло более 13 млн 684 тыс. советских граждан. Из них преднамеренно истреблены 7 млн 420 тыс. 370 человек на принудительных работах в Германии 2 млн 164 тыс. 313 чел., умерли от жестоких условий оккупационного режима (голод, болезни) 4 млн 100 тыс. человек [5, с. 24].

СССР потерял 25 % уничтоженного армией вторжения национального богатства страны. В последние годы развернулась информационная война по дискредитации роли СССР во Второй мировой и Великой Отечественной войне. Открыто, практически ультимативно через публикации на страницах средств массовой информации диктуются требования к России по пересмотру итогов Великой Отечественной войны. В Европе, Прибалтике, Молдавии, на Украине проводятся акции вандализма, оскверняются мемориалы, реабилитируется нацизм, а члены таких осужденных Нюрнбергским трибуналом преступных организаций как СС, возводятся в ранг героев. Особенно широкий размах кампания по ревизии истории Великой Отечественной войны получила в прибалтийских республиках: Латвии, Литве, Эстонии, где крайний национализм укоренился на государственном уровне, где 16 марта отмечается день легионеров войск СС, проходят торжественные шествия нацистов. В молдавском парламенте заявили, что по итогам войны Молдавия не входит в число государств-победителей, а является страной побежденной. В Кутаиси в 2009 г. был снесен Мемориал славы, воздвигнутый в память о 300 тыс. грузин, погибших в годы Великой Отечественной войны¹.

В том же году в столице Узбекистана демонтировался монумент «Советскому воину – защитнику Отечества», а еще через два года сносится памятник герою Великой Отечественной войны генерал-майору С. Рахимову, в Ташкенте изменяются названные в его честь станция метро и район в Ферганской области. Практически одновременно на Украине получает новое название одна из улиц – имени батальона СС «Нахтигаль» [1 с. 688]. Верховный Совет Грузии исключил из перечня государственных праздников День Победы – 9 мая. На Украине продолжается процесс «национализации» исторической памяти и открытая героизация коллаборантов. Подобные процессы находят место и в Беларуси.

¹ Это вызов всему миру // Взгляд: деловая газета. 2009. 17 декабря.

Анализ попыток «переосмысления» и ревизии истории Второй мировой и Великой Отечественной войн показывает, что чаще всего он осуществляется за счет отказа от соблюдения общих принципов и методов исторического исследования. Отличительная черта так называемых «трудов» ревизионистов – это игнорирование архивных документов и материалов. Современным исследователям становятся доступными также в режиме онлайн уже оцифрованные и готовящиеся к оцифровке архивные документы федеральных государственных архивов, архивов Минобороны России, МИД, ФСБ России, которые позволяют значительно расширить источниковую базу исторических исследований. Перед историческим научным сообществом стоит задача дальнейшего изучения таких неоднозначных и дискуссионных проблем, как взаимоотношения власти и общества, коллаборационизм, судьба советских граждан, вывезенных в Германию в качестве оstarбайтеров и не вернувшихся в СССР, последствия войны, «цена» победы в человеческом измерении и т. д.

Ядром национального самосознания не одного поколения граждан России со второй половины XX века остается гордость за вклад СССР в Победу над нацизмом и тех стран, которые выступили на стороне Германии Второй мировой войне, а базовой основой патриотизма является историческая память. Тому, кто сегодня вознамерится осмыслить события Второй мировой и Великой Отечественной войн, придется столкнуться с разночтением и противоречивой оценкой одних и тех же событий не только в российской и, к примеру, германской или американской историографии, но и поляризацией мнений в рамках каждой из «национальных» историографий, в том числе и российской. Чрезмерно многообразны исторические точки зрения, непомерно широк спектр проблем военного периода, вызывающих дискуссии и откладывающихся в исторической памяти народов.

Поколение победителей 40-х гг. XX в. уходит из жизни, оставляя нам память, которую российское историческое сообщество обязано защитить, так как идет бескомпромиссная война за правду истории на послевоенном поле брани за сохранение исторической памяти. Слишком высокая цена была заплачена советским народом за нашу победу над нацистской Германией и ее союзниками, чтобы сегодня мы могли позволить отнять ее и переиграть итоги войны на послевоенном поле брани. Полное исследование и освещение истории Второй мировой и Великой Отечественной войны еще далеко от завершения. Продолжается изучение этого глобального масштаба события в истории стран, выявляются и вводятся в научный оборот новые документы и факты, которые становятся доступными для исторического сообщества. Аксиологическое значение Победы и через 75 лет воспринимается как фактор национальной безопасности государства современной России – Российской Федерации.

Библиографический список

1. Итоги Великой Отечественной войны. Освобождение от угрозы фашизма – главное военно-политическое событие XX века. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 12. М.: Кучково поле, 2015. 976 с.

2. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М.: Политиздат, 1970. 722 с.
3. Кондакова Н. И. Идеологическая победа над фашизмом. М.: Политиздат, 1985. 176 с.
4. Мальшева Е. М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп: Адыгея, 2000. 432 с.
5. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: «ОЛМА-ПРЕСС». 607 с.

E. M. Malysheva

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Russian History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University (Maykop, Russia).

THE PRICE OF VICTORY AND LESSONS OF WAR IN MODERN REALITIES OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY

The selfless struggle of the Soviet people against Nazi Germany and the high price paid for the Victory suffered from misrepresentation and direct falsification in the modern information war. The numerous wars formed thorough history a special Russian identity. The main component of this identity is an idea of protecting the Motherland from foreign invasion. The main lesson left by the war: any enemy will be defeated if the government manages to achieve the consolidation of all social groups and peoples. Internal solidarity has always been an axiological foundation for Russia and remains the foundation for national state security.

Keywords: authorities, Nazi Germany, the USSR, propaganda, destruction, defense of the Motherland, consolidation, crimes, losses, historical memory, information war, security.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЛЕГЕНДЫ: ЛИДИЯ ЛИСОВСКАЯ, СОРАТНИЦА Н. И. КУЗНЕЦОВА

Исследованы жизнь и деятельность Лисовской Л., нештатной сотрудницы советской разведки, в годы Второй мировой войны. Критически рассмотрены обстоятельства ее загадочной гибели после освобождения территории Западной Украины от нацистских оккупантов осенью 1944 года. Сделан вывод о необходимости проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: разведка, Вторая мировая война, Западная Украина, город Ровно, отряд Медведева.

Вторая мировая война дала многочисленные примеры деятельности представителей разведывательных органов самых разных стран, в том числе целого ряда женских имен: достаточно вспомнить советских разведчиц Э. Г. де лас Африку¹, З. И. Воскресенскую², Е. Ю. Зарубину³, А. А. Морозову⁴, М. А. Фортус⁵, К. Харрис⁶, и многих, многих других. О некоторых, самых известных из них, сняты документальные и художественные фильмы, написаны книги. В этой плеяде женских имен нередко упоминается и Лидия Лисовская, но упоминается обычно как героиня «второго плана». При этом количество фильмов, где она фигурирует как значимый персонаж⁷, и книг, в которых так или иначе описывается ее деятельность [1–9], хватило бы на десяток других героинь.

Причин такого отношения к данной персоналии несколько, но главная лежит на поверхности – вся разведывательно-подпольная деятельность Лидии Лисовской прошла на фоне жизни и борьбы другой, совершенно феноменальной, фигуры Николая Ивановича Кузнецова. Поэтому наша героиня так и осталась в истории разведки как «соратница» и «помощница» легендарного

---

* Мамяченков Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия; mamachenkov@mail.ru

¹ Африка де лас Эрас Гавилан (1909–1988, советская разведчица, полковник. Героиня фильма «Женщина под грифом «Секретно» (2010 г.).

² Воскресенская (Рыбкина) З. И. (1907–1992), легендарная советская разведчица, полковник. После войны – детская писательница, лауреат Государственной премии СССР. Героиня телесериала «Поединки. Две жизни полковника Рыбкиной» (2011 г.).

³ Зарубина Е. Ю. (1900–1987), советская разведчица, подполковник.

⁴ Морозова А. А. (1923–1944), советская разведчица, руководитель интернациональной подпольной организации, Герой Советского Союза (посмертно). Героиня телесериала «Вызываем огонь на себя» (1965 г.).

⁵ Фортус М. А. (1900–1980), советская разведчица, полковник. Участница трех войн. Прототип героини фильма «Салют, Мария!» (1970 г.).

⁶ Харрис К. (1899–1966), профсоюзный деятель. Работала на советскую разведку в 1930–1940-х гг., в том числе обеспечивала связь с легендарной «кембриджской пятеркой».

⁷ См., например: «Сильные духом» (1967 г.), «Отряд специального назначения» (1987 г.), «По лезвию бритвы» (2014 г.).

советского разведчика. Между тем в подобных определениях нам видится некоторая недооценка вклада этой необыкновенной женщины в дело антифашистской борьбы.

А то, что героиня нашего исследования была личностью абсолютно незаурядной, видно из ее биографии. Лидия Демчинская (девичья фамилия Лисовской) родилась в 1910 г. в польском (тогда) городе Ровно. По свидетельствам современников, она «... имела прекрасные музыкальные способности, хорошо танцевала и была настоящей красавицей: голубые глаза, спортивного типа фигура и волосы цвета спелой ржи, которые она часто заплетала в корону»¹. Кроме того, девушка активно занималась спортом и балетом.

Неудивительно, что, имея такие внешние данные, она пользовалась большим вниманием мужчин (один из них даже погиб из-за нее). Но дело не только в этом: уже с юных лет в жизни Лидии все чаще мелькают авантюрные сюжеты. Так, А. Намозов в своей книге сообщает, что ее неожиданно исключили из гимназии за экстравагантную выходку: появление на балу в прозрачном платье, отчего все присутствующие были в шоке [1, с. 44]. Тем не менее это не помешало Лидии окончить Варшавское балетное училище и консерваторию. Но ни балетная, ни певческая карьера у Лисовской так и не сложились.

О ее первом и очень кратком замужестве имеются противоречивые и сомнительные сведения, которые мы не будем обсуждать. Достоверно же известно, что в 1936 г. она познакомилась с офицером польской армии Ежи Лисовским и сразу же полюбила его. Однако пожениться молодые люди смогли только два года спустя, когда ее избранник стал капитаном: по тогдашним польским законам офицер мог создать семью только лишь после производства в этот чин. Видимо, под влиянием мужа-военного Лидия научилась верховой езде, фехтованию и стрельбе (в том числе с двух рук из пистолетов). Кроме того, она приобрела навыки медсестры и на момент начала Второй мировой войны даже работала в этом качестве [1, с. 39].

Но фактически уже с момента замужества в жизнь Лидии Лисовской бесцеремонно начинают вмешиваться спецслужбы, причем разных стран. Если верить тому же А. Намозову, то в 1938 г. она была завербована польской разведкой под псевдонимом «Блеск», а в 1939-м – английской «Интеллидженс сервис». Осенью же 1939 г. с приходом советских войск в Западную Украину ее вербует уже внешняя разведка НКВД СССР. Именно в это время Лисовская находилась в отчаянном положении – ее муж Ежи Лисовский ушел на фронт и вскоре попал в плен. Лидия получила от него лишь несколько писем и переписка оборвалась. Как выяснилось – навсегда. Их любовь достойна впечатляющего романа, но вряд ли его кто-то напишет... До конца своей короткой жизни Лисовская была уверена, что ее муж умер в немецком плену. На самом же деле он просто не мог уже вернуться в Ровно, ставшим районным центром Советской Украины, и, в конце концов, обосновался в Канаде. Ежи Лисовский пережил жену почти на полвека. Только в конце жизни, после создания

¹ *Ведяев А.* «Николай Кузнецов: «Мстить – наш лозунг» // Трибуна народа [Электронный ресурс]. URL: <http://tribunanaroda.info/content/view/4815> (дата обращения: 12.01.2020).

независимой Украины, он сделал попытку прояснить судьбу Лидии, однако вскоре умер.

Если к сказанному добавить, что в 1941 г. с приходом уже германских войск наша героиня становится еще и агентом СД (службы безопасности), то получается просто феерическая картина. И в то же время картина, на наш взгляд, вполне реалистичная, если разобраться в личности Лидии Лисовской (не зря ближайший соратник Н. И. Кузнецова – Николай Струтинский как-то сказал: «Мы так и не поняли, на кого на самом деле работала Лисовская»¹). Впрочем, на наш взгляд, гораздо важнее понять, не «на кого» она работала, а «против кого». И здесь у нас нет ни малейших сомнений: вся ее подпольно-разведывательная деятельность в оккупированном немцами Ровно свидетельствует о ней как о бесстрашном борце с германским нацизмом.

Мы не будем подробно рассказывать о ее деятельности в этом качестве – все это уже достаточно известно и стало достоянием истории. Напомним только, что сначала по заданию командира спецотряда Д. Н. Медведева она устроилась официанткой в казино хозштаба оккупационных войск в Украине. При этом она сдавала немецким офицерам комнату в своей квартире, в которой однажды появился и Николай Кузнецов, он же легендарный Пауль Зиберт. Так Лидия стала его ближайшей помощницей. Она помогала Кузнецову завязывать знакомства с немецкими офицерами и собирать информацию о высокопоставленных фашистских чиновниках в Ровно.

Кроме того, Лисовская привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру, Марию Микоту, которая по заданию партизан стала агентом гестапо под псевдонимом «17». Обе женщины активно работали в режиме сбора самой разнообразной информации. Можно с уверенностью сказать, что значительную часть тех разведывательных сведений, которые Н. И. Кузнецов передавал в отряд Д. Н. Медведева для трансляции в Москву, добывали именно Лисовская и Микота.

Осенью 1943 г. Лидия Лисовская по заданию Николая Кузнецова устроилась экономкой к генерал-майору Ильгену, командиру 740-го соединения «восточных батальонов» (упомянутые подразделения формировались из советских военнопленных, а также лиц, проживавших на оккупированных территориях для решения различных «вспомогательных задач»). А вечером 15 ноября при активном участии Лисовской состоялось невероятное по своей дерзости похищение и уничтожение генерала. (Автору данной статьи в далеком уже 1966 г. посчастливилось участвовать во встрече с одним из ближайших соратников Н. И. Кузнецова – Николаем Владимировичем Струтинским и от него лично услышать потрясающие подробности этой операции.) Лидия была задержана немецкой службой безопасности на следующий день и в течение восьми суток подвергалась допросам. Можно только восхищаться ее удивительной смелостью и выдержкой, которые помогли ей выйти

¹ Крыжановский М. Тайны КГБ. Почему убили Николая Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: https://mt-smi.mirtesen.ru/blog/43670616873/Mihayil-Kryzhanovskiy.-Taynyi-KGB.-Pochemu-ubili-Nikolaya-Kuzne?nr=1&utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения 12.01.2020).

победительницей из этого неравного поединка: за недостатком улик Лидию освободили.

Последние годы своей недолгой жизни Лидия Лисовская жила в загадочной и авантюрной обстановке разведывательной деятельности. И погибла она также при весьма загадочных обстоятельствах 26 октября 1944 г., причем уже после освобождения Западной Украины от нацистских оккупантов. В этот день Лисовская и Микота поехали в Киев на вручение им орденов Отечественной войны, которыми они были награждены за свою разведывательную деятельность в тылу врага. Но почему-то они поехали на попутной машине – неизвестно кому принадлежавшем грузовом «студебеккере» с брезентовым тентом (хотя для них были приобретены билеты на поезд). При этом в кузове автомашины вместе с разведчицами находились военнослужащие в форме офицеров Советской Армии. А вечером того же дня на шоссе Острог-Шумск в нескольких километрах друг от друга были обнаружены тела Лисовской и Микоты с колотыми и пулевыми ранениями.

Один из случайных свидетелей их гибели дал следующие показания: «после обеда из Шумска на Острог промчался зеленый „студебеккер“, наполовину закрытый брезентом. На нем сидели четверо мужчин в форме советских военнослужащих и две женщины. Автомашина через некоторое время на сумасшедшей скорости снова пронеслась мимо нас назад, на Шумск. Но теперь в кузове рядом с четырьмя военными была только одна женщина. Нам сразу стало известно, что возле села Каменка лежит убитая женщина. Я поехал к указанному месту. Возле погибшей собрались люди. Она лежала в придорожной канаве. Скоро сюда же привезли и вторую, погибшую возле села Мозярки. Благодаря найденным при них документам нам стало ясно, что это разведчицы отряда „Победители“. Мы с почестями проводили патриоток в последний путь. Поставили памятник с соответствующей надписью на их могиле».

Другие свидетели рассказывали об этом так: «Мы копали картошку на огороде и видели, что происходило в 200 метрах от нас <...> Одна женщина прыгнула с кузова, а вторая подавала ей чемодан. В это время из кабины выскочил офицер с золотыми погонами и стал о чем-то говорить с той, что сошла с машины. Раздался крик „Не стреляй!“ . Но прогремели три выстрела. Офицер быстро вскочил в кабину, бросив перед тем в кузов чемодан, и машина на большой скорости ушла в сторону Шумска. Когда мы подбежали к лежавшей на дороге женщине, она уже была мертва <...> А та, что подавала чемодан, осталась в машине. Потом и ее застрелили на машине и кровь капала аж до Мозярки»¹.

Тщательное расследование обстоятельств ее гибели, проведенное в 1944–1945 гг. органами НКВД не дало никаких результатов, что само по себе довольно странно и наводит на размышления².

¹ *Козягин Ю.* Помощницы разведчика Николая Кузнецова слишком много знали? [Электронный ресурс]. URL: <https://jurikan.livejournal.com/79077.html> (дата обращения: 12.01.2020).

² 100-летие Н. Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: <http://anti-orange-ua.com.ru/forum/viewtopic.php?t=5842> (дата обращения: 12.01.2020).

Вообще относительно трагической и загадочной гибели Лисовской и ее сестры существует несколько версий, подробно обсуждаемых в Интернете. Первая из них говорит о причастности к убийству одного из агентов ровенского гестапо, который до войны учился с Лидией в одной гимназии, а после отступления немцев не раз, по докладом Лисовской, попадался ей на глаза во Львове в форме советского офицера. Вторая версия основана на прижизненных сообщениях Лисовской об угрозах ей со стороны украинских националистов. Странники третьей считают, что в ее смерти были заинтересованы скрытые предатели, выдававшие себя во время оккупации за подпольщиков. Наконец, есть и такие исследователи, кто считает, что ее ликвидировали свои же органы НКВД, которые более не нуждались в услугах двойного и даже тройного (по их мнению) агента. Интересно, что в 1970-х гг. (автор настоящей статьи это хорошо помнит) в одном из документальных фильмов о Н. И. Кузнецове и его соратниках мать Лидии Лисовской, будучи тогда еще в добром здравии, озвучивала именно вторую, «националистическую», версию.

Безусловно, что все вышеприведенные версии заслуживают внимания и подробного расследования. Нам же наиболее вероятными представляются третья и четвертая из озвученных версий. Дело в том, что анализ всех материалов, выложенных на сегодня в Интернете, дает основания полагать, что Лисовская знала о деятельности ровенского подполья в годы оккупации что-то такое, что сильно компрометировало выживших его участников (в том числе тех, кто после войны остался работать в органах госбезопасности). О том, что в ровенском подполье (как, впрочем, практически во всех подпольных структурах на оккупированной территории) все было, мягко говоря, не совсем так, как потом об этом писали выжившие подпольщики, написал в свое время О. В. Ракитянский [10].

К сожалению, расследовать все обстоятельства гибели отважной разведчицы сейчас, спустя 75 лет, невероятно трудно. Но мы не теряем надежды хотя бы по одной причине: далеко не все архивные фонды на сегодня рассекречены. Надо продолжать исследования, и, возможно, «момент истины» еще наступит – и даже при нашей жизни.

Библиографический список

1. *Намозов О. С.* Н-24 Виконавець. Ровно: б/и, 2007. 116 с.
2. *Брюханова Л. И., Кузнецов В. И.* Разведчик Николай Кузнецов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972. 176 с.
3. *Гладков Т. К.* С места покушения скрылся. М.: Гея, 1998. 399 с.
4. *Гладков Т. К.* Легенда советской разведки. М.: Вече, 2001. 448 с.
5. *Гладков Т. К.* Николай Кузнецов. Екатеринбург: Сократ, 2011. 381 с.
6. *Гнидюк Н. А.* Прыжок в легенду. Киев: Молодь, 1966. 333 с.
7. *Лукин А. А.* Разведчики. М.: Знание, 1963. 128 с.
8. *Медведев Д. Н.* Сильные духом. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 463 с.

9. *Медведев Д. Н.* Это было под Ровно. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 207 с.

10. *Ракитянский О. В.* Загадки ровенского подполья // Военно-исторический архив. 2003. № 3. С. 84–95.

V. N. Mamyachenkov

Doctor of Sciences (History), Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia).

**THE WOMAN FROM THE LEGEND:
LYDIA LISOVSKAYA, ASSOCIATE OF N. I. KUZNETSOV**

The paper examines the life and activities of Lydia Lisovskaya, a non-regular employee of the Soviet intelligence service, during the Second World War. The paper critically examines the circumstances of her mysterious death after the liberation of the territory of Western Ukraine from the Nazi occupiers in the fall of 1944. The paper concludes that further research is needed.

Keywords: intelligence, World War II, Western Ukraine, city of Rovno, Medvedev's partisan squad.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье раскрывается понятие военно-политического дискурса на примере дискурса Великой Отечественной войны, приводятся функции военно-политического дискурса, перечисляются особенности военно-политического дискурса Великой Отечественной войны. Отдельное внимание уделяется личности Юрия Левитана и его роли в дискурсе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: дискурс, военно-политический дискурс, функции дискурса, Великая Отечественная война.

Полное трагичных событий становление Советского Союза наложило отпечаток на его последующее развитие, а исторический контекст, в котором формировался Советский Союз, позволил создать режим, способный в короткие сроки мобилизовать свои ресурсы для борьбы с агрессором в годы Великой Отечественной войны.

Одним из важных инструментов мобилизации общественности в военные годы выступил военно-политический дискурс, под которым в данном контексте подразумеваются в первую очередь выступления и тексты политических лидеров, сопровождавшие инициацию войны, освещение ее основных событий и обоснование ее необходимости для советского человека [4, 5].

Апофеозом развития советского военно-политического дискурса, несомненно, стали события Великой Отечественной войны, когда тема войны прочно вошла в повседневную жизнь советского народа на долгих 4 года. К основным функциям военно-политического дискурса в данной войне можно отнести перформативную, нормативную, презентационную и парольную [1, с. 143].

Так, перформативная функция реализуется «в основных коммуникативных действиях, которые выполняет агент в диалоге с клиентом» [1, с. 144]. Таким образом, государство-агент, с одной стороны, информирует население о происходящем на линии фронта, а с другой стороны – обеспечивает моральную поддержку солдат и тружеников тыла. Нормативная функция состоит в апелляции к моральным нормам и ценностям патриотизма, необходимым

---

* Марченко Ксения Андреевна – аспирант второго года обучения, Южно-Уральский государственный университет, Институт Лингвистики и международных коммуникаций, Челябинск, Россия; naumova.ksenia94@mail.ru.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192 «Уральский регион в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)».

для успешного ведения боевых действий, а также перечислении санкций и мер поощрения для участников сражений. Благодаря презентационной функции государство создает требуемый образ себя и формирует нужное восприятие противника у клиентов дискурса. Парольная функция военно-политического дискурса заключается в установлении границ между агентом и клиентами дискурса. В данном случае речь идет о главенствующей роли агента дискурса в обществе и о наличии у него инструментов власти для исполнения своей воли.

Таким образом, посредством военно-политического дискурса периода Великой Отечественной войны государство излагало свою позицию относительно военных действий (перформативная функция), определяло средства достижения цели войны (нормативная функция), создавало желаемый образ себя в глазах клиента-народа (презентационная функция) и одновременно подчеркивало свое главенствующее положение (парольная функция).

Связующим звеном между агентом и клиентами военно-политического дискурса зачастую становится конкретное лицо – харизматичная личность, способная убедить аудиторию в необходимости участия в войне и ее благоприятном исходе для клиентов дискурса. Военно-политический дискурс Великой Отечественной войны разворачивался в условиях боевых действий, что предъявляло повышенные требования к выступающему, в частности:

1) Сводки Совинформбюро записывались в условиях строжайшей секретности, чтобы противник не мог отследить местоположение говорящего, что подразумевало ограниченный набор технических средств и отсутствие возможности репетиции выступлений.

2) Сводки были краткими и в первую очередь преследовали цель не допустить народной паники, поднять боевой дух советского народа и представить положение дел на фронте в выигрышном свете, что зависело не только от содержания текста, но и от способа его подачи.

В период, когда информационные каналы были серьезно ограничены, в том числе по техническим причинам, связующим звеном между властью и народом мог стать лишь исключительный человек, способный внушить надежду и доверие в отсутствие визуального контакта.

Одним из символов Великой Отечественной войны стал Юрий Левитан, по радиосообщениям которого советский народ узнавал последние новости с фронта. Примечательно, что оригинальный текст сообщения о начале Великой Отечественной войны был зачитан народным комиссаром иностранных дел СССР Вячеславом Молотовым и лишь позже записан в исполнении Левитана в присущей ему легко узнаваемой манере [2].

Юрий Левитан вошел в историю как человек, внесший неоценимый вклад в победу Советского Союза над фашистской Германией и ставший символом побед советского народа над захватчиком [3]. Примечательно, что столь важная личность, сыгравшая значимую роль в истории Великой Отечественной войны, напрямую связана с историей Урала, ставшего площадкой

для вещания в 1941 г., когда звукозаписывающая студия Совинформбюро была эвакуирована в Свердловск, где она размещалась вплоть до 1943 г.

Таким образом, Уральский регион не только сосредоточивал на себе крупнейшие промышленные предприятия, снабжавшие линию фронта необходимыми оружием и техникой, но и на какое-то время стал одним из центров идеологической жизни страны, а также домом для человека, подарившему надежду на благоприятный исход войны для миллионов советских граждан.

За годы войны было выпущено более 2000 сводок, к числу наиболее культовых из них можно отнести сводки, возвещавшие о начале и завершении Великой Отечественной войны:

1) «Внимание, говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение, граждане и гражданки Советского Союза, сегодня в 4 часа утра без всякого объявления войны германские вооруженные силы атаковали границы Советского Союза. Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» (22 июня 1941 г.).

2) «8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена» (9 мая 1945 г.).

Юрий Левитан стал голосом надежды и победы для советского человека. Личность диктора закономерно отошла на второй план и получила свое воплощение лишь в интонации и силе голоса, вещавшем от лица Москвы и руководства Советского Союза. Уже в самом названии войны, позиционировавшейся как «Отечественная» и «война советского народа», прослеживалась сильная патриотическая составляющая, указывающая на личную заинтересованность каждого жителя страны в исходе войны. Разграничение «своих – чужих» выступает неотъемлемой частью подобных сводок, в которых противопоставляются клишированные словосочетания «советский народ» и «немецко-фашистские захватчики», что вместе с использованием оценочной лексики («правое дело», «победоносно завершена», «полностью разгромлена») усиливает эмоциональный фон подобных сообщений.

Отметим, что со своей задачей Юрий Левитан справлялся настолько мастерски, что был объявлен личным врагом Адольфа Гитлера, а за поимку диктора было назначено большое вознаграждение.

Таким образом, военно-политический дискурс внес значительный вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне, помог поддержать боевой дух Советской Армии и моральный дух тружеников тыла. Отдельное место в истории военно-политического дискурса Великой Отечественной войны занимает личность Юрия Левитана, ставшего харизматичным посредником между участниками военно-политического дискурса Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. *Бейлинсон Л. С.* Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного университета. 2009. № 3 (7). С. 143–147.
2. *Болотова Л. Д.* Радиовещание в годы Великой Отечественной войны // Радио в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. В честь 70-летия Победы. М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. С. 11–19.
3. *Протопопова О. В.* Боевые сводки и военная публицистика 1941–1945 годов как сверткесты // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2012. № 6 (45). С. 96–105.
4. *Солопова О. А., Наумова К. А.* Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4. С. 15–21.
5. *ХомUTOва Т. Н., Наумова К. А.* Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2017. Т. 14. № 3. С. 49–53.

К. А. Marchenko

Postgraduate Student (Philology), Institute of Linguistic and International Communications, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

MILITARY-POLITICAL DISCOURSE: THE ROLE OF PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper deals with the concept of military-political discourse based on the discourse of the Great Patriotic War. The paper describes functions and features of the military-political discourse of the Great Patriotic War. The author pays special attention to the personality of Yuri Levitan and his role in the discourse of the Great Patriotic War.

Keywords: discourse, military-political discourse, discourse functions, the Great Patriotic War.

ПРАВДА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА ФОНЕ СТАРЫХ МИФОВ И НОВЫХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

В статье рассматривается противостояние между историками, отстаивающими правду о II Мировой войне, и интерпретаторами, подменяющими подлинную историческую реальность различными мифами и фальсификациями. Приоритетное внимание уделяется раскрытию смысловой сути германо-советского пакта о ненападении и разоблачению измышлений о «превентивном характере» агрессии нацистской Германии против Советского Союза.

Ключевые слова: Вторая мировая война, правда о войне, мифы и фальсификации, германо-советский пакт о ненападении, гитлеровская агрессия.

С момента окончания Второй мировой войны прошло семь с половиной десятилетий, но отголоски ее продолжают звучать в народной памяти, в образовательной политике, в литературе, кинематографе. Звучат они и в историографии, отражая споры, разногласия, столкновения различных мнений. Завершившись на полях сражений, война в том или ином виде до сих пор продолжается в общественном сознании. По одну сторону виртуальной линии фронта стоит историческая правда, по другую группируются различные мифы, псевдоисторические умствования, упрощенные схемы, бездарные вымыслы и хитроумно завуалированные фальсификации.

Со временем многие акценты в полемике о причинах, характере, скрытых пружинах Второй мировой войны встают на полагающиеся им места. Благодаря усилиям историков, отстаивающих правду о войне, большинство распространяемых в 1990-е и 2000-е гг. мифов, надуманных версий, подлогов, касавшихся военной темы, бесповоротно развеяны. То ли гоняясь за сенсациями, то ли преклоняясь перед одномоментной конъюнктурой, «креативщики от истории» активно навязывали обществу фальсификаты о «повальной некомпетентности партийно-государственных и военных верхов», о «решающей роли ленд-лиза», о «сугубо репрессивном характере приказа № 227», о «тотальном использовании штрафных батальонов и заградительных отрядов» и иные столь же грубые псевдоисторические конструкты. Российские исследователи М. А. Гареев [1], А. Е. Епифанов [2], А. В. Исаев [3], Е. Н. Кульков, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский [4], В. Р. Мединский [6], А. В. Сперанский [10] и другие поборники исторической правды выявили и обосновали беспочвенность этих и им подобных измышлений.

---

* Рыбаков Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; istoric-ek@mail.ru

Современная российская историческая наука добилась того, что сегодня уже нет нужды доказывать несостоятельность измышлений о том, что «главной целью цивилизованной Германии было освобождение народов СССР от ига большевистской диктатуры»; о том, что «борьба против Германии и ее сателлитов не стоила того количества жертв, которое легло на алтарь победы»; о том, что «Советский Союз победил гитлеровскую военную машину, завалив ее трупами русских солдат»; о том, что в первые дни войны воины РККА и ополченцы шли в бой «с одной винтовкой на троих»; и т. д. и т. п.

Однако некоторые инсинуации, касающиеся характера и хода Второй мировой войны, оказались весьма живучими. Самой одиозной из них стала версия о так называемом превентивном, упреждающем характере вторжения вермахта на территорию нашей страны. До середины 1980-х гг. никто в нашей стране и не подозревал, что существует возможность серьезного обсуждения данного «концепта»: общепринятым считался противоположный по смыслу тезис, декларировавший неготовность СССР к отражению гитлеровской агрессии. Тогда говорилось об ошибках советского руководства, не сумевшего точно определить сроки нападения Германии на СССР: «Одной из причин того, что Красная Армия была поставлена в 1941 г. в тяжелые условия, явился допущенный просчет в оценке возможного времени нападения на СССР» [5, с. 48].

Резкий поворот в подходах к вопросу о начале и причинах Великой Отечественной войны произошел в первой половине 1990-х гг., когда некоторые авторы, пишущие на исторические темы – В. А. Невежин, М. И. Мельтюхов, И. В. Павлова, Б. В. Соколов и др., – принялись утверждать, что Сталин будто бы вынашивал планы нанесения массированного военного удара по Германии. Отсюда сам собою напрашивался вывод о том, что «Советы просто вынудили немцев прибегнуть к упреждающим мерам»: «Если бы Гитлер не напал на Сталина в июне 41-го, то Сталин все равно напал бы на Гитлера в июле того же года. Поэтому само по себе решение Гитлера атаковать Советский Союз еще до завершения войны с Англией нельзя считать ошибкой» [9, с. 252].

Особенным упорством в отстаивании версии о «превентивном ударе Гитлера против коварного Сталина» отличился Б. В. Резун, бывший офицер ГРУ, сбежавший на Запад и под псевдонимом «Виктор Суворов» выступивший автором ряда «исторических бестселлеров». Посвятив свои сочинения «идею» о том, что гитлеровская агрессия всего-навсего упредила агрессию сталинскую, Резун на этом не остановился и объявил, что «Сталин прорубил Гитлеру дорогу к власти» [12, с. 58].

Согласно фантазиям Резуна, Сталин, начиная чуть ли не с 1933 г., «упорно и настойчиво толкал к войне пришедших к власти нацистов»: «Когда мы недобрым словом поминаем пса, искусавшего пол-Европы, давайте не забудем и Сталина, который пса вырастил, а потом и спустил с цепи. <...> Сталин понимал, что Европа уязвима только в случае войны. <...> Адольф Гитлер, не сознавая того, расчищал путь мировому коммунизму. Молниеносными войнами Гитлер сокрушал западные демократии, при этом распыляя и разбрасывая

свои силы от Норвегии до Ливии. Совершая величайшие злодеяния против мира и человечества, Гитлер своими действиями дал Сталину моральное право в любой момент объявить себя Освободителем Европы, заменив коричневые концлагеря красными. Сталин понимал, что войну выигрывает не тот, кто в нее вступает первым, а тот, кто вступает последним, и любезно уступил Гитлеру позорное право быть зачинщиком войны, а сам терпеливо ждал момента, «когда капиталисты перегрызутся между собой». «Вершиной сталинских усилий» Резун назвал пакт Молотова – Риббентропа: «Этим пактом Сталин гарантировал Гитлеру свободу действий в Европе и, по существу, открыл шлюзы Второй мировой войны» [11, с. 6].

Изданные большими тиражами писания Резуна вызвали определенный резонанс среди читающей публики. У малоискушенных читателей создавалось впечатление, что Резун и стал создателем «превентивной концепции». В реалиях же он выступил в роли банального компилятора «гипотизы», растиражированной зарубежными интерпретаторами Второй мировой войны и западными СМИ. Еще в 1980-е гг. тезис о вине Советского Союза за развязывание войны публично озвучил писатель из ФРГ Э. Нольте, заявивший, что в 1941 г. СССР готовился напасть на Германию, но не успел этого сделать, ибо та нанесла опережающий удар. Позднее Нольте опубликовал книгу, в которой интерпретировал войну между Советским Союзом и нацистской Германией исключительно в одной плоскости – как столкновение двух диктаторских режимов и двух тоталитарных идеологий – «Третьего Интернационала» и «Третьего рейха» [7].

В своих псевдонаучных поисках Нольте был не одинок. В унисон с ним выступали И. Гофман, А. Хильгрубер, Э. Топич, В. Мазер, В. Пост, Ш. Шайл и другие западные сторонники «ревизии» причин и сути Второй мировой войны. Базисом их аргументации оставался вымысел о «предупредительном характере действий» со стороны Гитлера. Подсознательно ощущая химеричность этой версии, некоторые из западных интерпретаторов обвинили советское руководство в преднамеренном провоцировании Гитлера на вторжение с целью «представить СССР перед всем миром в качестве жертвы агрессии» [14, p. 141–142].

Загвоздка в том, что все перечисленные авторы также не были создателями «превентивной версии» начала германо-советского противостояния. Впервые ее озвучил министр информации и пропаганды нацистского рейха Й. Геббельс. Эту версию он смоделировал в канун нападения Германии на Советский Союз: «Мы должны действовать. Москва хочет оставаться вне войны, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Тогда Сталин начнет большевизировать Европу, всюду устанавливая свой режим. Мы перечеркнем этот расчет. <...> Россия напала бы на нас, если бы мы оказались слабы, и нам пришлось бы воевать одновременно на двух фронтах, чего мы избежим благодаря этой предупредительной операции» [8, с. 262–263]. После 22 июня 1941 г., стремясь привить немецким солдатам ненависть к «большевистским вражеским ордам», геббельсовская пропаганда принялась твердить о том, что

«фюреру буквально в последний момент удалось опередить большевиков, уже занесших свое оружие над «фатерляндом».

Дневники Геббельса, знакомя нас с механикой изготовления пропагандистских фальшивок, одновременно с этим предоставляют безотказное средство для их развенчания. Эти дневники с однозначностью свидетельствуют: представления Геббельса в канун 22 июня 1941 г. были начисто лишены опасений, связанных с возможной угрозой нападения со стороны СССР. Рейхсминистр вслед за Гитлером и другими нацистскими верховодами воспринимал Сталина как потерявшего внешнеполитическую инициативу, неуверенного в себе субъекта, Красную Армию считал технически отсталой и дезорганизованной, а вторжение на советскую территорию рассматривал как легкую прогулку. Готовясь к вторжению на советскую землю, берлинские главари были уверены, что к полномасштабной войне СССР не готов. В ноябре 1939 г. Геббельс писал: «Фюрер определяет состояние русской армии как катастрофическое, она едва способна к боям. ...Москва очень слаба в военном отношении» [8, с. 214, 218].

В апреле-мае 1941 г., в разгар подготовки агрессии против СССР, нацисты испытывали предвкушение невиданной эйфории: «Россия разлетится вдребезги. Предстоит великое вторжение. <...> Они будут сбиты с ног так, как до сих пор не был сбит ни один народ» [8, с. 252, 257]. Геббельс был абсолютно уверен в военной неуязвимости рейха: «Русская карта уже вне игры. Когда дело начнется, это будет несравненный победный марш. Большевизм распадется как картонный домик. <...> Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом. <...> Сталин явно боится. <...> Невроз, порожденный страхом!» [8, с. 248, 250].

Это злорадное суесловие, оставленное Геббельсом для истории, служит лучшим доказательством всякого отсутствия у Сталина намерений нападать на Германию. Даже осознавая, что начало войны не за горами, советский вождь обязан был сделать все, чтобы максимально оттянуть его. Любая иная логика поведения несла в себе тяжелые риски: к лету 1941 г. Германия, оккупировав или подчинив в качестве сателлитов большинство стран Европы, овладела колоссальными стратегическими ресурсами. Не испытывая активного сопротивления, вермахт мог сосредоточить против СССР почти все свои наличные силы. На таком фоне и с учетом того, что модернизация Красной Армии была еще не завершена, советское руководство не могло позволить себе действий, приближавших войну. Стремясь не дать Гитлеру повода для демарша, Кремль вынужден был взвешивать каждый свой внешнеполитический шаг.

Западные интерпретаторы истории и их российские подражатели не хотят считаться с подлинной исторической реальностью, мешающей им реализовать свою главную цель – уравнивать Советский Союз с нацистской Германией. Последним средством достижения этой цели для них остаются спекуляции вокруг советско-германского пакта о ненападении, подписанного 23 августа 1939 г. Называя его «преступным», они обходят молчанием предшествовавший ему Мюнхенский сговор, когда Чемберлен и Даладье, представлявшие

Англию и Францию, беспардонно «сдали» Гитлеру союзную этим странам Чехию, тем самым обвалив систему коллективной безопасности в Европе. Они проигнорировали советские предложения, нацеленные на совместную защиту чехов. Британско-французская дипломатия рассчитывала направить гитлеровскую экспансию против Советского Союза. А когда после вторжения немцев в Польшу Британия вынуждена была объявить войну Германии, эта война, по словам Геббельса, в реальности выглядела как «настоящая идиллия»: «Удивительнейшая война в истории. Мы-то были готовы к худшему» [8, с. 211].

Политика, проводимая западными державами, заставляла Советский Союз искать неординарные дипломатические ходы. В Кремле знали о бесчеловечной сущности нацистского режима, об его захватнических планах. Срыв этих планов являлся важной политической задачей, и когда немцы предложили подписать пакт о ненападении, отказ от него в пользу безглядной конфронтации был бы неоправданным и неразумным. Нужно ли было «чистоту идейных риз» ставить выше безопасности советского народа? В Кремле выбрали то, что больше соответствовало интересам страны, работало на повышение ее защищенности.

Подписывая пакт, гитлеровцы преследовали собственные цели. Они относились к нему как к прикрытию далеко идущих стратегических намерений, связанных с глубинной враждебностью к Советскому Союзу. Ни о каком «честном партнерстве», а тем более об «искренней дружбе» с большевиками нацистские главари не помышляли. Пакт о ненападении был нужен им, чтобы, обезопасив Германию на востоке, всей мощью военной машины обрушиться на европейские страны, овладеть их ресурсами и форсировать подготовку к нападению на Советский Союз. Гитлер не собирался относиться к пакту о ненападении с СССР как к чему-то долговременному. Геббельс писал: «У фюрера нет для Москвы ничего, кроме презрения. Россия всегда будет нам чужда. Сообщество недочеловеков <...> Нам придется изгнать эту азиатчину из Европы, загнать ее в Азию, где ее настоящее место. Однажды нам придется рассчитаться с Россией» [8, с. 233–234]. Уже через пять дней после разгрома Франции Гитлер приказал разработать план вторжения вермахта на советскую территорию.

Свои карты Гитлер раскрыл 22 июня 1941 г., отдавая приказ начать войну против СССР: «В августе 1939 года для меня было тяжелым испытанием послать моего министра в Москву <...> Я сделал это исключительно в сознании своей ответственности по отношению к германскому народу <...> Наконец-то настал час, когда необходимо выступить против власть имущих московского большевистского центра» [13, р. 8]. Фюреру вторил Геббельс: «Сотрудничество с Россией являлось пятном на нашей чести. Теперь оно будет смыто; мы уничтожим то, против чего сражались всю нашу жизнь» [8, с. 264].

Попытки разделить ответственность за разжигание войны между нацистской Германией и СССР являются открытым вызовом исторической правде. Участие двух стран в кровавой бойне никак не могло быть равнозначным, поскольку одна из них выступила злостным агрессором, а другая вынуждена

была напрячь все свои силы без остатка для того, чтобы выжить. Нацисты кичились своей «тевтонской воинственностью». Еще в 1920-х гг. Гитлер поведал миру о своих планах по захвату и «зачистке» огромной части территории СССР с целью переселения туда «излишков» германского населения. Придя к власти в Германии, он стал готовиться к реализации своих варварских намерений, «анонсируя» среди сообщников предстоящую войну против России как войну на уничтожение.

Нацисты объявили народы Советского Союза «неполноценными», присвоив себе право истреблять их. План «Ост», разработанный Гиммлером и Розенбергом, содержал «квоты» по радикальному сокращению населения СССР. Реализация этого плана началась с первых часов войны. К началу восточного похода Геббельс написал в дневнике: «Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли» [8, с. 187]. Сегодня этот циничный лозунг выглядит как своеобразный ответ Геббельса тем, кто ставит знак равенства между СССР и нацистской Германией.

Уравнивание агрессора и жертвы агрессии ведет к смысловой подмене, к перекрашиванию черного в белое, а белого в черное. Если уравнивать СССР с гитлеровской Германией, то окажется, что советские люди ошибались, считая Великую Отечественную войну войной против величайшего мирового зла, против концентрата человеконенавистнических, сатанинских сил. Окажется, что, несмотря на достигнутую кровью миллионов павших Победу, Советский Союз не имел права на статус великой державы, стало быть, не имеет такого права и Россия – правопреемница СССР. Выяснится, что если наша страна ответственна за развязывание войны, то она должна платить по счетам всем, кто ей их предъявит. Эта логика стала частью политической реальности, проявившись в решении Парламентской ассамблеи ОБСЕ, в июле 2009 г. вспомнившей о подписанном 23 августа 1939 г. советско-германском пакте о ненападении для того, чтобы объявить 23 августа «общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма».

Эта логика дает о себе знать и сегодня, в канун празднования 75-летия Победы СССР над гитлеровской Германией. В сентябре 2019 г. Европейский парламент принял резолюцию «Важность европейской памяти для будущего Европы». Следуя уже сложившемуся идеологическому тренду, этот документ возлагает одинаковую ответственность за разжигание Второй мировой войны на нацистскую Германию и Советский Союз, недвусмысленно связывая начало войны с германо-советским пактом о ненападении. По утверждению резолюции ЕП, сопровождавшие пакт секретные протоколы «разделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами», что будто бы и «проложило путь к началу Второй мировой войны»¹.

Резолюция Европарламента, нацеленная на пересмотр оценок и уроков Второй мировой войны, явно противоречит исторической истине. Из текста

¹ Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 02.01.2020).

резолуции следует, что главные цели этого декларативного документа продиктованы отнюдь не заботой об истине, а текущей политической конъюнктурой. Евросоюз переживает немалые трудности, вызванные внутренними диспропорциями и противоречиями. Большинство стран, принятых в Евросоюз на рубеже XX–XXI вв., вошло в систему европейских политических, экономических и финансовых отношений в качестве ведомых, несамостоятельных игроков, нуждающихся в опеке со стороны «старой Европы».

В канун вхождения в ЕС население Болгарии, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии, стран Прибалтики испытывало горячий энтузиазм, вызванный заклинаниями о «возвращении в лоно высокой цивилизации» и ожиданиями резкого повышения качества жизни. Реалии оказались гораздо менее радужными, чем ожидания. Выяснилось, что равноправие «новичков» в отношениях со странами Западной Европы оказалось фикцией, а стандарты «высокой цивилизации» перекрываются массой социальных, демографических, миграционных, ментально-культурных проблем. Энтузиазм «новых европейцев» стал быстро таять, сменяясь нарастающим недовольством. В этой ситуации руководство Европарламента решило усилить риторику о «непреклонной ценности европейского единства». Резолюция ЕП от 19 сентября делает упор на то, что европейская интеграция освободила восточноевропейские страны от «полувекового советского влияния» или «прямой советской оккупации», предоставив им «свободу, суверенитет, достоинство, права человека и социально-экономическое развитие»¹.

«Евроинтеграционная» фразеология носит декларативно-пропагандистский характер и не способна эффективно помочь социально-экономическому развитию стран, пополнивших ЕС после распада Варшавского договора, а затем и Советского Союза. Промышленность многих из этих стран практически разрушена. Деградация социальной сферы ведет к ускоренному сокращению населения. За время участия в евроинтеграции численность населения Восточной Германии снизилась на 10 %, Румынии – на 11 %, Болгарии – на 15 %. Еще более плачевными демографическими показателями обернулось вхождение в объединенную Европу для Литвы и Латвии: после распада СССР литовское население сократилось на 29 %, латвийское – на 31 %.

Странам, получавшим в годы существования СССР дотации на развитие, ныне приходится несладко. В поисках выхода из социально-экономических неурядиц политические элиты этих стран выдвинули «идею» о том, чтобы вернуть прежние дотации под видом «компенсаций» за «жуткое тоталитарное прошлое». Эта «идея» вписана в текст сентябрьской резолюции ЕП, призывающей «запомнить ужасные тоталитарные преступления против прав человека» для того, чтобы «завести дела для передачи в суды»². Подразумевается,

¹ Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 02.01.2020).

² Резолюция Европейского парламента от 19 сентября 2019 года о важности европейской памяти для будущего Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 02.01.2020).

что результатами судебных исков и будет выплата вождя «компенсаций». «Политика европейской памяти» оборачивается мелким политиканством, смешанным с корыстными расчетами. Это означает, что споры вокруг II Мировой войны в ближайшее время отнюдь не завершатся и ставить окончательную точку в них пока рано. Защита правды о прошлом остается актуальной задачей.

Библиографический список

1. *Гареев М. А.* Полководцы Победы и их военное наследие. М.: ИНСАН, 2004. 476 с.
2. *Епифанов А. Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2005. 296 с.
3. *Исаев А. В.* Антисуворов. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 352 с.
4. *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржевский О. А.* Война 1941–1945. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 476 с.
5. Лекции по истории КПСС : Вып. 3 / под общ. ред. Ф. Д. Кретьева и Н. А. Сламихина / Академия общественных наук при ЦК КПСС. Изд. 5-е, дораб. и доп. М.: Мысль, 1978. 572 с.
6. *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. М.: Абрис, 2017. 704 с.
7. *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003.
8. *Ржевская Е. М.* Геббельс: Портрет на фоне дневника. М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2004. 400 с.
9. *Соколов Б. В.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: Родиола-плюс, 2000. 608 с.
10. *Сперанский А. В.* На войне как на войне. Екатеринбург: Сократ, 2015. 406 с.
11. *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М.: АСТ, 1992. 378 с.
12. *Суворов В.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М.: АСТ, 2001. 384 с.
13. Proklamation des Führers an das Deutsche Volk und Note des Auswaertigen Amtes an die Sowjet-Regierung nebst Anlagen // Krieg 1939–1945. Berlin: Motorbuch Verlag, 1991. 252 p.
14. *Topitsch E.* Stalins Krieg: Die sowjetische Langezeitstrategie gegen den West- en als rationale Machtpolitik. Herford: Busse Seewald, 1990. 263 p.

S. V. Rybakov

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of Russian History, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

THE TRUTH ABOUT WORLD WAR II AGAINST THE BACKGROUND OF OLD MYTHS AND NEW FALSIFICATIONS

The paper examines confrontation between historians who defend the truth about World War II and interpreters who substitute various myths and falsifications for the true historical reality. The author pays priority attention to revealing semantic essence of the German-Soviet non-aggression Pact and exposing fabrications about the «preventive nature» of aggression of Nazi Germany against the Soviet Union.

Keywords: World War II, truth about the war, myths and falsifications, German-Soviet non-aggression Pact, Hitler's aggression.

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

Сборник научных статей

Главный редактор д.и.н., академик АВИН А. В. Сперанский

Рекомендовано к изданию

Ученым Советом Института истории и археологии УрО РАН

Ответственный за выпуск: к.и.н. Н. Н. Мельников

Художественное оформление: Е. А. Яныкин

Компьютерная верстка: О. И. Клещев

Корректор: Е. Е. Крамаревская

Подписано в печать 03.08.2020. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная ВХИ. Усл.-печ. л. 21,0. Уч. изд. л. 24.6.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Институт истории и археологии УрО РАН.
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел. (343) 374-53-40
e-mail: iia-history@mail.ru
<http://www.ihist.uran.ru>

ООО Издательство «Сократ»
620075, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, д. 58, оф. 802

Тел. (343) 286-11-15
e-mail: ekb-sokrat@mail.ru
<http://www.idsokrat.ru>